ЗАКОН и ВЛАСТЬ

№6
2025

Учредитель: **ООО «Русайнс»**

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN **2587-831X**
Подписной индекс Роспечати **65001**

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: http://zakonivlast.ru/

Журнал входит в ***Перечень ВАК*** *ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 30.06.2025 *Цена свободная* *Тираж* 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ
Роль и значение концептуальной власти в государственном управлении. Амелин В.Н., Плашенков Д.Д. **4**
Идеологическая мобилизация и политизация эритрейских семей EPLF для социалистической антиколониальной борьбы: исследование семьи Гилазги. Фирре Еримиас Биниам **8**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
Тенденция развития теории международных отношений китайских школ. Гао Цзыцянь **12**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА
Информационная безопасность и психологические операции в межкорейских отношениях на современном этапе. Аршба Б.Б. **17**
Влияние новой политики южного направления Тайваня на экономическую зависимость. Лю Синь **21**
Экономическое присутствие Китая в Африке: драйвер развития или фактор зависимости? Пархитько Н.П., Курбанов М.А. **25**

КОНФЛИКТОЛОГИЯ
Дискурс-анализ произведения Хасана аль-Банны «К свету»: идеологические, риторические и политические аспекты. Маркос Мина Атеф Махер 29

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. ИНСТИТУТЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
Императивное регулирование как инструмент санкционной устойчивости российской нефтегазовой отрасли: опыт 2022–2025 гг. Сахибгареев Э.В. **34**
Проблемы и управление общественными ценностями в эпоху цифрового управления. Сюй Синьюй **41**

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
Обязательная геномная регистрация в России: конфликт эффективности и прав личности. Боярский Р.Н. **47**
Британская империя на рубеже эпох: социально-политические трансформации конца XVIII века. Новоселова О.А. **52**

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Риски контрактных закупок при способах выбора поставщика. Агабекян С.Р., Белобородов М.В. **57**
Гражданско-правовые и организационные проблемы реорганизации юридических лиц. Бирюков А.Л. **61**
Гражданско-правовая защита товарного знака: проблемы реализации и пути совершенствования. Гумбатов Т.И. **69**
Применение статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации к договорным штрафам в электронной коммерции. Иванников И.А. **72**
Правовое регулирование искусственного интеллекта в Китае. Касихин Л.В. 77
Понятие и правовая природа договора энергоснабжения. Левкин П.Н. **82**
Совершенствование механизма правового регулирования договора энергоснабжения. Луговой Е.А., Куровский С.В. **88**
Механизм правового регулирования договорных имущественных отношений членов семьи. Мишкилеев С.В. **92**
Способы лицензирования программного обеспечения в Российской Федерации. Мусаев И.С. **96**
Лицензирование открытого программного обеспечения в России и за рубежом. Мусаев И.С. **100**
От картины к токену: трансформация авторского наследства в цифровом праве. Науменко Л.В. **104**
Общее понятие криптовалют и их правовой статус в налоговом законодательстве РФ. Озерова А.А. **108**

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Нелегальная медицинская деятельность: особенности правоприменительной практики. Дмитренок В.И. **114**
Институт досудебного урегулирования споров в системе налогового мониторинга: перспективы нормативного совершенствования. Лексин Е.А. **119**
Кассационное производство в рамках арбитражного судопроизводства: проблематика на современном этапе, перспективы развития. Мурадов И.Э., Ефимова В.В. **124**
Зарубежный опыт правового регулирования судебной защиты экологических прав граждан. Письменская Е.И. **130**
Невозможность прекращения обязательств из-за законодательных ограничений. Чупраков А.А. **135**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
Рассуждение об использовании квадрокоптера с искусственным интеллектом при осмотре места происшествия, заменяя роль участия понятых на примере незаконной вырубки лесных насаждений. Горошко О.Е. **139**
Проблема морального характера при осуществлении вербальных следственных действий. Пономарев Е.А. **143**

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Применение технологий искусственного интеллекта для выявления и противодействия сетевым атакам. Клочкова Е.Н., Пименова О.В. **147**

Contents

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES
The role and importance of conceptual power in public administration. Amelin V.N., Plashenkov D.D. 4
Ideological mobilization and politicization of Eritrean EPLF families for socialist anti-colonial struggle: a study of the Gilazgi family. Firre Erimias Biniam 8

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT
The trend of development of the theory of international relations of Chinese schools. Gao Ziqian **12**

POLITICAL REGIONALISTICS. ETHNOPOLITICS
Information security and psychological operations in inter-Korean relations at the present stage. Arshba B.B. **17**
The influence of Taiwan's new southern policy on economic dependence. Liu Xin **21**
China's Economic Presence in Africa: Development Driver or Dependency Factor? Parkhitko N.P., Kurbanov M.A. **25**

CONFLICT STUDIES
Discourse Analysis of Hasan al-Banna's "Towards the Light": Ideological, Rhetorical and Political Aspects. Marcos Mina Atef Maher **29**

DEVELOPMENT OF POLITICAL PROCESSES. INSTITUTIONS, FORMS AND MECHANISMS OF POLITICAL MANAGEMENT
Imperative Regulation as a Tool for Sanction Resistance of the Russian Oil and Gas Industry: Experience of 2022–2025. Sakhibgareev E.V. **34**
Problems and Management of Public Values in the Era of Digital Management. Xu Xinyu **41**

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY
Mandatory genomic registration in Russia: the conflict of efficiency and individual rights. Boyarsky R.N. **47**
The British Empire at the turn of eras: socio-political transformations of the late 18th century. Novoselova O.A. **52**

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES
Risks of contract procurement in methods of selecting a supplier. Agabekyan S.R., Beloborodov M.V. **57**
Civil and organizational problems of reorganization of legal entities. Biryukov A.L. **61**
Civil protection of a trademark: problems of implementation and ways of improvement. Gumbatov T.I. **69**
Application of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation to Contractual Fines in E-Commerce. Ivannikov I.A. **72**
Legal Regulation of Artificial Intelligence in China. Kasikhin L.V. **77**
The Concept and Legal Nature of an Energy Supply Agreement. Levkin P.N. **82**
Improving the Mechanism of Legal Regulation of an Energy Supply Agreement. Lugovoy E.A., Kurovsky S.V. **88**
The Mechanism of Legal Regulation of Contractual Property Relations of Family Members. Mishkileev S.V. **92**
Methods of Software Licensing in the Russian Federation. Musaev I.S. **96**
Licensing of Open Source Software in Russia and Abroad. Musaev I.S. **100**
From Painting to Token: Transformation of Copyright Heritage in Digital Law. Naumenko L.V. **104**
General Concept of Cryptocurrencies and Their Legal Status in the Tax Legislation of the Russian Federation. Ozerova A.A. **108**

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES
Illegal medical activities: features of law enforcement practice. Dmitrenok V.I. **114**
Institute of pre-trial dispute resolution in the tax monitoring system: prospects for regulatory improvement. Leksin E.A. **119**
Cassation proceedings within the framework of arbitration proceedings: problems at the present stage, development prospects. Muradov I.E., Efimova V.V. **124**
Foreign experience of legal regulation of judicial protection of environmental rights of citizens. Pismenskaya E.I. **130**
Impossibility of termination of obligations due to legislative restrictions. Chuprakov A.A. **135**

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL EXECUTIVE LAW
Discussion on the use of a quadcopter with artificial intelligence during the inspection of the crime scene, replacing the role of witnesses using the example of illegal logging of forests. Goroshko O.E. **139**
The problem of a moral nature in the implementation of verbal investigative actions. Ponomarev E.A. **143**

CRIMINALISTICS. FORENSIC ACTIVITIES. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES
Application of artificial intelligence technologies to detect and counter network attacks. Klochkova E.N., Pimenova O.V. **147**

Роль и значение концептуальной власти в государственном управлении

Амелин Владимир Николаевич
к.ф.н., доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, amelin-vn@rudn.ru

Плашенков Даниил Дмитриевич
Магистрант, кафедра сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Plashenkovdaniil@gmail.com

В статье рассматривается концепция концептуальной власти как ключевого элемента государственного управления. Концептуальная власть определяется как неформальная, но высокоэффективная форма влияния, основанная на способности отдельных индивидов или групп формулировать системообразующие идеи, задающие долгосрочное развитие общества. Авторы подчеркивают, что такая власть формирует «программный код» цивилизационного проекта, проникая в культуру, образование, науку и право. Особое внимание уделено функциям концептуальной власти: целеполаганию, институциональному настраиванию и регулированию поведения граждан. Отмечается ее роль в обеспечении суверенитета, политической устойчивости и конкурентоспособности государства. В то же время рассматриваются критические аспекты: закрытость концептуальных центров, риск догматизма и вопросы легитимности. Работа демонстрирует значение концептуальной власти для гармоничного развития общества и эффективного государственного управления.
Ключевые слова: управление, государство, власть, концепция, государственное управление.

Введение:

Пренебрежение пониманием законов, по которым формируются и распространяются мировоззренческие установки, чревато утратой культурной самобытности, падением национального самосознания и даже угрозой утраты суверенитета. В-третьих, в существующей организации государственной власти выявляются системные изъяны: номинальное разделение конституционных ветвей, слабая независимость денежно-кредитного блока, дефицит механизмов, закрепляющих и защищающих общенациональные стратегические приоритеты.

Изучение концептуальной власти вносит вклад в социальную философию, восполняет пробел в малоисследованной области современных надгосударственных властных отношений и социального управления.

И наконец, именно концептуальная власть – власть «смысла», «идейного каркаса» – способна обеспечить интеграцию и координацию всех ресурсов и институтов, задействованных в управлении, тем самым устранив названные недостатки. Осознание и институционализация этой власти создают методологическую базу для гармоничного развития общества, укрепляют управленческую вертикаль, формируют устойчивость политической системы и поддерживают конкурентоспособность государства в мировом пространстве.

Результаты исследований и их обсуждение:

Концептуальная власть – это неформальная, но предельно действенная форма влияния, в основе которой лежит способность немногих формулировать системообразующие идеи, задающие долгосрочный вектор развития общества. Такие идеи выступают своеобразным «программным кодом» цивилизационного проекта: они проникают в культуру, политику, экономику, встраиваются в воспитательные практики, образовательные стандарты, правовые конструкции. В результате создаётся устойчивый поток социально-культурных процессов, охватывающих не одно поколение. Люди, стоящие у истоков этой ментальной архитектуры, управляют не столько институтами, сколько смыслом, определяющим работу самих институтов. Иными словами, пусть они редко оказываются в центре официальной

иерархии, именно их мировоззренческие конструкции формируют рамки допустимого, желательного и обязательного для миллионов[1].

С позиции социологических и политических исследований можно говорить о двух взаимосвязанных срезах такой власти. С одной стороны, существует «господство концепции» – сам набор идей, моделей и ценностных позиций, которые общество принимает как должное. С другой – «господство носителей концепции»: это люди, сумевшие осознать целостность разработанного проекта, перевести его в язык стратегий, норм, символов и тем самым запустить механизм его самовоспроизводства. Причём первые создатели нередко уходят в тень, тогда как их интеллектуальное наследие продолжает жить, приобретая новые формы и адаптируясь к изменяющимся условиям. Поэтому феномен концептуальной власти трудно свести к обычному лидерству; речь идёт о распределённом механизме управления будущим, где ключевой ресурс – это знание о том, «каким должно быть общество» и «как заражать этой картиной миром» остальных.

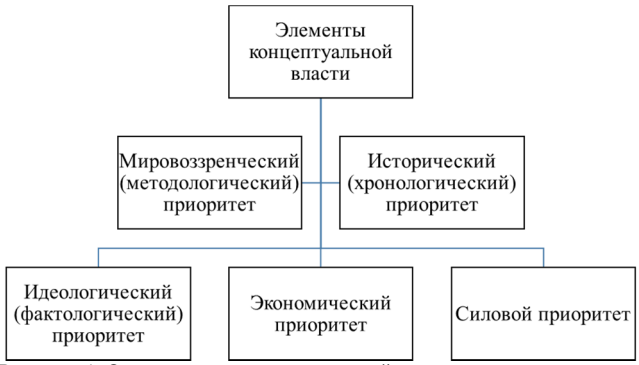

Рисунок 1. Элементы концептуальной власти

Концептуальная власть проявляется тонко: через образовательные программы, через художественные нарративы, через научные парадигмы, через подбор «правильных» вопросов в публичной дискуссии. Она задаёт темп историческим реформам и даже то, какие события признаются значимыми. Осознать её существование – значит заметить невидимую руку, регулирующую направление коллективного мышления. Именно поэтому борьба за контроль над концепцией – едва ли не более ожесточённая, чем состязание за экономические ресурсы или государственные посты: выигрывая в «концептуальной плоскости», можно определить правила игры для всего остального.

Концептуальная власть проявляется в умении формировать картину мира, определять направление общественного развития и задавать рамки допустимого. В разные эпохи её носители менялись, но суть влияния оставалась прежней – управлять не столько людьми и территориями, сколько представлениями о должном и возможном. Так, в XVII–XVIII веках функции интеллектуального центра брали на себя академии наук. Лондонское королевское общество, основанное в 1660 году, не ограничивалось лабораторными экспериментами: учёные регулярно направляли монарху записки с предложениями реформировать хозяйство и морскую навигацию. Через несколько лет по примеру Англии кардинальное обновление государственной мысли началось во Франции; учреждённая в 1666 году Академия наук обеспечила Людовику XIV научное обоснование грандиозных инфраструктурных проектов. В России аналогичную роль стала играть Петербургская академия 1724 года: её рекомендации определяли практику горного дела, кораблестроения и даже школьного образования, а значит – саму траекторию модернизации империи[2].

Задолго до этого, уже в XIII–XIV веках, университеты Европы превратились из центров богословских споров в площадки, где вырабатывались принципы светского права. Болонский, Парижский, Оксфордский и другие университеты начали подменять традиционные сюжеты власти новым типом аргумента – рациональной дискуссией, тем самым навязывая властям необходимость считаться с учёной корпорацией.

Однако до появления светской науки монополию на интерпретацию мироустройства удерживали служители культа. Шаманы племенных союзов, жрецы древних цивилизаций, священники средневековой Европы определяли не только ритуал, но и политические решения, от утверждения походов до распределения земель. Религиозная концептуальная власть сохранилась и в XXI веке: высшая государственная должность в Иране принадлежит «владыке-богослову», чьи фетвы способны отменить или подтвердить решения президента и парламента[3].

Особую форму концептуального влияния проявляли державы-гегемоны. Римская юриспруденция пережила саму империю и легла в основу континентального права; Арабский Халифат распространил не только ислам, но и математическое наследие античности; военное наследие монголов изменило тактику степных и оседлых народов Евразии. Позднее Испания через католические миссии формировала идентичность Латинской Америки, Голландия – принципы свободной торговли, Британия – идею парламентской монархии, а Соединённые Штаты – культуру индивидуализма и цифровой сетевой демократии. Во всех случаях решающим оказывался не меч или флот, а умение закрепить собственный образ мира как единственно естественный.

[1] Сморгунов Л.В. Государственная политика и управление. – Санкт-Петербург: ЮРАЙТ, 2018. – 35 с.

[2] Долгих У.О. GoodGovernance. – Альтернативный путь государственного управления // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2017. – № 6. – С. 23-2

[3] Пашкова Е. Ю., Мухачева И. А. Концепции государственного управления "newpublicmanagement" и "goodgovernance" и их неизбежная трансформация // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. 2020. №17. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-gosudarstvennogo-upravleniya-newpublicmanagement-i-goodgovernance-i-ih-neizbezhnaya-transformatsiya (дата обращения: 18.06.2025).

Концептуальная власть, представляющая собой особый пласт символического и мировоззренческого влияния, задаёт общий вектор государственного управления. Прежде всего она выявляет совокупность внутренних процессов и внешних вызовов, определяет их приоритетность, а затем на основе полученного анализа конструирует идеологическую рамку, в которой формируются стратегия и долгосрочные цели развития страны. Разработанная таким образом концепция функционирует как своего рода «операционная система» для политических институтов: она задаёт параметры, в которых должны действовать правительство, парламентарии, региональные элиты и иные участники публичной политики.

Далее начинается более тонкая работа — настройка общественной жизни. Интеллектуально-нормативный центр через образование, медийную сферу, культурные проекты и социальные практики транслирует гражданам заданные смыслы, создавая атмосферу, способствующую реализации избранной модели будущего. При этом формируется единая картина желаемых достижений, от экономического роста до социальных гарантий, благодаря чему большинство граждан начинает воспринимать обозначенные ориентиры как собственные[4].

Не менее значима и поведенческая составляющая. Проникая в ценностно-нормативное поле, концептуальная власть побуждает людей к определённым действиям — будь то участие в выборах, поддержка реформ или волонтёрские инициативы. Одновременно подобный механизм позволяет сглаживать или вовсе предупреждать протестный потенциал: если желательная модель поведения укоренена в массовом сознании, несогласие с ней оказывается маргинализированным ещё на ранних стадиях.

На международном уровне наличие собственной концептуальной платформы часто рассматривается как фактор суверенитета. Стратегия, выстроенная внутри страны и опирающаяся на её уникальные культурно-исторические основания, повышает стойкость государства перед глобальными рисками, усиливает переговорные позиции и делает национальную политику более предсказуемой для партнёров.

Однако следует помнить, что сама идея концептуальной власти остаётся дискуссионной. Её границы, инструменты и эффективность пока не получили однозначного академического подтверждения: существующие эмпирические данные интерпретируются по-разному, а критики указывают на трудность отделить реальное влияние от совпадения интересов различных элит. В итоге вопрос о том, насколько подобный уровень власти действительно регулирует государственное управление, остаётся открытым и требует дальнейшего научного исследования.

Концептуальная власть представляет собой невидимый, но чрезвычайно действенный слой управления, который предшествует как политическим решениям, так и формальным нормативным актам. Именно здесь, в пространстве идей, рождаются устремления общества на поколения вперёд: каким должен быть человек, какими ценностями он будет руководствоваться, как станут взаимодействовать государственные институты и граждане. Обладая способностью формировать мировоззрение, концептуальная власть практически задаёт «раму» для всех прочих уровней власти, — от законодательной до судебной, — потому что определяет, какие цели вообще считаются желательными и заслуживают поддержки[5].

Её значимость прежде всего заключается в проектировании образа будущего. Ни один крупный общественный курс не возникает сам собой: сначала создаётся каркас идей, в который впоследствии вписываются политические программы, экономические планы и даже культурная политика. Внедряя этот каркас в массовое сознание с помощью образования, средств коммуникации и символической политики, концептуальная власть практически «перепрошивает» коллективное представление о норме и об отклонении, тем самым стимулируя нужные типы поведения и закрепляя их институционально. Кроме того, обладание собственной, самостоятельной системой идей выступает фактором суверенитета: государство, обладающее чётким концептуальным ядром, легче отражает внешние цивилизационные вызовы и сопротивляется чужим сценариям.

К базовым функциям такой власти относится целеполагание. Определив, к какому образу будущего социума стремится, она предначерчивает вектор развития либо, напротив, допускает деградационные траектории. Следующий уровень — настройка институтов на осуществление избранной концепции. Образовательные стандарты, показатели эффективности для управленцев, система мотиваций в корпорациях или государственной службе — всё это «шестерёнки» единого механизма, рассчитанного на воплощение исходной идеи. Наконец, концептуальная власть напрямую воздействует на поведение людей: одни модели действий оказываются символически награждены и тем самым превращаются в социальную моду, другие маргинализируются[6].

Характер действия такого механизма хорошо иллюстрируется в управлении изменениями корпоративного масштаба. Руководство компании нередко формирует «легенду» о прошлых успехах или о миссии фирмы, чтобы под этой легендой объяснить грядущие реформы. Сотрудники, разделив предложенный нарратив, воспринимают реорганизацию не как угрозу, а как логичный шаг к воплощению общей

[4] Хайров А. Д. К вопросу о понятии государственного управления // Евразийская адвокатура. 2023. №1 (60). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-gosudarstvennogo-upravleniya (дата обращения: 18.06.2025).

[5] Россинский Б. В. Административно-правовые аспекты государственного управления в России. Систем- ные подходы. М. : Норма, 2020. 168 с.

[6] Россинский Б. В. Система публичной власти и интеграция кибернетических и синергетических подходов в государственном управлении // Lex russica. 2022. Т. 75. № 7 (188). С. 28–39

мечты. Похожим образом работает и наднациональная концептуальная власть: религиозные доктрины или транснациональные идеологии задают единый ценностный код для разных народов, чем серьёзно влияют на их внешнюю и внутреннюю политику.

Однако подобная власть подвержена критике. Главный упрёк — отсутствие прозрачного механизма проверки истинности или, по крайней мере, состоятельности продвигаемых идей. В результате концепции нередко утверждаются волюнтаристски, обретают статус догм и продолжают действовать даже после того, как их эмпирическая база устарела. Второй аспект дискуссии касается закрытого характера концептуальных центров. Они редко афишируют своё присутствие, предпочитая оставаться за кадром и миновать демократические процедуры. Отсюда вырастают вопросы о легитимности: насколько «тень идей» соответствует интересам большинства и не превращается ли она в инструмент узкогрупповой выгоды?

Тем не менее полностью устранить концептуальную власть невозможно: пока существуют общества, будут существовать и силы, задающие направление их развития. Другое дело, насколько эти силы открыты для общественной экспертизы и пересмотра. Чем более публичным и подотчётным становится дискурс, тем выше вероятность, что стратегические цели, рождённые в идеологическом «центре», действительно послужат общему благу и гибко отреагируют на новые вызовы времени.

Литература

1. Долгих У.О. GoodGovernance. – Альтернативный путь государственного управления // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2017. – № 6. – С. 23-2

2. Пашкова Е.Ю., Мухачева И.А. Концепции государственного управления "newpublicmanagement" и "goodgovernance" и их неизбежная трансформациЯ // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. 2020. №17. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-gosudarstvennogo-upravleniya-newpublicmanagement-i-goodgovernance-i-ih-neizbezhnaya-transformatsiya (дата обращения: 18.06.2025).

3. Россинский Б. В. Административно-правовые аспекты государственного управления в России. Систем- ные подходы. М. : Норма, 2020. 168 с.

4. Россинский Б. В. Система публичной власти и интеграция кибернетических и синергетических подходов в государственном управлении // Lex russica. 2022. Т. 75. № 7 (188). С. 28–39

5. Сморгунов Л.В. Государственная политика и управление. – Санкт-Петербург: ЮРАЙТ, 2018. – 35 с.

6. Хайров А. Д. К вопросу о понятии государственного управления // Евразийская адвокатура. 2023. №1 (60). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-gosudarstvennogo-upravleniya (дата обращения: 18.06.2025).

The Role and Significance of Conceptual Power in Public Administration

Amelin V.N., Plashenkov D.D.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article examines the concept of conceptual power as a key element of public administration. Conceptual power is defined as an informal but highly effective form of influence based on the ability of individuals or groups to formulate system-forming ideas that determine the long-term development of society. The authors emphasize that such power forms the “program code” of the civilizational project, penetrating culture, education, science and law. Particular attention is paid to the functions of conceptual power: goal-setting, institutional tuning and regulation of citizens' behavior. Its role in ensuring sovereignty, political stability and competitiveness of the state is noted. At the same time, critical aspects are considered: the closed nature of conceptual centers, the risk of dogmatism and issues of legitimacy. The work demonstrates the importance of conceptual power for the harmonious development of society and effective public administration.

Keywords: management, state, power, concept, public administration.

References

1. Dolgikh U.O. GoodGovernance. - An Alternative Path of Public Administration // Science. Thought: Electronic Periodical Journal. - 2017. - No. 6. - P. 23-2

2. Pashkova E.Yu., Mukhacheva I.A. The concepts of public administration "newpublicmanagement" and "goodgovernance" and their inevitable transformation // Scientific notes of the Altai branch of the Russian Presidential Academy of National Economy. 2020. No. 17. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-gosudarstvennogo-upravleniya-newpublicmanagement-i-goodgovernance-i-ih-neizbezhnaya-transformatsiya (date of access: 18.06.2025).

3. Rossinsky B. V. Administrative and legal aspects of public administration in Russia. Systemic approaches. Moscow: Norma, 2020. 168 p.

4. Rossinsky B. V. The system of public authority and the integration of cybernetic and synergetic approaches in public administration // Lex russica. 2022. Vol. 75. No. 7 (188). Pp. 28–39

5. Smorgunov L. V. Public policy and administration. - St. Petersburg: YURAIT, 2018. - 35 p.

6. Khairov A. D. On the issue of the concept of public administration // Eurasian Advocacy. 2023. No. 1 (60). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-gosudarstvennogo-upravleniya (date of access: 18.06.2025).

Идеологическая мобилизация и политизация эритрейских семей EPLF для социалистической антиколониальной борьбы: исследование семьи Гилазги

Фирре Еримиас Биниам
аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, ermiexsosw@gmail.com

Фронт освобождения народа Эритреи (EPLF) эффективно мобилизовал эритрейские семьи для социалистической антиколониальной борьбы, используя идеологическую подготовку и скрытые тактики для обеспечения широкой поддержки. В этом исследовании изучается роль семьи Гилазги в войне за независимость Эритреи с целью подчеркнуть их вклад и стратегии массовой мобилизации EPLF. Используя качественный подход к изучению случаев, данные были собраны в ходе углубленного личного интервью с членами семьи Гилазги, проведенного в течение двух дней в декабре 2024 года в Асмэре. Основные результаты раскрывают двойную роль семьи в тайных операциях и политизации общества, их использование стратегического обмана и их устойчивость под пристальным вниманием противника, примером чего служат специальные военные операции в Целоте и аэропорту Асмэры. В исследовании подчеркивается важнейшая роль семей в поддержании революции посредством доверия и идеологической приверженности. Рекомендуются дальнейшие исследования для изучения опыта других семей, чтобы углубить понимание коллективного вклада в освобождение Эритреи.
Ключевые слова: EPLF, семья Гилазги, социалистический антиколониализм, идеологическая мобилизация, массовая организация

Introduction.

The Eritrean People's Liberation Front (EPLF) played a pivotal role in Eritrea's war of independence through its strategic use of political technologies and tactics to mobilize, politicize, and arm the masses [Pool, 2001]. By disseminating Marxist-oriented national democratic values such as egalitarianism, self-determination, freedom from oppression, distributive justice, and gender equality—through radio broadcasts, brochures, magazines, public seminars, and cultural performances, the EPLF cultivated widespread support across diverse socio-economic, ethnic, and religio-cultural groups [Iyob, 1995]. Notably, EPLF's awareness-raising efforts extended beyond its recruits, targeting enemy soldiers as well by communicating in their own language and advising them to stop the indiscriminate killing of Eritrean nationals, and calling them to stand for a legitimate objective [Firebrace, Holland, 1984].

The synergy between the EPLF and the Eritrean people, characterized by shared commitment and political maturity, enabled the defeat of Ethiopia's Derg, Africa's largest military force at the time, despite its backing by Eastern and Western powers [Cliffe, Davidson, 1988]. This genuine story of the Ghilazghi family exemplifies how the EPLF's mobilization tactics penetrated communities, politicized families, and integrated them into the revolutionary struggle against colonial domination [Wrong, 2005].

Building on this narrative, the primary factor behind the sustained mass mobilization and wide-ranging participation in the revolution was the EPLF's capacity to provide practical and tailored ideological training and political education, designed to resonate with diverse background of its recruits [Markakis, 1988]. Key themes like the history of societies—primordial to post-industrial, the history of international revolutionary movements, Marxism and Marxian dialectics, socialism Zionism, imperialism, capitalism and so forth enhanced the political consciousness of Eritrean nationals [Connell, 2019]. As a matter of fact, a deeply divided society during the British Military Administration (BMA) and subsequent Ethiopian hegemony, began to be driven by a sense of solidarity, unitary political culture and common purpose in the fight against colonialism, colonial oppression and colonial ideology [Müller, 2006]. With the EPLF's strong conviction in the critical role of families in the overall success of the revolution, the primary task from the outset was ideological conscientization and politicization of the bare life of Eritrean families [Agamben, 2002].

Materials and Methods.

This study utilized a qualitative case study approach, centered on an in-depth, face-to-face interview

[Creswell, 2009] with a member of the Ghilazghi family, a key participant in Eritrea's War of Independence. Conducted over two days beginning December 18, 2024, at their home in Asmara, the interview was held in a familiar setting to ensure comfort and responsiveness. An unstructured format allowed flexible questioning, adapting to the conversation's flow [Merriam, Tisdell, 2016], which enabled the Ghilazghi family members to share their experiences freely and in detail. Ethical protocols were followed, with the Ghilazghi family member receiving and signing a consent form outlining the study's purpose, data use, and their rights, including the option to withdraw. The private, uninterrupted setting ensured the integrity of the shared information.

The interview process employed active listening and probing questions to elicit comprehensive accounts, with follow-up questions used to clarify complex points [Rubin, Rubin, 2011]. With the Ghilazghi family members' consent, an audio recorder captured the discussions, allowing the researcher to focus on the dialogue while preserving accuracy. The three-day duration provided ample time to explore significant themes and revisit key details. Thematic analysis of the data focused on identifying recurring narratives and patterns [Konstantinos, 2024], shedding light on the Ghilazghi family's role, challenges, and contributions to the struggle for national independence. By prioritizing their perspective, this study aims to document lesser-known histories and highlight the critical role of families in Eritrea's liberation movement.

Origins of the Ghilazghi Family's Involvement.

The Ghilazghi family's revolutionary journey began in the 1970s in Tselot, a strategically located village near Asmara, Eritrea's capital, serving as a corridor between enemy garrisons and EPLF bases in the Sahel hinterlands. Memhir Mihreteab, a teacher at the then Swedish-run elementary school in Tselot, was among the first to engage in dialogue with EPLF freedom fighters who had split from the Eritrean Liberation Front (ELF). Guided by Isaias Afewerki, now Eritrea's president, and his comrades, Mihreteab was introduced to the revolution's objectives and the critical role of mass organizations. His dedication and political maturity enabled him to politicize and organize teachers and community members from both rural and urban areas, laying the groundwork for the EPLF's influence in Tselot.

Memhir Mihreteab's Covert Operations and Escape.

Mihreteab's revolutionary activities were not without risk. Detected by enemy forces, he was arrested but refused to disclose an iota of information about the struggle, its organizers, or his comrades. To evade capture, he devised a daring escape plan. Convincing his captors—Eritrean defectors known as Comandis who served the enemy that he needed to retrieve a pistol and EPLF materials from his home in Tselot, he was escorted to the village. Leveraging Tselot's rugged terrain, he fled toward a deep cliff near his traditional Eritrean hudmo, evading a barrage of bullets from his pursuers. His escape marked a turning point, allowing him to continue covert missions, often disguised as a farmer carrying ploughing tools, a shepherd tending flocks, a trader conducting business, or a passerby blending into crowds to evade enemy scrutiny. His wife, a teacher and mass organization member, actively supported his covert missions, reflecting the family's shared dedication to the revolutionary cause.

EPLF's Mobilization Tactics in Tselot.

Tselot's proximity to Asmara made it a focal point for EPLF operations. From 1974–1975, the Popular Liberation Forces (PLF), later the EPLF, intensified infiltration and mobilization campaigns to embed revolutionary ideals within the community. These campaigns persisted despite turbulent periods, such as in 1975, when enemy control tightened. The EPLF employed meticulous organizational tactics, forming cells of 5–7 individuals, groups of three cells, and teams of three groups. Cell members knew only each other, while group and team leaders maintained broader oversight, a structure designed to minimize information leaks if members were captured. This tactic, inspired by the Eritrean Liberation Movement's (ELM) secret cells in the 1950s, proved effective in maintaining operational security.

The Ghilazghi Family as a Revolutionary Unit.

At the heart of the EPLF's strategy was the politicization of families, which served as safe havens for sheltering secret mission combatants, and for hiding ammunitions, magazines, and revolutionary documents. The Ghilazghi family exemplified this approach. Tekeste Ghilazghi, a key figure in this case study, described the recruitment process as deliberate and thorough. Potential conscripts were assessed for their behavior, commitment to the EPLF, and ability to maintain secrecy under pressure and potential capture. Families like the Ghilazghi's were weaponized against enemy intentions, with members like Tekeste and his father acting as double agents—outwardly loyal to the enemy while covertly serving the EPLF. This duality earned them trust from enemy forces, reducing surveillance and enabling them to gather intelligence vital for EPLF's military advancements and revolutionary plans.

To further evade detection, family members participated in enemy-organized activities, such as cultural shows and community events, presenting themselves as loyal villagers, students, or traders. Camouflaging their revolutionary ties, they mourned enemy losses and feigned allegiance, a tactic that preserved their cover even as enemy presence in Tselot intensified with the establishment of a permanent base in 1978-1979 following the strategic evacuation of the EPLF from liberated areas.

Challenges and Resilience Amid Enemy Scrutiny.

As stated above, by 1978–1979, following the EPLF's strategic withdrawal from liberated areas, enemy forces intensified control over Tselot, dismantling associations such as the *'qebelie'*—the

Derg's administrative modus operandi of Eritrean communities at the time and accusing villagers of collaborating with the EPLF. In one critical incident, enemy soldiers held hostage Tselot's residents, alleging they had robbed a public shop storing ploughing materials and other equipment planned to be distributed among the villagers. An elderly villager in his 80s at the time, and a father of three EPLF fighters, aboy Sereke Mengistu defused the situation with a politically smart response, questioning the logic of accusing tightly guarded villagers and invoking the EPLF's reputation to shift blame. His intervention deterred a potential massacre of Tselot's residents, embodying the political awareness instilled by the EPLF's mobilization efforts even among the elders. Reciting his bold speech and indisputable justification for the incident, the soldiers declared in Amharic, Ethiopia's language, *'unetu nəw sewyew—the man is truthful*.'

Tekeste and his comrades faced additional challenges after receiving military training in 1979 at Medhanit Semienawi Bahri. Beyond politicizing and recruiting, they engaged in direct military actions, such as hiding and transporting explosives to target enemy trucks during nighttime operations. Despite the risks of detection, capture, and torture, their dedication remained steadfast, bolstered by the absence of defectors from Tselot, which ensured operational secrecy. More so, Mass organization members prioritized revolutionary goals over family ties, vowing to eliminate even defecting relatives, and used religious sites for covert tasks to evade enemy detection, though mistakes in their secret operations left them vulnerable to surveillance. Tekeste recalls that while playing football with Ethiopian soldiers, their parents feigned ignorance, but the soldiers tactfully checked for weapons or probed about missing players, calling the EPLF "bandits."

Strategic Deception and Sacrifice.

The EPLF's leadership, including figures like Weldekiel Abraha, head of the EPLF's public department, emphasized the importance of operatives remaining embedded within enemy lines. When Tekeste and others proposed joining EPLF field units to avoid capture, they were instructed to stay, gather intelligence, and prevent defections. This directive, though perilous, enabled EPLF's operatives to mislead the enemy, as seen when Tselot's residents used pass cards to move freely, creating a false perception of collaboration that confused even neighboring villages but enabled revolutionary activities to advance.

In the midst of such perilous circumstances, despite the Ghilazghi's and other families' commitment, the threat of capture and incarceration appeared large due to defections by some Eritreans who, disillusioned with the revolution or lured by enemy promises of rewards betrayed the cause. In spite of the slim chances of escape in such situations, Tekeste and his comrades had to remain steadfast, and willingly carry out their covert revolutionary missions. As residents of villages near the capital, allowing Tekeste and his comrades to join EPLF's field units would have disrupted the front's political and military operations. Accordingly, the EPLF wanted them to remain embedded within enemy bases, undertaking high-risk covert missions that were strategically vital to the revolutionary cause. Their presence in such dangerous circumstances was not optional but a critical duty, compelling them to face numerous challenges.

The Asmara Manifesto.

In January 1982, the Derg's commander-in-chief issued a threatening manifesto, urging Eritrean families to recall their children from the revolutionary front or face destruction. The following month, the Derg launched the Sixth Offensive, a large-scale military campaign, forcing the EPLF to evacuate toward its northern bases. In response, the EPLF planned a counterstrike on a military garrison in Tselot, a village near Asmara, to demonstrate its resilience and proximity to enemy strongholds. Tekeste Ghilazghi and his comrades conducted detailed surveillance of the garrison, relying on families and village communities as trusted sanctuaries to shield freedom fighters from imminent threats.

The EPLF's operation targeted two enemy bases in Tselot—Adi-Chirum and Kulu-Ijen. Tekeste, his wife's brother, alongside another comrade, Asmelash led special operation teams, supported by over 300 young adults from the southern region, delegated to carry heavy explosives, named *bomba-grad*. This broad participation underscored the deep involvement of Eritrean communities across generations in the struggle for national independence. The successful attack disrupted enemy operations and reinforced the EPLF's presence, proving it had not entirely retreated to its remote bases as the Derg assumed.

Members of the Ghilazghi family, like many Eritreans, balanced dual roles: conducting covert military investigations within enemy bases while simultaneously politicizing and organizing communities. Tekeste's father served as an armed guard for the enemy while secretly supporting the EPLF as a mass organization member. This duality allowed him to protect revolutionary operatives, including his son, from detection. Such strategic deception was critical, as family homes, like that of the Ghilazghi's, provided safe havens for storing weapons and sheltering fighters, embedding the revolution within the fabric of community life.

In May, 1984, Tekeste and three comrades were tasked with gathering intelligence for a daring commando operation at Asmara Airport. Their surveillance focused on enemy troop numbers, ammunition types, base layout, aircraft locations, and fuel depots. Tekeste's father played a crucial role, guarding the operatives from outside, while his wife, Kedes, facilitated the mission by offering food and their family home as a shelter for paratroopers. The operation relied on covert communication, using coded language and pseudonyms, such as pet names for EPLF agents, to evade enemy detection. The meticulously planned 18-minute preemptive strike destroyed 33 enemy fighter jets, delivering a significant blow to the Derg's military capacity.

The success of the 1984 operation revealed the depth of public support for the EPLF. When Derg commanders visited nearby villages, they were astonished to witness civilians and freedom fighters embracing in celebration, challenging their assumption that soldiers were broadly disliked. This unity highlighted the Eritrean struggle's unique character as a mass-supported revolution, distinct from isolated military campaigns. Tekeste emphasized that the Ghilazghi family's story mirrored that of countless Eritrean families, with eight of his own relatives prepared to sacrifice their lives, even under direct enemy scrutiny.

In summary, the Ghilazghi family's contributions—from covert surveillance and dual roles to providing shelter and participating in high-stakes operations—illustrate the EPLF's success in mobilizing families as integral units of the socialist anti-colonial struggle. Their efforts, rooted in community trust and ideological commitment, helped secure Eritrea's path to independence, demonstrating the power of a united populace in achieving a lasting, independent state. The primary factor behind the sustained mass mobilization and wide-ranging participation in the revolution was the EPLF's capacity to provide practical and tailored ideological training and political education, designed to resonate with diverse background of its recruits.

Conclusion.

Finally, one can see that the Ghilazghi family's story reflects the broader Eritrean masses' commitment to the socialist anti-colonial struggle. Their sacrifices—operating defenseless within enemy territory, enduring constant surveillance, and risking capture—highlight the EPLF's success in transforming families into politically aware, militarily capable units. Through ideological training, strategic deception, and covert operations, the Ghilazghi family and others like them were instrumental in securing Eritrea's independence, demonstrating the power of collective mobilization in the face of overwhelming odds.

The EPLF's Ideological Mobilization and Politicization of Eritrean Families for a Socialist Anti-colonial Struggle: A Case Study of the Ghilazghi Family

Firre Erimias Biniam
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The Eritrean People's Liberation Front (EPLF) effectively mobilized Eritrean families for the socialist anti-colonial struggle, utilizing ideological training and covert tactics to secure widespread support. This study examines the Ghilazghi family's role in Eritrea's War of Independence, aiming to highlight their contributions and the EPLF's mass mobilization strategies. Using a qualitative case study approach, data were gathered through an in-depth, face-to-face interview with the Ghilazghi family members, conducted over two days in December 2024 in Asmara. Key findings reveal the family's dual roles in covert operations and community politicization, their use of strategic deception, and their resilience under enemy scrutiny, exemplified by special military operations in Tselot and Asmara Airport. The study underscores the critical role of families in sustaining the revolution through trust and ideological commitment. Further research is recommended to explore other families' experiences to deepen understanding of collective contributions to Eritrea's liberation.

Keywords**:** EPLF, Ghilazghi family, socialist anti-colonialism, ideological mobilization, mass organization

References

1. Agamben G., & H. A. HOMO SACER Sovereign Power and Bare Life.: Frankfurt: Suhrkamp, 2002.
2. Cliffe L., Davidson B. The long struggle of Eritrea for independence and constructive peace.: The Red Sea Press, 1988.
3. Connell D. Historical dictionary of Eritrea.: Rowman & Littlefield, 2019.
4. Creswell J. W., & C. J. D. (2017). R. design: Q. quantitative, and mixed methods approaches. S. publications. Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches.: Sage Publications, 2009. Вып. Third Edition. 1–268 с.
5. Firebrace J., Holland S. Never kneel down. Drought, development and liberation in Eritrea., 1984.
6. Iyob R. The Eritrean struggle for independence: domination, resistance, nationalism, 1941-1993.: Cambridge University Press, 1995.
7. Konstantinos G. Thematic analysis: A practical guide // Eur J Psychother Couns. 2024. С. 1–4.
8. Markakis J. The nationalist revolution in eritrea // J Mod Afr Stud. 1988. Т. 26. № 1. С. 51–70.
9. Merriam S. B.., Tisdell E. J. Qualitative research: a guide to design and implementation.: John Wiley & Sons, 2016. 346 с.
10. Müller T. R. State making in the Horn of Africa: notes on Eritrea and prospects for the end of violent conflict in the Horn // Conflict, Security & Development. 2006. Т. 6. № 4. С. 503–530.
11. Pool D. From Guerrillas to Government: The Eritrean People's Liberation Front.: James Currey, 2001.
12. Rubin H. J., Rubin I. S. Qualitative interviewing: The art of hearing data.: sage, 2011.
13. Wrong M. I didn't do it for you: How the world betrayed a small African nation.: Fourth Estate London, 2005.

Тенденция развития теории международных отношений китайских школ

Гао Цзыцянь
Аспирант, Дальневосточный федеральный университет, gaoziqiann85@outlook.com

В данном исследовании обобщены современные отличительные особенности дипломатии Китая, показывающие развитие и проблемы современной китайской теории международных отношений с практической точки зрения, а также теоретические исследования наиболее известных китайских ученых, относящихся к китайской школе, демонстрирующие своеобразную систему взглядов в теории международных отношений.
Ключевые слова: китайская школа, международные отношения, китайская культура, теория отношений, моральный реализм, система Тянься, социальная эволюция, китайский миропорядок, реляционное равновесие.

Введение

Китайская школа занимает важное место и имеет большое влияние в теории международных отношений, а ее исследования обладают важной практической значимостью и ценностью. Благодаря постоянному совершенствованию и развитию теоретической системы и практических достижений китайской школы она может обеспечить прочную теоретическую основу и решения для содействия миру и развитию в международных отношениях, глобальном управлении, региональном сотрудничестве и других вопросах.

Объектом являются китайские школы международных отношений. Предметом статьи является развитие китайской школы теории международных отношений.

Целью является выявление недостатков китайской теории международных отношений, проанализировав существующие китайские школы.

Новизной является дополнение китайских школ теории международных отношений.

Актуальность состоит в том, что китайские школы предлагают новые инструменты для анализа и решения международных проблем, основанные на культуре и истории Китая.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использованы труды ведущих китайских ученых-международников, программные документы Коммунистической партии Китая, официальные заявления представителей китайского правительства, а также аналитические материалы международных исследовательских центров и академических журналов. Методы исследования включают в себя сочетание качественных и количественных методов, методы изучения конкретных ситуаций, методы сравнительного анализа.

Результаты и обсуждения

1. Развитие и проблемы в китайской теории международных отношений

Развитие незападных теорий международных отношений активно исследуется во всем мире, наибольший интерес вызывает работы китайских авторов и развитие китайских школ. Англоязычные и русскоязычные исследователи этими вопросами тоже задаются [1, с. 200].

Китайские ученые сходятся во мнении, что изучение теории международных отношений в Китае началось в 1980-х годах, как профессор Фуданьского университета Ни Шисюн сказал: «До 1980-х годов изучение международных отношений в Китае было практически с чистого листа» [5, с. 12]. В Китае

изучение теории международных отношений прошло путь от перевода и исследования западных теорий (1980-е - конец XX века) к поиску политических идей в китайской культуре для построения собственных теорий (начало XXI века).

Примерно в 2005 году группа ученых, среди которых были Цинь Яцин, Ван Ичжоу и Ван Чжэнъи, инициировала дискуссию о создании "китайской школы" в области теории международных отношений. Их целью была разработка теоретических основ с различных точек зрения. Такие ученые, как Цинь Яцин и Юй Чжэньлянь, считают, что появление "китайской школы" возможно и неизбежно в силу уникальной истории, культуры, политической системы и экономической структуры Китая. Они утверждают, что отличительные черты китайских политических формаций неизбежно создадут благоприятные условия для развития теории, отличной от существующих рамок. В этот момент внимание китайских исследователей международных отношений постепенно переключилось на вопрос: "Каково содержание китайской школы теории международных отношений?" [12, с. 5].

2. Китайская школа и «китайская точка зрения»

После XVIII съезда КПК Китай достиг успехов в экономике, реформах и уровне жизни. Существующие западные теории международных отношений все менее адекватно объясняют китайскую и мировую политику, требуя революционной смены парадигмы. Профессор Цинь Яцин предлагает теорию международных отношений, основанную на отношениях, но признает, что его подход недостаточно учитывает роль "процесса". Он сравнивает западное общество с независимыми пучками соломы, а китайское – с рябью на воде, где индивид – центр социальных отношений.

Цинь Яцин систематически излагает свою теорию международных отношений, которая принимает реляционную онтологию в качестве основного допущения и диалектику «Чжун юн» (Учение о Середине) в качестве эпистемологической основы, и рассматривает мировой порядок и логику действий с новой точки зрения отношений. Теория отношений предполагает, что мир состоит из сложных отношений, а социальный мир - из человеческих отношений [13, с. 29]. Теория отношений — это более систематизированная теория взаимоотношений, концептуализирующая две основных идеи китайской культуры - процесс и отношения. Процессы — это текучие отношения. Теория отношений теоретизирует реляционную связь, делая ее метафизическим элементом теоретического ядра, а затем конструирует ее посредством процесса зарождения. Теория отношений утверждает, что отношения инь и ян являются основной формой всех отношений. Диалектика «Чжун юн» понимает отношения инь и ян в контексте гармоничных отношений. Процессуальная перспектива связывает вещи в процессе вместе и развивается в направлении гармонии путем разрешения противоположностей и конфликтов.

Профессора Янь Сюэтун предложил "Теорию морального реализма", в которой используется теория политического реализма, включающая китайскую идеологию доциньского периода, для которой характерно китайское понятие морали, и добавляет китайские элементы в определение власти. Янь Сюэтун утверждает, что роль морали заключается в воздействии на лиц, принимающих решения, с точки зрения того, как должны быть достигнуты национальные интересы, а не с точки зрения того, каковы они, и что величина интересов определяется объективной реальностью, а не моралью, так что моральный реализм — это способ понимания поведения великих держав, тогда как мораль - это элемент стратегических предпочтений лидеров великих держав.

Он указывает, что власть делится на моральную власть и материальную власть. Моральная власть относится к способности устанавливать легитимность и является мягкой властью. Материальная власть — это жесткая власть, такая как военная и экономическая. С точки зрения политического характера моральный реализм подразделяет международное лидерство на три типа: гуманная власть, гегемония и тирания. Государства тирании следуют норме силы, т.е. принципу закона джунглей; государства гуманные следуют норме морали, т.е. их поведение соответствует моральным принципам сегодняшнего дня; а государства гегемонии следуют норме двойных стандартов, т.е. к своим союзникам они применяют норму морали, а к своим врагам - принцип закона джунглей.

Янь Сюэтун считает, что гуманный порядок — это лучший порядок международной системы, а лучшая форма власти — это сочетание моральной власти и материальной власти. Приняв основное ядро теории реализма в теории международных отношений, теория реализма была переосмыслена с точки зрения китайского взгляда на мораль, и ее теоретические элементы и система являются относительно завершенными.

Теория системы Тянься Чжао Тиньяна основана на концепции мировой системы династии Чжоу в древнем Китае. Система династии Чжоу используется как идеальная модель, вдохновляющая на построение мирового порядка сегодня. Он утверждает, что исходя из практики построения мировой системы в Китае, система династии Чжоу является идеальным типом мирового порядка, а основным принципом этого порядка является семейный порядок, который также является принципом отсутствия внешнего. С точки зрения исторической практики Китая, китайская династия Чжоу была мировой системой, с небесной династией и множеством вассальных государств. Правительство управляло порядком в мире, устанавливало всеобщие законы и решало споры между вассальными государствами. Каждое вассальное государство самостоятельно управляло своими внутренними делами, а между вассальными государствами существовало свободное перемещение людей. Принцип системы Тянься основан на семье, которая характеризуется мини-

мизацией корысти и максимизацией любви и гармонии, так что Тянься — это одна гармоничная семья, что является оптимальным для международной системы. В мировой системе политической единицей должно быть не суверенное государство, а мир в целом. В реальном мире, в котором отсутствует мировой порядок и система, мировой порядок с глобальной перспективой, выходящий за рамки Вестфальской системы суверенных государств, является единственным способом решения различных дилемм и проблем, с которыми сталкивается мир в настоящее время. Теория системы Тянься, выдвинутая Чжао Тиньяном, не построена с использованием традиционных элементов теории международных отношений, а скорее является развитием китайской мысли в области международной политики, и ее теорию трудно принять и понять западным исследователям теории международных отношений, оторванным от китайского контекста.

Профессор Танг Шипинг объединил свой солидный опыт в биологии со знаниями биологической перемены для разработки инновационной парадигмы социальной эволюции. "Человеческое общество — это эволюционная система". "Парадигма социальной эволюции полагает, что только эволюционные методы могут полностью понять историю человеческого общества, а парадигма социальной эволюции является воплощением использования эволюционных методов для изучения человеческого общества" [9, с. 280].

По мнению профессора Тан Шипина, на динамику социальной эволюции влияют как материальная, так и идеологическая сила, что приводит к сложности, превосходящей биологическую эволюцию. Нормативные характеристики и факторы силы, связанные с идеологической силой, уникальны для человеческого общества и не могут быть адекватно объяснены или сопоставлены с помощью теории биологической эволюции, которая в первую очередь предназначена для понимания природных явлений [8, с. 46].

Тан Шипин отмечает, что по мере того как число успешных завоеваний уменьшается, средний размер государств и их доступные ресурсы увеличиваются, что приводит к повышению обороноспособности и делает будущие завоевания более сложными. Кроме того, распространение идей, пагубных для наступательных реалистических государств, трудности, связанные с завоеваниями, появление и распространение суверенитета и национализма как трех дополнительных механизмов также способствуют превращению международной системы в оборонительный реалистический мир [4, с. 23]. После установления мира в таком оборонительно-реалистическом мире международная система станет более основанной на правилах или институционализированной, что будет способствовать более широкой институционализации мира. Однако важно понимать, что под этими институтами скрывается власть, неизбежно порождающая конфликты интересов и борьбу. Следовательно, понятие гармоничного и институционализированного "мирового государства" или "мирового общества" вряд ли будет реализовано.

Теория китайского миропорядка, выдвинутая такими учеными, как Ван Юаньчжоу, Чжан Цисюн, Чэнь Шаньшэн и т.д., рассматривает международный статус Китая и форму его внешних отношений на основе традиционного китайского миропорядка (т.е. системы дани и откупа) [2, с. 77]. В отличие от системы "Тянься" Чжао Тинъяна, в китайском миропорядке больше внимания уделяется интеграции национального государства и системы "Тянься", т.е. интеграции различных международных порядков в мировую систему с целью устранения неравенства прав и обязанностей государств.

Очевидно, что западное "международное право" не является полным и не может охватить международную систему Тянься "в центре которой находится конфуцианство", ближневосточную международную систему "в центре которой ислам" и международную систему Южной Азии "в центре которой индуизм". Таким образом, «международное право», регулирующее сегодняшние международные отношения между Европой и США, устарело и нуждается в реорганизации и интеграции, чтобы породить новое. Новый международный порядок также нуждается в проверке [2, с. 5].

С самого начала дискуссии о китайском порядке просто придавали историческую глубину реальным вопросам, рассматривая международный статус Китая и форму его внешних отношений в связи с историей традиционных китайских внешних отношений в надежде почерпнуть вдохновение из истории. Возвращение на первый план исследований китайского порядка сегодня также неразрывно связано с подъемом Китая. Китайские ученые надеются, что подъем Китая приведет к изменению мирового ландшафта и постепенному установлению нового мирового порядка, и в связи с этим изучение традиционного китайского миропорядка стремительно расширяется.

Шанхайское сообщество международных отношений, представленное Цзинь Инчжун, Ху Шоуцзюнь, Жень Сяо, Су Чанхэ и т.д., разработало ряд теорий и методов, в основе которых лежит концепция "симбиоза", объектами исследования являются трансформация международной системы, глобальное управление и проблем связей, а целью — создание теории международных отношений с китайской спецификой, стремясь создать теоретическую систему от мирного сосуществования к мирному симбиозу, а затем к гармоничному симбиозу [3, с. 42]. Согласно системе теории международного симбиоза, «симбиоз» является основным способом существования международного общества и не зависит от субъективной воли человека [7, с. 33]. В огромном организме международного общества отдельный человек является наименьшей единицей среди активных субъектов, настолько, что в течение длительного периода времени академическое сообщество международных отношений и международных проблем не идентифицировало его с субъект-

ной идентичностью. Люди по своей сути симбиотичны. С момента зачатия человек находится в симбиотической связи с матерью и не может существовать, расти или даже быть похороненным вне симбиоза. Человек, общество и природа образуют симбиотическую сеть. Человеческий симбиоз формирует общество, и сам является симбиозом. Он пронизывает все аспекты социальной жизни, создавая всеобъемлющую социальную симбиотическую сеть, в которой существуют все субъекты и их отношения.

Международное общество основано на симбиозе человека, общества и природы и является симбиотическим обществом. С точки зрения хода исторического развития, хотя международное общество является продуктом эпохи Великих географических открытий человеческого общества и развития производственных отношений от внутренних обществ через национальные границы, в основе своей оно является продуктом симбиотического исторического развития человека, общества и природы и, в конечном счете, продуктом симбиотического исторического развития человека [11, с. 3].

Ши Чжиюй, ученый в области теории международных отношений с Тайваня, разработал теоретическую систему "реляционного равновесия" и "посткитайскости". Реляционное равновесие означает, что акторы, независимо от их власти, должны поддерживать преимущественно двусторонние и взаимосоставляющие отношения с другими акторами, чтобы выжить в сложившемся русле международных отношений, создавая общность через уступки, обеспечить стабильные и предсказуемые модели взаимодействия с конкретными объектами, или отказываясь от уступок, чтобы наказать их и исправить положение. Посткитайскость означает неопределенную коннотацию китайской реляционной системы, которая должна постоянно переопределяться в ходе практики и в зависимости от контекста. В целях реализации стратегий идентичности акторы, представляющие себе китайский культурный центр, стремятся к развитию отношений с объектом, т.е. к развитию посткитайскости в объекте.

Он говорит: "Если сеть отношений, которая распределяет ресурсы и осуществляет политическую мобилизацию от имени Китая, на практике взаимодействует с другой сетью отношений, называемой Западом, и конституирует друг друга, то категория Китая как актора с сущностными коннотациями теряет свою основу, и Китай не может быть четко раздвоенным субъектом, как это предусмотрено релятивизмом".

При изучении международных отношений Китая необходимо исследовать процесс возникновения и адаптации общей китайской реляционной жилки в различных контекстах, чтобы понять, как реляционная озабоченность способствует рассмотрению вопросов власти или интересов [10, с. 12]. Основная проблема, которую реляционный баланс ставит перед основными международными отношениями, заключается в том, что построение или обнаружение характеристик Китая в контексте объекта означает, что две стороны, участвующие в отношениях, онтологически принадлежат к одной и той же сети отношений, тем самым достигая равного статуса на онтологическом уровне. Так что их взаимодействие не обязательно основано на относительной силе.

3. Недостатки существующих тенденций в области китайских школ на международном уровне

Китайская модель теории международных отношений часто строится на сочетании китайских концепций и западных принципов. Возникает вопрос, можно ли это считать отдельной китайской школой. Западные теории доминируют в дискурсе, определяя основные понятия. Китайские инициативы, такие как "пять принципов мирного сосуществования", оказали небольшое влияние на международные отношения, что приводит к недостатку оригинальности и отсутствию международного дискурса для Китая в этой области [6, с. 1829].

Поскольку подъем Китая становится все более горячей темой для обсуждения в стране и за рубежом, китайские ученые также начали исследования "мирного возвышения" и "гармоничного мира" Китая. В последние годы появилось много исследований в этой области, но мало работ высокого уровня. Большинство из этих работ представляют собой интерпретацию идеи "мирного подъема Китая", в них не хватает теоретических исследований, и они не могут предложить более практические политические рекомендации. В результате этих явлений и фактов китайское сообщество международных отношений оказалось неспособным взять на себя задачу создания теории международных отношений для подъема Китая и ответить на конкретные международные вопросы.

Выводы

Для успешного формирования китайская школа международных отношений должна обрести уникальную идентичность, представляющую альтернативный западному взгляд, и добиться признания. При этом важно, чтобы она была многообразной, включала различные теоретические направления и инновационные концепции. Необходима конкуренция между идеологическими подходами, как между китайскими и зарубежными, так и внутри китайского академического сообщества, следуя принципу "пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ", что обеспечит академический прогресс.

Принципы развития китайской школы: наследование и инновации (изучение западных теорий с критическим подходом для обогащения системы международных отношений); плюрализм, а не гегемония (поддержка идеологической конкуренции); инклюзивность, а не эксклюзивность (открытость к дебатам и развитию в рамках глобальной теоретической системы). Китайская школа должна продвигать инновации в глобальном управлении, изучать позитивные подходы к миру, обогащать идеи сообщества единой судьбы человечества и концепцию "совместного обсуждения, строительства и использования".

Легко заметить, что при создании китайской теории международных отношений китайские ученые

опирались на историческую практику и культурное ядро Китая, в полной мере отображая отличия, присущие только китайским культурным чертам. В дополнение к теориям, систематически выдвигаемым несколькими учеными, в 2019 году Китайский народный университет создал Центр исторической политики, который занимается созданием рамок политической интерпретации и системы дискурса с китайской автономией, используя "историческую политику" в качестве нового направления политологических исследований.

Литература

1. Амитав Ачарья, Бэрри Бьюзан. Незападная теория международных отношений: Перспективы Азии и за ее пределами. – 2010. – 242 с.
2. Ван Юаньчжоу. Идеальный факт и воображение китайского порядка. Нанкин: Народное издательство Цзянсу. – 2017. – 204 с.
3. Жень Сяо. Симбиоз – возникновение шанхайской школы. Шанхайское издательство переводов. – 2015. – 208 с.
4. Козинец А. И. Незападные подходы в теории международных отношений: сравнительный анализ китайского и индийского опыта. Владивосток, – 2018. – 211 с.
5. Ни Шисюн, Сю Цзя. Исследование китайской теории международных отношений — исторический обзор и размышления. – 1997. – С. 11-15.
6. Озарнов Р. В. Факторы, влияющие на взаимные прямые инвестиции между Россией и Китаем // Научное обозрение: теория и практика, 2020 г. С. 1829-1840.
7. Су Чанхэ. Возможность создания симбиотической международной системы. – 2016. – С. 31-61.
8. Тан Шипин. Перевод Дун Цземиня и Чжу Мин Социальная эволюция в мировой политике: от 8000 г. до н.э. до будущего, Пекин: CITIC пресса, издание. – 2017. – С. 46.
9. Ху Шоуцзюнь. Социальный симбиоз. Издательство Фуданьского университета. – 2012. – 281 с.
10. Цзинь Инчжун. Теория симбиоза международного собщества – теория международных отношений в эпоху мирного развития. Социальные науки. – 2011. – С. 12-21.
11. Цзы Чжунюнь. Исследование международной политической теории в Китае. Международное экономическое обозрение, – 1998. – С. 3-5.
12. Янь Сюэтун. Лидерство и возвышение великих держав. Пекин: Издательство CITIC. – 2020. – С. 15.
13. Янь Сюэтун. Перенос мирового центра силы: политическое лидерство и стратегическая конкуренция [М]. Пекин: Издательство Пекинского университета. – 2015. – С. 29.

Trends in the development of international relations theory in chinese schools

Gao Ziziqian

Far Eastern Federal University

This study summarizes the modern distinctive features of China's diplomacy, showing the development and problems of the modern Chinese theory of international relations from a practical point of view, as well as the theoretical studies of prominent Chinese scholars belonging to the Chinese school, demonstrating a peculiar system of views in the theory of international relations.

Keywords: Chinese school, international relations, Chinese culture, relational theory, moral realism, Tianxia system, social evolution, Chinese world order, relational equilibrium.

References

1. Amitav Acharya, Barry Buzan. Non-Western Theory of International Relations: Perspectives from Asia and Beyond. – 2010. – 242 p.
2. Wang Yuanzhou. The Ideal Fact and Imagination of the Chinese Order. Nanjing: Jiangsu People's Publishing House. – 2017. – 204 p.
3. Ren Xiao. Symbiosis: The Emergence of the Shanghai School. Shanghai Publishing House of Translations. – 2015. – 208 p.
4. Kozinets A. I. Non-Western Approaches in the Theory of International Relations: A Comparative Analysis of Chinese and Indian Experiences. Vladivostok, 2018. – 211 p.
5. Ni Shixiong, Xiu Jia. A study of the Chinese theory of international relations — a historical overview and reflections. 1997. pp. 11-15.
6. Ozarnov R. V. Factors influencing mutual direct investments between Russia and China // Scientific Review: theory and practice, 2020, pp. 1829-1840.
7. Su Changhe. The possibility of creating a symbiotic international system. – 2016. – pp. 31-61.
8. Tan Shipin. Translated by Dong Zemin and Zhu Ming, Social Evolution in World Politics: from 8000 BC to the Future, Beijing: CITIC Press, edition. – 2017. – C. 46.
9. Hu Shoujun. Social symbiosis. Fudan University Press. - 2012. – 281 p.
10. Jin Yingzhong. The theory of symbiosis of international community is a theory of international relations in the era of peaceful development. Social sciences. – 2011. – C. 12-21.
11. Tzu Zhongyun. A study of international political theory in China. International Economic Review, 1998, pp. 3-5.
12. Yan Xuetong. The leadership and rise of great Powers. Beijing: CITIC Publishing House. 2020. pp. 15.
13. Yan Xuetong. Shifting the global center of power: political leadership and strategic competition [M]. Beijing: Peking University Press. - 2015. – p. 29.

Информационная безопасность и психологические операции в межкорейских отношениях на современном этапе

Аршба Батал Бесланович
аналитик Лаборатории Интеллектуального Анализа Данных (ЛИАД) ИМИ МГИМО МИД России, старший лаборант Институт системного программирования имени В. П. Иванникова, arshba.b.b@my.mgimo.ru

В статье анализируется роль информационно-психологических операций и обеспечения информационной безопасности в контексте межкорейских отношений. Рассматриваются теоретические подходы к информационной безопасности и психологическим операциям в международных отношениях, а также историческая эволюция психологической войны и информационного противоборства между КНДР и Республикой Корея. Приводится обзор современных кибер-атак и информационно-психологических операций за 2010–2025 гг., включая конкретные кейсы: хакерские атаки, пропагандистские трансляции через громкоговорители, листовочные кампании и использование социальных сетей. Особое внимание уделяется роли США, Китая и Японии в обеспечении информационной безопасности Корейского полуострова. Выводы касаются взаимосвязи информационной и психологической составляющих конфликта и перспектив их развития.

Ключевые слова: информационная безопасность, психологические операции, пропаганда, КНДР, Республика Корея, кибервойна, межкорейские отношения.

Тема информационного противоборства и психологических операций на Корейском полуострове остаётся крайне актуальной в современных условиях. Разделённая Корея вступила в эпоху цифровых технологий, что существенно усложняет традиционные подходы к безопасности и пропаганде[7]. Цель исследования – выявить взаимосвязь и влияние информационно-психологических операций на двусторонние отношения между КНДР и Республикой Корея на современном этапе. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: (1) проанализировать теоретические основы информационной безопасности и психологических операций в международных отношениях; (2) проследить историю и эволюцию психологической войны в межкорейских отношениях; (3) исследовать современные кейсы кибератак и информационных операций (2010–2025); (4) оценить влияние третьих стран на информационную безопасность региона. Методологической основой служит междисциплинарный подход: сочетание исторического анализа с анализом современных открытых данных (открытые источники, официальные отчёты и СМИ), а также изучение публикаций экспертов[8] в области безопасности[9]. Использованы материалы российских и международных исследований, новостные репортажи и аналитические обзоры.

Теоретические основы и место информационной войны в национальной безопасности

Понятие информационной войны возникло во второй половине XX века с развитием электронных СМИ и ИТ-технологий[10]. Информационная война — это использование СМИ, интернета и кибертехнологий для стратегического преимущества, воздействия на массовое сознание, деморализации противника и склонения его к капитуляции. Ключевыми инструментами выступают психологические операции (PSYOP), пропаганда и дезинформация[11]. Информационная безопасность государства рассматривается как часть национальной безопасности и включает защиту критической инфраструктуры и

[7] FEI, SU. “Military Developments in Artificial Intelligence and Their Impact on the Korean Peninsula.” The Impact of Artificial Intelligence on Strategic Stability and Nuclear Risk: Volume II East Asian Perspectives, edited by LORA SAALMAN, Stockholm International Peace Research Institute, 2019, pp. 33–38. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/resrep24532.12 (дата обращения: 14.06.2025).

[8] КОНГ Чи Ён, КИМ Кён Гон, ЛИМ Чон Ин. The All-Purpose Sword: North Korea’s Cyber Operations and Strategies // 11th International Conference on Cyber Conflict: Silent Battle, 2019 / T. Minárik, S. Alatalu, S. Biondi, M. Signoretti, I. Tolga, G. Visky (Eds.). Tallinn: NATO CCD COE Publications, 2019. С. 1–22. URL: https://www.ccdcoe.org/uploads/2019/06/Art_08_The-All-Purpose-Sword.pdf (дата обращения: 14.06.2025)

[9] North Korea’s Nuclear-Cognitive Warfare Strategy // 38 North: Informed Analysis of North Korea. 2025. URL: https://www.38north.org/2025/04/north-koreas-nuclear-cognitive-warfare-strategy/ (дата обращения: 14.06.2025).

[10] Информационная война в системе международных отношений // Курс «Информационная безопасность в международных отношениях». URL: https://nicbar.ru/politology/study/kurs-informatsionnaya-bezopasnost-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh/tema-6-informatsionnaya-vojna-v-sisteme-mezhdunarodnykh-otnoshenij (дата обращения: 14.06.2025).

[11] Cowan D., Cook Ch. What’s in a Name? Psychological Operations versus Military Information Support Operations and an Analysis of Organizational Change // Military Review. 2018. March. URL: https://www.armyupress.army.mil/Portals/7/Army-Press-Online-Journal/documents/Cook-Cowan-PSYOP.pdf (дата обращения: 14.06.2025).

противодействие информационным угрозам. В международных отношениях информационная война стала инструментом гибридных конфликтов,[1] совмещая военные действия, кибератаки и пропаганду[2].

Историческая эволюция: от громкоговорителей к гибридным стратегиям

Психологические операции между КНДР и Республикой Корея (РК) ведутся с конца Корейской войны. Уже в 1960-х годах обе стороны начали использовать громкоговорители, радиопередачи и листовки для воздействия на население и военных противника. Южная Корея запускала радиопередачу «Голос свободы» с новостями и антиправительственными посланиями для КНДР, на что Север отвечал идеологической пропагандой и призывами к переходу на свою сторону. Такие трансляции велись почти непрерывно в годы «холодной войны», прерываясь лишь в периоды политического диалога или соглашений (например, временная деэскалация в 2004 году)[3]. В конце 1990-х — начале 2000-х годов, дов, в период политики «Солнечного тепла», информационные атаки были приостановлены ради сближения, однако уже в 2010-х противостояние возобновилось[4]. После инцидента с южнокорейским корветом «Чхонан» в 2010 году Сеул вновь активировал громкоговорители и начал рассылать на Север листовки и цифровые носители с корейской поп-музыкой и информацией, а КНДР отвечала пропагандой и запуском воздушных шаров с мусором. Эти кампании стали постоянным элементом психологического давления, а громкоговорители — символом информационной войны[5].

С развитием цифровых технологий конфликт между КНДР и РК вышел на новый уровень. Северокорейские хакерские группировки, такие как «Lazarus», «Andariel», «Kimsuky», осуществили ряд резонансных атак, включая вирус-вымогатель WannaCry (2017 г.), взломы южнокорейских военных и промышленных объектов, а также кражу данных и финансовых средств через атаки на криптовалютные биржи. Примером масштабной операции стала атака на компанию «Корея Гидро и Ядерная Энергетика» в 2014 году, приведшая к утечке данных о южнокорейских атомных электростанциях и попытке вызвать общественную панику[6]. В 2016 году КНДР была обвинена в крупной утечке личных данных до 10 млн граждан РК через атаку на интернет-аукцион «Interpark», а также в похищении секретных военных данных, включая планы обороны США и Южной Кореи[7]. В 2024 году хакеры КНДР атаковали оборонные предприятия РК, получив доступ к чертежам современных танков и разведывательных самолётов. Кроме прямых краж данных, северокорейские хакеры активно занимаются киберкражей средств: только за 2022 год они похитили миллиарды долларов в криптовалюте для финансирования своей ядерной программы[8]. В ответ США, Южная Корея и Япония в 2023 году создали специальную группу по кибербезопасности для совместной обороны от северокорейских киберугроз,[9] что отражает растущее сотрудничество в регионе[10]. В 2024 г. оборонные ведомства США и РК расширили сферу Соглашения о взаимной обороне 1953 года, включив в нее киберпространство как потенциальный «триггер» для оказания помощи[11]. Наряду с кибератаками продолжаются и классические информационно-психологические операции. Южная Корея активно использует социальные сети и медиа для информирования своих граждан и жителей КНДР, создавая мультиязычные аккаунты, рассчитанные на северокорейскую аудиторию. В то же время южнокорейские СМИ оперативно распространяют новости о нарушениях прав человека в КНДР и демонстрируют уходящих на Юг северокорейцев, а также документы о секретных экспериментах над людьми на севере[12]. Пхеньян, несмотря на жёсткие ограничения, развивает

---

[1] КОНГ Чи Ён, КИМ Кён Гон, ЛИМ Чон Ин. The All-Purpose Sword: North Korea's Cyber Operations and Strategies // 11th International Conference on Cyber Conflict: Silent Battle, 2019 / T. Minárik, S. Alatalu, S. Biondi, M. Signoretti, I. Tolga, G. Visky (Eds.). Tallinn: NATO CCD COE Publications, 2019. С. 1–22. URL: https://www.ccdcoe.org/uploads/2019/06/Art_08_The-All-Purpose-Sword.pdf (дата обращения: 14.06.2025)

[2] Munoz, Arturo. "Organizational Problems Affecting Information Operations and Psychological Operations." U.S. Military Information Operations in Afghanistan: Effectiveness of Psychological Operations 2001-2010, RAND Corporation, 2012, pp. 119–36. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/10.7249/mg1060mcia (дата обращения: 14.06.2025).

[3] КНДР восстанавливает громкоговорители на границе с Южной Кореей // РИА Новости. 22.06.2020. URL: https://ria.ru/20200622/1573286818.html (дата обращения: 14.06.2025).

[4] Paik, Haksoon. "ASSESSMENT OF THE SUNSHINE POLICY: A KOREAN PERSPECTIVE." Asian Perspective, vol. 26, no. 3, 2002, pp. 13–35. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/42704372. (дата обращения: 14.06.2025)

[5] South Korea halts propaganda broadcasts along border with rival North // NPR. 12.06.2025. URL: https://www.npr.org/2025/06/12/nxs1-5431364/south-korea-north-halts-broadcasts-kim-propaganda (дата обращения: 14.06.2025).

[6] Конг Джи Ён, Ким Кён Гон, Лим Чон Ин. The All-Purpose Sword: North Korea's Cyber Operations and Strategies

[7] Hwang, Yuh J. "'I'm the Person to Speak about Myself': Self-Declaration, Reversal of Power, and Solidarity in The Red Book." Performing #MeToo: How Not to Look Away, edited by Judith Rudakoff, NED-New edition, Intellect, 2021, pp. 211–28. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/j.ctv36xvtpv.16. (дата обращения: 14.06.2025).

[8] Хакеры КНДР похитили секретные данные о танках и самолетах тах Южной Кореи // CNews. 13.08.2024. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-08-13_hakery_iz_kndr_dobyli_oboronnye (дата обращения: 14.06.2025).

[9] D'Orazio, Vito. "War Games: North Korea's Reaction to US and South Korean Military Exercises." Journal of East Asian Studies, vol. 12, no. 2, 2012, pp. 275–294. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/23418810. (дата обращения: 14.06.2025).

[10] US, South Korea and Japan launch group to tackle North Korea cyber threats // The Record. 12.06.2025. URL: https://therecord.media/south-korea-japan-us-cyberthreat-body-north-korea-hacking?&web_view=true (дата обращения: 14.06.2025)

[11] Kim F. South Korea-U.S. alliance expands to address cyber, space threats // Indo-Pacific Defense FORUM. 2024. November. URL: https://ipdefenseforum.com/2024/11/south-korea-u-s-alliance-expands-to-address-cyber-space-threats/ (дата обращения: 14.06.2025).

[12] Hawk D. The Hidden Gulag: The Lives and Voices of "Those Who are Sent to the Mountains" / David Hawk; Committee for Human

собственные IT-ресурсы и внутренние форумы, распространяющие антиюжнокорейский контент и пропаганду. Ярким примером классических информационно-психологических операций остаются листовочные кампании: южнокорейские активисты ежегодно сбрасывают на Север миллионы листовок, USB-накопителей с музыкой и видеороликами, хотя официальный Сеул выступает против этого из-за риска эскалации. В ответ КНДР усилила информационный контроль внутри страны, запрещая любую южнокорейскую поп-культуру и преследуя свидетелей подобных «нарушений». Противоборство приобретает вид «пропагандистской войны масок»: каждая сторона стимулирует ответную пропаганду и усиливает внутренние меры контроля[1]. Громкоговорители остаются символом психологической войны: их применяли не только после Корейской войны, но и во время недавних кризисов, когда Север запускал на Юг воздушные шары с мусором в ответ на листовочные кампании. История информационно-психологического противостояния между КНДР и РК демонстрирует постоянный цикл обострения и деэскалации. Политические лидеры периодически договаривались о свертывании пропаганды (например, Панмунчжомская декларация 2018 года предусматривала прекращение всех враждебных действий, включая пропагандистское вещание и распространение листовок на границе). Однако новые кризисы, военные инциденты или кибератаки неизменно возвращали старые методы противостояния и стимулировали развитие новых инструментов.

Заключение

Информационно-психологическое и киберпротивостояние между КНДР и Республикой Корея эволюционировало от громкоговорителей и листовок к многоуровневым гибридным стратегиям, включающим кибератаки, пропаганду и манипуляцию общественным сознанием. Несмотря на отдельные периоды деэскалации, конфликт остаётся хроническим и отражает не только региональные, но и глобальные вызовы информационной безопасности в XXI веке. Опыт Корейского полуострова наглядно демонстрирует, что информационная безопасность и психологические операции остаются ключевыми элементами национальной и международной безопасности, требующими постоянного развития инструментов и международного сотрудничества.

Литература

1. FEI, SU. “Military Developments in Artificial Intelligence and Their Impact on the Korean Peninsula.” The Impact of Artificial Intelligence on Strategic Stability and Nuclear Risk: Volume II East Asian Perspectives, edited by LORA SAALMAN, Stockholm International Peace Research Institute, 2019, pp. 33–38. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/resrep24532.12 (дата обращения: 14.06.2025).

2. Hawk D. The Hidden Gulag: The Lives and Voices of “Those Who are Sent to the Mountains” / David Hawk; Committee for Human Rights in North Korea. — 2-е изд. — Washington, DC: Committee for Human Rights in North Korea, 2012. — 243 с. — ISBN 0615623670. — Электронный ресурс. — Режим доступа: https://www.hrnk.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/eng/HRNK_HiddenGulag2_Web_5-18.pdf (дата обращения: 16.06.2025).

3. КОНГ Чи Ён, КИМ Кён Гон, ЛИМ Чон Ин. The All-Purpose Sword: North Korea’s Cyber Operations and Strategies // 11th International Conference on Cyber Conflict: Silent Battle, 2019 / T. Minárik, S. Alatalu, S. Biondi, M. Signoretti, I. Tolga, G. Visky (Eds.). Tallinn: NATO CCD COE Publications, 2019. C. 1–22. URL: https://www.ccdcoe.org/uploads/2019/06/Art_08_The-All-Purpose-Sword.pdf (дата обращения: 14.06.2025)

4. North Korea’s Nuclear-Cognitive Warfare Strategy // 38 North: Informed Analysis of North Korea. 2025. URL: https://www.38north.org/2025/04/north-koreas-nuclear-cognitive-warfare-strategy/ (дата обращения: 14.06.2025).

5. Информационная война в системе международных отношений // Курс «Информационная безопасность в международных отношениях». URL: https://nicbar.ru/politology/study/kurs-informatsionnaya-bezopasnost-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh/tema-6-informatsionnaya-vojna-v-sisteme-mezhdunarodnykh-otnoshenij (дата обращения: 14.06.2025).

6. Cowan D., Cook Ch. What’s in a Name? Psychological Operations versus Military Information Support Operations and an Analysis of Organizational Change // Military Review. 2018. March. URL: https://www.armyupress.army.mil/Portals/7/Army-Press-Online-Journal/documents/Cook-Cowan-PSYOP.pdf (дата обращения: 14.06.2025).

7. Munoz, Arturo. “Organizational Problems Affecting Information Operations and Psychological Operations.” U.S. Military Information Operations in Afghanistan: Effectiveness of Psychological Operations 2001-2010, RAND Corporation, 2012, pp. 119–36. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/10.7249/mg1060mcia (дата обращения: 14.06.2025).

8. КНДР восстанавливает громкоговорители на границе с Южной Кореей // РИА Новости. 22.06.2020. URL: https://ria.ru/20200622/1573286818.html (дата обращения: 14.06.2025).

9. Paik, Haksoon. “ASSESSMENT OF THE SUNSHINE POLICY: A KOREAN PERSPECTIVE.” Asian Perspective, vol. 26, no. 3, 2002, pp. 13–35.

Rights in North Korea. — 2-е изд. — Washington, DC: Committee for Human Rights in North Korea, 2012. — 243 с. — ISBN 0615623670. — Электронный ресурс. — Режим доступа: https://www.hrnk.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/eng/HRNK_HiddenGulag2_Web_5-18.pdf (дата обращения: 16.06.2025).

[1] South Korea halts propaganda broadcasts along border with rival North // NPR. 12.06.2025. URL: https://www.npr.org/2025/06/12/nxs1-5431364/south-korea-north-halts-broadcasts-kim-propaganda (дата обращения: 14.06.2025).

JSTOR, http://www.jstor.org/stable/42704372. (дата обращения: 14.06.2025)

10.South Korea halts propaganda broadcasts along border with rival North // NPR. 12.06.2025. URL: https://www.npr.org/2025/06/12/nx-s1-5431364/south-korea-north-halts-broadcasts-kim-propaganda (дата обращения: 14.06.2025).

11.Hwang, Yuh J. "'I'm the Person to Speak about Myself': Self-Declaration, Reversal of Power, and Solidarity in The Red Book." Performing #MeToo: How Not to Look Away, edited by Judith Rudakoff, NED-New edition, Intellect, 2021, pp. 211–28. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/j.ctv36xvtpv.16. (дата обращения: 14.06.2025).

12.Хакеры КНДР похитили секретные данные о танках и самолетах Южной Кореи // CNews. 13.08.2024. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-08-13_hakery_iz_kndr_dobyli_oboronnye (дата обращения: 14.06.2025).

13.D'Orazio, Vito. "War Games: North Korea's Reaction to US and South Korean Military Exercises." Journal of East Asian Studies, vol. 12, no. 2, 2012, pp. 275–294. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/23418810. (дата обращения: 14.06.2025).

14.US, South Korea and Japan launch group to tackle North Korea cyber threats // The Record. 12.06.2025. URL: https://therecord.media/south-korea-japan-us-cyberthreat-body-north-korea-hacking?&web_view=true (дата обращения: 14.06.2025)

15.Kim F. South Korea-U.S. alliance expands to address cyber, space threats // Indo-Pacific Defense FORUM. 2024. November. URL: https://ipdefenseforum.com/2024/11/south-korea-u-s-alliance-expands-to-address-cyber-space-threats/ (дата обращения: 14.06.2025).

Information Security and Psychological Operations in Inter-Korean Relations at the Current Stage

Arshba B.B.
IMI MGIMO MFA of Russia

The article analyzes the role of information and psychological operations and ensuring information security in the context of inter-Korean relations. Theoretical approaches to information security and psychological operations in international relations are considered, as well as the historical evolution of psychological warfare and information confrontation between the DPRK and the Republic of Korea. An overview of modern cyber attacks and information and psychological operations for 2010-2025 is provided, including specific cases: hacker attacks, propaganda broadcasts through loudspeakers, leaflet campaigns and the use of social networks. Particular attention is paid to the role of the United States, China and Japan in ensuring information security of the Korean Peninsula. The conclusions concern the relationship between the information and psychological components of the conflict and the prospects for their development.

Keywords: information security, psychological operations, propaganda, DPRK, Republic of Korea, cyber war, inter-Korean relations.

References

1. FEI, SU. "Military Developments in Artificial Intelligence and Their Impact on the Korean Peninsula." The Impact of Artificial Intelligence on Strategic Stability and Nuclear Risk: Volume II East Asian Perspectives, edited by LORA SAALMAN, Stockholm International Peace Research Institute, 2019, pp. 33–38. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/resrep24532.12 (accessed 06/14/2025).
2. Hawk D. The Hidden Gulag: The Lives and Voices of "Those Who are Sent to the Mountains" / David Hawk; Committee for Human Rights in North Korea. — 2nd ed. - Washington, DC: Committee for Human Rights in North Korea, 2012. - 243 p. — ISBN 0615623670. — Electronic resource. — Available at: https://www.hrnk.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/eng/HRNK_HiddenGulag2_Web_5-18.pdf (accessed on 16.06.2025).
3. KONG Ji-yong, KIM Kyung-gon, LIM Jeong-in. The All-Purpose Sword: North Korea's Cyber Operations and Strategies // 11th International Conference on Cyber Conflict: Silent Battle, 2019 / T. Minárik, S. Alatalu, S. Biondi, M. Signoretti, I. Tolga, G. Visky (Eds.). Tallinn: NATO CCD COE Publications, 2019. pp. 1–22. URL: https://www.ccdcoe.org/uploads/2019/06/Art_08_The-All-Purpose-Sword.pdf (accessed: 14.06.2025)
4. North Korea's Nuclear-Cognitive Warfare Strategy // 38 North: Informed Analysis of North Korea. 2025. URL: https://www.38north.org/2025/04/north-koreas-nuclear-cognitive-warfare-strategy/ (accessed: 14.06.2025).
5. Information warfare in the system of international relations // Course "Information security in international relations". URL: https://nicbar.ru/politology/study/kurs-informatsionnaya-bezopasnost-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh/tema-6-informatsionnaya-vojna-v-sisteme-mezhdunarodnykh-otnoshenij (date of access: 06.14.2025).
6. Cowan D., Cook Ch. What's in a Name? Psychological Operations versus Military Information Support Operations and an Analysis of Organizational Change // Military Review. 2018. March. URL: https://www.armyupress.army.mil/Portals/7/Army-Press-Online-Journal/documents/Cook-Cowan-PSYOP.pdf (accessed 06/14/2025).
7. Munoz, Arturo. "Organizational Problems Affecting Information Operations and Psychological Operations." U.S. Military Information Operations in Afghanistan: Effectiveness of Psychological Operations 2001-2010, RAND Corporation, 2012, pp. 119–36. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/10.7249/mg1060mcia (accessed on June 14, 2025).
8. DPRK restores loudspeakers on border with South Korea // RIA Novosti. June 22, 2020. URL: https://ria.ru/20200622/1573286818.html (accessed on June 14, 2025).
9. Paik, Haksoon. "ASSESSMENT OF THE SUNSHINE POLICY: A KOREAN PERSPECTIVE." Asian Perspective, vol. 26, no. 3, 2002, pp. 13–35. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/42704372. (date of access: 06/14/2025)
10. South Korea halts propaganda broadcasts along the border with rival North // NPR. 06/12/2025. URL: https://www.npr.org/2025/06/12/nx-s1-5431364/south-korea-north-halts-broadcasts-kim-propaganda (accessed 06/14/2025).
11. Hwang, Yuh J. "'I'm the Person to Speak about Myself': Self-Declaration, Reversal of Power, and Solidarity in The Red Book." Performing #MeToo: How Not to Look Away, edited by Judith Rudakoff, NED-New edition, Intellect, 2021, pp. 211–28. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/j.ctv36xvtpv.16. (Accessed: 14.06.2025).
12. DPRK hackers stole secret data on South Korean tanks and planes // CNews. 13.08.2024. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-08-13_hakery_iz_kndr_dobyli_oboronnye (Accessed: 14.06.2025).
13. D'Orazio, Vito. "War Games: North Korea's Reaction to US and South Korean Military Exercises." Journal of East Asian Studies, vol. 12, no. 2, 2012, pp. 275–294. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/23418810. (access date: 06/14/2025).
14. US, South Korea and Japan launch group to tackle North Korea cyber threats // The Record. 06/12/2025. URL: https://therecord.media/south-korea-japan-us-cyberthreat-body-north-korea-hacking?&web_view=true (access date: 06/14/2025)
15. Kim F. South Korea-U.S. alliance expands to address cyber, space threats // Indo-Pacific Defense FORUM. 2024. November. URL: https://ipdefenseforum.com/2024/11/south-korea-u-s-alliance-expands-to-address-cyber-space-threats/ (accessed: 14.06.2025).

Влияние новой политики южного направления Тайваня на экономическую зависимость

Лю Синь
независимый исследователь, liuxin269654685@mail.ru

Статья посвящена теме внешнеэкономической проблеме Тайваня в современное время. В связи с экспортной ориентацией торговли внешнеэкономические политики всегда занимают ключевое место в интересе Тайваня и являются приоритетной работой правительства Тайваня. Проведенная внешнеэкономическая политика на Тайване, новая политика южного направления, нацелена на диверсификацию торгового положения, фактически направлена на осуществление целя независимости Тайваня, что со одной стороны спровоцируют материк, с другой стороны упускают потенциальные возможности развивать свою экономику с помощью инициативы «один пояс одни путь» Китая. Без переработки политики экономике Тайваня трудно сдвигать с места. При анализа эффективности Новой политики южного направления особое внимание уделяется сравнению торговли и инвестиции Тайваня со странами южного направления и со материком Китая. Основывая на данных из Ministry of Economic Affairs (Taiwan) можем отмечать проблемы и неуспешность политики.
Ключевые слова: Тайвань, Китай, Цай Инвэнь, Демократическая прогрессивная партия, внешнеэкономическая политика

С 90-х годах прошлого века власть стремясь к развитию отношений со странами Юго-восточной Азии, Тайвань выдвинул соответствующие политики, особенно после прихода к власти Демократической Прогрессивной Партии (ДПП). В 2003 г. Чэнь Шуйбянь впервые принял политику «южного направления», которая нацелена на укрепление отношений с такими странами, как Сингапур, Таиланд, Индонезия, Вьетнам, Малайзия, Филиппины. В 2016 г. после прихода к власти Цай Инвэнь объявила о реализации «Новой политики южного направления» и создала Комбинет Новой политики южного направления. При этом 18 стран входят в список политики: 10 стран ASEAN, 6 стран южной Азии, Австралия и Новая Зеландия. Цель политики состоит в том, что улучшить структуру и разнообразие внешней экономики и попрощаться с прошлой чрезмерной зависимостью от единого рынка, очевидно, что этот единый рынок означает материковый Китай. Приоритетом политики является избавиться от экономической зависимости от материка Китая путем укрепления всесторонних отношений с вышесказуемыми странами, тем самым осуществлять политическое направление – независимый политический статус Тайваня. Со этой точки зрения Новая политика южного направления, как экономическая политика, характеризуется геополитической краской.

Торговля и инвестиция являются главным показателем Новой политики южного направления. Поскольку новая политика южного направления направлена на избавление от прошлой чрезмерной зависимости от единого рынка, поэтому во основном используя данные о торговле и инвестиции между Тайванем и материковым Китаем в качестве сравнительных данных, анализируем эффективность политики.

Тайвань является типичной экспортно-ориентированной экономикой с небольшим внутренним рынком и очевидными характеристиками крупномасштабной импортной и экспортной торговли. Внешняя торговля является основой экономического состава. Основные экспортные товары Тайваня включают электроника, информационные, коммуникационные и аудио-видео продукты, основные металлы, пластмасса, резина, станки и другие. Основными импортными товарами Тайваня являются комплектующие для электроники, минеральные продукты, оптическое, техническое и медицинское оборудование, химический продукция и другие.

График 1 Объем торговли Тайваня со странами Новой политики южного направления и материком Китая
Источник: автор изготовила на основе данных из Ministry of Economic Affairs (Taiwan)

Как показано на графике 1, с 2016 г. по 2024 г. объем экспорта Тайваня в страны Новой политики южного направления увеличился с млрд долларов 59 до млрд долларов 103, чистый прирост составил млрд долларов 44. Доля объема экспорта Тайваня в страны Новой политики южного направления от общего экспорта Тайваня увеличилась с 21.22% до 21.78%, увеличившись только на 0.56 процентных пункта; с 2016 г. по 2024 г. Доля объема экспорта Тайваня в материк Китая от общей снизилась с 40.11% до 31.71%, снизившись на 8.4 процентных пункта. Если проанализировать дальше, то можно обнаружить, что до эпидемии 2020 года доля объема экспорта Тайваня в материк Китая проявила тенденцию к росту, а в страны Новой политики южного направления – нисходящая тенденция; А после 2020 года ситуация изменилась, доля стран Новой политики южного направления растает, доля материка Китая снизилась. С 2020 г. по 2024 г. доля экспорта в материк снизилась на 12.15%, доля экспорта в страны южного направления повысила 4.08%. Снижение экспорта в материк не превращалось в рост экспорта в страны южного направления, что объясняется ограничение на торговлю в материке Китая из-за пандемии, в не сама эффективность Новой политики южного направления. Помимо того, в 2024 г. объем экспорт Тайваня в материк Китая составляет 150,611 млрд долларов, попрежнему больше чем в страны южного направления на млрд долларов 47, что демонстрирует о том, что материк Китая остается крупным торговым партнером и крупнейшим экспортным рынком Тайваня.

Развитие инвестиции является другом акцентом Новой политики южного направления. Инвестиции Тайваня в страны нового южного направления представляют собой в основном малые и средние предприятия и низкопроизводительные обрабатывающие отрасли, в основном сосредоточенные в производстве, финансовых услугах и недвижимости. Существует разрыв с местным спросом и экономическая взаимодополняемость не является сильной, потенциал роста инвестиций ограничен. За исключением нескольких стран, инфраструктура стран Нового южного направления в целом несовершенна, а поставки сырья сильно зависят от внешних источников. С ростом заработной платы и цен частично нивелировал преимущество низкой стоимости рабочей силы, что привело к уменьшению инвестиций Тайваня. С 2015 по 2020 год инвестиции Тайваня в целевые страны только увеличились с 376,793 млн долларов до 381,435 млн долларов, а их доля в зарубежных инвестициях Тайваня снизилась с 3,45% до 3,23%. Среди них инвестиции в десять стран АСЕАН упали с 321,466 миллиона долларов до 299,319 долларов, что составляет снижение на 22,147 миллиона долларов, а доля инвестиции в АСЕАН в иностранных инвестициях Тайваня упала с 2,94% до 1,69%; Инвестиции в шесть стран Южной Азии увеличились с 1,377 млн долларов до 2,128 млн долларов, на которые проходит лишь 0,02% иностранных инвестиций Тайваня; Инвестиции в Австралию и Новую Зеландию увеличились с 53,950 млн долларов до 79,988 млн долларов, а их доля в зарубежных инвестициях Тайваня увеличилась с 0,49% до 0,68%[1]. Можно сказать, что Тайвань и целевые страны еще не сформировали тенденцию интерактивного развития инвестиций и торговли. Важность материкового рынка для Тайваня остается незаменимой.

Тайвань допустил политический просчет при выборе своих торговых партнеров и разделении бюджета. На укреплении отношений с странами АСЕАН и Индией расставила акцент данной политики Цай Инвэн, выступая с речью после вступления в должность. Однако в связи с нехваткой взаимодействием в истории отношения между Тайванем и странами южного направления предприятии Тайваня не проявили энтузиазм инвестиции, как власть не ожидает. А неблагоприятная деловая среда в Индии сама влияет на привлечение к инвестиции в Индию. По «Докладу о торговых препятствий Индии с Тайванем с 2019 г. по 2020 г.», опубликованному Министром Экономики Тайваня, существуют такие проблемы, как непрозрачные информация и курс валют, частные расследование торговли с Тайванем, долгосрочная таможенные формальности с низкой эффективности и другие[2]. Нерациональное разделение бюджета, как другой фактор, влияет на эффективность политики. По словам Тайваньской народной партии, “общий бюджет Новой политики южного направления составляет 4,6 млрд нового тайваньского доллара, в том числе половина средства употребляется на исследованные программы, форумы и курсы, только 10 млн нового тайваньского

[1]李鸿阶 · RCEP对台湾当局“新南向政策”的影响探究//福建社会科学院亚太经济研究2022. №3. 122-130. (Ли Хунцзе, Исследование влияния RCEP на «новую политику южного направления» властей Тайваня // Азиатско-Тихоокеанские экономические исследования Академии социальных наук Фуцзянь. 2022. №3. С.122-130.

[2] 2019-2020年各国对台贸易障碍报告 - 亚太地区//台湾经济部，2020年。(Доклад о торговых препятствий стран Азиатско-Техоокеанского региона с Тайванем 2019-2020//Министре экономики Тайваня, 2020 г.) URL: https://www.trade.gov.tw/Pages/Detail.aspx?nodeID=802&pid=704933.

доллара выделено на поддержку средним и малым предприятиям...[3]"

По мере роста влияния КНР на международное дело его голос, как Тайвань – неотъемлемая часть Китая, учитывают страны в мире, особенно при обращении к тайваньским делам. Таким образом, после прихода к власти ДПП в 2000 году Тайвань лишился почти всех союзников в связи с политикой по поводу независимости Тайваня. Непризнание «консенсус 1992», а также намерение Тайваня оставаться «непоколебимым и твердым в своих целях, ... усердно и прагматично работать над достижением ... целей» легли в основу так называемой «твердой дипломатии» (steadfast diplomacy) администрации Цай Инвэнь, знаменовавшей третий этап эволюции тайваньской внешней политики в XXI в[4]. В результате с 2016 г. по 2024 г. численность «дипломатических союзников» Тайваня резко сократилась до 11 государств. Сан-Томе и Принсипи, Доминиканская Республика, Панама, Буркина-Фасо, Сальвадор, Соломоновы острова, Кирибати и Никарагуа переключили дипломатическое признание с Тайваня на КНР.

Расценивая нормальную экономическую связь как помеха политической пользы и представляющее угрозу независимости Тайваня ДПП продолжала прилагать усилия с целью нарушения торговли между тайваньского пролива. В результате Тайвань пренебрегала пользу участия в инициативе «Один пояс один путь» Китая, что будет ограничивать свое экономическое развитие.

Можем подводить итоги, что Новая политика южного направления вряд ли избавит Тайвань от экономической политики, тем более, политический просчет власти Тайваня в большой степени приведет к неблагоприятной экономической ситуации.

Литература

1. Политики Нового южного направления//Executive Yuan Taiwan, 2016 г.) URL: https://www.ey.gov.tw/Page/5A8A0CB5B41DA11E/86f143fa-8441-4914-8349-c474afe0d44e
2. План действий по возвращению тайваньских бизнесменов на Тайвань для инвестиций//Executive Yuan Taiwan, 2019 г.) URL: https://www.ey.gov.tw/Page/5A8A0CB5B41DA11E/d0fa20f9-27f7-460e-a3e7-775f272a9cf8
3. Доклад о торговых препятствий стран Азиатско-Техоокеанского региона с Тайванем 2019-2020//Министре экономики Тайваня, 2020 г.) URL: https://www.trade.gov.tw/Pages/Detail.aspx?nodeID=802&pid=704933.
4. План действий по ускорению инвестиций в МСП//Executive Yuan Taiwan, 2019 г.) URL: https://law.moea.gov.tw/LawContent.aspx?id=GL000809
5. План действий по ускорению инвестиций тайваньских предприятий//Executive Yuan Taiwan, 2019 г.) URL: https://www.ey.gov.tw/Page/448DE008087A1971/be4af3d7-1f20-455b-9100-3dfa4af78362
6. (Инвестиционный статус различных стран материкового Китая//Ministry of Economic Affairs, Executive Yuan Taiwan, 2024 г.) URL:https://dmz26.moea.gov.tw/GA/common/Common.aspx?code=H&no=9
7. Критика Новой политики южного направления Тайваньской народной партией: Политика нового южного направления, бюджет ни то не сё» // Справчосные новости, 2016 г.) URL: http://www.cankaoxiaoxi.com/tw/20160914/1305352.shtml
8. Ли Хунцзе, Исследование влияния RCEP на «новую политику южного направления» властей Тайваня // Азиатско-Тихоокеанские экономические исследования Академии социальных наук Фуцзянь. 2022. № 3. С. 122-130.)
9. Чэнь Лишуан, Су Мэйсян. Анализ влияния торголи между Тайванем и АСЕАН в рамках Новой политики южного направления // Азиантско-Тихоокеанская экономика. 2022. № 3. С. 136-142.)
10. Горбунова М.Л., Комаров И.Д. Экономическая модель Тайваня в современных геополитических условиях // Азия и Африка сегодня. 2016. № 10 (711). С. 41 - 46.
11. Лексютина Я.В. Стратегия и тактика внешней политики Тайваня в условиях обострения напряженности с Китаем // Международная аналитика. 2022. С. 76-93.
12. Лычагин А.И., Комаров И.Д. Тайваньский вопрос: внешние и внутренние детерминанты // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т.17. № 3. С. 530 – 538

The Impact of Taiwan's New Southbound Policy on Economic Dependency

Liu Xin

The article is devoted to the topic of Taiwan's foreign economic problem in modern times. Due to the export orientation of trade, foreign economic policies always occupy a key place in Taiwan's interests and are a priority work of the Taiwan government. The foreign economic policy carried out in Taiwan, the New Southbound Policy, is aimed at diversifying the trade situation, in fact, it is aimed at implementing the goal of Taiwan's independence, which on the one hand provokes the mainland, on the other hand, misses potential opportunities to develop its economy with the help of China's "one belt one road" initiative. Without reworking the policy, it is difficult for Taiwan's economy to move forward. When analyzing the effectiveness of the New Southbound Policy, special attention is paid to comparing Taiwan's trade and investment with the countries of the southern direction and with the Chinese mainland. Based on data from the Ministry of Economic Affairs (Taiwan), we can note the problems and failure of the policy.

Keywords: Taiwan, China, Tsai Ing-wen, Democratic Progressive Party, foreign economic policy

References

1. New Southern Direction Policies//Executive Yuan Taiwan, 2016) URL: https://www.ey.gov.tw/Page/5A8A0CB5B41DA11E/86f143fa-8441-4914-8349-c474afe0d44e
2. Action Plan for Taiwanese Businessmen to Return to Taiwan for Investment//Executive Yuan Taiwan, 2019) URL: https://www.ey.gov.tw/Page/5A8A0CB5B41DA11E/d0fa20f9-27f7-460e-a3e7-775f272a9cf8
3. Report on Trade Obstacles of Asia-Pacific Countries with Taiwan 2019-2020//Minister of Economic Affairs of Taiwan, 2020 d.) URL: https://www.trade.gov.tw/Pages/Detail.aspx?nodeID=802&pid=704933.

[3] «Критика Новой политики южного направления Тайваньской народной партией: Политика нового южного направления, бюджет ни то не сё» // Справчосные новости, 2016 г. URL: http://www.cankaoxiaoxi.com/tw/20160914/ 1305352.shtml

[4] Лексютина Я.В., Стратегия и тактика внешней политики Тайваня в условиях обострения напряженности с Китаем // Международная аналитика. 2022. С. 76-93.

4. Action Plan to Accelerate Investment in SMEs//Executive Yuan Taiwan, 2019) URL: https://law.moea.gov.tw/LawContent.aspx?id=GL000809
5. Action Plan to Accelerate Investment of Taiwan Enterprises//Executive Yuan Taiwan, 2019) URL: https://www.ey.gov.tw/Page/448DE008087A1971/be4af3d7-1f20-455b-9100-3dfa4af78362
6. (Investment Status of Various Mainland Countries//Ministry of Economic Affairs, Executive Yuan Taiwan, 2024) URL: https://dmz26.moea.gov.tw/GA/common/Common.aspx?code=H&no=9
7. Criticism of the New Southbound Policy Taiwan People's Party: New South Policy, Budget Neither This Nor That" // Reference News, 2016) URL: http://www.cankaoxiaoxi.com/tw/20160914/ 1305352.shtml
8. Li Hongjie, Research on the Impact of RCEP on the "New South Policy" of the Taiwan Authorities // Asia-Pacific Economic Research, Fujian Academy of Social Sciences. 2022. No. 3. Pp. 122-130.)
9. Chen Lishuang, Su Meixiang. Analysis of the Impact of Trade between Taiwan and ACEAH within the Framework of the New South Policy // Asian-Pacific Economy. 2022. No. 3. Pp. 136-142.)
10. Gorbunova M.L., Komarov I.D. Taiwan's Economic Model in Modern Geopolitical Conditions // Asia and Africa Today. 2016. No. 10 (711). P. 41 - 46.
11. Leksyutina Ya.V. Strategy and Tactics of Taiwan's Foreign Policy in the Context of Escalating Tensions with China // International Analytics. 2022. P. 76-93.
12. Lychagin A.I., Komarov I.D. Taiwan Question: External and Internal Determinants // RUDN Bulletin. Series: International Relations. 2017. Vol. 17. No. 3. P. 530 - 538

Экономическое присутствие Китая в Африке: драйвер развития или фактор зависимости?

Пархитько Николай Петрович
кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, РУДН им. Патриса Лумумбы и кафедры политологии Финансового университета при Правительстве РФ, scharnchorst@mail.ru

Курбанов Магомед Адамович
студент кафедры теории и истории международных отношений, Факультет гуманитарных и социальных наук, РУДН им. Патриса Лумумбы, info@kurbanovph.ru

Экономическое присутствие Китая в Африке вызывает разные оценки: одни считают, что оно **служит драйвером развития**, поскольку создаёт новые экономические возможности и даёт толчок к развитию некоторым странам. Китай активно инвестирует в инфраструктурные проекты, участвует в разработке и добыче природных ресурсов, предоставляет кредиты и субсидии на финансирование различных проектов в Африке.
Однако есть и **опасения**, связанные с экономическим присутствием Китая в Африке: некоторые страны могут попасть в долговую ловушку и потерять свой экономический суверенитет. Кроме того, активность китайских компаний и кредиторов в Африке беспокоит западных лидеров. Они опасаются, что Китай получит контроль над стратегически важными минералами, создаст новые военные базы и будет доминировать над африканскими энергетическими компаниями.
Ключевые слова: экономика, зависимость, развитие, инвестиции, разработки.

Введение:

Африканские страны являются развивающимися рынками, и Китай рассматривает их как важную площадку для глобальных инвестиций.

Влияние китайского присутствия на социально-экономическую ситуацию в Африке. Китайские инвестиции закрепляют положение стран региона в качестве источников сырьевых ресурсов.

Некоторые исследователи считают, что присутствие Китая в Африке принесло новые экономические возможности и дало толчок к развитию нескольким странам. Другие указывают на социальные и экономические трения, вызванные притоком китайских компаний и рабочих.

Необходимость анализа влияния на экологическую обстановку. Некоторые учёные отмечают, что китайские инвестиции могут оказывать отрицательное влияние на экологию в регионе.

Существуют разные точки зрения на влияние экономического присутствия Китая в Африке, например, некоторые эксперты называют действия Китая «неоколониализмом». Другие считают, что Китай способствует активному и всестороннему развитию инфраструктуры, промышленности и, в конечном счёте, экономики африканских стран и континента в целом.

Таким образом, можно рассмотреть как положительные, так и отрицательные стороны экономического присутствия Китая в Африке, а также проанализировать, какие факторы влияют на формирование мнения о нём как о драйвере развития или факторе зависимости.

Результаты исследований и их обсуждение:

Китай уже долгие годы удерживает статус ведущего экономического партнёра африканских стран, демонстрируя колоссальный рост товарооборота, значительные инвестиционные вливания и растущее влияние на развитие инфраструктуры континента. За последние двадцать лет объём двусторонней торговли вырос с 12 млрд долларов до впечатляющих 282 млрд долларов в 2023 году, что свидетельствует об ускоренном развитии связей между Китаем и Африкой.

При этом большая часть вложений китайских компаний и банков развития сосредоточена в сфере промышленного производства и инфраструктурных проектов. Значимую роль в экономическом сотрудничестве занимает инициатива «Пояс и путь», в рамках которой африканские государства получают длинные кредиты на строительство дорог, портовых сооружений, линий электропередачи и другой жизненно важной инфраструктуры. В 2023 году Китай выделил рекордные 21 млрд долларов, направив их

на строительство новых скоростных автомагистралей, модернизацию сельскохозяйственного сектора и расширение добычи полезных ископаемых, что не только способствует развитию стратегически важных отраслей, но и создаёт тысячи новых рабочих мест для местного населения.

При этом китайское правительство стремится увеличить не только экспорт своих товаров на африканский рынок, но и расширить возможности африканских производителей выводить продукцию в Китай и на другие азиатские рынки. Особое внимание уделяется сельскому хозяйству и добывающей промышленности, которые остаются ключевыми источниками дохода многих африканских стран.

Укрепление экономических связей поддерживается деятельностью свыше десяти тысяч китайских компаний и предприятий, работающих во множестве отраслей – от строительства и энергетики до телекоммуникаций и банковской сферы. Китайские банки предоставляют льготные кредиты и финансовую поддержку для реализации крупных проектов, позволяя африканским государствам развивать свою транспортную и коммуникационную инфраструктуру даже в удалённых регионах.

Подобная инициатива обещает предоставить новые возможности для взаимовыгодного сотрудничества, укрепления торговых связей и долгосрочного экономического партнёрства между Китаем и странами Африки, задавая вектор развития всей континентальной инфраструктуры и формируя основу для дальнейшего роста объёмов торговли и инвестиций.

Экономическое присутствие Китая в Африке сегодня рассматривается многими экспертами как значимый двигатель развития всего континента, поскольку Пекин успел стать одним из ведущих инвесторов, торговых партнёров и финансовых покровителей для государств данного региона. Масштабное вливание капитала в инфраструктуру – дороги, железнодорожные магистрали, порты и логистические узлы – стимулирует экономический рост, создаёт рабочие места и способствует налаживанию более тесных связей между разрозненными регионами. Китайские компании берут на себя долгосрочные обязательства по строительству скоростных автомагистралей, которые позволяют ускорять транспортировку товаров, а также модернизируют железнодорожные ветки, облегчая перемещение сырья, сельскохозяйственной продукции и промышленных товаров. Одновременно с инфраструктурными проектами китайский бизнес активно участвует в освоении природных ресурсов Африки: от нефти и газа до разнообразных металлов и угля. Это содействует росту доходов африканских стран, формирует налоговую базу и часто обеспечивает переход к более диверсифицированным формам хозяйствования.

Помимо совместной разработки залежей и добычи полезных ископаемых, Китай предоставляет африканским странам кредиты и субсидии через профильные банки и фонды, что создаёт дополнительные возможности для финансирования крупных проектов: строительство электростанций, внедрение современных технологий в сельское хозяйство, запуск индустриальных парков и развитие региональной инфраструктуры. Одним из важных направлений партнёрства выступает содействие выходу китайских компаний на африканские рынки: для этого проводятся деловые форумы, отраслевые выставки и переговоры, в ходе которых компании договариваются о совместных предприятиях и обсчитывают перспективы расширения сотрудничества.

По данным на 2023 год, Китай вложил в экономику африканских государств рекордные 21 млрд долларов, фокусируясь на строительстве скоростных автомагистралей, модернизации сельскохозяйственных предприятий, а также на масштабной разработке полезных ископаемых. Благодаря такому подходу Пекин пытается утвердиться в роли надёжного партнёра, который, в отличие от ряда западных стран, не выдвигает ответных политических условий, а стремится поддерживать экономический и социальный рост в Африке путём долгосрочного сотрудничества и взаимных инвестиций.

Экономическое присутствие Китая в Африке в последние годы достигло впечатляющих масштабов, что особенно заметно при сравнении текущих показателей с данными начала XXI века. По оценкам Международного торгового центра (ITC), в 2023 году общий товарооборот между Китаем и африканскими государствами вырос более чем в двадцать раз по сравнению с 2000 годом и составил около 283 миллиардов долларов. Основную часть импорта КНР со стран континента формируют ископаемые ресурсы, включая нефть и другие виды минерального сырья, которые обладают большим значением для промышленности и энергетического сектора самой Китая. При этом многие африканские экономики заинтересованы в притоке иностранных инвестиций, и Пекин занял в этой сфере лидирующие позиции: примерно 21 миллиард долларов был направлен на развитие инфраструктуры, сельского хозяйства и добывающего сектора в 2023 году. Ключевые проекты включают строительство скоростных автомагистралей, модернизацию аграрных предприятий и расширение горнодобывающих мощностей. Наряду с прямыми инвестициями значительную роль играет и кредитование африканских стран со стороны китайских финансовых институтов.

По подсчетам Бостонского университета, в период с 2000 по 2023 год предоставлено порядка 1,3 тысячи займов на общую сумму 182,28 миллиарда долларов. Пик выдачи кредитов пришелся на 2016 год, когда объем достиг рекордных 28,8 миллиарда долларов, но в последующие несколько лет наблюдалось заметное снижение. Тем не менее в 2023 году объем кредитования вновь вырос и достиг примерно 4,6 миллиарда долларов, что говорит о сохранении интереса Китая к дальнейшему финансированию африканской экономики. Размеры торговли также свидетельствуют о большой вовлеченности сторон: по разным оценкам, в 2023 году общий объем взаимной торговли, учитывающий экспортно-импортные операции, составил около 282 миллиардов долларов, при этом значительная часть приходится на поставки товаров из Китая в африканские страны.

В то же время экспорт из Африки в КНР немного сократился – на 7%, что может быть связано как с изменением структуры спроса в Китае, так и с конъюнктурой цен на сырьевых рынках. Все эти показатели демонстрируют стремительную динамику экономического взаимодействия и объясняют устойчивую заинтересованность Пекина в продолжении сотрудничества с африканскими государствами. Подобное партнерство дает странам континента доступ к дополнительным инвестициям и кредитам, что помогает им развивать инфраструктуру, повышать производительность сельскохозяйственного сектора и наращивать объемы добычи полезных ископаемых. При этом интерес со стороны Китая к неисчерпанному потенциалу Африки свидетельствует о том, что в перспективе торгово-экономические связи между сторонами могут развиваться еще активнее, способствуя как модернизации африканской экономики, так и удовлетворению растущих потребностей Китая в сырье и новых рынках сбыта.

В топ-5 торговых партнёров Китая на континенте в 2024 году вошли:

— **Южно-Африканская Республика (ЮАР)** – 55,7 млрд долларов. ЮАР лидирует как по импорту, так и по экспорту.

— **Ангола** – 23,1 млрд долларов. Ангола завезла в Китай продукции на **18,9 млрд долларов** (99% – это нефтепродукты), в то время как Китай поставил товаров на **4,2 млрд долларов** (в основном электромобили).

— **Нигерия** – 22,7 млрд долларов. КНР поставила в Нигерию продукции на **20,3 млрд долларов** (электромобили и другие транспортные средства, ядерные реакторы, транспортные средства), а республика экспортировала в Китай товаров на **2,3 млрд долларов** (в основном минеральное топливо).

— **ДР Конго** – 18,8 млрд долларов. ДРК завозит в Китай больше продукции, чем получает: её экспорт составил **14,3 млрд долларов** (медь и другие недрагоценные металлы и изделия из них, руда), а КНР поставила республике продукции на **4,5 млрд долларов** (ядерные реакторы, электромобили и другой транспорт).

— **Египет** – 15,8 млрд долларов. Китайский экспорт составил **14,9 млрд долларов** (самые крупные категории – электромобили и ядерные реакторы), а Египет же поставил в КНР продукции на **880,8 млн долларов** (в основном минеральное топливо и нефтепродукты).

С одной стороны, активное развитие китайского бизнеса в странах региона может привести к **положительным последствиям**: росту экономики, улучшению качества жизни, образованию и социальному развитию наименее развитых стран. Китай заинтересован в африканских странах, поскольку они обладают рядом ценных ресурсов, необходимых КНР, в первую очередь полезными ископаемыми.

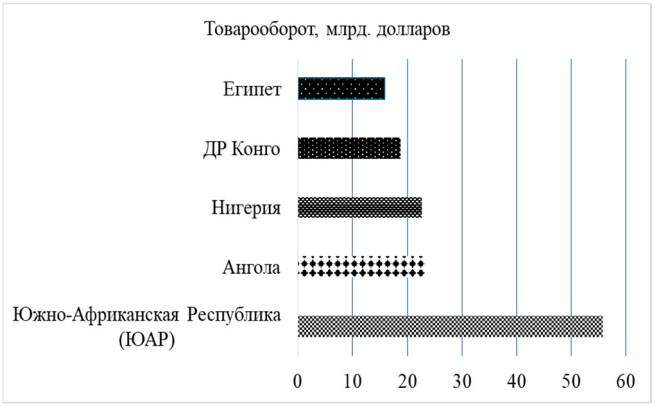

Рисунок 1. Товарооборот, млрд долларов

С другой стороны, развитие китайского присутствия в Африке может вызвать **негативные последствия**: увеличение неравенства на континенте и **напряжение в регионе**, в том числе привести к военным конфликтам.

Китай, в рамках концепции «Один пояс — один путь», участвует в инфраструктурных проектах в Африке, развивает морские порты и аэропорты, создаёт технопарки. При этом Китай стремится не только развивать инфраструктуру, но и контролировать её.

Некоторые эксперты отмечают, что предоставленные под относительно невысокий процент кредиты в перспективе могут повысить риск долговых ловушек, если не будет продуман грамотный план их обслуживания и если доходы от инвестиционных проектов окажутся ниже ожидаемых. Кроме того, существует мнение, что усиленное присутствие Китая в регионах Африки способно обострить социальное неравенство: в ряде случаев крупные проекты, связанные со строительством или добычей полезных ископаемых, подразумевают узкий финансовый круг бенефициаров, а выгоды для широких слоев населения могут оказаться ограниченными. К тому же наблюдатели указывают на вероятность усиления конкуренции между этническими группами, экономическими элитами или транснациональными корпорациями, что в крайнем случае грозит взрывом напряженности и даже военными конфликтами, если ситуация выходит из-под контроля.

Немаловажную роль играет и вопрос качества китайской продукции и привлеченной рабочей силы.

Экономическое присутствие Китая в Африке можно рассматривать как драйвер развития для некоторых стран континента.

Несколько фактов, которые подтверждают этот вывод:

— Инвестиции Китая способствуют решению острых проблем развития, в том числе в сфере инфраструктурного обеспечения.

— Связи с Китаем помогают африканским странам улучшать переговорные позиции в отношениях с другими внешними игроками и преодолевать периферийное положение в мировой экономике и политике.

— Присутствие Китая в Африке принесло новые экономические возможности, что дало толчок к развитию нескольким странам.

— Китай способствует активному и всестороннему развитию инфраструктуры, промышленности и, в конечном счёте, экономики африканских стран и континента в целом.

Однако есть и мнение, что экономическое присутствие Китая в Африке имеет естественные пределы. Большинство стран континента рады сотрудничеству с Китаем, но только до определённых границ и только на особо выгодных условиях.

Таким образом, вывод о том, является ли экономическое присутствие Китая в Африке драйвером развития или фактором зависимости, зависит от точки зрения и конкретных аспектов анализа.

Литература

1. Абрамова И., Фитуни Л. Африканский сегмент многополярного мира: динамика геостратегической значимости // Мировая экономика и международные отношения. 2018 Т. 62 № 12 С. 5–14.
2. Лебедева И. Б. Индийский океан: вызовы XXI века и Индия (очерки международных отношений). Отв. ред. Т.Л.Шаумян. – М.: Институт востоковедения РАН, 2018 256 с.
3. Репников Д. А. Формирование специфических конкурентных преимуществ Китая на мировом рынке вооружений и военной техники // Инновации и инвестиции. 2023 № 8 С. 78–81.
4. Юймэн Ц. Миротворческая деятельность в концепции глобального управления безопасности китайского лидера Си Цзиньпина // Международные отношения. 2023 № 2 С. 36–52.
5. Bayes T. China’s Growing Security Role in Africa: Suggestions for a European Response. The Multinational Development Policy Dialogue – Konrad Adenauer Stiftung in Brussels Report. – Brussels: Konrad Adenauer Stiftung, 2020 14 p.
6. Nantulya P. Chinese Security Contractors in Africa. Carnegie Endowment for International Peace; Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy. 8 October 2020 12 p.
7. Zhang C., Zhang M. China–Africa Cooperation in the Peace and Security Issue. – Beijing: China Social Science Press, 2018 100 p.

China's economic presence in Africa: a driver of development or a factor of dependence?

Parkhitko N.P., Kurbanov M.A.

Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

China's economic presence in Africa is subject to varying assessments: some believe that it serves as a driver of development, as it creates new economic opportunities and gives impetus to the development of some countries. China actively invests in infrastructure projects, participates in the development and extraction of natural resources, provides loans and subsidies to finance various projects in Africa. However, there are also concerns about China's economic presence in Africa: some countries may fall into a debt trap and lose their economic sovereignty. In addition, the activity of Chinese companies and lenders in Africa worries Western leaders. They fear that China will gain control of strategically important minerals, establish new military bases, and dominate African energy companies.

Keywords: economy, dependence, development, investments, developments.

References

1. Abramova I., Fituni L. The African segment of the multipolar world: the dynamics of geostrategic significance // World Economy and International Relations. 2018 Vol. 62 No. 12 Pp. 5–14.
2. Lebedeva I. B. Indian Ocean: challenges of the 21st century and India (essays on international relations). Ed. T. L. Shaumyan. – Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2018 256 p.
3. Repnikov D. A. Formation of specific competitive advantages of China in the global arms and military equipment market // Innovations and Investments. 2023 No. 8 Pp. 78–81.
4. Yumeng Q. Peacekeeping activities in the concept of global security governance of the Chinese leader Xi Jinping // International Relations. 2023 No. 2 P. 36–52.
5. Bayes T. China’s Growing Security Role in Africa: Suggestions for a European Response. The Multinational Development Policy Dialogue – Konrad Adenauer Stiftung in Brussels Report. – Brussels: Konrad Adenauer Stiftung, 2020 14 p.
6. Nantulya P. Chinese Security Contractors in Africa. Carnegie Endowment for International Peace; Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy. 8 October 2020 12 p.
7. Zhang C., Zhang M. China–Africa Cooperation in the Peace and Security Issue. – Beijing: China Social Science Press, 2018 100 p.

Дискурс-анализ произведения Хасана аль-Банны «К свету»: идеологические, риторические и политические аспекты

Маркос Мина Атеф Махер
аспирант кафедры сравнительной политологии ФГСН, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1042235245@pfur.ru

Данная работа представляет дискурс-анализ произведения Хасана аль-Банны «К свету», в которой рассматриваются идеологические, риторические и политические аспекты его учения. Особое внимание уделено основным этапам развития дискурса аль-Банны и его влиянию на формирование идеологии движения «Братья-мусульмане». В тексте анализируются пятьдесят требований, сформулированных аль-Банны, охватывающих политическую, социальную, экономическую и образовательную сферы, направленные на установление исламской системы на основе шариата. Подчеркивается отрицание западной модели государства и политико-правовых систем. Выявлены ключевые идеологии, такие как всеобъемлющий характер ислама, постепенные реформы, антизападничество, международное единство мусульман и социальная справедливость. Работа демонстрирует связь между религиозным дискурсом и политическим исламом, что важно для понимания противоречий между традиционными и современными концепциями государственного устройства и демократии.
Ключевые слова: Хасан аль-Банна, «Братья-мусульмане»*, религиозные аспекты, политическая активность, исламские движения, легитимность, политический ислам, дискурсы.

«Братья-мусульмане» - Запрещённая организация на территории Российской Федерации (решение Верховного Суда РФ от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003).

Introduction

Hassan al-Banna has many letters that he wrote to his group and followers. It is mentioned that he wrote 27 letters, but two of his first letters were lost. (He wrote many letters, and many of them have also been lost; however, this is the number according to Brotherhood sources.). Hassan al-Banna established and clarified the purpose of his speeches, which were based on speaking to the Brotherhood, reminding them of the principles upon which the group was founded, and cooperating to achieve the group's goals and interests. He explained that it is for those who do not know what is in it, knowledge, and for those who know it, a reminder. He made it more clear and comprehensive in the Sixth Conference in 1941 that the purpose of these speeches and letters was to review the work, what had been done and what would be done, to explain the achievements made by the Muslim Brotherhood*, to remind people of the stages of the method, goals, and means so that they would not deviate from the path, the position of the Muslim Brotherhood* on some of the different organizations, and to talk about the call and its foundations for the sake of reminders (Al-Banna, 1978) (Al-Bayoumi Ghanem, 2002).

Historical Stages of Hassan al-Banna's Discourses:

These letters are divided into four main stages. The aim of dividing them was to facilitate their study and to understand the historical stages that the Muslim Brotherhood* went through and how Hassan al-Banna, the founder of the group, was a pioneer in his idea to organize and facilitate the group's mission and to spread the call according to his ideas and how he planned in advance and continuously throughout his life to ensure the continuity of the missionary process and its spread. By examining the content of all the letters and speeches, we find that they can be divided as follows (Mitchell, 1993, p. 327):

- The first stage: Introduction and Dissemination of the Mission:

During the first stage, Hassan al-Banna planned for the Muslim Brotherhood's* call to spread over a specific period of time until it was recognized and reached a broad mass base. From 1928 to 1938, al-Banna focused on and delivered a few discourses. The first two letters were lost, then three letters were delivered in the same year: “To What Do We Call the People?, May 1934”; “Are We a Practical People?, August 1934”; and "Beliefs, 1934”.

The following year, he delivered “Our Call, April 1935”; followed by “Proverbs, 1936”.

- The second stage: Selection and Formation:

From 1938 to 1942, the second phase was divided into several important steps revealed through a deep understanding of Hassan al-Banna's discourses: the

first step, deep faith; the second, careful formation; and the third, continuous work.

Hassan al-Banna concentrated his speeches and discussions during this time on the educational program of the Muslim Brotherhood*. All of the group's beliefs, which are strongly related to the Quran, the Prophet's Sunnah, and Islamic interpretations, are referred to here as the educational curriculum. He changed this curriculum to a social approach that was in line with social and political issues, among other things, in a way that some might find extreme or even extreme and antagonistic to anyone who disagreed with the group's beliefs. This will be revealed in detail later.

Hassan al-Banna wrote many discourses during this phase: the "Muslim Brotherhood* Students' Conference, February 1938"; "the Methodology Message, 1938"; the "Teachings Message, 1938"; and "Al-Munajat, 1938". The following year, he presented the message of "The Fifth Conference, February 1939" and "The Muslim Brotherhood* Under the Banner of the Qur'an, April 1939". In 1940, he presented "The Muslim Woman, April 1940"; the following year, he presented "To Youth in General and to Students in Particular, April 1941"; and the message of "The Sixth Conference, January 1941".

- The third stage: Implementation and Constitutional Struggle:

From 1942 to 1948, during this phase, Hassan al-Banna focused on dominating the ideas in his speeches to be crystallized in the implementation of his specific commandments and the struggle for the group's political goals. He wrote these letters during this phase: "The Message of Our Call in a New Era, August 1942"; "Between Yesterday and Today (The Unlettered Prophet From the Developments of Islamic Thought and Its Goals), 1943"; "Families (Al'Usar),1943"; "Conference of the Heads of Regions, Branches, and Jihad Centers of the Muslim Brotherhood* Across the Country, September 1945"; "The First Popular Conference in Cairo, October 1945"; "Jihad (Jihad), 1947"; "Towards the Light, May–June 1947" ; "On the Science of Hadith, 1947"; "Our Problems in Light of the Islamic System, November 1947"; "The Brotherhood and Elections, September 1948".

- The final stage of Ordeal:

The stage of ordeal, 1949. During this stage, Hassan al-Banna wrote the letter "Our Cause, January 1949." This was the last thing Hassan al-Banna, founder of the Muslim Brotherhood*, wrote and presented before his assassination.

The primary purpose of Hassan al-Banna's letters was to address the Brotherhood, remind them of their principles, and encourage cooperation toward this goal. The ultimate goal of these letters was to combine knowledge with action and to diagnose the current state of the nation. He established a unified standard for understanding through the Holy Quran, then discussed the means leading to the Muslim goal. He also addressed how God granted them victory, proving the sincerity of the goal and the effectiveness of the method through stories mentioned in the Quranic text.

He identified the true battlefield, which is the field of soul-building. Then he described the current state of the nation with regard to prayer, zakat, jihad, and the Quran. demonstrated that the disease lies in adherence to the superficial aspects of these acts of worship without the essence. He clarified the correct understanding of these acts according to the Quran, the Sunnah, the Prophet's biography (Sirah), and the actions of the Rashidun (Rightly-Guided Caliphs).

Hassan al-Banna diagnosed the current state of the nation in terms of their faith in Islam, the difference between the faith of the Brotherhood and that of other Muslims, and the correct understanding of Islam with evidence.

"Towards the Light, May-June 1947"

In his letter "Towards the Light, May-June 1947", Hassan al-Banna outlined the fifty demands that he established as the foundations of the group. He then outlined some practical reform steps in the political, judicial, administrative, social, scientific, and economic spheres. This outlined his strategic thinking and the Islamic approach that should be followed by all Muslim states and rulers. From Hassan al-Banna's perspective, this era was one of transition from one phase to another in Egypt. The gravity of this time required defining the mission the country must work to develop and achieve. He believed that following the West (Western countries) was not a suitable means for Egypt's renaissance. Rather, Egypt must adopt the Islamic approach and implement it as a means for the nation's renaissance (Al-Banna, 1978) (Abdel Halim Mahmoud, 2018).

He also spoke about the relationship with Western countries and the Western foreign minorities residing within Egypt and the danger of importing ready-made ideas and solutions from one place to another, for example, from Western countries to Egypt, as Hassan al-Banna stated, "The origins of renaissance in the East are different from their origins in the West" (Al-Bayoumi Ghanem, 2009, p. 115) (Lia, 2011, p. 233).

Hassan al-Banna's treatise, entitled Towards the Light, is divided into several sections: the main introduction and the prefaces, which branch into four points: The Era of Transition- At the Crossroads- The Advantages of the Islamic Orientation- Western Civilization (Al-Banna, 1978).

Islam is Enabled to Support the State:

It is divided into eight points: Islam and Hope- Islam and National Pride- Islam and Military Strength- Islam and Public Health- Islam and Science- Islam and Morality- Islam and Economics-General Islamic Systems.

- Islam's position on minorities and foreigners.
- Islam's position on relations with the West.
- A bold but successful step.
- Religious men other than religion.
- The origins of the Renaissance in the East are not the West.
- Practical reform steps: The form of the Fifty Demands (Political, Judicial, and Administrative Perspective; Social and Scientific Perspective- Economic Perspective.)

The demands included three main sections as follows:

Ten demands from a political, judicial, and administrative perspective: From a political, judicial, and administrative perspective, the demands included ten basic provisions aimed at raising awareness and facilitating the political, judicial, and administrative conditions of the Egyptian state.

removing partisanship and guiding the country's political forces in a single direction; bringing all areas of law into compliance with Islamic law by reforming and changing them; bolstering the military and expanding youth organizations founded on Islamic jihad; fostering closer relations between all Arab and Islamic nations in order to give the lost caliphate careful thought; requiring adherence to Islamic principles and fostering an Islamic culture across all government agencies.

Monitoring employees' personal behavior and not separating the practical and personal aspects; Regulating work hours in both summer and winter to facilitate the performance of prayer and fasting and eliminate the need to stay up late; Relying solely on legal justifications and eliminating bribery and favoritism; Ensuring that no government department or activity operates contrary to the teachings of Islam. All government activities and departments must be weighed against Islamic rulings and teachings, and work shifts must be divided so as not to conflict with prayer times; Al-Azhar graduates are trained and hired for military or administrative roles.

Thirty demands from a social and scientific standpoint: These demands were included from a social and scientific standpoint to address the state of education and the entire educational and scientific process, as well as to regulate public morals and people's conditions.

These demands included the following: the state should set rules for upholding public morals, supported by legal protection and severe penalties; women's issues should be addressed in line with Islamic teachings; all forms of prostitution, whether secret or public, should be outlawed, and adultery should be punished by flogging; all gambling, betting, lotteries, and club betting should be outlawed; and the Islamic nation should be freed from alcohol, with the state fighting it as it fights drugs.

Resisting indecency and immodesty, working to guide women, and emphasizing this especially on female doctors, teachers, students, female students, and those in similar positions; Review all educational curricula for girls and differentiate them from those for boys; Prohibiting mixing between men and women or between male and female students completely and considering any seclusion of a man with a woman who is not permissible for him a crime for which they will be held accountable; Encouraging marriage and enacting legislation that protects the family and solves the problem of marriage; Close nightclubs and halls, prohibit dancing, etc.

Keeping an eye on movies and carefully choosing screenplays; ensuring that songs are closely observed, improved, and their lyrics are carefully chosen; choosing appropriately what is aired or shown to the country, including programs, lectures, songs, and other subjects, whether it be in written, audio, or visual form; confiscating books and novels that are provocative and corrupt, as well as publications that encourage immorality and take advantage of lust; Summer resorts should be carefully planned to prevent any disorder or profanity from visitors, as this could defeat the main objective of summer vacations.

Find out when public cafes are open and closed. Teach illiterate people to read and write by using these cafes. opposing detrimental traditions, whether they be moral, financial, or otherwise, such as those that occur during holidays, weddings, and funerals; punishing anyone who disobeys or transgresses Islamic teachings, including intentionally skipping prayer, breaking the Ramadan fast, disparaging religion, and similar behaviors; incorporating mandatory education into mosques and villages while making sure that both are completely transformed.

Religious education should be made mandatory as a core subject in all schools and universities; Memorization of the Quran should be encouraged, and memorization should be made a condition for obtaining academic degrees related to religion and language; Establish a consistent educational policy to raise its standard, unify its types with common purposes and objectives, and designate the first stage as a focus on nurturing a national spirit and upright morals; Paying attention to the Arabic language, especially in the early stages, rather than other foreign languages; Focusing only on Islamic history, the history of Islamic civilization, national education, and the national history of the country.

attempting to gradually harmonize national fashions; removing and attempting to rectify the foreign spirit in homes with regard to language, customs, fashion, nannies, nurses, etc. guiding the media and motivating writers and authors to concentrate on Eastern Islamic subjects; raise awareness of health issues, expand the number of clinics, hospitals, and physicians, and make treatment easier; attempting to maintain villages' cleanliness, order, culture, health, and water quality.

Ten demands from an economic standpoint: These demands were included from an economic standpoint to control economic conditions, projects, and commercial banks' status, converting them into Sharia-compliant Islamic banks, as well as other issues pertaining to industry, agriculture, and projects.

Regulating zakat according to the teachings of Islamic law, both income and expenditure, and using it for essential charitable projects; Prohibiting usury and regulating banks according to Islamic law. The government will abolish interest in its own projects, such as the Credit and Industrial Loans Bank and others; Encouraging economic projects, employing the unemployed, and extracting foreign assets for purely national purposes; Protecting the public from monopolistic companies and obtaining every possible benefit for the public; Improving the conditions of junior employees by raising salaries, bonuses and reducing senior employees' salaries.

Limiting jobs to essentials and distributing work fairly among employees; Encouraging agricultural, industrial, and commercial guidance and focusing on productivity; Taking care of workers' technical and social affairs;

Making the most of natural resources; Prioritizing necessary projects in implementation and construction (Lia, 2009) (Wickham C, 2013).

As for the basic ideologies around which the Muslim Brotherhood* was formed, It can be summarized in a few specific points such as: Political Islam, social systems, global influence, change and influence in society (Al-Arian, 2014).

According to the Muslim Brotherhood*, Islam ought to play a significant role in public life and politics. The tenet of the Brotherhood is that Islamic law ought to govern every facet of life, including politics and the economy. Hassan al-Banna highlights the value of political action as a way to accomplish Islamic objectives in his "Message to the Youth."; The Muslim Brotherhood* calls for a social system characterized by justice and equality, based on the principles of Islam (Lia, 2009). The group emphasizes addressing social and economic problems by providing social services, such as education and health, to the masses as a means of building a popular support base. By adopting a global perspective of Islam, the Muslim Brotherhood* aims to increase its influence outside of the boundaries of the nations in which it works. The group feels that Muslims around the world are united and that a global response is necessary to the problems they face; the Muslim Brotherhood* thinks that real change has to come from within, and they stress education and culture as ways to change society. The group's internal conflicts are mostly about the idea that Islam has social and political roots. They want to change people's minds before they change governments (Al-Banna, 1978) (Hamza Ziada, 2015).

Conclusion

Hassan al-Banna established the Muslim Brotherhood* in Ismailia, Egypt, in 1928. Its main objective was to restore Islamic identity by means of an all-encompassing reform strategy that included education, politics, society, and the economy. During that period, Egypt witnessed British colonialism and a clear Western influence in all aspects of life, which motivated al-Banna to present a comprehensive Islamic vision as a civilizational alternative. Al-Banna saw the need to revive the comprehensive concept of Islam (religion and state) in the face of secular, nationalist, and liberal trends. Hassan Al-Banna demanded that society be restructured in accordance with Islamic principles and that a "comprehensive Islamic system" based on Sharia law be established. He thought that in order to accomplish gradual reform, political participation was essential. He emphasized the importance of religious and educational instruction in bringing about social and political change.

Analysis of Hassan al-Banna's Political Discourse (The Letter "Towards the Light" as a Model) About the Letter "Towards the Light" (1947): Al-Banna addressed this letter to the leaders of Arab and Islamic countries, officially and publicly presenting his Islamic reform project. The message included a comprehensive vision for reforming the education, judicial, economic, legislative, political, and moral systems in society. A comprehensive Islamic reference and the application of Sharia as the primary source of legislation in the administration of state and society. An explicit call to reject Western positive laws. A call to reform the educational system according to an Islamic approach that ensures moral and religious education. It emphasized the necessity of integrating secular and religious sciences. It called for social justice and combating poverty through the implementation of an Islamic economic system that prohibits usury and supports fair distribution of wealth. It encouraged cooperation and solidarity between Islamic and Arab countries as a single bloc in the face of colonialism and Western dependency. It proposed a judicial system based on the provisions of Islamic Sharia. It emphasized the importance of a constitution derived from Islam.

Ideologies resulting from an analysis of Hassan al-Banna's discourse; through an analysis of al-Banna's discourse, particularly his message "Towards the Light," several basic ideologies become clear:

The ideology of the comprehensiveness of Islam: Islam is a comprehensive system that governs all aspects of life (political, economic, social, and moral). It disagreed with keeping religion apart from politics and the government.

The gradual reform ideology is the conviction that change can be achieved by gradually transforming society and individuals via education, then gradually gaining power.

The anti-Westernization and anti-Westernism ideology emphasizes the intellectual and cultural autonomy of Muslim societies while offering a scathing critique of the Western civilizational project.

The call to unite Muslims under a common identity that cuts across national boundaries is known as Islamic internationalism or the ideology of Islamic unity.

The ideology of social justice: The need to embrace Islamic social justice principles in the face of exploitation, injustice, and poverty.

Discourse Analysis of Hassan al-Banna's "Towards the Light"

Markos Mina Atef
RUDN University

This paper presents a discourse analysis of Hasan al-Banna's work "Towards the Light", which examines the ideological, rhetorical and political aspects of his teaching. Particular attention is paid to the main stages of the development of al-Banna's discourse and its influence on the formation of the ideology of the Muslim Brotherhood movement. The text analyzes fifty demands formulated by al-Banna, covering the political, social, economic and educational spheres, aimed at establishing an Islamic system based on Sharia. The denial of the Western model of the state and political and legal systems is emphasized. Key ideologies are identified, such as the comprehensive nature of Islam, gradual reforms, anti-Westernism, international unity of Muslims and social justice. The work demonstrates the connection between religious discourse and political Islam, which is important for understanding the contradictions between traditional and modern concepts of government and democracy.

Keywords: Hassan al-Banna, Muslim Brotherhood*, Religious implications, Political engagement, Islamic movements, Legitimacy, Political Islam, Discourses.

References

1. Al-Banna, H. (1978). Majmu'at rasa'il al-Imam al-Shahid Hasan al-Banna [Collected epistles of the martyred Imam Hasan al-Banna]. (pp. 171-216) IIFSO.
2. Al-Bayoumi G, Ibrahim (2009). Hassan al-Banna and the Transitional Period: Egypt Between Occupation and Awakening. (ACPSS) Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies.
3. Abdel Halim Mahmoud, Nadia (2018). The Liberationist Discourse in the Letters of Hassan al-Banna. Conference on Contemporary Islamic Thought, Cairo University.
4. Lia, B. (2011). Hasan al-Banna's Critique of Western Modernity. Islamic Studies Journal.

5. Lia, B. (2009). The Society of the Muslim Brothers in Egypt: The Rise of an Islamic Mass Movement. Ithaca Press.
6. Hamza Z, Muhammad. (2015). Hassan al-Banna's Reform: A Reading of the Renaissance Project. Omran Journal of Social Sciences.
7. Al-Bayoumi Ghanem, Ibrahim (2002). The Historical Development of Hassan al-Banna's Thought. Al-Mesbar Center for Studies and Research.
8. Al-Banna, H. (1978). Majmu'at rasa'il al-Imam al-Shahid Hasan al-Banna [Collected epistles of the martyred Imam Hasan al-Banna]. Dar al-Da'wah.
9. Mitchell, R. P. (1993). The Society of the Muslim Brothers. Oxford University Press.
10. Al-Arian, A. (2014). Answering the Call: Popular Islamic Activism in Egypt. Oxford University Press.
11. Wickham, C. R. (2013). The Muslim Brotherhood: Evolution of an Islamist Movement. Princeton University Press.

Императивное регулирование как инструмент санкционной устойчивости российской нефтегазовой отрасли: опыт 2022–2025 гг.

Сахибгареев Эмиль Вильевич
аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, emil.02@ya.ru

В статье проанализированы ключевые правовые механизмы, применяемые в российской нефтегазовой отрасли в ответ на беспрецедентное санкционное давление 2022–2025 гг. Обоснована актуальность государственного вмешательства посредством публично-правовых инструментов для защиты отрасли. Описаны специальные меры экспортного контроля (запрет поставок нефти по ценовому потолку, контрсанкционные ограничения), изменения валютного регулирования (обязательная продажа экспортной выручки, переход на расчеты в рублях за газ), ограничения для иностранных инвесторов (запрет на отчуждение долей в стратегических предприятиях ТЭК), трансформация соглашений о разделе продукции (на примере проекта «Сахалин-2») и комплекс мер по импортозамещению и поддержке отрасли. Приведены новейшие нормативные акты и примеры правоприменения. Особое внимание уделено возросшей роли императивных норм публичного права, обеспечивших приоритет национальной юрисдикции над иностранными ограничениями. Научная новизна работы состоит в комплексном обзоре санкционно-устойчивого правового режима в нефтегазовом секторе России, сформированного в 2022–2025 гг., и оценке его влияния на устойчивость отрасли. Сделан вывод, что внедрённые механизмы позволили минимизировать ущерб от санкций, хотя породили новые вызовы для правовой системы.

Ключевые слова: санкции, нефтегазовая отрасль, правовое регулирование, экспортный контроль, иностранные инвестиции, импортозамещение, публично-правовые меры, санкционная устойчивость

Введение

Российский нефтегазовый сектор с 2022 года столкнулся с беспрецедентными внешними ограничениями: ведущие западные страны ввели эмбарго, ценовые лимиты и финансовые санкции, нацеленные на сокращение экспортных доходов России. Это создало угрозу энергетической безопасности и потребовало безотлагательной мобилизации правовых ресурсов для адаптации отрасли. Государство ответило широким комплексом **публично-правовых мер**, призванных обеспечить устойчивость нефтегазового комплекса в новых условиях. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обобщения этих мер и оценки их эффективности.

Цель настоящей работы – провести комплексный анализ правовых механизмов регулирования российской нефтегазовой отрасли, задействованных в 2022–2025 гг. под санкционным давлением, а также выявить их роль в обеспечении стабильности отрасли. Для достижения цели в **задачи** исследования входило:

1. Охарактеризовать специальные меры экспортного контроля и противопоставления санкциям;
2. Исследовать изменения валютно-финансового регулирования экспортеров;
3. Проанализировать ограничения, наложенные на иностранных инвесторов в ТЭК;
4. Раскрыть правовые шаги по реорганизации соглашений о разделе продукции и долгосрочных проектов;
5. Описать меры стимулирования импортозамещения и защиты отрасли;
6. Обобщить влияние публично-правовых механизмов на устойчивость нефтегаза.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые в исследовании сведены воедино все основные правовые ответы российского государства на санкции в нефтегазовом секторе за последние три года, тогда как прежние исследования затрагивали лишь отдельные аспекты. Авторский подход отличается комплексностью и опорой на новейшую нормативную базу.

В теоретическом плане исследование опирается на труды по санкционному праву и энергетической безопасности, а также на доктринальные положения административного и финансового права в части особых экономических мер. Практическая значимость результатов заключается в том, что выводы работы могут быть использованы законодателем при совершенствовании механизма правовой защиты отрасли, а также компаниями ТЭК для понимания текущего регуляторного ландшафта.

Материалы и методы

Исследование основано на анализе нормативных правовых актов Российской Федерации 2022–2025 гг. (законов, указов Президента, постановлений Правительства и др.), регулирующих нефтегазовую сферу в условиях санкций. В работе использованы официальные тексты актов и данные официальных источников о правоприменительной практике (материалы Федеральной антимонопольной службы, Министерства энергетики РФ, судебные решения, надзорные меры прокуратуры и т.п.).

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы. Применены формально-юридический метод для интерпретации содержания нормативных актов, системный метод – для рассмотрения правовых мер как единого комплекса, сравнительно-правовой – при сопоставлении новых норм с предшествующим регулированием.

Также использован конкретно-исторический анализ (прослеживание эволюции правил в 2022– 2025 гг.) и казуистический метод (разбор отдельных правовых кейсов, таких как реорганизация проекта «Сахалин-2»). Надёжность выводов обеспечена опорой на официальные документы и данные проверенных источников, а также многосторонней проверкой информации (нормативные акты сверены с их опубликованными текстами, факты подтверждены несколькими источниками).

Экспортный контроль и противодействие внешним ограничениям.

В новых санкционных реалиях экспорт российского энергоэкспорта был поставлен под жёсткий контроль государства. Уже с начала 2022 г. начали применяться контрсанкционные ограничения на экспорт нефти и нефтепродуктов. В частности, президентским Указом от 28.02.2022 г. № 79 был введён запрет для российских резидентов-экспортёров поставлять стратегическую продукцию без специального разрешения Правительственной комиссии, если получателем или выгодоприобретателем является лицо из «недружественной» страны [1]. Одновременно этот указ обязал экспортёров продавать 80% валютной выручки в короткий срок. Таким образом, уже первые дни санкций ознаменовались введением чрезвычайных барьеров на бесконтрольный вывоз ресурсов и выручки за рубеж.

Отдельным пакетом мер стало реагирование на ценовые ограничения, введённые Западом на российскую нефть (т. н. «ценовой потолок»). В ответ Указом Президента РФ от 27.12.2022 г. № 961 (вступил в силу 1 февраля 2023 г.) было запрещено экспортировать нефть и нефтепродукты покупателям, если в их контрактах соблюдается установленный G7 ценовой лимит [2]. Российским компаниям было предписано не поставлять нефть по ценам ниже западного потолка, тем самым исключая саму возможность продажи «на условиях санкций». Изначально эта мера носила временный характер (планировалась до 1 июля 2023 г.), однако впоследствии неоднократно продлевалась; в июне 2025 г. её действие было расширено до конца 2025 г. [3]. Продление запрета подтвердило решимость России придерживаться встречных ограничений и не допускать диктата неблагоприятных ценовых условий со стороны иностранных государств.

Параллельно вводился специальный лицензионный порядок для отдельных экспортных операций. Например, Указ Президента РФ от 08.03.2022 г. № 100 вводил требование получать разрешение Правительственной подкомиссии для вывоза за границу определённых товаров и оборудования, необходимых в ТЭК [4]. Эта мера предотвратила вывоз дефицитного технологического оборудования без контроля государства. В дополнение правоприменительные органы усилили контроль: ФТС России начала мониторинг экспортных контрактов и отказывать в таможенном оформлении при выявлении условий о ценовом потолке или иных санкционных оговорок. Таким образом, к середине 2023 г. в России сформировался гибкий режим экспортного контроля, сочетающий запреты на неблагоприятные сделки и механизм их индивидуального разрешения (через правительственную комиссию). Этот режим позволяет минимизировать ущерб от внешних ограничений, сохраняя приоритет национальных экономических интересов.

Одновременно происходила переориентация экспортных потоков и схем расчётов. Российские компании стали активно использовать альтернативные валюты и банки дружественных стран для обхода санкций. Так, расчёты за ряд экспортных поставок переведены в рубли, китайские юани, индийские рупии и др., минуя долларовую систему. В мае 2022 г. Минфин РФ официально разрешил экспортёрам кредитовать зарубежных покупателей в рублях для оплаты поставок, стимулируя тем самым переход на российскую валюту во внешней торговле. Кроме того, были выстроены новые логистические цепочки экспорта нефти – в обход европейских портов, с привлечением танкерного флота «третьих стран» и схем страхования вне юрисдикции ЕС и США. Эти практические шаги хоть и выходят за рамки чисто правового анализа, но тесно связаны с ним: для их обеспечения также понадобились специальные правовые решения (например, упрощённая сертификация новых перевозчиков, страховые гарантии под санкционными рисками и т.д.). В целом, Россия продемонстрировала гибкость и многоходовость в сохранении экспортных каналов, подкрепляя экономические шаги необходимыми правовыми нормами.

Валютное регулирование и расчёты экспортной выручки.

Санкции 2022 г. затронули не только физические поставки углеводородов, но и финансовую сторону – выручку от них. В условиях заморозки значительной части золотовалютных резервов и ограничений на валютные операции возникла угроза утраты экспортной выручки или её недоступности для страны. Поэтому государство возвратилось к практике *обязательной репатриации валютной выручки*. Указом Президента РФ № 79 от 28.02.2022 г. сразу

было установлено требование к экспортёрам – резидентам продать 80% иностранной валюты, поступившей на их счета с 1 января 2022 г. [1]. Срок продажи изначально составлял лишь 3 рабочих дня, что подчёркивало экстренность меры. Неисполнение требования влекло административную и даже уголовную ответственность по действующему законодательству (ст. 15.25 КоАП РФ, ст. 193 УК РФ). По сути, введение 80%-го норматива продажи выручки стало одним из ключевых инструментов стабилизации валютного рынка после обвала рубля в конце февраля 2022 г. – вместо прямых валютных интервенций ЦБ, которые стали невозможны из-за блокировки резервов.

Однако уже весной 2022 г. благодаря рекордным экспортным доходам и резкому сокращению импорта на внутреннем рынке возник избыток валюты. В этих условиях финансовые власти начали постепенно смягчать валютные ограничения. Так, в апреле 2022 г. ЦБ РФ продлил предельный срок продажи выручки до 60 дней, затем до 120 дней. В мае 2022 г. президентским Указом № 254 норматив обязательной продажи был **снижен с 80% до 50%** [5]. Наконец, с 10 июня 2022 г. Правительственная комиссия по контролю за иностранными инвестициями (на которую были переданы полномочия устанавливать размер продажи) вовсе установила временный норматив 0% – фактически отменив требование продавать выручку [6]. Одновременно Указом Президента РФ № 360 от 09.06.2022 г. была отменена фиксированная 50%-я норма и введён гибкий механизм, при котором комиссия Мишустина могла варьировать процент в зависимости от отрасли и компании [5]. Данные решения закрепили **динамичный режим валютного регулирования**: от жёсткого контроля в момент шока – к ослаблению требований по мере стабилизации курса рубля. В 2023 г. при изменении конъюнктуры возможно повторное ужесточение правил, что действительно произошло осенью 2023 г., когда власти вновь обсуждали возвращение обязательной продажи части выручки для поддержки бюджета (эти события выходят за рамки периода исследования, но упоминаются для полноты картины).

Отдельного рассмотрения заслуживает специальный порядок расчётов за природный газ в рублях, введённый весной 2022 г. Эта мера сочетает валютное и санкционное регулирование. Президентским Указом от 31.03.2022 г. № 172 с 1 апреля 2022 г. установлено, что недружественные зарубежные покупатели газа обязаны платить за поставляемый газ исключительно в рублях [7]. Данный механизм радикально изменил многолетнюю практику расчетов за газ, переведя её на российскую валюту в одностороннем порядке – беспрецедентный шаг. Он продемонстрировал приоритет внутреннего законодательства (указ Президента как акт высшей юридической силы во внешнеэкономической сфере) над внешними договорами и обеспечил дополнительный рублевый спрос на валютном рынке. Произошла юридическая рублеизация экспортных контрактов, что способствовало укреплению финансового суверенитета РФ. Следует отметить, что действие данного механизма неоднократно продлевалось. Первоначально он был рассчитан до конца 2022 г., затем продлевался на 2023 г., а последним на дату подготовки статьи решением (Указ Президента РФ № 401 от 11.08.2023) – до 1 октября 2025 г. Таким образом, рублевые расчёты за газ стали долгосрочной нормой.

Ограничения для иностранных инвесторов и стратегические проекты.

Существенным направлением санкционного давления стала попытка иностранных участников выйти из российских нефтегазовых проектов и вывести капитал. В ответ российское государство ввело запретительные барьеры на сделки, затрагивающие права собственности иностранных инвесторов в ключевых активах ТЭК. Базовым актом стал Указ Президента РФ от 5 августа 2022 г. № 520, которым до 31 декабря 2022 г. запрещалось совершение любых сделок, приводящих к изменению права собственности на акции и доли российских стратегических предприятий ТЭК, если продавцами или покупателями выступают лица из недружественных стран [8]. Таким образом, зарубежные партнеры были временно лишены возможности односторонне выйти из российских нефтегазовых активов или продать их без одобрения правительства. Цель меры – предотвратить распродажу стратегических активов и сохранить контроль над ними внутри России. Указ предусматривал, что запрет может продлеваться президентом неоднократно, что и было реализовано на практике: изначально рассчитанный до конца 2022 г., этот мораторий был продлён на 2023 г. (Указ Президента РФ № 737 от 16.12.2022) [9], а затем и далее (до конца 2023 г., а фактически и на 2024 г. – ряд ограничений сохраняется по сей день). Кроме того, для операций, не покрытых прямым запретом указа, был создан разрешительный механизм через подкомиссию Минфина РФ: все сделки с долями иностранных инвесторов в нефтегазовых компаниях требуют одобрения этой подкомиссии. Таким образом, установлен жёсткий фильтр на уход иностранных совладельцев из российского нефтегаза.

Особый случай – проект «Сахалин-2», реализация которого велась в формате соглашения о разделе продукции (СРП) с 1994 г. (акционеры – «Газпром» 50%, Shell 27,5%, Mitsui 12,5%, Mitsubishi 10%). Летом 2022 г. этот проект подвергся беспрецедентной реорганизации в одностороннем порядке. Указ Президента РФ от 30.06.2022 г. № 416 [10] предписал создать новое российское ООО-оператор проекта вместо прежней компании Sakhalin Energy Investment Company Ltd., зарегистрированной на Бермудских о-вах [10]. Все права и обязанности прежнего оператора СРП, а также его имущество переходят к новой компании, 100% долей которой принадлежат России. При этом доли иностранных участников перераспределяются следующим образом: ПАО «Газпром» получает в новом ООО долю, эквивалентную его прежней (т.е. ~50%), а остальные иностранные акционеры (Shell, Mitsui,

Mitsubishi) должны в течение месяца заявить о согласии принять участие; если не согласятся, их доли будут проданы правительством, а средства (за вычетом возможного ущерба) помещены на счёт «С». Фактически указ аннулировал действие первоначального соглашения о разделе продукции «Сахалин-2» в части операторской структуры, переведя проект под полную юрисдикцию РФ. Это беспрецедентное решение объясняется в самом тексте указа «неправомерными действиями США и союзников, создающими угрозу национальным интересам РФ». По сути, государство использовало публично-правовой механизм для замены частноправового договора: указ Президента стал основанием для перезаключения ключевых отношений в проекте на новых условиях. Новая компания-оператор была создана в начале августа 2022 г., иностранным партнёрам предложено войти в её капитал. Японские Mitsui и Mitsubishi согласились (суммарно им выделено около 22,5% долей), Shell отказалась и вышла, потеряв свою долю (её доля передана в собственность РФ до продажи другому инвестору) [11]. Этот случай продемонстрировал верховенство императивных норм публичного права над прежними контрактными обязательствами: международное соглашение инвесторов было перестроено волей государства в одностороннем порядке. С юридической точки зрения, указ № 416 – акт прямого действия, имеющий большую юридическую силу, чем соглашение о разделе продукции, что и позволило изменить его условия без согласия всех сторон. Данный шаг вызвал правовую дискуссию о балансировании между суверенными правами государства и защитой инвесторов, однако в условиях форс-мажора (санкций и ухода иностранных компаний) был признан в целом оправданным внутри страны.

В дальнейшем механизм, опробованный на «Сахалине-2», может быть распространён и на другие проекты при необходимости. Прецедент доказал, что государство способно оперативно перестроить юридическую конфигурацию проектов ТЭК для защиты национальных интересов. Вместе с тем, для международного инвестиционного права такая ситуация – тревожный сигнал, и аналогичные решения наверняка станут предметом долгих разбирательств в арбитражах (иностранные компании могут попытаться оспорить изъятие долей). Но в краткосрочной перспективе приоритет был отдан энергобезопасности РФ, и юридические инструменты были этому подчинены.

Меры стимулирования, импортозамещение и защита отрасли.

Помимо ограничительных мер, государство запустило значительный блок поддерживающих и стимулирующих инструментов, направленных на адаптацию нефтегазовой отрасли к новым условиям. Эти меры условно можно разделить на:

1. стимулирование технологического импортозамещения;

2. протекционистские регуляторные требования;

3. финансово-экономическую поддержку компаний.

Санкции сильно ударили по импорту технологий и оборудования для нефтегазовой отрасли. В ответ уже в феврале 2022 г. была развёрнута программа грантов на обратный инжиниринг критически важных компонентов. Постановлением Правительства РФ № 208 от 18.02.2022 г. создан механизм, по которому через Федеральное агентство технологического развития российские инжиниринговые центры получают гранты до 100 млн руб. (до 80% затрат) на разработку отечественных аналогов импортных деталей для нефтегазовых предприятий [12]. По сути это оплата государством работ конструкторских бюро и вузовских лабораторий по воспроизведению узлов и деталей, поставки которых прекратились из-за санкций. Кроме того, Минпромторг РФ расширил субсидирование локализации производства оборудования для ТЭК: действует программа «Импортозамещение-СПГ», по которой компаниям компенсируется до 50% затрат на организацию выпуска оборудования для сжиженного газа. Стимулируются и НИОКР: введён повышенный налоговый вычет (до 150% расходов) на научно-исследовательские разработки в области труднодобываемых запасов нефти. В стадии запуска – новая мера «кэшбэк за отечественное оборудование», предполагающая компенсацию государством разницы в цене, если российский аналог дороже импортного. Всё это – примеры прямого вмешательства государства в экономику отрасли ради стимулирования импортозамещения и технологической независимости. Эти меры несут временный чрезвычайный характер, но способны заложить основу для долгосрочного развития отечественного нефтегазового машиностроения.

Введены протекционистские требования к компаниям нефтегазового сектора. ФАС России совместно с Минпромторгом получили полномочия отслеживать закупочную деятельность компаний, чтобы предотвратить ситуации, когда тендерные требования выписываются «под» единственного иностранного поставщика. Тем самым конкуренция ограничивается в пользу местных производителей. Введён также механизм **параллельного импорта** – легального ввоза без согласия правообладателя товаров, необходимых для нефтегазового сектора. Приказом Минпромторга РФ № 1532 от 19.04.2022 г. в перечень разрешённых к параллельному ввозу включены, в частности, запчасти для газотурбинных установок, оборудование для СПГ-производств и прочие позиции, ранее защищённые патентами западных компаний [13]. Теперь их можно закупать через третьи страны без риска юридической ответственности за нарушение интеллектуальных прав – такая ответственность на время отменена (п. 6 ст. 1359 ГК РФ в ред. 2022 г.). Параллельный импорт стал критически важным каналом обеспечения отрасли необходимыми материалами и деталями: с точки зрения права, параллельный импорт оформлен как временная мера, но вероятно будет сохранён до полного восстановления локального производства.

Наконец, реализуются финансовые механизмы защиты внутреннего рынка. К ним относятся действующий с 2019 г. демпферный механизм компенсации колебаний цен на топливо для НПЗ (его продолжили применять и увеличили выплаты в 2022–2023 гг. на фоне волатильности мировых цен). Это удерживает внутренние цены на бензин и дизтопливо от резкого роста, смягчая социальные риски. Также Правительство РФ временно ограничивало экспорт отдельных нефтепродуктов (например, запрет экспорта бензина в 2023 г.) для стабилизации внутреннего рынка – хотя эти решения больше экономические, но основаны на специальных постановлениях кабмина. В целом, государство активно применило весь арсенал правовых инструментов – от запретительно-контрольных до поощрительно-стимулирующих – чтобы обеспечить санкционную устойчивость нефтегазового комплекса.

Роль публичного права и государственно-правовых механизмов.

Проведённый анализ показывает, что в условиях санкций 2022–2025 гг. публично-правовое регулирование вышло на первый план в нефтегазовой отрасли. Государство действовало преимущественно методами императивного вмешательства: через указы Президента, постановления Правительства, приказы министерств. Договорные механизмы и рыночные инструменты отошли на второй план, их заместили жёсткие правила, устанавливаемые государственными органами. По сути, сформирован особый санкционно-устойчивый правовой режим, где приоритет отдан защитным мерам государства над принципами свободы торговли и инвестиций.

Можно констатировать несколько ключевых черт этого режима:

- **Императивность норм.** Новые правила устанавливаются актами высшей юридической силы и обязательны для всех субъектов. Невыполнение указов и постановлений влечёт немедленные санкции (запрет экспорта, прекращение поставок, административную ответственность и т.д.). Дискретные разрешения (лицензии, одобрения комиссий) также выдаются властями в ручном режиме. Таким образом, усмотрение государства замещает собой прежнюю свободу предпринимателей в решении, как торговать и с кем иметь дело.
- **Превалирование национальной юрисдикции.** Все ключевые решения принимаются внутри российской правовой системы, без оглядки на внешние ограничения. Указы Президента РФ прямым текстом устанавливают приоритет российского права над иностранными санкционными актами. Контракты пересматриваются в одностороннем порядке (пример – перевод расчетов за газ в рубли, реорганизация «Сахалина-2»). Это подчёркивает суверенитет правовой системы, хотя и создаёт риски в контексте международного права.
- **Оперативность и гибкость.** Публично-правовые механизмы показали способность к быстрой адаптации: указы издаются в течение дней после появления новой угрозы, комиссия Мишустина гибко меняет норматив продажи выручки, президент продляет режимы контрмер на необходимые сроки [14]. Такой динамизм был необходим для реагирования на постоянно эволюционирующие санкции. Недостатком является некоторая непредсказуемость правил для бизнеса (они часто меняются), но в кризисной ситуации проблема вторична.
- **Комплексность и межотраслевое взаимодействие.** Меры затрагивают сразу несколько отраслей права: и административное (указанные запреты и разрешения), и валютное, и таможенное, и предпринимательское (корпоративные ограничения), и даже природоресурсное (в части СРП). Это комплексное воздействие позволило охватить все узкие места: от физического экспорта и расчетов по нему до корпоративной структуры компаний и технологических вопросов.
- **Государственно-частное партнёрство нового типа.** Если ранее ГЧП понималось как договорное сотрудничество, то в условиях санкций возникло “вынужденное ГЧП”, когда бизнес вынужден следовать государственным директивам, но получает взамен поддержку (субсидии, гарантии). Например, нефтегазовые компании подчиняются ограничениям экспорта, однако государство компенсирует им потери через демпферы и стимулирует рублёвые продажи. Это баланс «кнута и пряника», тоже осуществляемый правовыми средствами.

Таким образом, **публичное право стало главным гарантом стабильности отрасли**. Без превентивного вмешательства государства нефтегазовый комплекс мог понести значительно большие потери – вплоть до остановки экспортных потоков и утраты ценных активов. В исторической ретроспективе, подобная мобилизация правовых ресурсов напоминает военно-экономическую мобилизацию, когда государство берёт на себя прямое управление критической отраслью под внешним давлением. Естественно, в долгосрочной перспективе предстоит **возвращение к рыночным механизмам**, когда ситуация стабилизируется. Но опыт 2022–2025 гг. покажет, в какой мере эти чрезвычайные меры останутся в правовой системе. Уже сейчас заметно, что некоторые элементы, например, оплата газа в рублях, могут сохраниться надолго как часть стратегии экономического суверенитета.

Заключение

В ходе исследования были достигнуты заявленные цели: проведён сравнительный анализ целей санкционного давления и тех задач, которые ставило перед собой государство, а также результатов, достигнутых введёнными мерами. В начале работы предполагалось выяснить, насколько эффективно правовые механизмы смогут защитить нефтегазовую отрасль от внешних ограничений. По итогам анализа можно заключить, что принятый комплекс мер в значительной степени обеспечил устойчивость отрасли. Экспорт углеводородов хотя и перетерпел изменения (переориентация на новые рынки, скидки и т.д.), но не прекратился; финансовая выручка возвращается в страну и частично кон-

вертируется в рубли, снижая уязвимость; стратегические активы остаются под контролем, чуждый капитал не может их покинуть без одобрения; критические технологии начали замещаться отечественными усилиями при поддержке государства. Всё это подтверждает, что введённый правовой режим достиг своих непосредственных целей – минимизировать ущерб от санкций и не допустить коллапса отрасли. С другой стороны, нельзя не отметить и побочные эффекты. Усиление роли государства привело к снижению инвестиционной привлекательности: иностранные партнёры, даже дружественные, теперь рискуют столкнуться с жёсткой регламентацией или потерей контроля. Для самих российских компаний новые обязанности (продажа выручки, ограничение сделок) означают дополнительное регулирование и административную нагрузку. Правовая система получила прецеденты в виде указов, изменяющих контракты, что в обычное время выглядело бы исключением. Возник ряд правовых коллизий, например: как соотносятся нормы Соглашений о разделе продукции с императивными указами? Что важнее – обязательства по международным договорам или внутренние контрсанкционные меры? Эти вопросы пока решаются в пользу суверенных актов, но в будущем потребуют систематизации и, возможно, судебных разбирательств. С научной точки зрения, проведённое исследование дополняет существующий контекст тем, что впервые системно описывает санкционно-устойчивый правовой режим в России. Если ранее анализу подвергались отдельные меры (например, валютные ограничения или кейс «Сахалин-2»), то настоящая работа свела их воедино и показала общую логику – приоритет публичного интереса и национальной безопасности над частными интересами и международными нормами в экстремальных условиях. Это позволяет лучше понять специфику российской правовой политики в кризисный период. В заключение отметим, что направления дальнейших исследований видятся в оценке эффективности и долговременных последствий принятых мер. В данной работе сделан акцент на описание и правовой анализ механизмов. Но не менее важно оценить, насколько экономически результативными они оказались: например, сравнить объемы экспорта и доходов «до и после» введения ограничений, степень локализации технологий, состояние конкуренции на рынке и т.д. Кроме того, представляет интерес сравнительно-правовой анализ: как другие санкционно затронутые страны (Иран, Венесуэла) правовыми средствами защищают свой нефтегазовый сектор, и что можно перенять из их опыта. Также требуется мониторинг правоприменения – будут ли выявлены нарушения требований указов, привлечены ли компании к ответственности за обход правил, возникнут ли судебные споры между государством и бизнесом. Эти аспекты выйдут на первый план по мере того, как текущий санкционный период будет оставаться реальностью. Российское право доказало свою гибкость и силу в защите нефтегазовой отрасли; теперь важно сохранить баланс между необходимой жёсткостью и возвращением к нормальной хозяйственной жизни, как только угрозы уменьшатся.

Литература

1. Президент РФ. О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки… : указ от 28 февр. 2022 г. № 79 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 10. – Ст. 1417..

2. Президент РФ. О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере… : указ от 27 дек. 2022 г. № 961 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 1. – Ст. 124..

3. Зыкина Т. Путин продлил до конца 2025 года запрет на поставки нефти и нефтепродуктов по потолку цен [Электронный ресурс] // РБК : [сайт]. – 2025. – 10 июня. – URL: https://www.rbc.ru/politics/10/06/2025/68482aae9a7947a07a6cb8ee (дата обращения: 15.06.2025).

4. Президент РФ. О применении специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности : указ от 08 марта 2022 г. № 100 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 11. – Ст. 1595.

5. Деготькова И., Мордовина М. Зачем понадобился указ об отмене продажи 50% валютной выручки [Электронный ресурс] // РБК : [сайт]. – 2022. – 9 июня. – URL: https://www.rbc.ru/economics/09/06/2022/62a201e69a79478f6aa4c51c (дата обращения: 17.06.2025).

6. Путин подписал указ об обязательной продаже валютной выручки экспортёров в размере 50% [Электронный ресурс] // ТАСС : [сайт]. – 2022. – URL: https://tass.ru/ekonomika/18984889 (дата обращения: 17.06.2025).

7. Президент РФ. О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств… : указ от 31 марта 2022 г. № 172 // Российская газета. – 2022. – 31 марта.

8. Президент РФ. О применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах… : указ от 5 авг. 2022 г. № 520 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 32. – Ст. 5277.

9. Президент РФ. О некоторых вопросах осуществления (исполнения) отдельных видов сделок… : указ от 15 окт. 2022 г. № 737 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 43. – Ст. 7243.

10. Президент РФ. О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере… : указ от 30 июня 2022 г. № 416 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 27. – Ст. 4910.

11. Россия ограничила возможность продавать активы иностранных компаний [Электронный ресурс] // РБК : [сайт]. – 2022. – 24 апр. – URL: https://www.rbc.ru/business/24/04/2022/6264b8469a79470782ddb54a (дата обращения: 15.06.2025).

12. Правительство РФ. О предоставлении субсидии из федерального бюджета… : постановление от 18 февр. 2022 г. № 208 // Официальный интернет-

портал правовой информации : [сайт]. – 2022. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202180006 (дата обращения: 11.06.2025).

13.Правительство РФ. Об утверждении перечня товаров… : постановление от 19 апр. 2022 г. № 1532 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – 2022. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205060001 (дата обращения: 13.06.2025).

14.Путин продлил до конца 2025 года запрет на поставки нефти и нефтепродуктов по потолку цен [Электронный ресурс] // РБК : [сайт]. – 2025. – 10 июня. – URL: https://www.rbc.ru/politics/10/06/2025/68482aae9a7947a07a6cb8ee (дата обращения: 18.06.2025).

Imperative regulation as a tool for sanctions resistance in the Russian oil and gas industry: experience from 2022-2025.

Sakhibgareev E.V.
Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article analyzes the key legal mechanisms employed in the Russian oil and gas sector in response to the unprecedented sanction pressure of 2022–2025. It substantiates the relevance of state intervention through public-law instruments to protect the industry. The study describes special export control measures (ban on oil exports under price-cap contracts, counter-sanctions restrictions), changes in currency regulation (mandatory sale of export earnings, transition to ruble payments for gas), restrictions on foreign investors (ban on divestment of shares in strategic energy enterprises), the transformation of production sharing agreements (exemplified by the “Sakhalin-2” project), and a range of import substitution and support measures for the sector. The latest regulatory acts and enforcement examples are provided. Special attention is paid to the increasing role of imperative public-law norms that ensured the priority of national jurisdiction over foreign restrictions. The research novelty lies in a comprehensive overview of the “sanction-resilient” legal regime in Russia’s oil and gas sector formed in 2022–2025 and an assessment of its impact on the industry’s stability. It is concluded that the implemented mechanisms allowed the mitigation of sanction damage, although they introduced new challenges for the legal system.

Keywords: sanctions, oil and gas industry, legal regulation, export control, foreign investment, import substitution, public-law measures, sanction resilience.

References

1. President of the Russian Federation. On the application of special economic measures in connection with the unfriendly actions of the United States of America… : Decree of 28 February 2022 No. 79 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 10. – Art. 1417.
2. President of the Russian Federation. On the application of special economic measures in the fuel and energy sector… : Decree of 27 December 2022 No. 961 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 1. – Art. 124.
3. Zykina, T. Putin extended the ban on oil and petroleum exports under price cap contracts until the end of 2025 [Electronic resource] // RBC : [website]. – 2025. – June 10. – URL: https://www.rbc.ru/politics/10/06/2025/68482aae9a7947a07a6cb8ee (accessed: 15.06.2025).
4. President of the Russian Federation. On the application of special economic measures in the field of foreign economic activity : Decree of 08 March 2022 No. 100 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 11. – Art. 1595.
5. Degotkova, I., Mordovina, M. Why the decree on mandatory sale of 50% of export revenues was needed [Electronic resource] // RBC : [website]. – 2022. – June 9. – URL: https://www.rbc.ru/economics/09/06/2022/62a201e69a79478f6aa4c51c (accessed: 17.06.2025).
6. Putin signed a decree on the mandatory sale of 50% of exporters’ foreign exchange earnings [Electronic resource] // TASS : [website]. – 2022. – URL: https://tass.ru/ekonomika/18984889 (accessed: 17.06.2025).
7. President of the Russian Federation. On the special procedure for foreign buyers to fulfill their obligations… : Decree of 31 March 2022 No. 172 // Rossiyskaya Gazeta. – 2022. – March 31.
8. President of the Russian Federation. On the application of special economic measures in financial and fuel-energy sectors… : Decree of 5 August 2022 No. 520 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 32. – Art. 5277.
9. President of the Russian Federation. On certain issues of executing (carrying out) specific types of transactions… : Decree of 15 October 2022 No. 737 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 43. – Art. 7243.
10. President of the Russian Federation. On the application of special economic measures in the fuel and energy sector… : Decree of 30 June 2022 No. 416 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 27. – Art. 4910.
11. Russia restricted the ability to sell assets of foreign companies [Electronic resource] // RBC : [website]. – 2022. – April 24. – URL: https://www.rbc.ru/business/24/04/2022/6264b8469a79470782ddb54a (accessed: 15.06.2025).
12. Government of the Russian Federation. On the provision of subsidies from the federal budget… : Resolution of 18 February 2022 No. 208 // Official Internet Portal of Legal Information : [website]. – 2022. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202180006 (accessed: 11.06.2025).
13. Government of the Russian Federation. On approval of the list of goods… : Resolution of 19 April 2022 No. 1532 [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information : [website]. – 2022. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205060001 (accessed: 13.06.2025).
14. Zykina, T. Putin extended the ban on oil and petroleum exports under price cap contracts until the end of 2025 [Electronic resource] // RBC : [website]. – 2025. – June 10. – URL: https://www.rbc.ru/politics/10/06/2025/68482aae9a7947a07a6cb8ee (accessed: 18.06.2025).

Проблемы и управление общественными ценностями в эпоху цифрового управления

Сюй Синьюй
аспирант Института государственного управления Хэйлунцзянского университета, 18845751996@163.com

В эпоху цифрового управления противоречие между технологическим обеспечением и утратой ценностей становится все более очевидным. В статье описываются характеристики эпохи цифрового управления и важная роль общественных ценностей, затем анализируются вызовы, с которыми сталкиваются общественные ценности, такие как цифровой разрыв, недостатки алгоритмических механизмов, нечеткие границы технологической этики, замедление государственного управления и дисбаланс в сотрудничестве субъектов. В заключение предлагаются стратегии лидерства общественных ценностей, направленные на преодоление цифрового разрыва, нормализацию алгоритмических механизмов, уточнение границ технологической этики, содействие переходу парадигмы государственного управления и стимулирование сотрудничества субъектов, с целью достижения диалектического единства технологического и ценностного управления, а также достижения целей хорошего управления в динамическом балансе инструментальной и ценностной рациональности.
Ключевые слова: цифровое управление; общественная ценность; государственное управление

Введение

В эпоху стремительного развития информационных технологий цифровое управление как новая модель переосмысляет образ жизни людей и логику функционирования общества. Цифровое управление подразумевает интеграцию человеческого разума и возможностей интеллектуальных систем, основанную на цифровых технологиях, с данными и алгоритмами в качестве центрального элемента, а также с организациями и платформами в качестве носителей, для интеллектуального, детализированного, эффективного и гуманного управления и обслуживания общественными делами, что позволяет достичь интеграции цифровизации и интеллектуализации, взаимосвязанности всего и сотрудничества человека и машины в передовых формах управления.(Ван Цзяньин, 2023) В эпоху цифрового управления можно выделить три типичных характеристики: во-первых, цифровая реконструкция элементов управления, где данные становятся основным производственным фактором; во-вторых, интеллектуальная трансформация процесса управления, которая с помощью анализа данных, алгоритмических моделей, интеллектуальных систем и мониторинга в реальном времени достигает интеллектуализации прогнозирования, принятия решений, исполнения и контроля; в-третьих, сетевое сотрудничество субъектов управления, где государство, предприятия, социальные организации и граждане совместно управляют. По сравнению с традиционными парадигмами управления, цифровое управление предоставляет новые возможности для инноваций в государственном управлении, оптимизации административной структуры, изменения функций правительства, совершенствования общественных услуг и передачи полномочий социальному рынку, повышая общую эффективность управления в обществе. Однако изменения в информационных технологиях также приводят к новым проблемам социального управления, таким как неравномерное распределение цифровых ресурсов, недостатки алгоритмов и правила, создающие трудности, что порождает новые формы социальной несправедливости. В условиях сложных изменений и вызовов эпохи цифрового управления роль и значение общественной ценности становятся все более очевидными.

В эпоху цифрового управления противоречие между технологическим обеспечением и утратой ценностей становится все более очевидным. Общественная ценность, как основная концепция управления, занимает ведущую позицию благодаря этическим требованиям технологического управления и его важной роли в устойчивом развитии цифровой

цивилизации. Во-первых, с точки зрения философии технологии, экспоненциальное развитие цифровых технологий усиливает вмешательство инструментальной рациональности в ценностную рациональность, что ставит под угрозу субъектность человека, превращая его в объект данных. В этой ситуации общественная ценность становится ключом к балансировке технологической рациональности и гуманитарной заботы. Во-вторых, с точки зрения логики управления, системы цифрового управления демонстрируют характеристики сверхмасштабности, сверхвысокой скорости и сверхсложности, что ставит под угрозу традиционные иерархические модели управления. Общественная ценность, как своего рода "скрытый порядок", может обеспечить стабильную работу системы управления через предоставление стандартов оценки ценностей, создание доверительных связей и руководство распределением ресурсов. В-третьих, в области совместного управления тройная структура власти, состоящая из правительства, платформ и граждан, перестраивает основы социального управления. Платформенные компании, обладая монополией на данные, получают "квази-государственную власть", что приводит к явлению "приватизации публичного права". Это требует от общественной ценности выполнения двух функций: сдерживания власти и восстановления прав. В-четвертых, в порядке прав, цифровые технологии, создавая чудеса "цифрового обеспечения", также вызывают многообразные явления исключения. Общественная ценность может способствовать реконструкции порядка прав через создание механизма "различительной инклюзии". В-пятых, в процессе эволюции цивилизации, когда технологии интерфейса мозг-машина начинают бросать вызов определению "человека", а квантовые вычисления могут преодолеть существующие этические рамки, общественная ценность берет на себя многогранную историческую миссию по поддержанию контроля человечества над технологической эволюцией, защите разнообразия цивилизации и построению межпоколенческой справедливости.

Вызовы общественной ценности в эпоху цифрового управления

В эпоху цифрового управления важность общественной ценности не вызывает сомнений. Однако из-за глубокой интеграции технологической логики, сложности этических конфликтов, глубоких изменений в парадигме государственного управления, структурного прогресса потребностей граждан и перестройки структуры публичной власти, общественная ценность также сталкивается с множеством реальных вызовов.

Во-первых, цифровой разрыв и доступность общественной ценности ограничены. Цифровой разрыв означает различия в доступе и использовании цифровых технологий и информационных ресурсов между различными социальными группами или регионами, что приводит к структурному неравенству в таких областях, как социальная жизнь, экономические возможности, политическое участие и культурный капитал, в основном проявляющемуся в виде разрыва в доступе и разрыва в использовании. (Шао Ян, Фань Мэйци, Цай Бин и др, 2022) Разрыв в доступе проявляется в различиях в доступности цифровой инфраструктуры, с заметными различиями между городом и деревней, а также между восточными и западными регионами. Согласно "54-му отчету о состоянии развития Интернета в Китае", по состоянию на июнь 2024 года, количество неинтернет-пользователей в нашей стране составляет 310 миллионов человек, из которых 55,7% находятся в сельских районах, что на 21,8 процентного пункта выше, чем доля сельского населения в стране; разница в уровне распространения Интернета между городом и деревней составляет 21,5%.(54-й отчет о состоянии развития Интернета в Китае, 2025) Это делает трудным для некоторых групп доступ к системе общественных услуг цифрового управления, подвергая их "физическому исключению" и исключая из сети распределения общественной ценности, что приводит к циклу лишения прав. Разрыв в использовании означает различия между группами в способности, частоте и целях использования цифровых технологий, то есть в том, могут ли они эффективно использовать цифровые технологии для удовлетворения своих потребностей. В эпоху цифровизации молодые и высокообразованные группы могут быстро адаптироваться и извлекать выгоду из цифровых технологий. Однако у уязвимых групп, таких как пожилые люди, люди с низким доходом и низким уровнем образования, а также люди с ограниченными возможностями, есть двойные препятствия: недостаток цифровых навыков и ограниченные сценарии использования. Пожилые люди сталкиваются с препятствиями в медицинских, потребительских и социальных сценариях из-за недостатка цифровой грамотности; группы с низким уровнем образования и дохода застревают на поверхностных цифровых приложениях, испытывая недостаток в возможностях трудоустройства и защите трудовых прав; специальные группы страдают от системного исключения из-за отсутствия безбарьерного дизайна технологий, например, уровень участия людей с нарушениями зрения в онлайн-образовании крайне низок. Все это приводит к ограничению доступности и справедливости общественных услуг в эпоху цифрового управления, что препятствует универсальности общественной ценности.

Во-вторых, недостатки алгоритмических механизмов и искажение общественных ценностей. Алгоритм — это ряд вычислительных программ, основанных на таких технологиях, как большие данные и искусственный интеллект, которые собирают, анализируют и обрабатывают данные, а затем выводят результаты на основе заранее заданных правил и логики. Недостатки алгоритмических механизмов относятся к техническим недостаткам или системным уязвимостям, которые возникают в процессе проектирования, реализации или применения алгоритмов. Эти недостатки могут привести к искажению, дискриминации, непрозрачности или другим негативным последствиям в алгоритмических решениях, что, в свою очередь, может нанести ущерб со-

циальной справедливости и общественным интересам. Основные недостатки алгоритмических механизмов включают алгоритмическую предвзятость и черный ящик алгоритма. Алгоритмическая предвзятость означает систематическую несправедливую дискриминацию или предвзятость в отношении определенных групп при обработке данных и принятии решений; черный ящик алгоритма относится к сложности внутренних механизмов работы и процесса принятия решений алгоритмической модели, что затрудняет их понимание и объяснение человеком. Недостатки алгоритмических механизмов могут подорвать социальную справедливость и правосудие, привести к неэффективности существующих механизмов подотчетности, снизить участие граждан в общественной сфере, отклонить ценностные цели государственной политики и уменьшить доверие общественности к решениям правительства, что, в свою очередь, приводит к искажению общественных ценностей.

Третье — это неясные границы технической этики и конфликт общественных ценностей. Неясные границы технической этики означают, что в процессе развития и применения технологий из-за сложности технологий, разнообразия социальных сценариев и отставания этических норм традиционные этические принципы и нормы трудно четко определить в отношении законности технических действий, ответственности или диапазона рисков. В результате возникают конфликты общественных ценностей, которые часто проявляются в дисбалансе между применением технологий и основными социальными ценностями. Во-первых, конфликт между многообразными общественными ценностями. В эпоху цифрового управления общественные ценности становятся более многообразными и сложными, включая справедливость, эффективность, безопасность и конфиденциальность. Широкое применение цифровых технологий, таких как сбор биологической информации и мониторинг больших данных, повышает эффективность функционирования общества, но также существует потенциальный риск игнорирования принципов социальной справедливости; в процессе обеспечения общественной безопасности могут возникнуть реальные опасения по поводу нарушения индивидуальной конфиденциальности. Во-вторых, конфликт между нейтральностью технологий и ненейтральностью ценностей. Цифровые технологии сами по себе являются инструментами, но их логика проектирования и сценарии применения могут включать в себя ценностные предпочтения и суждения разработчиков и пользователей. Когда технология получает слишком много полномочий для принятия решений, она может оказаться в ловушке "выбора ценностей алгоритма". Например, первоначальная цель алгоритмов социальных медиа — оптимизация пользовательского опыта, но на практике это может привести к созданию информационных пузырей и групповой поляризации из-за ориентированности на трафик. В-третьих, конфликт между разработкой передовых технологий и жизненной этикой. В эпоху цифрового управления ускоряются разработки и итерации технологий, постоянно появляются передовые технологии, такие как редактирование генов и интерфейсы мозг-компьютер. Эти технологии демонстрируют огромный потенциал применения в области лечения заболеваний, но также наносят сильный удар по традиционным представлениям о жизненной этике, вызывая конфликты ценностей в таких аспектах, как человеческое достоинство, равенство и естественные законы.

Четвертое - это задержка в управлении государством и кризис признания общественной ценности. В эпоху цифрового управления граждане становятся одним из субъектов социального управления, и их требования к государственному управлению претерпевают структурные изменения. Они не только стремятся к удобному, эффективному и персонализированному опыту общественных услуг, но и осознают свои цифровые права, что приводит к все более выраженным требованиям по защите прав на конфиденциальность данных и другим новым правам. Они также требуют участия в разработке и реализации политики, чтобы оказывать существенное влияние и имеют более высокие ожидания в отношении социальной справедливости. Поэтому модернизация системы управления и ее возможностей становится крайне необходимой. Однако в настоящее время в государственном управлении наблюдаются три уровня задержки: во-первых, цифровой бюрократизм замедляет скорость реагирования на потребности. Граждане сталкиваются с "формализмом на кончиках пальцев" в "государственных услугах на кончиках пальцев", что ослабляет ценностное обязательство правительства "ориентироваться на людей". Во-вторых, зависимость от алгоритмов приводит к снижению гибкости управления. Чрезмерное упрощение сложности управления с помощью технологической рациональности приводит к исчезновению "температуры" государственного управления и снижению его способности к экстренному реагированию. В-третьих, инерция иерархии препятствует инновациям в моделях обслуживания. Государство попадает в парадокс "постоянного увеличения цифровых вложений - стагнация реальных реформ", граждане в "умном управлении" становятся лишь поставщиками данных, теряя реальное право голоса в проектировании общественных услуг. Когда граждане мгновенно выражают свои требования в социальных сетях, а линейный процесс принятия решений правительством создает "цифровую временную разницу", ожидания участия, вызванные технологическим расширением прав, и реальность отставания институционального обеспечения систематически подрывают легитимную основу признания общественной ценности.

Пятое — это дисбаланс в сотрудничестве субъектов и ослабление консенсуса по общественным ценностям. В эпоху цифрового управления дисбаланс в сотрудничестве субъектов означает, что в процессе совместного участия различных субъектов в социальном управлении из-за разногласий в целях, информационной асимметрии, неясности прав и обязанностей, неравномерного распределения

ресурсов или неэффективности механизмов сотрудничества стороны не могут сформировать эффективные отношения сотрудничества. Этот дисбаланс проявляется в двух формах: во-первых, дисбаланс в сотрудничестве между государственными учреждениями. Разные уровни или функции государственных учреждений сталкиваются с проблемами, такими как барьеры данных, конфликты интересов или несоответствие политических целей, что приводит к дублированию ресурсов и фрагментации исполнения политики. Во-вторых, дисбаланс в сотрудничестве между государством, бизнесом и гражданами. Государство, предприятия и граждане сталкиваются с трудностями в формировании общего рамочного действия из-за отсутствия доверия, неудобных каналов участия, конфликтов интересов или технологического разрыва. Когда различные субъекты не могут через эффективное сотрудничество преобразовать индивидуальную рациональность в общественную рациональность, общество оказывается в "ловушке фрагментации ценностей", а консенсус по общественным ценностям постепенно ослабевает из-за отсутствия практических носителей и эмоциональной идентификации.

Технологическая эволюция опережает социальную адаптацию, создавая фон для кризиса ценностей. Когда скорость эволюции цифровых технологий превышает способность социальных систем адаптироваться, миф о "эффективности" технологического управления может стать катализатором нарушения ценностей. Это не только угрожает этическим основам общественных услуг, но и может подорвать ресурсы управления, основанные на общественном доверии, в конечном итоге приводя к тому, что процесс модернизации управления оказывается в ловушке технологического детерминизма. Для решения этой проблемы необходимо создать рамки ценностного лидерства в эпоху цифрового управления. Это требует от нас преодоления традиционного мышления в области государственного управления и поиска инновационных путей в диалектическом единстве технологического и ценностного управления: необходимо решать реальные проблемы, вызванные применением технологий, и одновременно реконструировать этические координаты цифровой цивилизации; необходимо повышать уровень интеллектуального управления правительства и защищать центральное место общественных ценностей.

Стратегии лидерства общественной ценности в эпоху цифрового управления

Строительство стратегии лидерства общественной ценности в эпоху цифрового управления требует системного мышления для решения множества вызовов. Это достигается через нормативную реконструкцию этики технологий, адаптивную эволюцию управленческих способностей и инклюзивные инновации институциональной системы, что позволяет реализовать универсальность, справедливость, сбалансированность, признание и консенсус общественной ценности. Этот подход требует не только итеративного обновления парадигмы технологического управления, но и теоретических инноваций в области публичной философии цифровой эпохи, с целью достижения целей хорошего управления в динамическом балансе между инструментальной рациональностью и ценностной рациональностью.

Во-первых, необходимо сократить цифровой разрыв и повысить доступность общественной ценности. Для решения проблем, связанных с цифровым разрывом и доступностью общественной ценности, необходимо применять точные и многоуровневые практические решения. Во-первых, в области инфраструктуры необходимо не только укрепить строительство цифровой инфраструктуры, но и контролировать затраты. Следует использовать модель пространственного краудсорсинга и спутникового дополнения для преодоления проблем с покрытием, а также использовать механизмы совместного использования инфраструктуры и целевые субсидии для снижения нагрузки на пользователей. Во-вторых, в области цифровой грамотности и навыков необходимо продвигать адаптацию цифровых услуг для пожилых людей и безбарьерную модернизацию, предоставляя обучение цифровым навыкам для уязвимых групп населения. В онлайн-формате следует создать механизм стимулирования аудиовизуальных ресурсов на платформе, чтобы укрепить цифровое обучение; в офлайн-формате необходимо создать пункты повышения цифровых навыков в сообществах, привлекать молодежных волонтеров и работников общественных организаций, а также установить регулярный механизм обучения. В-третьих, необходимо внедрить двойную систему общественных услуг в онлайн и офлайн форматах, чтобы гарантировать минимальные условия доступности. Следует создать систему совместной работы "офлайн-сервисной сети" и "механизма обратной связи данных". В офлайн-формате необходимо сохранить услуги с участием человека или зеленые коридоры, а для удаленных сельских районов и людей с ограниченной подвижностью внедрить "мобильные государственные сервисные автомобили". В онлайн-формате необходимо провести "аудит цифрового равенства", чтобы оценить инклюзивность проектов цифровизации государственных услуг, зарезервировав бюджет на исправление, например, выделяя 0,5% финансирования из каждой политики для адаптации к уязвимым группам, чтобы гарантировать, что все группы населения могут пользоваться качественными государственными услугами.

Во-вторых, необходимо стандартизировать механизмы алгоритмов, чтобы обеспечить справедливость общественной ценности. Во-первых, создать динамическую систему управления "данные-алгоритм-ценность". Преодолеть традиционную парадигму нейтральности технологий, интегрировав такие ценностные идеи, как справедливость, правосудие и прозрачность, на всех этапах проектирования и применения алгоритмов, а также провести этическую экспертизу. Разделить объяснительную силу в зависимости от влияния алгоритмических решений на три уровня: базовое объяснение, процессуальное объяснение и ценностное объяснение, чтобы

общественность могла понять основания алгоритмических решений. Во-вторых, установить трехуровневую систему ответственности. На микроуровне, ориентируясь на разработчиков алгоритмов, использовать систему подписи кода на основе блокчейна для шифрования ключевых фрагментов кода и создания временных меток, что позволит обеспечить пожизненное отслеживание технической ответственности. На мезоуровне, для организаций, применяющих алгоритмы, использовать инструменты анализа цепочки влияния, чтобы количественно оценить вклад отклонений переменных в результаты решений и реализовать дифференцированную совместную ответственность, решая проблему атрибуции организационной ответственности и технических ошибок. На макроуровне, регулирующие органы должны использовать инструменты аудита в песочнице, чтобы своевременно выявлять и исправлять потенциальные проблемы, обеспечивая здоровое и упорядоченное развитие алгоритмов. Установить механизм ответственности за отклонение общественной ценности: когда регулирующие органы обнаруживают, что применение алгоритмов приводит к отклонению общественной ценности, они будут привлекать к ответственности соответствующих субъектов, чтобы гарантировать, что развитие алгоритмов всегда соответствует интересам общества в целом и направлено на общественные ценности.

Третье - четко определить границы технической этики и сбалансировать конфликты общественных ценностей. Во-первых, создать динамическую систему оценки рисков и механизм ранжирования ценностей. Построить матрицу оценки влияния технической этики, разработать трехмерный инструмент оценки, охватывающий технические характеристики, сценарии применения и заинтересованные стороны. Оценить потенциальные риски в процессе разработки и применения технологий с четырех уровней: технического, правового, социального и психологического. Например, в контексте безопасности на кампусе технологии распознавания лиц необходимо уделить особое внимание защите конфиденциальности несовершеннолетних; в то время как в контексте дорожного мониторинга акцент следует делать на общественной безопасности. Кроме того, построить карту общественных ценностей в порядке базового уровня, уровня развития и уровня превосходства, на основе базы данных приоритетов медиации конкретных случаев, четко определить критерии ранжирования ценностей в различных сценариях. Во-вторых, создать систему управления этикой передовых технологий. Ускорить разработку и совершенствование этических норм и законодательных актов, связанных с цифровыми технологиями, четко определить границы и ответственность применения технологий. Для таких передовых технологий, как редактирование генов и интерфейсы мозг-компьютер, разработать специальные системы этической проверки и надзора, регламентирующие поведение в области разработки и применения технологий.

Четвертое - это продвижение перехода к новой модели государственного управления и укрепление признания общественной ценности. Во-первых, необходимо пересмотреть процессы технологического управления, чтобы преодолеть ловушки цифрового бюрократизма. Следует провести агилизацию отклика на потребности, создать замкнутую систему "гражданские запросы - восприятие данных - отклик политики", внедрив в государственные платформы алгоритмический модуль "карта популярности запросов", который будет в реальном времени выявлять высокочастотные запросы и потенциальные риски. Реализовать стандарт отклика на услуги "721": 70% высокочастотных вопросов должны обрабатываться автоматически за секунды, 20% сложных вопросов должны получать ответ в течение 72 часов, 10% трудных вопросов должны инициировать межведомственное совместное решение. Необходимо сделать процессы обслуживания прозрачными, разработав "систему блокчейн-доказательства для государственных услуг", которая будет вести распределенный учет на протяжении всего процесса отклика на услуги, позволяя гражданам отслеживать каждого сотрудника, участвующего в каждом этапе одобрения, и время обработки. Создать "систему оценки кредитоспособности цифровых услуг", которая будет динамически связывать эффективность отклика ведомств, удовлетворенность граждан и распределение бюджетных средств. Во-вторых, необходимо инновационно пересмотреть рамки алгоритмического управления, чтобы восстановить "теплоту" технологического управления. Следует создать модель совместного принятия решений человеком и машиной, установить "двухпутную систему принятия решений" в таких областях, как управление чрезвычайными ситуациями, где технологическая система будет предоставлять прогнозные решения, сохраняя при этом канал для человеческого принятия решений; разработать "модель вычисления социальных эмоций", внедрив в государственные услуги модули распознавания эмоций и гуманитарной заботы. В-третьих, необходимо изменить организационную структуру для повышения адаптивности и преодоления инерции иерархии. Следует создать гибкую организацию, сформировав межведомственные "группы быстрого реагирования в цифровом управлении", наделив их полномочиями по управлению проектами и временным бюджетом. Повысить цифровые навыки государственных служащих, включая машинное обучение, визуализацию данных и другие навыки в систему оценки для повышения.

Пятое - это содействие координации субъектов и укрепление общественного ценностного консенсуса. Ключ к решению проблемы дисбаланса координации субъектов в эпоху цифрового управления заключается в создании системы координационного управления, объединяющей "технологии - институты - ценности". Во-первых, использование технологических систем для снижения затрат на координацию, создание распределенных узлов данных, при этом все государственные органы сохраняют суверенитет данных, а через технологии вычислений

с учетом конфиденциальности достигается межведомственный анализ данных. Во-вторых, использование институциональных инноваций для перестройки структуры стимулов. Создание материального "Центра координации цифрового управления", который объединяет функции существующих координационных учреждений. Ссылаясь на модель работы "Городского мозга" в Ханчжоу, наделить этот центр тремя основными полномочиями: право на утверждение межведомственных проектов, право на распределение ресурсов данных, право на оценку эффективности координации. В-третьих, создание "цифрового контракта ценностного консенсуса", который преобразует абстрактный ценностный консенсус в количественно измеримые и отслеживаемые показатели эффективности координационного управления, повышая степень привязанности к ценностному консенсусу.

Приход эпохи цифрового управления приносит обществу беспрецедентные возможности и вызовы. Общественная ценность, как основная концепция, поддерживающая социальную справедливость и устойчивое развитие, занимает незаменимое место в цифровом управлении. Однако такие проблемы, как цифровое неравенство, недостатки алгоритмов, нечеткие границы этики технологий, замедление государственного управления и дисбаланс в сотрудничестве субъектов, серьезно ограничивают реализацию и признание общественной ценности. В статье предлагаются стратегии для преодоления цифрового разрыва, нормализации алгоритмических механизмов, прояснения границ этики технологий, содействия переходу парадигмы государственного управления и стимулирования сотрудничества субъектов, с целью создания инклюзивной, справедливой, прозрачной и доступной экосистемы цифрового управления через глубокую интеграцию технологий и ценностей. Только в условиях динамического баланса между технологическим потенциалом и ценностным руководством можно достичь истинного доброго управления и способствовать устойчивому развитию цифровой цивилизации.

Литература

1. Ван Цзяньин. Анализ политики управления цифровыми пространствами // Исследование информации, 2023, (08): 94-102.

2. Шао Ян, Фань Мэйци, Цай Бин и др. Исследование состояния цифрового разрыва в медицинском обслуживании пожилых людей на фоне цифровой медицины и пути его решения // Медицина и философия, 2022, 43(24): 73-76.

3. Центр информации сети Интернет Китая. 54-й отчет о состоянии развития Интернета в Китае. [R/OL].(2024-08-29)[2025-03-05].https://www2.cnnic.cn/n4/2024/0829/c88-11065.html.

Problems and Management of Public Values in the Digital Governance Era

Xu Xinyu
Heilongjiang University

In the digital governance era, the contradiction between technological support and the loss of values is becoming increasingly obvious. This paper first introduces the characteristics of the digital governance era and the important role of public values, then analyzes the challenges faced by public values, such as the digital divide, the shortcomings of algorithmic mechanisms, the fuzzy boundaries of technological ethics, the slowdown of public governance, and the imbalance in the cooperation of actors. Finally, it proposes public value leadership strategies to bridge the digital divide, normalize algorithmic mechanisms, clarify the boundaries of technological ethics, promote the paradigm shift of public governance, and stimulate the cooperation of actors, so as to achieve the dialectical unity of technological and value governance, and achieve the goals of good governance in the dynamic balance of instrumental and value rationality.

Keywords: digital governance; public value; public administration

References

1. Wang Jianying. Analysis of Digital Space Management Policy // Information Research, 2023, (08): 94-102.

2. Shao Yang, Fan Meiqi, Cai Bing, et al. Research on the State of the Digital Divide in Medical Care for the Elderly against the Background of Digital Medicine and Ways to Solve It // Medicine and Philosophy, 2022, 43(24): 73-76.

3. China Internet Information Center. The 54th Report on the Status of Internet Development in China. [R/OL].(2024-08-29)[2025-03-05].https://www2.cnnic.cn/n4/2024/0829/c88-11065.html.

Обязательная геномная регистрация в России: конфликт эффективности и прав личности

Боярский Ринат Николаевич
Независимый исследователь, r.boyarsky@icloud.com

Статья посвящена анализу расширения в России круга лиц, подлежащих обязательной государственной геномной регистрации. Автор исследует системные правовые риски данного нововведения, фокусируясь на его соответствии принципам соразмерности. Основное внимание уделяется проблеме пожизненного (до 100 лет) хранения высокочувствительных генетических данных лиц, чья вина не установлена судом или совершивших малозначительные правонарушения. Выявляются риски утечек и нецелевого использования данных, подрыва доверия к государству, сомнений в экономической эффективности. На основе сравнительного анализа и правовой аргументации обосновывается необходимость введения дифференцированных сроков хранения данных, создания эффективных механизмов их удаления для неосужденных и усиления гарантий безопасности. Подчеркивается, что легитимность и эффективность системы геномной регистрации напрямую зависят от общественного доверия, основанного на справедливости процедур и уважении фундаментальных прав.

Ключевые слова: генетические данные, обязательная геномная регистрация, неприкосновенность частной жизни, хранение, гарантии безопасности данных

Сфера обработки генетических данных выделяется как одна из наиболее динамичных и многообещающих в современной науке. Прорывы в генетике, с одной стороны, привели к беспрецедентному росту качества жизни, а с другой — создали предпосылки для использования научных достижений во вред, что требуют усиления государственного регулирования соответствующих общественных отношений.

Генетические данные представляют собой уникальную категорию конфиденциальной информации, содержащую глубоко личные сведения о человеке. Их сбор и обработка государством, особенно в принудительном порядке, неизбежно вступают в противоречие с фундаментальным правом на неприкосновенность частной жизни (ст. 23, 24 Конституции РФ). Введение в 2023 году значительных поправок в Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (далее – Закон о ГГР) существенно расширило круг лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, включив в него, наряду с осужденными, также подозреваемых, обвиняемых и лиц, подвергнутых административному аресту (с 01.01.2025). Это ставит перед правом новые вызовы в части обоснования необходимости такого сбора, определения его границ и обеспечения гарантий прав вовлеченных лиц.

Принцип соразмерности и баланс частных и публичных интересов порождают две модели законодательства:

– «экспансивную» (расширенный охват);

– «рестриктивную» (ограничительные критерии).

Эти подходы определяют: размер национальных ДНК-баз; процент населения, чьи профили включаются в хранилище данных.

Элементы, определяющие экспансивный или рестриктивный характер национального законодательства о критериях включения в ДНК-базы данных, включают:

1. Правила удаления ДНК-профилей (например: после смерти осужденного; по истечении установленного срока после отбытия наказания);

2. Возможность хранения профилей (лиц, находящихся под подозрением без предъявления обвинения; задержанных);

3. Условия сбора и хранения данных осужденных (за все преступления или исключительно за тяжкие насильственные деяния);

4. Порядок уничтожения биологических образцов после экстракции ДНК-профиля;

5. Сфера разрешенного доступа к базам;

6. Круг уполномоченных органов, имеющих право доступа.

Выбор между «экспансивной» и «рестриктивной» моделью — это отражение правового компромисса между двумя ценностями: эффективностью борьбы с преступностью и неприкосновенностью генетической приватности.

Сбор генетических данных в рамках обязательной регистрации преследует легитимные и социально значимые цели: повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений (особенно тяжких и серийных), розыск пропавших без вести, идентификацию жертв катастроф и установление личности лиц, не способных сообщить о себе данные. Главный аргумент в пользу расширения базы, особенно на подозреваемых, заключается в ускорении процесса установления причастности или, что не менее важно, исключения невиновности на ранних стадиях расследования. Для лиц, подвергнутых административному аресту, официальная логика, видимо, исходит из превенции более серьезных правонарушений и установления возможных связей с криминалом. Эффективность ДНК-анализа как высокоточного метода идентификации и его потенциал для снижения субъективизма в расследованиях — ключевые плюсы системы с точки зрения публичного интереса в безопасности и справедливости правосудия.

Включение подозреваемых и обвиняемых в обязательную регистрацию создает правовой конфликт. Сбор их уникальных генетических данных происходит до судебного установления вины, в период действия презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ). Сам факт внесения в единую базу лиц, приравненную к базе осужденных, несет в себе риски стигматизации и предварительного «клеймения», что прямо противоречит духу презумпции невиновности. Проблема усугубляется единым, крайне длительным сроком хранения данных — «до установления факта смерти, а при отсутствии сведений о смерти — до даты, когда лицу исполнилось бы 100 лет» (ст. 12 Закона о ГГР). Для подозреваемого, впоследствии полностью оправданного или в отношении которого дело прекращено за отсутствием состава преступления, это означает пожизненное (фактически вечное) хранение его высокочувствительных генетических данных государством. Такой подход грубо игнорирует позицию Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), сформулированную еще в знаковом деле "С. и Марпер против Великобритании" (2004), где бессрочное хранение данных неосужденных лиц было признано нарушением права на частную жизнь (ст. 8 Европейской Конвенции о защите прав человека). ЕСПЧ подчеркивал отсутствие разумного соотношения между вмешательством и целью, а также недостаточность гарантий для невиновных.

Исходная посылка об обязательной геномной регистрации правопослушных граждан требует методологического пересмотра. Правовая система исходит из априорного доверия к добросовестности и разумности индивида, отвергая концепцию общества как совокупности потенциальных правонарушителей, требующей универсальных превентивных мер. Поскольку потребность в геномной идентификации возникает преимущественно в сфере частных интересов (доступ к инновационной медицине, профессиональная аттестация, установление родства), ее реализация должна основываться на свободном волеизъявлении субъекта [6].

Расширение регистрации на лиц, подвергнутых административному аресту, вызывает еще более серьезные сомнения в соразмерности государственного вмешательства. Административный арест (ст. 3.9 КоАП РФ) — наказание за правонарушения, не являющиеся преступлениями (в отличие от осужденных по УК РФ), максимальный срок которого составляет всего 30 суток и которое не влечет судимости. Приравнивание этих лиц (совершивших, как правило, малозначительные или не связанные с насилием проступки) к категориям, подлежащим обязательной геномной регистрации наравне с осужденными за тяжкие преступления, и применение к ним того же экстремально длительного срока хранения данных выглядит явно непропорциональным. Тяжесть вмешательства в частную жизнь (пожизненное хранение уникальных генетических данных) абсолютно не соответствует тяжести содеянного.

Отметим, что большинство проступков, влекущих административных арест, не связаны с насилием и не оставляют биологических следов, которые требовали бы ДНК-идентификации:

1. Появление в пьяном виде (ст. 20.21 КоАП) — биоматериал нерелевантен для доказывания.

2. Неуплата штрафа (ст. 20.25 КоАП) — финансовое нарушение без криминалистической составляющей.

3. Вождение без прав/в нетрезвом виде (ст. 12.7, 12.8 КоАП) — устанавливается протоколом, освидетельствованием, видеофиксацией.

4. Мелкое хищение до 2 500 ₽ (ст. 7.27 КоАП) — не требует ДНК-анализа: факт хищения доказывается камерами, свидетелями.

Расширение базы данных, особенно за счет указанных выше категорий, неизбежно усиливает системные риски:

– вмешательство в частную жизнь: генетические данные – не просто идентификатор, это "высокочувствительная информация" (ЕСПЧ), потенциально раскрывающая данные о здоровье, родственных связях, этническом происхождении. Единый длительный срок хранения для всех категорий игнорирует принцип минимально необходимого вмешательства;

– риски утечки и нецелевого использования: чем больше база и дольше сроки хранения, тем выше вероятность несанкционированного доступа, утечек, использования данных в коммерческих целях, для дискриминации;

– экономическая эффективность под вопросом: существуют обоснованные сомнения в оправданности огромных бюджетных затрат на сбор и хранение данных миллионов административно арестованных, учитывая отсутствие доказанной связи между масштабами базы и эффективностью предотвращения или раскрытия правонарушений [3];

– подрыв доверия к государству: недоверие вызывает сам факт пожизненного хранения данных государством, особенно в отношении лиц, чья вина не установлена судом (подозреваемые) или которые совершили малозначительные проступки (административно арестованные).

Практика ЕСПЧ ("С. и Марпер", последующие дела "Гогран против Великобритании" (2020), "Трайковски и Чиповски против Северной Македонии" (2020) дает четкие ориентиры. Суд последовательно указывает, что даже хранение данных осужденных требует дифференцированных сроков, привязанных к тяжести преступления и риску рецидива, а также механизмов пересмотра и удаления данных (например, после погашения судимости или по истечении обоснованного срока). Ключевой критерий — соразмерность (пропорциональность): вмешательство должно быть строго необходимым для достижения легитимной цели в демократическом обществе.

Интересно обратить внимание на замечание о практичности и экономической эффективности сбора данных. Некоторые исследователи отмечают, что забор образцов для ДНК менее инвазивен, чем тестирование на COVID-19, требующее мазков из носа и горла. Для ДНК-профилирования достаточно мазка изо рта. По сравнению с тестами на COVID-19, использующими схожие методы молекулярной диагностики, ДНК-профилирование менее затратно, так как требуется лишь один образец. Кроме того, чем больше лиц будет участвовать в сборе, тем общие затраты, как ожидается, снизятся при массовом сборе (эффект масштаба) [8].

Утверждение об экономичности ДНК-сбора основано на упрощённом сравнении операционных затрат, игнорирующем полный жизненный цикл системы. Реальная стоимость включит скрытые бюджетные, юридические и социальные издержки, которые сведут на нет "эффект масштаба".

COVID-тесты — разовые процедуры. Геномная регистрация требует пожизненного хранения данных (по действующему законодательству), что включает:

– содержание защищённых дата-центров;

– обновление ПО и криптозащиты;

– аудит безопасности.

В этой связи обратим внимание на вопросы безопасности и идентификации.

Идентификацию можно разделить на следующие виды:

1. Аутентификационная идентификация: установление личности через уникальный маркер (например, ДНК-профиль);

2. Ассоциативная идентификация: связывание известного ДНК-профиля лица с его профилем в базе;

3. Идентификация характеристик: описание здоровья, характера, этнической принадлежности и т.д. лица.

Именно третий тип имеет «гораздо более серьезные последствия для личной приватности», а его смешение с первыми двумя порождает необоснованные страхи о «вторжении» баз данных в приватность. Возражения исследователей (например, использование ДНК-профилей в «семейном поиске» или определении этнического происхождения) обычно относятся именно к идентификации характеристик.

Поскольку ДНК-профили подвержены автоматизированной обработке, ключевой правовой гарантией должно стать ограничение их использования только аутентификационной и ассоциативной идентификацией. Эта гарантия препятствует сравнению с другими наборами данных, обеспечивает более сильную защиту информационной приватности.

Подобные нарушения характерны для опыта расследования нарушений в США. Когда образцы с места преступления не дают совпадения в криминалистических базах, полиция часто запрашивает судебные ордера на сравнение с медицинскими или научными базами. Может также запрашиваться доступ к медицинским картам — практика, вызывающая опасения за приватность из-за наличия в них иных персональных данных. Эта практика может раскрыть иные персональные данные из таких баз и создать стигматизацию, если будет найдено совпадение. Так в США «холодное» дело было раскрыто с помощью частной ДНК-базы прямого доступа (DTC), что подняло вопросы о приватности при использовании негосударственных ресурсов [2]. Отметим, что при этом в США реализуется важная гарантия: в 2008 году был принят Закон о запрете дискриминации на основе их генетической информации (GINA). Данный акт запрещает дискриминационное использование генетических профилей страховыми компаниями и работодателями. Двухуровневая структура акта детализирует гарантии для сферы здравоохранения (Раздел I) и рынка труда (Раздел II) [7]. Генетическая информация как источник дискриминации вызывала тревогу у более чем 90% граждан США. Главные опасения фокусировались на двух сферах: страховые компании могли манипулировать тарифами, завышая стоимость полисов из-за повышенных генетических рисков застрахованных лиц, а работодатели — отсеивать соискателей, опасаясь будущих затрат, связанных с вероятной утратой их трудоспособности [4], а утечка данных, которые были принудительно собраны у обвиняемых, подозреваемых, лиц, подвергнутых административному аресту многократно усиливает их уязвимость.

Удивительно, но практика ЕСПЧ по ДНК-профилям не устанавливает гарантий безопасности данных, несмотря на защиту персональных данных как элемента частной жизни. Будучи оцифрованными, ДНК-профили легко копируются между компьютерами или через облачные сервисы.

Представляется, что ручное хранение (без подключения к интернету) — наиболее безопасный метод хранения данных, но в условиях постоянно увеличивающихся масштабов базы данных видится невозможным.

Постановление Правительства РФ от 31 января 2024 г. № 87

«О государственной информационной системе в области генетической информации "Национальная база генетической информации"» санкционирует применение алгоритмов искусственного интеллекта и машинного обучения при обработке поступающей генетической информации. Данная норма направлена на оптимизацию аналитических процессов, как ускорение обработки массивов информации, однако инновационный потенциал сопряжён с системными угрозами:

– уязвимость криптографической защиты. Использование упрощённых методов шифрования данных при загрузке в систему, обусловленное стремлением к оптимизации бюджетных ассигнований и применением устаревших технологических решений;

– высокая вероятность неправомерного доступа. Создаёт предпосылки для целевых кибератак третьих лиц, незаконного использования конфиденциальных генетических данных;

– применение машинного обучения к генетическим данным предоставляет злоумышленникам опасные средства для использования генетических данных с целью причинения ущерба и масштабирования угроз. Например, с помощью методов машинного обучения можно определить рост с точностью до нескольких сантиметров или реконструировать черты лица [1].

Соответственно, если будет обеспечено внедрение новейших технологий, использующих специальные способы шифровки данных, и повышенный уровень защиты, то получится минимизировать риск утечки генетической информации [5].

Идеальная структура хранения генетической информации видится так: хранение данных основано на двух отделах. Первый отдел, деятельность которого не связана с правоохранительной, хранит ДНК-профили с кодовыми идентификаторами. Второй отдел хранит соответствие кодов и имен без ДНК-данных. Раскрытие же данных происходит только при совпадении профиля в первом отделе, второй отдел предоставляет имя.

Эта система предотвращает утечки при обмене данными и защищает от внешних нарушителей. Любые нарушения будут следствием действий персонала.

Устойчивая система генетической безопасности является основой доверия граждан. Расширение масштабов использования ДНК-баз поднимает не только инструментальные вопросы (помогают ли они эффективно бороться с преступностью), но и приводит к одному из ключевых вопросов: готово ли общество доверить государству свои уникальные генетические "паспорта"? Отметим, что уверенность граждан в безопасности их генетических данных — не просто этическая абстракция, а решающий фактор легитимности и эффективности самой системы правопорядка.

В иностранных исследованиях выявили противоречивые взгляды — признание преимуществ технологии при наличии опасений:

Португалия:

– 46.5% респондентов согласны на включение в национальную базу;

– 23.2% отказались бы;

– 30.3% не определились.

Италия:

– 35.0% согласны на хранение профиля;

– 14.5% отказались бы;

– 50.5% не уверены.

Сербия:

– Большинство признаёт эффективность баз и поддерживает расширение;

– 45% и 62% выразили серьёзные/умеренные опасения соответственно о вторжении в приватность и нецелевом использовании данных.

Исследования в Южной Корее подтверждают: общество ценит справедливость процедур (как собирают, хранят, используют данные) выше, чем голую эффективность (сколько преступлений раскрыто). Жесткие правила и гарантии безопасности ДНК — доказательство этой справедливости [9].

Граждане готовы наделять государство новыми инструментами (включая доступ к ДНК) только если верят в ее добросовестность и уважение к правам. Поддержка расширения баз — это акт доверия, а не признание технологической неизбежности.

Российская практика обязательного сбора ДНК у подозреваемых, обвиняемых и лиц, подвергнутых административному аресту, без справедливых сроков хранения и механизмов удаления данных создает уникальные риски. Реформирование в части сроков хранения и категорий сбора должно напрямую отвечать на общественные запросы о безопасности и справедливости.

Проведенный анализ свидетельствует, что расширение обязательной государственной геномной регистрации в России на подозреваемых, обвиняемых и лиц, подвергнутых административному аресту, представляет собой сложный правовой вызов на стыке эффективности правоохранительной деятельности и гарантий фундаментальных прав личности. Регулирование должно быть направлено на обеспечение строгой соразмерности государственного вмешательства защищаемым публичным интересам, на создание максимально надежных гарантий безопасности генетической информации на всех этапах ее обработки. Такой подход, основанный на балансе интересов безопасности и неприкосновенности частной жизни, может обеспечить легитимность и долгосрочную эффективность использования генетических данных в правоохранительной деятельности и заслужить доверие общества.

Литература

1. Байгарин Р.Т. Правовые проблемы обеспечения кибербезопасности генетических данных в Российской Федерации. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — (2):168-176. — https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.102.2.168-176.

2. Богданова Е.Е. Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация // Lex russica. — 2019. —

(6):18-29. — https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.018-029.

3. Винникова Р. В. Международное право и российское законодательство о праве лица на защиту собственных генетических данных // Правопорядок: история, теория, практика. — 2023. — №2 (37). — С. 173-181. — DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10225

4. Лютов Н. Л. Запрет генетической дискриминации и защита генетических персональных данных: перспективы модификации норм трудового права // Журнал российского права. — 2021. — Т. 25. — № 10. —С. 72—84. — DOI: 10.12737/jrL202L124.

5. Морозов С.Ю. Правовые аспекты сбора, хранения и обработки генетической информации / С.Ю. Морозов, Е.М. Тужилова-Орданская, Е.В. Ахтямова, Н.А. Казаков. // Правовое государство: теория и практика. — 2024. — № 3. — С. 74-84. — DOI 10.33184/ pravgos-2024.3.9.

6. Мохов А. А. Геномная регистрация в России: проблемы и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 7. — С. 103—113. — DOI: 10.17803/19941471.2020.116.7.103-113.

7. Некрасов, М. А. Обязательная государственная геномная регистрация и ее роль в вопросах предупреждения, раскрытия и расследования преступлений / М. А. Некрасов, Б. П. Козаченко, Г Л. Минаков // Человек: преступление и наказание. — 2021. — Т. 29(1-4), № 4. — С. 474-484. — DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.474-484.

8. Haseltine W.A. Universal disease screening and treatment — the Egyptian example // New England Journal of Medicine. 2020. Vol. 382. P. 1081.

9. Kiseong Kuen, Devon Johnson, Kwang Hyun Ra & Yeon Soo Kim (2025) Public support for expanding DNA databases: police empowerment and the normative and instrumental models of police legitimacy in South Korea, Policing and Society, — 35:2, — 236-254, — DOI: 10.1080/10439463.2024.2396880.

Mandatory genomic registration in Russia: conflict of effectiveness and individual rights

Boyarsky R.N.

The article is devoted to the analysis of the expansion in Russia of the circle of persons subject to mandatory state genomic registration. The author examines the systemic legal risks of this innovation, focusing on its compliance with the principles of proportionality. The main focus is on the problem of lifelong (up to 100 years) storage of highly sensitive genetic data of persons whose guilt has not been established by the court or who have committed minor offenses. The risks of data leaks and misuse, undermining trust in the state, and doubts about economic efficiency are identified. Based on comparative analysis and legal argumentation, the necessity of introducing differentiated data retention periods, creating effective mechanisms for their deletion for non-convicted persons and strengthening security guarantees is substantiated. It is emphasized that the legitimacy and effectiveness of the genomic registration system directly depend on public trust based on the fairness of procedures and respect for fundamental rights.

Keywords: genetic data, mandatory genomic registration, privacy, storage, data security guarantees

References

1. Baigarin R.T. Legal issues of ensuring cybersecurity of genetic data in the Russian Federation. // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). - 2023. - (2): 168-176. - https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.102.2.168-176.
2. Bogdanova E.E. Legal issues and risks of the genetic revolution: genetic information and discrimination // Lex russica. - 2019. - (6): 18-29. - https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.018-029.
3. Vinnikova R. V. International law and Russian legislation on the right of an individual to protect their own genetic data // Law and order: history, theory, practice. - 2023. - No. 2 (37). - P. 173-181. - DOI: 10.47475 / 2311-696X-2023-10225
4. Lyutov N. L. Prohibition of genetic discrimination and protection of genetic personal data: prospects for modifying labor law norms // Journal of Russian Law. - 2021. - Vol. 25. - No. 10. -P. 72-84. - DOI: 10.12737 / jrL202L124.
5. Morozov S. Yu. Legal aspects of the collection, storage and processing of genetic information / S. Yu. Morozov, E.M. Tuzhilova-Ordanskaya, E.V. Akhtyamova, N.A. Kazakov. // The rule of law: theory and practice. - 2024. - No. 3. - P. 74-84. - DOI 10.33184/pravgos-2024.3.9.
6. Mokhov A. A. Genomic registration in Russia: problems and development prospects // Actual problems of Russian law. - 2020. - Vol. 15. - No. 7. - P. 103-113. - DOI: 10.17803/19941471.2020.116.7.103-113.
7. Nekrasov, M. A. Mandatory state genomic registration and its role in the prevention, detection and investigation of crimes / M. A. Nekrasov, B. P. Kozachenko, G. L. Minakov // Man: crime and punishment. - 2021. - Vol. 29 (1-4), No. 4. - P. 474-484. - DOI : 10.33463 / 2687-1238.2021.29 (1-4). 4.474-484. 8. Haseltine W.A. Universal disease screening and treatment - the Egyptian example // New England Journal of Medicine. 2020. Vol. 382. P. 1081.
9. Kiseong Kuen, Devon Johnson, Kwang Hyun Ra & Yeon Soo Kim (2025) Public support for expanding DNA databases: police empowerment and the normative and instrumental models of police effectiveness in South Korea, Policing and Society, - 35:2, - 236-254, - DOI: 10.1080/10439463.2024.2396880.

Британская империя на рубеже эпох: социально-политические трансформации конца XVIII века

Новоселова Ольга Анатольевна
аспирант Высшей школы педагогики и истории ТОГУ, helganovoselova97@gmail.com

Статья посвящена комплексному анализу социально-политических и экономических трансформаций в Великобритании конца XVIII в. Особое внимание уделяется ухудшению положения непривилегированных слоёв населения, формированию рабочего класса и зарождению организованного рабочего движения. Рассматриваются изменения в системе социальной стратификации, укрепление буржуазии и эволюция институциональных механизмов власти – от дуалистической к парламентской монархии. Подчёркивается роль прессы как посредника между обществом и государством. Колониальная экспансия Великобритании оказала ключевое влияние на развитие её внутренней экономики и политики, обеспечив приток ресурсов, расширение рынков сбыта и укрепление позиций буржуазии в системе государственного управления. Автор приходит к выводу о том, что данные процессы стали основанием для последующих реформ и сыграли ключевую роль в становлении либеральной демократии и гражданского общества в Великобритании.
Ключевые слова: Британская империя, Великобритания, промышленная революция, парламент, монархия, местное самоуправление, колония, буржуазия

Уже к концу XVII в. в Великобритании сформировался институциональный фундамент современной системы управления государством. На протяжении XVIII в. стали активно развиваться важнейшие институты буржуазной государственно-правой системы. В частности, получил практическую реализацию принцип верховенства парламента в сфере законотворчества, признание за парламентом исключительного права вотировать бюджет и определять основные векторы военной политики; был утвержден принцип несменяемости судей.

В конце XVII в. достаточно остро стоял вопрос о взаимоотношении властей. Дуализм – дуалистическая монархия, свойственная политической системе Великобритании – продолжал сохраняться: монарх сохранял право вето в отношении законопроектов, прошедших через парламент, безраздельное право на формирование правительства и осуществление с его помощью своей политики. Король и сформированное им правительство не несли ответственности перед парламентом. На протяжении XVIII в. данная ситуация изменилась; изменилось соотношение объема властных полномочий в пользу парламента, министерств и органов самоуправления, тогда как спектр полномочий монарха и его представителей, напротив, сузился.

XVIII в. в Великобритании стал эпохой формирования парламентской монархии в ее современном понимании. Данные трансформации были напрямую связаны с изменениями социально-экономической структуры британского общества. В первую очередь в данном контексте следует выделить фактор промышленного переворота и индустриализации, который повлиял на реорганизацию классовой структуры социума. Промышленная революция породила новый для Великобритании класс – класс промышленной буржуазии. Богатые промышленники достаточно быстро обрели вес в обществе и к концу XVIII в. стали проявлять интерес к политической сфере. В рассматриваемый нами период промышленники стремились к объединению политических сил с классами джентри и финансовой аристократии, в результате чего политическая система английского общества существенно изменилась.

Все это сопровождалась эволюцией конституционной монархии от дуалистической, имевшей место в начале столетия, к парламентарной. Подобное развитие обеспечивалось, в первую очередь, постепенным ограничением власти монарха, а во-вторую – выработкой более эффективных и современных механизмов взаимодействия между представителями разных ветвей власти.

Данные процессы социально-политической трансформации не были зафиксированы на высшем – конституционном – уровне, что, в свою очередь,

привело к специфической форме организации правовых механизмов государственной власти. Речь идет о том, что изменения в политической практике стали утверждаться в положениях актов парламента и судебных прецедентов, а также в форме т.н. конституционных обычаев, в совокупности именуемых конвенциональными нормами.

К концу XVIII в. король де юре сохранял свой статус главы государства, но де факто его полномочия стали иметь лишь формальный характер и распространялись лишь на исполнительные структуры власти. На данном этапе произошло, можно сказать, отчуждение короля от «реальной» власти кабинета и премьер-министра. Властные структуры действовали от имени короля, но в реальной практике они имели полную автономность [6].

В конце XVIII в. начали формирование новые принципы организации управления: так, в ситуации утраты кабинетом доверия парламента он либо уходил в отставку в полном составе (солидарная ответственность), либо мог распустить палату общин и назначить новые выборы. Это привело к практике регулярной смены кабинета в зависимости от степени одобрения проводимой им политики со стороны представителей палаты общин. Таким образом, на данном этапе завершили свое становление важнейшие институты буржуазного государственного права.

Как отмечено выше, промышленная революция повлекла за собой изменения в социальной структуре. Ключевым социальным последствием индустриального переворота стало укрепление экономических и политических позиций промышленной буржуазии. На данном этапе были сформированы благоприятные условия для внешней торговли, колониальной экспансии и завершения процесса первоначального накопления капитала. Был создан рынок наемной рабочей силы и достигнут уровень накопления капитала и концентрации его в руках буржуазии, требуемый для перехода к капиталистическому производству [3].

Ранее доминирующее положение в классовой структуре британского общества занимала земельная аристократия – крупные феодалы. Промышленники, быстро обогатившиеся в период промышленной революции, стали обладать капиталами, сопоставимыми с капиталами «старой» аристократии. Более того, буржуазия получила возможность приобретать землю и титулы, тем самым пополняя ряды земельной аристократии [2, с. 187].

Тем не менее, в конце XVIII в. британское общество все еще считало парламентскую деятельность привилегией аристократов, обладавших требуемым уровнем образования, преемственностью поколений правящих элит, знанием специфики политической системы. Кроме того, далеко не все буржуа были действительно заинтересованы в ведении регулярной политической и законотворческой деятельности; потребности и политические амбиции многих представителей среднего класса удовлетворялись путем подачи петиций в адрес правительства и парламента, депутатов. С одной стороны, можно сказать, что промышленники в большей степени были заинтересованы в хозяйственной деятельности и наращивании капитала, тогда как представители земельной аристократии были всецело погружены в исполнение обязанностей в области государственного управления [2, с. 187]. С другой стороны, имеются факты, доказывающие о нарастании политического соперничества английской «денежной» аристократии с аристократией землевладельческой [1, с. 114].

В рассматриваемый нами период произошли изменения и на более «низких» уровнях власти. Обращаясь к вопросу о развитии местного управления в Великобритании конца XVIII в., необходимо отметить, что специальных учреждений, заведующих той или иной отраслью местного управления, не существовало. Центральное правительство в лице Министерства внутренних дел реализовывало контрольную функцию по отношению к местному управлению. Тем не менее, данный контроль постепенно стал ограничиваться: так, правительства не имело полномочий отдавать местным органам приказы и распоряжения, а действия и местных органов не требовали согласия со стороны центральной власти.

К началу XIX в. система институтов местного самоуправления в Великобритании развилась достаточно ощутимо, благодаря чему местные органы власти получили весомые полномочия во многих сферах общественной жизни, что, в свою очередь, позволило сформировать «страну, где право и законность являются доминирующими факторами взаимоотношений» [1, с. 114]. Английское самоуправление на рубеже столетий стало одним из важнейших институтов гражданского общества, без которого невозможно формирование правового государства за счет участия граждан в политической жизни, контролировать деятельность выборных органов и влиять на политический процесс на локальном уровне.

Одной из важнейших тенденций конца XVIII в., повлиявшей на дальнейший ход развития социально-политической и экономической систем Великобритании и оказавшей влияние на ее современные очертания, стало ухудшение положения непривилегированных слоев общества и, как следствие, формирование социального движения.

На современном этапе многие исследователи, литераторы, политики, представители масс-медиа выступают с критикой действий правительства и буржуазии в период промышленной революции конца XVIII в. Известно, к примеру, о массовой практике установления 13-часового рабочего дня на заводах, сокращении заработной платы до уровня физиологического минимума, ухудшении жилищных условий, привлечение детей к труду. В XVIII в. рабочий день мог равняться 14–15 часам, и только к завершению первой трети продолжительность рабочего дня стала составлять 12–13 часов в день [7, с. 68]. Население Великобритании во многом жило в статусе «полурабов», не имевших базовых социальных прав, гарантий и возможностей [5, с. 501].

Во многом такая ситуация была обусловлена исключительным желанием промышленников к накоплению капитала любыми средствами; кроме того, отметим также неразвитость научно-методологических представлений о сущности механизмов рыночной капиталистической экономики. Так, в частности, заработная плата уже с XVII в. имела жесткую привязку к стоимости хлебного пайка, что укладывалось в существовавшие тогда представления экономической науки и хозяйственной практики о справедливой зарплате. Труд считался гомогенной категорией, сводимой к объему затраченного на производство времени. Вопросы роста квалификации, улучшения условий труда, повышения производительности и мотивации работников стали изучаться лишь в конце XIX в. [5, с. 501].

Ощутимое ухудшение условий жизни и труда непривилегированных слоев населения в период промышленной революции второй половины XVIII в. в Великобритании стало отражением не только эволюции капиталистического производства, но и системной трансформации социальных отношений, сопровождавшей становление индустриального общества.

Ключевым аспектом данной трансформации следует считать формирование и институционализацию новых форм социальной стратификации, в которых рабочий класс оказался в положении неравноправного участника производственных отношений. Приверженцы доминирующей на данном этапе концепции «естественного порядка» считали рыночные механизмы саморегулирующейся системой, вмешательство в которую со стороны государства считалось нежелательным.

Именно на этом фоне возникли и получили развитие первые формы организованного рабочего движения. Протестные движения, луддизм, забастовки, а позднее – создание профессиональных союзов можно интерпретировать как форму выражения интересов пролетариата, стремившегося к пересмотру несправедливых условий труда. Подобные движения знаменовали собой не только реакцию на угнетение, но и начало процесса политического самосознания рабочего класса как автономного социального агента, претендующего на участие в формировании общественных норм и институтов.

Ухудшение положения непривилегированных слоев общества в конце XVIII – начале XIX вв. следует рассматривать в качестве важнейшего фактора формирования современной социальной и политической структуры Великобритании. Именно в этот период были заложены предпосылки для последующих реформ в сфере труда, образования и социальной политики, а также началось переосмысление самого характера труда не только с точки зрения прибыли и капитала, но и с социально-гуманистических соображений.

Изменения в стратификации повлекли за собой трансформации публичной сферы. Так, в конце XVIII в. пресса стала основным инструментом для координации и распространения народного мнения, выражения общественного протеста против тех или иных политических нововведений и реформ. Пресса, впервые в британской истории, заняла место посредника между правительством и общественностью, воздействуя на различные социальные группы и формируя общественное мнение. В конце XVIII в. около половины печатных изданий Великобритании публиковали письма политических и общественных деятелей, политических комментаторов или представителей местной администрации [4, с. 174].

То, каким образом эволюционировала социально-политическая система и внутренняя политика Великобритании в конце XVIII в, тесным образом связано с ее внешнеполитическим вектором. Внутренние трансформации происходили в условиях активной внешнеполитической экспансии, обусловленной необходимостью укрепления и расширения экономических и стратегических позиций страны на международной арене. Данный период характеризуется продолжением политики британского империализма, сохранением колониального доминирования в ряде регионов и участием в серии крупномасштабных военных конфликтов, включая Американскую войну за независимость (1775–1783 гг.) и наполеоновские войны (1799–1815 гг.), что в совокупности оказало значительное влияние на структуру внутреннего управления и социальную динамику.

Для Великобритании, крупнейшей колониальной державы, наличие колоний стало важнейшим импульсом для развития британского общества, определило характер экономики, отразилось на социальной сфере и идеологии. К концу века территория Британской империи существенно сократилась из-за потери англичанами тринадцати колоний в Новом свете; в целом в конце XVIII в. положение Британии как колониальной державы ощутимо осложнилось. Несмотря на распад «первой» Британской империи в связи с Войной за независимость североамериканских колоний в конце XVIII в., в целом Великобритания сохраняла статус империи. На смену «первой» пришла «вторая» империя, датировать которую можно периодом с конца XVIII в. по начало XX в.

Следует отметить трансформацию системы управления колониями: в результате реформ 1782 г. произошла реорганизация политических институтов, реализующих колониальную политику. В 1794 г. компетенции, связанные с контролем колониальных территорий, были перераспределены и переданы Военному министерству. В 1801 г. было создано Министерство по делам войны и колоний. Подобное совмещение военной и колониальной политик можно считать индикатором изменения методов, применяемых для управления колониями, а также эскалации напряжения и антиколониальной политики в некоторых из них [8, с. 73]. Кроме того, в самой метрополии существовало мнение о том, что для Великобритании колонии являют собой лишь бремя.

Для внутренней политики и экономики страны владение колониями было значимо, так как позволяло расширить территории рынков сбыта британской продукции. Колониальные владения, кроме

того, служили источником сырья для внутреннего производства и во многом обеспечили возможность совершения промышленного переворота. Колонии в Карибском бассейне, Северной Америке, в Индии и Африке поставляли Британии важнейшие ресурсы: сахар, хлопок, табак, чай, пряности, пигменты и др. Эти и другие товары перерабатывались в британских мануфактурах, что оказывало стимулирующее воздействие на развитие текстильной и пищевой промышленности. Прибыли, получаемые от колониальной торговли, обеспечивали накопление капитала, необходимого для развития промышленных отраслей. Перераспределение данных потоков прибылей способствовало росту финансовых институтов, развитию лондонского Сити как мирового финансового центра и институционализации различных форм кредитования, страхования и инвестиций.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

– В течение XVIII века в Великобритании произошло структурное переустройство системы государственного управления, ознаменовавшее собой переход от дуалистической монархии к формату парламентской монархии. Произошло перераспределение властных прерогатив в пользу парламента и правительства, что сопровождалось ограничением прерогатив монарха и формированием новых механизмов ответственности исполнительной власти перед законодательной.

– Социальные трансформации, вызванные промышленной революцией в Великобритании конца XVIII – начала XIX века, оказали глубокое влияние как на классовую структуру общества, так и на институциональные механизмы государственной власти. Одним из ключевых следствий индустриализации стало усиление экономического и, в перспективе, политического влияния промышленной буржуазии. Процесс первоначального накопления капитала, формирование рынка наемного труда, рост внешнеторговых и колониальных связей создали предпосылки для перехода от аграрно-феодальной к капиталистической модели хозяйства. На этом фоне наметилось перераспределение социальной и политической власти между традиционной земельной аристократией и новой буржуазией. Параллельно с изменениями на общенациональном уровне происходило укрепление местного самоуправления.

– Ухудшение положения непривилегированных слоёв населения Великобритании в конце XVIII века следует рассматривать как неотъемлемый компонент более широкой социально-экономической трансформации, вызванной промышленной революцией. Переход от традиционного аграрного уклада к индустриальной модели производства не только обусловил формирование рабочего класса как новой социальной категории, но и обнажил структурные дисфункции раннекапиталистической экономики.

– Важным медиатором этих изменений выступила формирующаяся публичная сфера, главным инструментом которой стала пресса. Именно печатное слово способствовало артикуляции общественного мнения, усилению общественного контроля над властью и формированию дискурса социальной справедливости.

– Колониальная экспансия конца XVIII в. оказала глубокое влияние на внутреннюю политику Великобритании: реформы управления, рост внешнеторговых доходов и приток сырья стимулировали промышленный переворот, усилили финансовый сектор и повлияли на структуру власти и социальные процессы внутри страны.

Литература

1. Горбатюк, Е. С. Местное самоуправление в Великобритании XIX в.: аналитический обзор / Е. С. Горбатюк // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2010. – №1. – С. 113–120.

2. Жолудов, М. В. Парламент и общество в Великобритании XIX века: особенности взаимовлияния / М. В. Жолудов // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность : сб. науч. ст., Санкт-Петербург, 10–11 декабря 2015 года / под ред. А. Б. Николаева. Ч. 2. – СПб. : ЭлекСис, 2016. – С. 185–191.

3. Калиничева, Г. И. Экономическая история: крат. конспект лекций / Г. И. Калиничева. – К. : Межрегион. акад. упр. персоналом, 1998. – 92 с.

4. Макаров, Е. П. Пресса и общественное мнение в Англии 1780–1800 гг. / Е. П. Макаров // Известия Самарского научного центра РАН. – 2011. – №3-1. – С. 173–178.

5. Попов, Г. Г. Хозяйственный порядок в Британии в XVIII – начале XX вв. О причинах кризиса капитализма «Нулевая депрессия» / Г. Г. Попов // Cloud of science. – 2014. – №3. – С. 498–516.

6. Серенёв, В. Б. Формирование английской парламентской монархии / В. Б. Серенёв // I Студенческая конференция «Форма государства: история и современность, Россия и страны Азиатско-Тихоокеанского региона». – Режим доступа: http://econf.rae.ru/article/5721. – Дата доступа: 07.07.2025.

7. Харитонов, Р. Ю. Уровень жизни фабричных рабочих Великобритании первой трети XIX в. / Р. Ю. Харитонов // Clio moderna: проблемы всемирной истории нового и новейшего времени: тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции, посвящённой юбилею ист. факультета УрФУ (16–17 ноября 2018 г., Екатеринбург). – Екатеринбург : Кабинетный учёный, 2019. – С. 67–69.

8. Шестакова, И. А. Колониальная политика Великобритании в начале XIX в.: к постановке вопроса / И. А. Шестакова // Учёные записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – №1 (86). – С. 72–74.

The British empire at the turn of epochs: socio-political transformations of the late 18th century

Novoselova O.A.
TNU

The article contains a comprehensive analysis of socio-political and economic transformations in Great Britain at the end of the 18th century. Particular attention is paid to the deterioration of the situation of the underprivileged strata of the population, the formation of the working class and the

emergence of an organized labor movement. Changes in the system of social stratification, the strengthening of the bourgeoisie and the evolution of institutional mechanisms of power – from dualistic to parliamentary monarchy are considered. The role of the press as an intermediary between society and the state is emphasized. Britain's colonial expansion had a key influence on the development of its domestic economy and politics, providing an influx of resources, expanding markets and strengthening the position of the bourgeoisie in the system of government. The author concludes that these processes became the basis for subsequent reforms and played a key role in the development of liberal democracy and civil society in Great Britain.
Keywords: British empire, Great Britain, industrial revolution, parliament, monarchy, local government, colony, bourgeoisie

References

1. Gorbatyuk, E. S. Local self-government in Great Britain in the 19th century: an analytical review / E. S. Gorbatyuk // Bulletin of St. Petersburg University. International relations. - 2010. - No. 1. - P. 113-120.
2. Zholudov, M. V. Parliament and society in Great Britain in the 19th century: features of mutual influence / M. V. Zholudov // Tavricheskie readings 2015. Actual problems of parliamentarism: history and modernity: collection of scientific articles, St. Petersburg, December 10-11, 2015 / edited by A. B. Nikolaev. Part 2. - St. Petersburg: ElekSis, 2016. - P. 185-191.
3. Kalinicheva, G. I. Economic history: abridged. lecture notes / G. I. Kalinicheva. - K.: Interregional. academic personnel management, 1998. - 92 p.
4. Makarov, E. P. Press and public opinion in England in the 1780s-1800s / E. P. Makarov // Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. - 2011. - No. 3-1. - P. 173-178.
5. Popov, G. G. Economic order in Britain in the 18th - early 20th centuries. On the causes of the crisis of capitalism "Zero Depression" / G. G. Popov // Cloud of science. - 2014. - No. 3. - P. 498-516. 6. Serenev, VB Formation of the English Parliamentary Monarchy / VB Serenev // I Student Conference "Form of the State: History and Modernity, Russia and the Countries of the Asia-Pacific Region". - Access mode: http://econf.rae.ru/article/5721. - Access date: 07.07.2025.
7. Kharitonov, R. Yu. Standard of Living of Factory Workers in Great Britain in the First Third of the 19th Century / R. Yu. Kharitonov // Clio moderna: Problems of World History of Modern and Contemporary Times: Abstracts of Reports and Communications of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the Anniversary of the History Faculty of UrFU (November 16-17, 2018, Yekaterinburg). - Yekaterinburg: Cabinet Scholar, 2019. - P. 67-69.
8. Shestakova, I. A. Colonial policy of Great Britain in the early 19th century: towards posing the question / I. A. Shestakova // Scientific notes of OSU. Series: Humanities and social sciences. - 2020. - No. 1 (86). - P. 72-74.

Риски контрактных закупок при способах выбора поставщика

Агабекян Самвел Рубенович
магистрант Дальневосточного Федерального университета, samvelagabekian@gmail.com

Белобородов Максим Владимирович
к.э.н., доцент кафедры гражданского права и процесса Юридической школы ДВФУ, beloborodov.mv@dvfu.ru

Контрактная система, регулируемая Федеральным законом №44-ФЗ, направлена на обеспечение эффективного и прозрачного использования бюджетных средств при осуществлении закупок. Ключевыми инструментами оптимизации закупочных процедур являются лотирование и дробление закупки. Лотирование предполагает разделение закупки на части (лоты) в зависимости от однородности товаров, работ или услуг, что способствует привлечению большего числа участников рынка, особенно малого и среднего бизнеса.
Дробление закупки, в свою очередь, представляет собой искусственное разделение потребности на мелкие контракты, чтобы избежать установленных законом пороговых значений и требований к участникам. Однако, подобная практика может повлечь за собой негативные последствия.
Если дробление признается необоснованным и направленным на уклонение от требований 44-ФЗ, сделка может быть признана ничтожной. Это означает, что контракт не имеет юридической силы, а бюджетные средства подлежат возврату. Признание ничтожности влечет за собой административную и даже уголовную ответственность для должностных лиц, допустивших нарушение. Таким образом, соблюдение принципов контрактной системы и обоснованность разделения закупки являются критически важными для обеспечения законности и эффективности государственных закупок.
Ключевые слова: государственные закупки, контрактная система, лоты, дробление закупки, поставщики, способы выбора, государственные нужды, реституция, ничтожность сделки, муниципальные нужды.

На сегодняшний день контрактная система регулируется Федеральным законом "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 N 44-ФЗ (далее - ФЗ № 44).

Согласно ст. 3 ФЗ № 44 контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд - совокупность участников контрактной системы в сфере закупок и осуществляемых ими, в том числе с использованием единой информационной системы в сфере закупок, в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок действий, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд [1].

Контрактная система в сфере государственных и муниципальных закупок включает в себя правовые отношения, складывающиеся при планировании, осуществлении государственных и муниципальных закупок, мониторинга, аудита и контроля в сфере указанных закупок. К данным правовым отношениям относятся и правоотношения, складывающиеся в рамках государственного оборонного заказа (далее - ГОЗ) [2].

Контрактная система на сегодняшний день является важным государственным сегментом в экономической сфере, так как помогает минимизировать коррупцию и оптимизировать расходования государственных и муниципальных средств.

Тем не менее данная система на сегодняшний день имеет свои нюансы и риски: одним из них является способ определения поставщика.

Способы определения поставщика делятся в свою очередь на:

- закупки у единственного поставщика - неконкурентная закупка, которая осуществляется у определенного продавца без проведения торгов и в максимально сжатые сроки [3].

Например, осуществление закупки у единственного поставщика производится в случае, если товар, работа или услуга относятся к сфере деятельности субъектов естественных монополий в соответствии с Федеральным законом от 17 августа 1995 г. N 147-ФЗ "О естественных монополиях". Так, в сфере реализации природного газа в Российской Федерации естественным монополистом является Публичное акционерное общество "Газпром". В свою очередь, естественные монополии играют большую роль для экономического сектора, они поддерживают внутригосударственную экономику и являются своего рода двигателем для экономического благополучия страны [4].

- конкурентные способы.

Конкурентные способы делятся на открытые и закрытые, которые в свою очередь делятся на конкурс, аукцион, запрос котировок (последнее относится только к открытому конкурентному способу).

На сегодняшний день одним из главных принципов контрактной системы является открытость и прозрачность, что соответствует обеспечению минимизации коррупции. Конкурентный способ наиболее способствует соблюдению вышеуказанных принципов.

Тем не менее на практике возникают ситуации, когда заказчик пытается сделать «видимость» по соблюдению данных принципов в виду различных причин: установленных договорённостей, субъективного критерия и т.д.

Согласно п. 2 «Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» включение заказчиком в аукционную документацию требований к закупаемому товару, которые свидетельствуют о его конкретном производителе, в отсутствие специфики использования такого товара является нарушением положений статьи 33 Закона о контрактной системе [5].

К примеру, Согласно Решению Арбитражного суда Омской области по делу N А46-20467/2019 от 19.05.2020 заказчиком в нарушение требований Закона о контрактной системе в описании объекта закупки установлены требования, влекущие ограничение участников закупки, поскольку указанные в техническом задании характеристики автомобиля в совокупности соответствуют исключительно автомобилю Toyota Camry [6].

Практика применения законодательства о контрактной системе демонстрирует существование ряда способов искусственного ограничения конкуренции при осуществлении закупок. К ним относятся, в частности, формирование условий закупки, направленных на обеспечение победы заранее определенного поставщика, например, посредством создания закупки с предрешенным результатом в пользу единственного участника или разработки технического задания, специфицированного под конкретные характеристики продукции/услуг одного из потенциальных поставщиков.

Помимо указанных методов, следует отметить возможность использования иных деструктивных практик, таких как установление заведомо нереализуемых квалификационных требований, необоснованное сокращение сроков для подготовки конкурсной документации, а также привлечение к участию фиктивных субъектов хозяйствования с целью имитации конкурентной среды.

Такие действия, направленные на искусственное создание преференций для отдельных участников закупки, не соответствуют принципам открытости, справедливости и конкуренции, закрепленным в Федеральном законе № 44-ФЗ, и могут повлечь за собой негативные последствия для заказчика и участников закупки.

Для преодоления рисков возникновения искусственного способа выбора «нужного» поставщика стали применять систему деления закупки на лоты. Это достаточно эффективный способ, который позволяет минимизировать возникновения коррупции и привлечь большее количество участников.

При этом систему деления закупки на лоты не стоит путать с дроблением закупки (противоположная процедура), которая достаточна похожа, но имеет иную цель:

- деление на лоты способствует минимизировать риск появления коррупции, т.е. заказчик демонстрирует, что разделение на лоты не приведет к ограничению круга потенциальных поставщиков и не препятствует участию в закупке широкого спектра хозяйствующих субъектов;

- дробление закупки способствует возникновению способа закупки товара или выполнение работ конкретным поставщиком (подрядчиком).

К примеру, согласно Постановлению Верховного суда РФ от 07.10.2019 N 73-АД19-2 заключенные в течение непродолжительного периода времени (пяти дней) муниципальные контракты от 18, 20 и 22 декабря 2017 г., предметом которых является поставка одноименных товаров - компьютерного оборудования одному приобретателю, имеющему единый интерес, содержат идентичные условия, направлены на достижение единой хозяйственной цели и образуют единую сделку, искусственно раздробленную и оформленную тремя самостоятельными муниципальными контрактами для формального соблюдения ограничения, предусмотренного пунктом 4 части 1 статьи 93 Федерального закона N 44-ФЗ [7].

Признаки дробления закупки:

Во-первых, это единое целевое назначение, т.е. путем заключения множества договоров достигается определенный, спланированный заранее результат.

Во-вторых, это относительно небольшой временной интервал заключения таких отдельных договоров. Особенно ярко это проявляется при окончании финансового года, когда остаются нереализованными лимиты бюджетных обязательств и заказчики всеми силами пытаются их реализовать.

В-третьих, в некоторых случаях - это результат отдельного договора, который невозможно использовать, да и целевое назначение его порой не совсем понятно (например, установка видеокамер охраны без наличия сервера системы охраны или возведение входных ворот (калиток) без возведения оградительного забора и т.п.).

В-четвертых, такие договоры заключаются, как правило, с одним и тем же контрагентом или аффилированным с ним лицом (лицами) [8].

Дифференциация дробления и лотирования требует комплексного анализа целей и мотивов заказчика, а также оценки влияния выбранной стратегии на конкурентную среду и экономическую эффективность закупки. Нечеткое разграничение данных понятий может привести к юридическим рискам и негативным последствиям, в том числе к признанию закупки незаконной и привлечению к административной ответственности.

Таким образом, можно дать следующее определение дробления закупки - намеренное искусственное разделение единой потребности на несколько самостоятельных закупок, каждая из которых по объему не достигает установленных пороговых значений, определяющих необходимость применения конкурентных процедур.

Результатом дробления закупки влечет ничтожность заключенного контракта. Тем не менее судебная практика имеет диаметрально противоположные позиции по поводу последствий применения ничтожной сделки:

Согласно Постановлению Арбитражного суда Поволжского округа от 18.03.2021 по делу N А55-11835/2020 была установлено, что контракты имеют признаки дробления, но так как нет доказательств, что в момент выполнения работ ООО "СтройТрансСервис" получило какую-либо иную необоснованную выгоду помимо преференций при заключении контрактов, суды указал, что взыскание с ООО "СтройТрансСервис" стоимости фактически выполненных и принятых работ по ничтожным сделкам, без обеспечения возможности получения ООО "СтройТрансСервис" возврата исполненного по сделке, породило бы извлечение преимуществ Муниципальным казенным учреждением "Управление по строительству, архитектуре, жилищно-коммунальному хозяйству муниципальному района Большечерниговский Самарской области", в пользу которого был бы осуществлен возврат, из своего недобросовестного поведения [9].

В связи с чем взыскание денежных средств по контракту в федеральный бюджет с ООО «СтройТрансСервис» произведено не было.

Вместе с тем, согласно Постановлению Арбитражного суда Уральского округа от 06.03.2018 по делу N А34-4692/2017 с учетом наличия устного соглашения между обществом "Компания "Промпроект", библиотекой и Управлением культуры Курганской области, суды, установив отсутствие совокупности условий, предусмотренных ст. 198, 200 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пришли к обоснованным выводам о том, что оспариваемые решение и предписание являются законными и обоснованными, антимонопольным органом доказаны все необходимые признаки нарушения обществом "Компания "Промпроект", библиотекой и Управлением культуры Курганской области ст. 16 Закона о защите конкуренции, выразившегося в заключении между ними соглашения об искусственном дроблении на восемь государственных контрактов одной сделки по капитальному ремонту (перепланировке) помещений, которые привели к недопущению конкуренции при выборе подрядчика для заключения государственного контракта на выполнение указанных работ [10].

В связи с чем денежные средства по контракту были взысканы с ответчика в федеральный бюджет.

В контексте признания государственного или муниципального контракта недействительным, вопрос о применении реституции, то есть возврате сторон в первоначальное положение, представляется дискреционным полномочием суда. Иными словами, решение о необходимости и объеме реституции остается на усмотрение судебного органа, рассматривающего данное дело.

Литература

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024)
2. Свининых Е. А. Контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд как юридическая категория // Современное право. 2016. N 7. С. 85 - 89.
3. Кренева А. А., Попова Т.С. Система государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации // Аудитор. 2022. N 7. С. 46 - 50.
4. Новрузова О. Б., Клевцов И.А., Шикова Е.Р. Способы и условия заключения государственных контрактов // Администратор суда. 2024. N 1. С. 12 - 15.
5. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 04.05.2025).
6. Решение Арбитражного суда Омской области по делу N А46-20467/2019 от 19.05.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 04.05.2025).
7. Постановление Верховного суда РФ от 07.10.2019 N 73-АД19-2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 04.05.2025).
8. Жабровский Р. А. Негативные аспекты деления закупки на части // Право в Вооруженных Силах. 2018. N 2. С. 33 - 37.
9. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.03.2021 по делу N А55-11835/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 04.05.2025).
10. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.03.2018 по делу N А34-4692/2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 04.05.2025).

Risks of contract procurement in supplier selection methods

Agabekyan S.R., eloborodov M.V.
Far Eastern Federal University

The contract system, regulated by Federal Law No. 44-FZ, is aimed at ensuring the efficient and transparent use of budget funds in procurement. The key tools for optimizing procurement procedures are lotting and splitting purchases. Lotting involves dividing purchases into parts (lots) depending on the uniformity of goods, works or services, which helps attract more market participants, especially small and medium-sized businesses.

Fragmentation of procurement, in turn, is an artificial division of demand into small contracts in order to avoid legally established thresholds and requirements for participants. However, this practice can have negative consequences.

If the splitting is found to be unjustified and aimed at evading the requirements of 44-FZ, the transaction may be declared void. This means that the contract has no legal force, and the budget funds are subject to refund. Recognition of nullity entails administrative and even criminal liability for officials who committed a violation. Thus, compliance with the principles of

the contract system and the reasonableness of the division of procurement are crucial to ensure the legality and effectiveness of public procurement.
Keywords: public procurement, contract system, lots, fragmentation of procurement, suppliers, methods of selection, state needs, restitution, nullity of the transaction, municipal needs.

References

1. On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs: feder. Law No. 44-FZ of 05.04.2013 (as amended on 26.12.2024)
2. Svininykh E. A. The contract system in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs as a legal category // Modern law. 2016. N 7. pp. 85-89.
3. Kreneva A. A., Popova T.S. The system of state and municipal procurement in the Russian Federation // Auditor. 2022. N 7. pp. 46-50.
4. Novruzova O. B., Klevtsov I.A., Shikova E.R. Methods and conditions of concluding government contracts // Court administrator. 2024. N 1. pp. 12-15.
5. Review of judicial practice in the application of the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs. [electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru / (date of access: 05/04/2025).
6. The decision of the Arbitration Court of the Omsk region in the case N A46-20467/2019 dated 05/19/2020. [electronic resource]. Access mode: https://kad.arbitr.ru / (date of application: 05/04/2025).
7. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10/07/2019 N 73-AD19-2. [electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru / (date of reference: 05/04/2025).
8. Zhabrovsky R. A. Negative aspects of the division of procurement into parts // Law in the Armed Forces. 2018. N 2. pp. 33-37.
9. Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region dated 03/18/2021 in case no. A55-11835/2020. [electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru / (date of application: 05/04/2025).
10. The decision of the Arbitration Court of the Ural District dated 03/06/2018 in the case N A34-4692/2017. [electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru / (date of access: 05/04/2025).

Гражданско-правовые и организационные проблемы реорганизации юридических лиц

Бирюков Андриан Леонидович
аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В условиях динамичного развития экономики и постоянных изменений в законодательстве реорганизация юридических лиц становится важным инструментом для достижения оптимизации бизнес-процессов и привлечения инвестиций. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена значимостью реорганизации как механизма реструктуризации бизнеса, особенно в условиях кризиса и нестабильности. Процедуры реорганизации распространены, однако они часто сопровождаются правовыми коллизиями и сложностями в правоприменении, что требует тщательного анализа и поиска оптимальных решений. Сложная природа реорганизации требует соблюдения баланса интересов всех участников – акционеров, кредиторов и государства, а также вновь создаваемых юридических лиц. Кроме того, исследования в данной области имеют прямую связь с национальными проектами и задачами экономического развития страны.

Ключевые слова: кредитор, реорганизация, сделка; юридический состав, реорганизационные правоотношения, юридическое лицо, правопреемство, слияние, выделение, предприятие, гражданское законодательство.

Реорганизация юридических лиц представляет собой многофункциональный процесс, имеющий значительное влияние на экономическую стабильность и развитие. В условиях рыночной экономики процедуры реорганизации становятся необходимыми для адаптации бизнеса к новым условиям и оптимизации его структуры. Однако они также сопряжены с многочисленными правовыми коллизиями, что делает их изучение особенно актуальным. Реорганизация юридических лиц определяется как способ прекращения и/или создания юридических лиц, который отличается от ликвидации и создания заново. Ключевым элементом в этом процессе является правопреемство, обеспечивающее передачу прав и обязательств от реорганизуемого лица к вновь созданным юридическим лицам. Это позволяет сохранить непрерывность бизнеса и защитить интересы всех участников.

Ключевой проблемой является отсутствие единой концепции и определения реорганизации в Гражданском кодексе Российской Федерации [1]. Так, статья 57 ГК РФ лишь перечисляет формы реорганизации, не предлагая легального определения ее сущности. Это создает сложности в разграничении реорганизации с другими процедурами изменения статуса юридического лица. В юридической науке существует множество мнений по этому вопросу. В частности, Е. В. Логинова рассматривает реорганизацию как уникальный правовой механизм, трансформирующий правовой статус и состав участников гражданских правоотношений. Этот процесс может происходить в результате прекращения деятельности юридических лиц или изменения их организационно-правовой формы и сопровождается универсальным правопреемством, обеспечивая непрерывность правового статуса и деятельности новых субъектов. [2, С. 7]. Данная правовая конструкция позволяет рассматривать реорганизацию как специфический способ изменения субъектного состава гражданских правоотношений, при этом сохраняя преемственность в осуществлении прав и выполнении обязанностей. Выделяется оригинальное понимание сущности реорганизации, представленное Е. В. Аксеновой. В её концепции реорганизация рассматривается как сложный правовой механизм, позволяющий осуществлять трансформацию субъектного состава в рамках имущественных и других правовых отношений. Суть реорганизации заключается в инициировании процесса преобразования юридического лица, затрагивающего его ключевые характеристики, такие как организационно-правовая форма, имущественный комплекс и состав участников. Этот процесс ведёт к значительной модификации правового статуса всех вовлечённых субъектов, что находит отражение в изменении их субъективных прав и юридических обязанностей.

Одной из особенностей данного процесса является его всеобъемлющий характер, который проявляется через механизм универсального правопреемства, охватывающего полный объём прав и обязанностей реорганизуемого юридического лица [2, С. 8]. Таким образом, предложенное понимание позволяет рассматривать реорганизацию не только как формальную процедуру изменения юридического лица, но и как комплексный правовой инструмент, обеспечивающий системную трансформацию правоотношений с участием данного субъекта гражданского права. М. Ю. Тихомиров определяет реорганизацию юридического лица как правовой процесс, в ходе которого осуществляется прекращение деятельности данного юридического лица, а также передача всех его имущественных прав и обязательств другим субъектам правоотношений [4].

Аккумулируя мнения ученых, можно прийти к авторскому понятию: реорганизация – это сложный правовой процесс, регулируемый Гражданским кодексом Российской Федерации, который включает трансформацию организационно-правовой формы, имущественного комплекса и состава участников юридического лица. Этот процесс не только изменяет правовой статус юридического лица, но и вносит значительные изменения в правовые отношения, в которых участвуют как реорганизуемые, так и вновь созданные субъекты. Реорганизация рассматривается как специфический способ изменения субъектного состава гражданских правоотношений, позволяющий сохранить преемственность в осуществлении прав и выполнении обязанностей.

Существует несколько форм реорганизации: слияние, присоединение, разделение, выделение и преобразование (ст. 57 ГК РФ). Каждая из этих форм имеет свою юридическую характеристику и критерии разграничения. Например, слияние предполагает объединение двух или более юридических лиц в одно, тогда как разделение предполагает создание новых юридических лиц путем выделения части активов из существующего. Н. Ю. Салтыкова и С. В. Тарадонов отмечают, что на сегодняшний день неясно, почему именно пять форм признаны реорганизацией, а другие изменения статуса – нет. По мнению указанных ученых, отсутствие критериев приводит к путанице между различными формами и так называемыми «нереорганизациями» [5, С. 29].

Реорганизация может быть как добровольной, так и принудительной. Добровольная реорганизация осуществляется на основании решения уполномоченного органа, тогда как принудительная происходит по решению государственных органов или суда. Эти основания определяют порядок и условия проведения реорганизации. К субъектам отношений при реорганизации относятся как юридические лица (реорганизуемое и вновь создаваемые), так и их участники, акционеры, кредиторы, контрагенты и государственные органы (например, ФНС, ФАС). Взаимодействие между этими субъектами является ключевым для успешного проведения реорганизации.

Процедура реорганизации включает несколько основных этапов: принятие решения о реорганизации, уведомление Федеральной налоговой службы, публикация сообщения о реорганизации, уведомление кредиторов, составление передаточного акта или разделительного баланса, а также государственная регистрация изменений или создание новых юридических лиц.

Несмотря на определенные правовые нормы, регулирующие реорганизацию, в практике возникает ряд проблем, требующих внимания и решения. Анализ наиболее значительных гражданско-правовых проблем реорганизации позволяет сделать следующие выводы.

1. Одной из ключевых проблем реорганизации является определение момента правопреемства. Существуют коллизии норм о государственной регистрации и моменте возникновения правопреемства, что может привести к юридической неопределенности. Проблемы также возникают с исполнением обязательств в период между принятием решения о реорганизации и завершением регистрации, что создает «период неопределенности» для всех участников процесса.

При реорганизации юридического лица в форме преобразования, представляющей собой смену организационно-правовой формы, происходит универсальное правопреемство – все права и обязанности реорганизуемого юридического лица переходят к вновь созданному юридическому лицу. Однако, в отличие от других форм реорганизации, таких как слияние, присоединение, разделение и выделение, преобразование имеет свои особенности. Согласно пункту 5 статьи 58 ГК РФ, права и обязанности реорганизованного юридического лица в отношении третьих лиц, не являющихся учредителями или участниками, остаются неизменными. Это положение исключает необходимость составления передаточного акта, что создает ряд правовых парадоксов. Ключевая проблема заключается в внутреннем противоречии трактовки правопреемства. С одной стороны, утверждается, что происходит универсальное правопреемство с переходом всех прав и обязанностей к новому субъекту. С другой стороны, закон и позиция Верховного Суда Российской Федерации подчеркивают неизменность прав и обязанностей в отношении третьих лиц [6]. Это порождает вопрос о том, как совместить концепцию универсального правопреемства с декларируемой «неизменностью» этих прав и обязанностей. Также следует обратить внимание на недостаточную проработку концепции «нового» юридического лица. Тезис о прекращении старого и создании нового юридического лица как основании для правопреемства требует более глубокого обоснования в контексте преобразования. Вопрос заключается в том, в чем именно заключается «новизна» субъекта права при преобразовании, если с экономической и функциональной точки зрения это тот же самый хозяйствующий субъект, а права и обязанности перед третьими лицами сохраняются неизменными. Кроме того, отсутствует объяснение связи между «неизменностью» и отсутствием передаточного акта. В свою очередь, из «неизменности» вытекает отсутствие необходимости в передаточном акте, как указано в статье 59 ГК РФ. Однако недостаточно объясняется, почему

именно «неизменность» прав и обязанностей перед третьими лицами является ключевым критерием, отменяющим необходимость этого документа при преобразовании, в отличие от других форм реорганизации, где правопреемство также является универсальным (например, слияние или присоединение), но передаточный акт обязателен. На наш взгляд, эта логическая связь требует более тщательной проработки. В частности, мы согласны с позицией Д.А. Мандрик, которая критикует точку зрения, согласно которой при преобразовании правопреемства нет, поскольку права и обязанности не изменяются [7, С. 94-95].

В качестве предложения по законодательной корректировке предлагаем уточнить формулировку пункта 5 статьи 58 Гражданского кодекса: «При преобразовании юридического лица одной организационно-правовой формы в юридическое лицо другой организационно-правовой формы все права и обязанности реорганизованного юридического лица переходят к вновь возникшему юридическому лицу в порядке универсального правопреемства, при этом обязательства реорганизованного юридического лица перед другими лицами сохраняются в неизменном виде, за исключением прав и обязанностей в отношении учредителей (участников), изменение которых вызвано реорганизацией». Кроме того, следует закрепить в статье 57 Гражданского кодекса или в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что преобразование является формой реорганизации, влекущей универсальное правопреемство, несмотря на особенности, указанные в пункте 5 статьи 58 Гражданского кодекса. Таким образом, предложенные рекомендации направлены на устранение существующих правовых неопределенностей и усовершенствование механизма правопреемства при реорганизации юридических лиц, что будет способствовать более эффективному функционированию юридических лиц в условиях современного законодательства.

2. К следующей проблеме можно отнести проблемы оформления правопреемства. Несмотря на наличие норм, регулирующих передаточный акт и разделительный баланс (ст. 59 ГК РФ), их содержание и требования к оформлению остаются неясными. Это может вызвать трудности в распределении обязательств при различных формах реорганизации, что, в свою очередь, затрудняет защиту интересов кредиторов. Последствия несоставления или ненадлежащего составления могут быть крайне негативными. Э. И. Прусс, Е. С. Юлова отмечают, что в российском законодательстве существует системное противоречие, касающееся обязательности, вида и содержания документа, подтверждающего правопреемство при реорганизации юридических лиц, будь то передаточный акт или разделительный баланс. Это правовое несоответствие создает неоднозначность в правоприменительной практике, что, в свою очередь, приводит к сложностям при регистрации реорганизации [8, С. 112-113].

Неопределенность также касается статуса «разделительного баланса», который был исключен из Гражданского кодекса, но продолжает использоваться в законах о ООО, АО и бухгалтерских методических указаниях. Отсутствие законодательного определения и разграничения между передаточным актом и разделительным балансом приводит к смешению их функций на практике. Так, Федеральный закон № 129 «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [9] требует представления передаточного акта или разделительного баланса для регистрации (п. «а ч. 1 ст. 14 ФЗ № 129), однако не уточняет приоритет этих документов и не согласует терминологию с действующей редакцией Гражданского кодекса, сохраняя устаревший термин «разделительный баланс». С 1 сентября 2014 года, в результате принятия Федерального закона от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ [10], понятие «разделительный баланс» было исключено из Гражданского кодекса Российской Федерации. В новых условиях при осуществлении таких форм реорганизации, как разделение и выделение, требуется составление передаточного акта, что отличается от ранее действовавшей практики, когда использовался разделительный баланс (пункты 3 и 4 статьи 58 ГК РФ).

Позиция Верховного Суда Российской Федерации подтверждает, что при слиянии, присоединении и преобразовании правопреемство наступает независимо от наличия передаточного акта. Однако Федеральная налоговая служба проявляет противоречивую практику, иногда отказывая в регистрации при отсутствии акта [11], несмотря на указания Гражданского кодекса и Верховного Суда, в то время как в других случаях заявляет о ненужности документа [12].

К сожалению, единообразной судебной практики в этом вопросе нет: суды по-разному решают необходимость передаточного акта при слиянии и присоединении [13, 14], а также трактуют соотношение передаточного акта и разделительного баланса: как самостоятельные документы или как взаимосвязанные [15, 16, 17].

Кроме того, отсутствие законодательно утвержденной формы и содержания для передаточного акта и разделительного баланса создает дополнительные трудности. Документы составляются произвольно, что не только увеличивает риск отказов в регистрации реорганизации со стороны ФНС, но и создает правовую неопределенность для реорганизующихся юридических лиц и их контрагентов. Кредиторы сталкиваются с рисками, связанными с отсутствием документа, фиксирующего переход обязательств, что усложняет защиту их прав. Сложности документооборота и неясность в том, какие именно документы необходимо готовить и в каком объеме, только усугубляют ситуацию.

На наш взгляд, необходимо устранить существующие нормативные противоречия. Прежде всего, следует внести изменения в федеральные законы «Об обществах с ограниченной ответственностью» № 14-ФЗ [18] и «Об акционерных обществах» № 208-ФЗ [19], чтобы нормы о документах правопреемства соответствовали статьям 58 и 59 Гражданского

ского кодекса Российской Федерации. Важно исключить упоминания о необходимости передаточного акта при слиянии, присоединении и преобразовании, а также указать, что правопреемство в этих случаях наступает автоматически по закону. Кроме того, требуется пересмотреть Федеральный закон № 129, исключив термин «разделительный баланс» из статьи 14. Необходимо четко указать, что для регистрации при разделении и выделении представляется передаточный акт, а при слиянии, присоединении и преобразовании его наличие не требуется, однако он может быть представлен по желанию участников реорганизации для упрощения внутреннего документооборота.

Следующий шаг – законодательно закрепить форму и содержание передаточного акта. Для этого следует разработать и утвердить типовую форму передаточного акта, а также определить в законе минимальные обязательные требования к его содержанию. Важно, чтобы акт включал полный перечень передаваемых прав и обязанностей, информацию о правопреемниках и балансовую стоимость передаваемого имущества, а также дату перехода прав и обязанностей.

Не менее значимо дать разъяснения высших судебных инстанций. Так, Пленуму Верховного Суда РФ и/или Пленуму Высшего Арбитражного Суда РФ следует принять единое постановление, разъясняющее приоритет норм Гражданского кодекса и подтверждающее, что правопреемство при слиянии, присоединении и преобразовании наступает в силу закона, независимо от наличия передаточного акта.

Необходимо определить критерии достаточности передаточного акта для целей регистрации и уточнить его взаимоотношение с бухгалтерской отчетностью. Также важно установить правовой статус исторического «разделительного баланса», подчеркнув, что данный термин предназначен исключительно для формирования бухгалтерской отчетности и не является альтернативой передаточному акту, который служит юридическим документом, подтверждающим правопреемство.

Правопреемство — ключевой элемент гражданского законодательства, но оно сопряжено с рядом специфических проблем, касающихся передачи отдельных прав и обязательств. Прежде всего, это относится к правам, требующим государственной регистрации, таким как права на недвижимость и исключительные права на объекты интеллектуальной собственности. Например, право собственности на недвижимость требует обязательной регистрации в Росреестре для того, чтобы правопреемство получило юридическую силу. В противном случае новый собственник не сможет подтвердить свои права на недвижимость перед третьими лицами. Для осуществления регистрации перехода прав необходимо предоставить различные документы, такие как договор купли-продажи или завещание. Ошибки в оформлении или отсутствие необходимых документов могут стать серьезным препятствием для регистрации, что, учитывая высокую стоимость и значимость недвижимости, часто вызывает споры между наследниками и другими правопреемниками. Эти конфликты могут затянуть процесс правопреемства и создать дополнительные юридические риски.

Аналогичные проблемы наблюдаются и в сфере исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, такие как патенты и авторские права. Для их передачи требуется соблюдение определенных формальностей, включая заключение письменного договора. В некоторых случаях нужна также регистрация прав в соответствующих государственных органах, например, в Роспатенте. Если на объект интеллектуальной собственности уже существует лицензия, необходимо учитывать условия этого соглашения при передаче прав, что может усложнить процесс. Кроме того, многие обязательства имеют личный характер и не могут быть переданы без согласия другой стороны. Это касается, например, обязательств по договорам, связанным с личными услугами, такими как займы или подрядные работы. Смена одной из сторон в таких случаях может привести к дополнительным сложностям. Также следует учитывать, что если у наследодателя имеются долги, они могут перейти к наследникам, но только в пределах стоимости наследуемого имущества. Это может вызвать ситуации, когда наследники отказываются от наследства, чтобы избежать долгов.

Для решения указанных проблем необходимо законодательное регулирование правил правопреемства, особенно в отношении обязательств, требующих личного исполнения. Правопреемство – это ключевой элемент гражданского законодательства, но оно сопряжено с рядом специфических проблем, касающихся передачи отдельных прав и обязательств. Прежде всего, это относится к правам, требующим государственной регистрации, таким как права на недвижимость и исключительные права на объекты интеллектуальной собственности. Например, право собственности на недвижимость требует обязательной регистрации в Росреестре для того, чтобы правопреемство получило юридическую силу. В противном случае новый собственник не сможет подтвердить свои права на недвижимость перед третьими лицами. Для осуществления регистрации перехода прав необходимо предоставить различные документы, такие как договор купли-продажи или завещание. Ошибки в оформлении или отсутствие необходимых документов могут стать серьезным препятствием для регистрации, что, учитывая высокую стоимость и значимость недвижимости, часто вызывает споры между наследниками и другими правопреемниками. Эти конфликты могут затянуть процесс правопреемства и создать дополнительные юридические риски. Аналогичные проблемы наблюдаются и в сфере исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, такие как патенты и авторские права. Для их передачи требуется соблюдение определенных формальностей, включая заключение письменного договора. В некоторых случаях нужна также регистрация прав в соответствующих государственных органах, например, в Роспатенте. Если на объект интеллектуальной собственности уже существует лицен-

зия, необходимо учитывать условия этого соглашения при передаче прав, что может усложнить процесс. Кроме того, многие обязательства имеют личный характер и не могут быть переданы без согласия другой стороны. Это касается, например, обязательств по договорам, связанным с личными услугами, такими как займы или подрядные работы. Смена одной из сторон в таких случаях может привести к дополнительным сложностям. Также следует учитывать, что если у наследодателя имеются долги, они могут перейти к наследникам, но только в пределах стоимости наследуемого имущества. Это может вызвать ситуации, когда наследники отказываются от наследства, чтобы избежать долгов.

Обеспечение правовой грамотности граждан и юридических лиц в вопросах правопреемства также поможет снизить количество споров и недоразумений. Важно уделять особое внимание правильному оформлению всех необходимых документов, чтобы избежать проблем на этапе регистрации перехода прав. Таким образом, комплексный подход к вопросам правопреемства позволит улучшить правоприменительную практику и повысить правовую стабильность.

3. Следующей проблемой, которую стоит обозначить, являются проблемы защиты прав кредиторов.

Во-первых, неэффективность механизма гарантий, предусмотренных статьей 60 Гражданского кодекса Российской Федерации, проявляется в формальности уведомления кредиторов и сложности реализации их прав. Об этой проблеме писали многие специалисты, в том числе О.В. Сазанкова, которая указывает на то, что реализовать право на досрочное исполнение или прекращение обязательств и возмещение убытков на практике оказывается сложно [20, С. 47]. Кредиторы также не имеют права оспаривать решения о реорганизации, что подтверждается судебной практикой, в частности, Постановление Арбитражного суда Московского округа [21]. Действующие меры по обеспечению запретов на реорганизацию оказываются недостаточными для предотвращения злоупотреблений. С целью решения данной проблемы, на наш взгляд, необходимо повысить эффективность гарантий, предусмотренных статьей 60 Гражданского кодекса, включая возможность введения предварительного согласия кредиторов на реорганизацию в случаях, связанных с повышенными рисками.

4. Важной проблемой выступают проблемы принудительной реорганизации. Данный вид реорганизации осуществляется по инициативе уполномоченных государственных органов или суда с целью защиты конкуренции и улучшения рыночной ситуации. Принудительная реорганизация вызывает особые вопросы, касающиеся нечеткости оснований и процедурных сложностей. Гарантии прав реорганизуемых лиц в этом контексте становятся особенно важными для обеспечения правовой защиты и стабильности в бизнесе. Д.С. Битюцкий отмечает, что законодатель избегает использования данного термина, предпочитая более мягкие формулировки. Это создает терминологическую неопределенность и затрудняет правоприменение [22, С. 108]. Действительно, в Гражданском кодексе Российской Федерации, отсутствует определение и регламентация принудительной реорганизации.

Для совершенствования правового регулирования принудительной реорганизации необходимо, в первую очередь, внести в Гражданский кодекс Российской Федерации законодательное определение данной процедуры и установить единые процедурные правила её проведения. Так, Р.А. Котов под принудительной реорганизацией понимает «реорганизацию, инициируемую независимо от решения высшего органа управления юридического лица на основании акта государственного органа, принятого по предусмотренным законом основаниям в установленном законом порядке, и осуществляемую в форме выделения и (или) разделения» [23, С. 99-100]. Т.А. Нуждин отмечает, что следует закрепить понятие принудительной реорганизации как меры государственного контроля, а не как формы ответственности. По мнению Т.А. Нуждина, принудительная реорганизация юридических лиц представляет собой важную меру государственного контроля, направленную на предотвращение нарушений законодательства, поддержание конкуренции и обеспечение экономической стабильности [24, С. 35-36]. Таким образом, аккумулируя мнения ученых, мы можем понимать принудительную реорганизацию как процесс изменения организационно-правовой формы или структуры юридического лица, инициируемый уполномоченными государственными органами или судебными инстанциями в целях обеспечения соблюдения антимонопольного законодательства и защиты конкурентной среды.

Кроме того, процедура принудительной реорганизации описана в законодательстве недостаточно детально. Отсутствует исчерпывающий характер регулирования, не определены четкие механизмы реализации данной процедуры. Также неясны вопросы распределения полномочий между различными уполномоченными органами и отсутствуют критерии принятия решений о реорганизации. В. Я. Рихтерман отмечает, что отсутствуют показатели для оценки эффективности проведенной реорганизации [25, С. 83]. Т.А. Нуждин указывает, что смешение понятий также является серьезной проблемой – неразграниченность принудительной реорганизации как меры государственного контроля и вынужденной реорганизации, осуществляемой на основании добровольного исполнения предписаний, приводит к путанице. Ошибочное отождествление принудительной реорганизации с гражданско-правовой ответственностью еще более усложняет ситуацию. Кроме того, коллизии между специальными законами, такими как антимонопольное, энергетическое и банковское законодательство, создают разрозненность норм и отсутствие системности в регулировании процедур [24, С. 34-37].

Для совершенствования правового регулирования принудительной реорганизации необходимо установить единые процедурные правила ее проведения. Следует также определить исчерпывающий перечень условий и критериев, при которых может

быть инициирована принудительная реорганизация. Также важным направлением является разработка детального порядка взаимодействия уполномоченных органов, установление четких временных рамок каждого этапа процедуры и определение ответственности за несоблюдение установленного порядка. Кроме того, необходимо создать систему мониторинга эффективности принудительной реорганизации, разработать методические рекомендации для уполномоченных органов и внедрить систему оценки последствий реорганизации для рынка. Это позволит повысить обоснованность и прозрачность принимаемых решений. Важно также установить четкие механизмы защиты прав участников процесса, определить порядок обжалования решений о реорганизации и создать систему досудебного урегулирования споров. Дополнительно следует обеспечить единство правового регулирования в различных нормативных актах, устранить противоречия между Гражданским кодексом и Федеральным законом «О защите конкуренции». Важную роль в совершенствовании правового регулирования должно сыграть привлечение профессионального сообщества к разработке нормативных актов, создание экспертных советов и организация системы обучения уполномоченных должностных лиц.

Организационные аспекты реорганизации требуют особого внимания. Рассмотрим более подробно организационные проблемы, с которыми сталкиваются юридические лица в процессе реорганизации.

1. Процедура принятия решения о реорганизации юридического лица сопряжена с рядом значительных проблем, которые могут затруднить этот процесс. Одной из ключевых трудностей является достижение необходимого кворума, то есть минимального количества участников, достаточного для признания собрания правомочным. В крупных компаниях с разветвленной структурой акционеров или участников убедить достаточное количество людей принять участие в голосовании может быть крайне сложно. Дополнительные сложности возникают, если компания имеет филиалы в различных регионах или странах. Участники могут находиться в разных временных зонах, что затрудняет организацию собраний. Более того, наличие различных классов акций или участников, таких как акционеры, облигационеры и кредиторы, требует учета интересов каждой из этих групп, что усложняет процесс принятия решений, поскольку для каждой категории могут потребоваться разные проценты голосов.

Принятие решения о реорганизации юридического лица может быть осложнено необходимостью получения большинства голосов участников. В зависимости от типа реорганизации – будь то слияние, поглощение или разделение – могут потребоваться различные пороги одобрения. Разные юрисдикции устанавливают свои требования к количеству голосов, необходимых для принятия решения, что существенно влияет на сам процесс. Например, в одних случаях достаточно простого большинства голосов, тогда как в других требуется квалифицированная поддержка, выраженная, к примеру, в виде 2/3 голосов. Таким образом, специфика законодательства и тип реорганизации играют ключевую роль в определении сложности принятия решения.

2. Не менее значимыми являются вопросы организации документооборота и информационного обеспечения. Сложности в сборе и оформлении необходимых документов, а также в уведомлении кредиторов и контрагентов создают дополнительные преграды для успешной реорганизации. И.И. Зайцев подчеркивает, что необходимость законодательного совершенствования требований к публикации уведомлений о реорганизации обусловлена стремлением защитить права кредиторов и избежать их необоснованного ограничения. Существующие нормы недостаточно четко регламентируют содержание публикаций, не уточняя, какая информация должна быть доведена до кредиторов, а также требования к изданиям, в которых она размещается. Критерии доступности, тиража и распространения остаются неопределенными [26, С. 57].

Существующий подход к публикациям зачастую носит формальный характер. Размещение информации в малотиражных или труднодоступных изданиях может привести к тому, что многие кредиторы не узнают о реорганизации вовремя, ставя их в невыгодное положение. Это создает серьезные проблемы, так как неравенство кредиторов ограничивает возможности тех, кто не имеет постоянного контакта с должником или не следит за специализированными СМИ. В результате кредиторы могут лишиться законных прав, таких как требование досрочного исполнения обязательств или возмещение убытков.

Кроме того, отсутствуют механизмы контроля и оспаривания, что затрудняет процесс оспаривания реорганизации кредитором, который не был должным образом уведомлен. Для решения этих проблем предлагается внести изменения в законодательство, уточнив содержание публикаций и установив обязательный перечень информации, который необходимо раскрывать. В этот перечень следует включить форму реорганизации, полные наименования и реквизиты всех участвующих юридических лиц, сведения о правопреемстве, а также порядок и сроки предъявления требований кредиторами. Также необходимо определить требования к изданиям для публикации таких сообщений, включая минимальный тираж и периодичность выхода, а также создать единый официальный электронный ресурс для дублирования всех публикаций.

Среди дополнительных мер можно рассмотреть обязательство направлять персональное письменное уведомление крупным кредиторам и прописать порядок оспаривания ненадлежащей публикации, чтобы кредиторы, не узнавшие о реорганизации из-за формального подхода, могли оспорить правопреемство в суде или продлить срок для предъявления требований.

3. Наконец, кадровые проблемы также требуют внимания. Гарантии прав работников при реорганизации, правопреемство в трудовых договорах и ор-

ганизационные вопросы перевода сотрудников становятся важными аспектами, нуждающимися в решении. Комплексный подход к этим вопросам позволит обеспечить более эффективную и прозрачную реорганизацию юридических лиц, защищая интересы всех участников процесса.

Таким образом, можно сделать вывод, что проведенное исследование позволяет констатировать, что институт реорганизации юридических лиц, являясь важнейшим инструментом адаптации бизнеса к динамике рыночной среды и оптимизации его структуры, в настоящее время сталкивается с значительной теоретической и практической неоднозначностью. Анализ выявил комплекс существенных пробелов и противоречий в правовом регулировании и правоприменительной практике института реорганизации юридических лиц. Совершенствование данного института требует системной законодательной работы, направленной на формализацию единого понятийного аппарата, устранение коллизий в регулировании правопреемства, унификацию и детализацию требований к документам, повышение эффективности гарантий для кредиторов, четкую регламентацию оснований и процедур принудительной реорганизации с обеспечением гарантий прав участников, а также разработку методических рекомендаций для преодоления организационных сложностей. Только комплексный подход, сочетающий глубокую теоретическую проработку, внесение точечных изменений в Гражданский кодекс и специальное законодательство, а также формирование единообразной судебной практики, сможет трансформировать реорганизацию из источника правовых рисков и неопределенности в эффективный и предсказуемый правовой инструмент для экономического развития.

В заключение стоит отметить, что реорганизация юридических лиц – это сложный и многоаспектный процесс, требующий внимательного анализа и учета множества факторов. Выявленные проблемы имеют системный характер и требуют комплексного подхода к их решению. Достигнутые результаты подтверждают необходимость дальнейших исследований и совершенствования законодательства в этой области.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51- ФЗ (ред. от 08.08.2024 № 48-ФЗ) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2024. – № 12. – Ст. 1572.
2. Логинова Е. В. Имущественно-правовые последствия реорганизации хозяйственных обществ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2009. – 20 с.
3. Аксенова Е. В. Реорганизация юридических лиц по законодательству Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – 28 с.
4. Тихомиров М. Ю. Общество с ограниченной ответственностью: реорганизация // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://base.garant.ru/5304114/.
5. Салтыкова Н. Ю. Проблемы правового регулирования реорганизации юридического лица / Н. Ю. Салтыкова, С. В. Тарадонов // Научный вестник Гуманитарно-социального института. – 2024. – № 19. – С. 28-31.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.10.2016) // СПС «Консультант Плюс».
7. Мандрик Д. А. Правопреемство при реорганизации юридических лиц в форме преобразования / Д. А. Мандрик // Молодой ученый. – 2018. – № 47 (233). – С. 94-95.
8. Прусс Э. И., Юлова Е. С. Некоторые проблемы правового регулирования порядка составления передаточного акта при реорганизации хозяйственных обществ / Э. И. Прусс, Е. С. Юлова // Образование и право. – 2023. – №3. – С. 111-115.
9. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 25.12.2023 № 671-ФЗ) // СЗ РФ. – 2001. – № 33. – Ст. 3431; 2024. – № 1. – Ст. 52.
10. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 24.07.2023 № 351-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс».
11. Письмо ФНС России от 29.03.2018 № ГД-4 14/5962@ «Обзор судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 1 (2018)» // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294685/.
12. Информация ФНС России от 13.02.2017 г. «О порядке представления документов при реорганизации юридического лица в форме присоединения» // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212651/.
13. Решение Арбитражного суда Пермского края от 21 сентября 2022 г. по делу № А50 19488/2022 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/FQT2U86U9XdK/?ysclid=lf7aa5gg3y727938447
14. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 сентября 2021 г. по делу № А55-3347/2021 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/NaVKniyqmjY8/?ysclid=lf7apj14x770141505.
15. Решение Арбитражного суда Смоленской области от 26 мая 2022 г. по делу № А62 3004/2022 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/jLque2TTNvNS/?ysclid=lf6qooacl61020860.
16. Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 16 сентября 2022 г. по делу № А73 7894/2022 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/eSINkH6Pfer5/?ysclid=lf79myuucd192588127.

17.Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 февраля 2022 г. по делу № А07-2540/2021 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ssCxiABp0qxn/?ysclid=lf7a45gvqn192188911.

18.Об обществах с ограниченной ответственностью: федеральный закон от 08.02.1998 № 208-ФЗ (ред. от 08.08.2024 № 287-ФЗ) // // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76312/9f21650739f183e6a04e8643df61fe3baebd3b92/#dst100045

19.Об акционерных обществах: федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 25.12.2023 № 631-ФЗ) // СЗ РФ. – 1996. – №1. – Ст. 1 ; 2024. – № 1. – Ст. 12.

20.Сазанкова О.В. Некоторые проблемы реорганизации юридических лиц / О.В. Сазанкова // Гражданское право и гражданское судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 28 апреля 2023 года / Отв. за выпуск Н.В. Корнилова, И.В. Орлова. – Хабаровск: Хабаровский государственный университет экономики и права, 2023. – С. 46-51.

21.Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 мая 2017 г. № Ф05-6897/17 по делу № А40-223969/2016 // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/41891331/.

22.Битюцкий Д. С. К вопросу о принудительной реорганизации коммерческих организаций в Российской Федерации / Д. С. Битюцкий // Шаг в науку. – 2021. – №4. – С. 107-109.

23. Котов Р. А. Понятие, правовая природа и признаки принудительной реорганизации акционерных обществ как одного из видов реорганизации юридических лиц / Р. А. Котов // JSRP. – 2016. – №4 (36). – С. 94-104.

24.Нуждин Т. А. Особенности принудительной реорганизации юридических лиц по действующему законодательству Российской Федерации / Т. А. Нуждин // Современная наука. – 2011. – №3. – С. 33-40.

25.Рихтерман В. Я. Что есть принудительная реорганизация акционерных обществ в российском праве? / В. Я. Рихтерман // Бизнес в законе. – 2010. – № 2. – С. 82-84.

26.Зайцев И. И. Гарантии прав кредиторов при реорганизации коммерческих юридических лиц / И. И. Зайцев // Юридическая наука. – 2023. – № 3. – С. 55-58.

Civil and organizational problems of reorganization of legal entities

Biryukov A.L.
Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

In the context of dynamic economic development and constant changes in legislation, the reorganization of legal entities is becoming an important tool for achieving optimization of business processes and attracting investments. The relevance of the topic under consideration is due to the importance of reorganization as a mechanism for restructuring a business, especially in times of crisis and instability. Reorganization procedures are common, but they are often accompanied by legal conflicts and difficulties in law enforcement, which requires careful analysis and search for optimal solutions. The complex nature of reorganization requires maintaining a balance of interests of all participants - shareholders, creditors and the state, as well as newly created legal entities. In addition, research in this area is directly related to national projects and tasks of economic development of the country.

Keywords: creditor, reorganization, transaction; legal structure, reorganization legal relations, legal entity, succession, merger, spin-off, enterprise, civil legislation.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 08.08.2024 No. 48-FZ) // SZ RF. - 1994. - No. 32. - Art. 3301; 2024. - No. 12. - Art. 1572.
2. Loginova E. V. Property and legal consequences of the reorganization of business entities: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. - M., 2009. - 20 p.
3. Aksenova E. V. Reorganization of legal entities under the legislation of the Russian Federation: problems of theory and practice: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. - M., 2006. - 28 p.
4. Tikhomirov M. Yu. Limited Liability Company: Reorganization // SPS "ConsultantPlus". - URL: https://base.garant.ru/5304114/.
5. Saltykova N. Yu. Problems of legal regulation of the reorganization of a legal entity / N. Yu. Saltykova, S. V. Taradonov // Scientific Bulletin of the Humanitarian and Social Institute. - 2024. - No. 19. - P. 28-31.
6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2016) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 19.10.2016) // SPS "Consultant Plus".
7. Mandrik D. A. Succession in the reorganization of legal entities in the form of transformation / D. A. Mandrik // Young scientist. – 2018. – No. 47 (233). – P. 94-95.
8. Pruss E. I., Yulova E. S. Some problems of legal regulation of the procedure for drawing up a transfer deed during the reorganization of business entities / E. I. Pruss, E. S. Yulova // Education and Law. – 2023. – No. 3. – P. 111-115.
9. On state registration of legal entities and individual entrepreneurs: federal law of 08.08.2001 No. 129-FZ (as amended on 25.12.2023 No. 671-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 33. – Art. 3431; 2024. – No. 1. – Art. 52.
10. On Amendments to Chapter 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation and on Recognizing as Invalid Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of 05.05.2014 No. 99-FZ (as amended on 24.07.2023 No. 351-FZ) // SPS "Consultant Plus".
11. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 29.03.2018 No. GD-4 14/5962@ "Review of Judicial Practice on Disputes Involving Registration Authorities No. 1 (2018)" // SPS "Consultant Plus". - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294685/.
12. Information of the Federal Tax Service of Russia dated 13.02.2017 "On the procedure for submitting documents during the reorganization of a legal entity in the form of accession" // SPS "Consultant Plus". - URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_212651/. 13. Decision of the Arbitration Court of Perm Krai dated September 21, 2022 in case No. A50 19488/2022 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/FQT2U86U9XdK/?ysclid=lf7aa5gg3y727938447
14. Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated September 14, 2021 in case No. A55-3347/2021 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/NaVKniyqmjY8/?ysclid=lf7apj 14x770141505.
15. Decision of the Arbitration Court of the Smolensk Region dated May 26, 2022 in case No. A62 3004/2022 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/jLque2TTNvNS/?ysclid=lf6qooacl61020860.
16. Decision of the Arbitration Court of Khabarovsk Krai dated September 16, 2022 in case No. A73 7894/2022 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/eSINkH6Pfer5/?ysclid=lf79myuucd192588127.
17. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated February 18, 2022 in case No. A07-2540/2021 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ssCxiABp0qxn/?ysclid=lf7a45gvqn192188911.
18. On limited liability companies: federal law of 08.02.1998 No. 208-FZ (as amended on 08.08.2024 No. 287-FZ) // // SPS "Consultant Plus". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76312/9f21650739f183e6a04e8643df61fe3baebd3b92/#dst100045
19. On joint-stock companies: Federal Law of 26.12.1995 No. 208-FZ (as amended on 25.12.2023 No. 631-FZ) // SZ RF. – 1996. – No. 1. – Art. 1; 2024. – No. 1. – Art. 12.
20. Sazankova O.V. Some problems of reorganization of legal entities / O.V. Sazankova // Civil law and civil proceedings: current issues of theory and practice: Proceedings of the VIII All-Russian scientific and practical conference, Khabarovsk, April 28, 2023 / Responsible for the release N.V. Kornilova, I.V. Orlova. - Khabarovsk: Khabarovsk State University of Economics and Law, 2023. - Pp. 46-51.
21. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of May 30, 2017 No. F05-6897 / 17 in case No. A40-223969 / 2016 // SPS "Garant". - URL: https://base.garant.ru/41891331/.
22. Bityutsky D.S. On the issue of compulsory reorganization of commercial organizations in the Russian Federation / D.S. Bityutsky // Step into Science. – 2021. – No. 4. – P. 107-109.
23. Kotov R. A. Concept, legal nature and features of compulsory reorganization of joint-stock companies as one of the types of reorganization of legal entities / R. A. Kotov // JSRP. – 2016. – No. 4 (36). – P. 94-104.

Гражданско-правовая защита товарного знака: проблемы реализации и пути совершенствования

Гумбатов Танрыверди Исмаил оглы
аспирант Университета управления «ТИСБИ», tgumbatov19@gmai.com

В статье рассматриваются вопросы гражданско-правовой защиты товарных знаков в условиях интенсификации рыночных отношений и роста нарушений исключительных прав. Анализируется правовая природа товарного знака, механизмы его защиты, типичные споры в судебной практике, а также проблемы доказательства нарушения. Приведены предложения по совершенствованию российского законодательства с учётом зарубежного опыта.

Ключевые слова: товарный знак, интеллектуальная собственность, гражданско-правовая защита, судебная практика, недобросовестная конкуренция, компенсация, исключительное право.

Введение

Товарный знак является важнейшим объектом интеллектуальной собственности, обеспечивающим индивидуализацию товаров и услуг на рынке. Он играет ключевую роль в формировании деловой репутации и конкурентных преимуществ правообладателя. В условиях роста нарушений исключительных прав и расширения цифровой торговли возрастает потребность в эффективной правовой защите. Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации гражданско-правовых механизмов к современным вызовам. В статье анализируются правовая природа товарного знака, механизмы его охраны, проблемы реализации судебной защиты, а также предлагаются пути совершенствования законодательства.

1. Правовая природа товарного знака и механизмы его охраны

Товарный знак представляет собой обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей (ст. 1477 ГК РФ). Он признаётся объектом исключительных прав и подлежит правовой охране при условии государственной регистрации. Владелец товарного знака обладает исключительным правом использовать его и запрещать его использование другим лицам [1].

Гражданско-правовые механизмы защиты товарных знаков включают в себя такие способы, как: взыскание убытков или компенсации, изъятие контрафактной продукции, публикация судебного решения, пресечение нарушений. Основная цель — восстановление нарушенного права и предупреждение дальнейших посягательств [2].

2. Нарушения исключительных прав и формы гражданско-правовой ответственности

Нарушением исключительных прав на товарный знак признаётся использование сходного до степени смешения обозначения без согласия правообладателя. На практике наиболее распространены случаи размещения на упаковке или в рекламе обозначений, способных ввести потребителя в заблуждение [3].

В соответствии со ст. 1515 ГК РФ, правообладатель вправе требовать по своему выбору либо возмещения убытков, либо выплаты компенсации в размере от 10 000 до 5 000 000 рублей либо в двойном размере стоимости товара с контрафактным обозначением [4].

3. Анализ судебной практики: типичные споры и подходы судов

Судебная практика по защите товарных знаков демонстрирует устойчивое применение принципа приоритета государственной регистрации и недопустимости недобросовестного использования сходных обозначений.

Пример: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.10.2023 по делу № А40-129056/2022 — суд признал сходство обозначения «RIVONA» с зарегистрированным товарным знаком «RIVON» достаточным для введения потребителей в заблуждение и взыскал компенсацию в размере 500 000 рублей [5].

Другой пример — Определение Суда по интеллектуальным правам от 14.06.2023 № С01-789/2023, в котором отказано в удовлетворении требований из-за недостаточности доказательств фактического использования ответчиком спорного обозначения [6].

4. Проблемы реализации права и недостатки действующего законодательства

Несмотря на формально выстроенную систему охраны товарных знаков, на практике возникают сложности с доказательством факта использования нарушающего обозначения, его сходства, наличия убытков. Проблемой остаются также действия параллельного импорта и регистрация «зеркальных» знаков на другие классы товаров [7].

5. Зарубежный опыт охраны товарных знаков и его значение для России

В зарубежных правопорядках применяется широкий спектр подходов к охране товарных знаков. В США действует система уведомления и удаления нарушающего контента (notice-and-take-down), в ЕС усилены полномочия правообладателей по блокировке продаж контрафакта через интернет-площадки [8].

Интерес вызывает и практика Европейского Суда по правам человека, где соблюдение прав ИС рассматривается в контексте баланса с правами на свободу предпринимательства и выражения мнения.

6. Направления совершенствования гражданско-правового механизма защиты

Представляется целесообразным:

• ввести обязательную экспертизу при установлении сходства обозначений;

• усилить ответственность маркетплейсов за размещение контрафактных товаров;

• развивать систему досудебного урегулирования споров;

• внедрить электронные реестры прав и онлайн-платформы для подачи уведомлений о нарушении [9].

Целью настоящей работы является проведение правового анализа гражданско-правовых механизмов защиты товарного знака как объекта интеллектуальной собственности. Исследование направлено на выявление существующих проблем в правоприменении, изучение позиций судебной практики, а также выработку предложений по совершенствованию законодательства в указанной сфере. Работа основана на положениях действующего гражданского законодательства и актуальных судебных актах.

Заключение

Гражданско-правовая защита товарного знака представляет собой важнейший инструмент обеспечения правовой определённости на рынке. Эффективное правоприменение возможно только при комплексном подходе: от качественной экспертизы и доказательств до правового просвещения и модернизации норм законодательства.

С учётом выявленных проблем и зарубежного опыта считаю необходимым внедрить следующие меры:

• Обязательное проведение экспертизы сходства товарных знаков для повышения качества судебных решений и минимизации субъективных оценок.

• Усиление ответственности маркетплейсов и онлайн-платформ за распространение контрафактной продукции, в том числе через введение чётких регламентов и механизмов блокировки нарушающего контента.

• Развитие механизмов досудебного урегулирования споров, включая обязательные процедуры медиации и переговоров, что позволит снизить нагрузку на суды и повысить оперативность защиты прав.

• Создание и интеграция электронных реестров прав и онлайн-платформ для подачи уведомлений о нарушениях, что обеспечит прозрачность и оперативность реакции правообладателей.

• Введение более чётких правил в отношении параллельного импорта и регистрации «зеркальных» знаков, чтобы предотвратить злоупотребления и обеспечить баланс интересов участников рынка.

Реализация данных предложений позволит повысить эффективность гражданско-правовой защиты товарных знаков, укрепит доверие участников рынка и создаст условия для устойчивого развития экономики.

Литература

1. Гражданский кодекс РФ (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ.

2. Постановление Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10.

3. Белов В.А. Комментарий к части четвёртой ГК РФ. М.: Юрайт, 2022. – С. 221.

4. Зинченко Т.И. Правовая охрана товарных знаков. – М.: Проспект, 2023. – С. 101.

5. Постановление Арбитражного суда МО от 17.10.2023 по делу № А40-129056/2022.

6. Определение Суда по интеллектуальным правам от 14.06.2023 № С01-789/2023.

7. Левина И.С. Нарушения исключительных прав на товарный знак. // Закон. – 2023. – № 6. – С. 88.

8. Directive (EU) 2015/2436 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2015.

9. OECD Report on Counterfeit and Piracy, 2022.

Civil protection of a trademark: problems of implementation and ways of improvement

Gumbatov T.I.
University of Management "TISBI",

The article examines issues of civil protection of trademarks in the context of intensification of market relations and growth of violations of exclusive rights. The legal nature of a trademark, mechanisms of its protection, typical disputes in judicial practice, as well as problems of proving violation are analyzed. Proposals for improving Russian legislation are given, taking into account foreign experience.

Keywords: trademark, intellectual property, civil protection, judicial practice, unfair competition, compensation, exclusive right.

References
1. Part Four of the Civil Code of the Russian Federation dated 18.12.2006 No. 230-FZ.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.04.2019 No. 10.
3. Belov V.A. Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: Yurait, 2022. - Page 221.
4. Zinchenko T.I. Legal Protection of Trademarks. - Moscow: Prospect, 2023. - Page 101.
5. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow Region dated 17.10.2023 in case No. A40-129056/2022.
6. Definition of the Intellectual Property Court dated 14.06.2023 No. C01-789/2023.
7. Levina I.S. Violations of exclusive rights to a trademark. // Law. - 2023. - No. 6. - P. 88.
8. Directive (EU) 2015/2436 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2015.
9. OECD Report on Counterfeit and Piracy, 2022.

Применение статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации к договорным штрафам в электронной коммерции

Иванников Иван Андреевич
специалист по юридическим стратегиям, MP Litigation Center Litigation Center, ivan@mplitigation.ru

В рамках статьи проводится анализ особенностей применения статьи 333 ГК РФ к договорным штрафам в электронной коммерции. Цель работы заключается в выявлении и систематизации особенностей реализации ст. 333 ГК РФ в отношении неустоек маркетплейсов, анализе существующих критериев признания их явной несоразмерности. Методологически работа основывается на сочетании формально-юридического и системного подходов, сравнительного анализа действующих нормативных актов, официальных разъяснений высших судебных органов, а также обзоре профильной научной литературы. Результаты исследования свидетельствуют о том, что традиционные методы снижения неустойки порой не отражают специфики договоров присоединения маркетплейсов и влияния их доминирующего положения, что нередко ведёт к поддержанию чрезмерных штрафных сумм. Анализ демонстрирует необходимость учёта комплекса факторов: экономического обоснования размеров санкций и баланса интересов сторон при квалификации соразмерности неустойки в сфере e-commerce. Практическая значимость результатов заключается в их применимости для юристов-практиков, судей, представителей бизнеса электронной коммерции и научного сообщества, специализирующегося на гражданско-правовых и предпринимательских вопросах.
Ключевые слова: статья 333 ГК РФ, договорной штраф, электронная коммерция, маркетплейс, снижение неустойки, явная несоразмерность, договор присоединения, свобода договора, защита прав, судебная практика.

Введение

Интенсивная эволюция цифровой экономики спровоцировала изменения в традиционных хозяйственных отношениях. Маркетплейсы, выступающие в роли центральных инфраструктурных звеньев современной торговли, предлагают участникам стандартные, унифицированные условия сотрудничества, которые оформляются как публичные оферты и договоры присоединения. Одним из вопросов в этой области является оценка соразмерности санкций, налагаемых маркетплейсами на продавцов и иных участников платформы, а также возможность их судебного оспаривания в рамках статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации (Далее - ГК РФ), которая позволяет суду снизить явно несоразмерную последствиям нарушения обязательства неустойку.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью одновременно обеспечить надёжность гражданского оборота и защиту интересов маркетплейса как поставщика платформенных и агентских услуг с помощью эффективных механизмов ответственности, а также предотвратить необоснованное обогащение платформ и минимизировать риски для более слабой стороны — продавца.

Цель работы заключается в выявлении и систематизации особенностей реализации ст. 333 ГК РФ в отношении неустоек маркетплейсов, анализе существующих критериев признания их явной несоразмерности.

Научная новизна заключается в комплексном анализе соразмерности договорных штрафов с учётом особенностей бизнес-моделей маркетплейсов, а также в разработке адаптивных методик оценки баланса интересов сторон для гибкого практического применения нормы о снижении неустойки.

Авторская гипотеза предполагает, что действующая судебная практика реализации статьи 333 ГК РФ не полностью учитывает структурно-правовые особенности договоров оферты на площадках электронной коммерции и позицию платформ как доминирующих субъектов, что приводит к сохранению чрезмерно высоких штрафных санкций. Выработка сбалансированных подходов к оценке и корректировке неустойки в рамках цифровой торговли будет способствовать защите прав участников оборота и стимулировать развитие электронной коммерции.

Материалы и методы

Для систематизации литературного материала источники можно разделить на четыре условные тематические группы. Первая группа включает норма-

тивно-правовые акты, формирующие правовую основу применения статьи 333 ГК РФ: сам Гражданский кодекс Российской Федерации [9], разъяснения Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.12.2011 № 81 (ред. от 24.03.2016) [3], разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) [2] и определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.02.2016 по делу № 309-ЭС15-13978 [7].

Вторая группа представляет собой работы, анализирующие практику судебного снижения неустойки: Чеговадзе Л. А. и Шехов Д. А. [4] исследуют динамику решений судов по денежным обязательствам и выявляют наиболее устойчивые критерии для снижения размера неустойки. Абакумова Е. Б. [10] останавливается на спорных моментах правоприменения судами п. 1 ст. 333 ГК РФ, в частности на вопросах соотношения размера неустойки и реального ущерба сторон.

Третья группа охватывает исследования, опубликованные в разные годы, но посвящённые особенностям электронной коммерции и правовому регулированию цифрового предпринимательства: маркетинговое исследование «Интернет-торговля в России 2024» [1] и обзор перспектив развития рынка e-commerce под влиянием крупных ритейлеров от Усманова М. М. [6] дают картину роста штрафных санкций в цифровых сделках. Васильева А. В. анализирует границы государственных интересов при регулировании маркетплейсов [5]. Телибекова Д. Б. [11] рассматривает предпринимательскую активность в условиях цифровизации и связанные с ней правовые вызовы.

Четвёртая группа — сравнительно-правовой анализ контрактного права: работа DiMatteo L. A. et al. [8] предлагает межправовой взгляд на понятие breach и даёт методологию оценки соразмерности санкций в различных правовых системах.

Таким образом, в литературе прослеживаются следующие противоречия: одни авторы настаивают на формализованном подходе с жёсткими критериями оценки «явной несоразмерности» [2, 3, 7], тогда как ряд исследователей предлагает более гибкие экономические модели и упор на фактические данные [4, 10]. При этом проблемы применения ст. 333 ГК РФ в электронном контексте освещены недостаточно: практически отсутствуют эмпирические исследования о влиянии структур маркетплейсов на размер и соразмерность неустойки. Кроме того, слабо проработаны вопросы алгоритмического вычисления неустойки и интеграции маркетинговых данных в судебный анализ соразмерности санкций.

Результаты и обсуждение

Применение положений статьи 333 ГК РФ к вопросам соразмерности договорных штрафов в сегменте электронной коммерции, и в частности в рамках отношений с маркетплейсами, имеет свои особенности, обусловленные правовой природой типовых оферт, и спецификой бизнес-моделей онлайн-площадок. Маркетплейсы представляют партнёрам (продавцам, исполнителям услуг) унифицированные договоры-оферты, которые в соответствии со статьёй 428 ГК РФ квалифицируются как договоры присоединения. В подобных отношениях именно маркетплейс в одностороннем порядке формирует все условия, включая размеры штрафных санкций, а контрагент может лишь принять их «как есть», что напрямую влияет на оценку справедливости и адекватности неустойки. Судебная практика по взысканию и снижению неустоек в коммерческих спорах на основе статьи 333 ГК РФ традиционно опирается на требование доказать явную несоразмерность штрафа последствиям нарушения обязательства [2]. Однако применительно к договорам присоединения, где маркетплейс выступает экономически более сильной стороной, обозначенный подход нуждается в корректировке. С учётом фактического дисбаланса переговорных возможностей судам следует смягчать бремя доказывания для продавца, поскольку Верховный Суд РФ [7] указал, что стандарт доказывания не должен быть чрезмерным для стороны, оспаривающей условия, сформулированные другой стороной.

Российские суды пока не склонны снижать штрафы, установленные маркетплейсами, иногда ограничиваясь лишь символическим уменьшением. Формально исходит из того, что продавец добровольно принял оферту целиком, однако такой формализм не всегда учитывает реальную зависимость продавца от маркетплейса как зачастую единственного канала сбыта. При этом критерии «явной несоразмерности» [2], требуют адаптации под условия электронной коммерции. Оценка убытков маркетплейса должна включать не только прямой финансовый ущерб, но и репутационные риски, затраты на урегулирование претензий покупателей. С учётом профессионального уровня платформы как составителя условий договора, маркетплейс обязан экономически обосновывать размер штрафов, а не воспринимать их как дополнительный источник дохода.

В таблице 1 представлен гипотетический обзор подходов судов РФ к уменьшению неустоек по статье 333 ГК РФ .

Таблица 1

Возможные подходы судов РФ к оценке соразмерности штрафов в спорах с участием маркетплейсов [1, 2, 3, 7, 9]

Категория нарушения со стороны продавца	Примерный размер штрафа в оферте маркетплейса	Факторы, учитываемые судом при оценке соразмерности	Вероятность снижения
Несвоевременная передача товара на склад/покупателю	% от стоимости товара за день просрочки	Длительность просрочки, наличие убытков у маркетплейса/покупателя, вина продавца, предыдущее поведение продавца.	Средняя
Отмена подтвержденного заказа продавцом	Фиксированная сумма или % от стоимости заказа	Причины отмены, частота отмен, возможность замены товара, репутационные риски маркетплейса, соразмерность основному обязательству.	Низкая/средняя

Размещение недостоверной информации о товаре	Значительная фиксированная сумма	Степень недостоверности, введение потребителя в заблуждение, скорость исправления, наличие умысла.	Средняя/высокая
Продажа контрафактного товара	Очень крупный штраф, многократная стоимость товара	Очевидность нарушения, ущерб правообладателю и репутации маркетплейса, системность нарушений.	Очень низкая

Метод сравнительного правоведения демонстрирует, что в зарубежных правовых системах функционируют специализированные инструменты обеспечения баланса в договорных отношениях. Так, в Соединённых Штатах Америки чётко разграничены заранее обусловленные убытки (liquidated damages) и штрафные санкции (penalties)

В европейских юрисдикциях законодательство также предусматривает механизмы, позволяющие судам модифицировать или аннулировать явно дисбалансные условия типовых соглашений (к примеру, в Германии такой контроль осуществляется на основании § 307 BGB (Гражданского кодекса) [8].

Настоящая практика досудебного урегулирования споров не умаляет значимости совершенствования судебной практики, поскольку именно через решения судов формируются ключевые «правила игры» в сфере контрактного права. В целях повышения результативности применения положений ст. 333 ГК РФ в условиях электронной коммерции судебным органам целесообразно уделять внимание следующим вопросам, отраженным на рисунке 1.

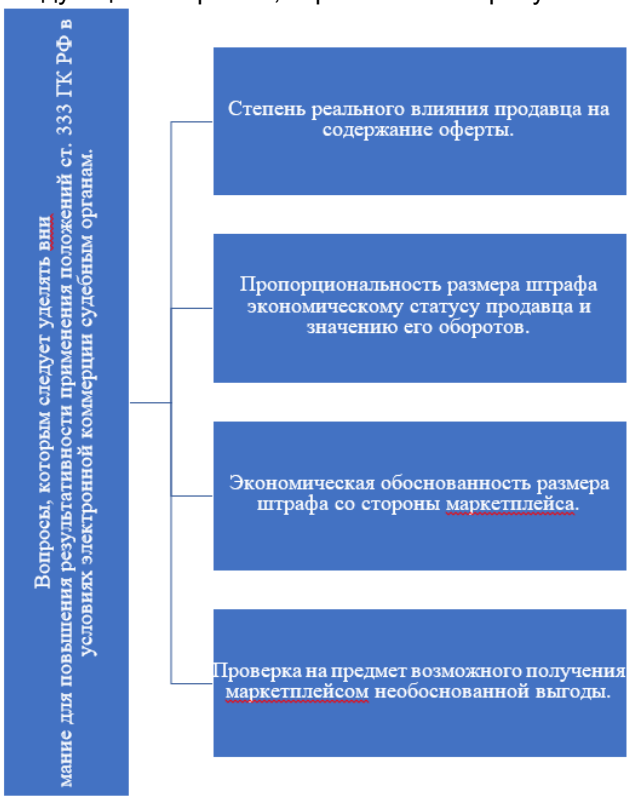

Рис.1. Вопросы, которым следует уделять внимание для повышения результативности применения положений ст. 333 ГК РФ в условиях электронной коммерции судебным органам [6, 8, 10, 11].

Ниже в таблице 2 приведен анализ различных подходов к регулированию соразмерности штрафных санкций.

Таблица 2
Сравнительный анализ подходов к регулированию чрезмерных штрафных санкций [2, 4, 5, 8]

Юрисдикция	Основная правовая норма/доктрина	Ключевые критерии снижения/недействительности	Особенности для e-commerce / договоров присоединения
РФ	Ст. 333 ГК РФ	Явная несоразмерность последствиям нарушения; получение кредитором необоснованной выгоды (для предпринимателей – в исключительных случаях).	Применение с учетом разъяснений ВС РФ; проблема баланса интересов в договорах присоединения с маркетплейсами.
США	Доктрина "liquidated damages vs. penalties"; "unconscionability"	Разумность оценки убытков на момент заключения договора; сложность точного расчета убытков; отсутствие цели наказать. Недобросовестность условий.	Повышенное внимание к стандартным формам, особенно если есть значительное неравенство сторон.
Германия	§307, §309 Nr. 6, §343 BGB	Нарушение принципа добросовестности; существенное ущемление прав контрагента; несоразмерность штрафа интересу кредитора.	Строгий контроль общих условий сделок (AGB-Kontrolle), защита более слабой стороны.

Полученные данные позволяют констатировать, что, несмотря на потенциальную эффективность механизма, заложенного в ст. 333 ГК РФ, его практическая реализация в контексте электронной коммерции сталкивается с рядом специфических юридических и технологических вызовов. Отсутствие чётких методических указаний по оценке соразмерности обязательств в условиях автоматизированных торговых платформ и смарт-контрактов снижает предсказуемость и оперативность правоприменения. В связи с этим необходима целенаправленная доработка нормативной базы, включающая разработку расширенного и детализированного набора критериев для корректировки условий договоров.

Заключение

Проведённая работа демонстрирует, что вопрос применения ст. 333 ГК РФ к договорным штрафам в развивающейся области электронной коммерции остаётся многогранным и практически значимым, особенно в аспекте регулирования отношений между маркетплейсами и продавцами. Продемонстрировано, что традиционные методы выявления «явной несоразмерности» неустойки зачастую не учитывают специфику договоров присоединения, используемых на цифровых платформах, а также реальное дисбалансированное положение сторон в процессе заключения таких соглашений.

Оферты маркетплейсов, как правило, представляют собой договоры присоединения, требующие от судов углублённого анализа интересов обеих сторон при применении ст. 333 ГК РФ. Хотя обязанность доказывания несоразмерности штрафа лежит

на должнике, суды должны соизмерять степень этой нагрузки с ограничениями, налагаемыми на продавца в условиях стандартизированной оферты. Оценка «явной несоразмерности» штрафа должна базироваться не только на формальных критериях, но и на экономической обоснованности размера санкции для маркетплейса, а также на возможных последствиях для предпринимательской деятельности продавца. Зарубежный опыт свидетельствует о более развитых механизмах контроля справедливости условий стандартных договоров, что может служить ориентиром для совершенствования российской практики в сфере e-commerce. Дальнейшие исследования могут быть ориентированы на систематизацию и анализ широкого массива судебных решений по подобным делам, а также на подготовку конкретных предложений по улучшению законодательства и формулировке дополнительных разъяснений высших судебных органов.

Литература

1. Маркетинговое исследование Интернет-торговля в России 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://datainsight.ru/eCommerce_2023 (дата обращения: 12.04.2025).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (дата обращения: 17.04.2025).
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 № 81 (ред. от 24.03.2016) «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_124675/ (дата обращения: 18.04.2025).
4. Чеговадзе Л. А., Шехов Д. А. Судебное снижение неустойки в коммерческих спорах по денежным обязательствам // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2021. – № 3. – С. 158–161. https://doi.org/10.52452/19931778_2021_3_158
5. Васильева А. В. Определение границ интересов государства в правовом регулировании деятельности маркетплейсов в РФ: постановка проблемы // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2023. – Т. 12, № 3. – С. 144–150. https://doi.org/10.24412/2225-8264-2023-3-144-150
6. Усманов М. М. Перспективы развития рынка e-commerce под влиянием гигантов ритейла // Региональная и отраслевая экономика. – 2023. – № 1. – С. 32–39. https://doi.org/10.47576/2949-1916 2023 1 32
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.02.2016 по делу № 309-ЭС15-13978, А07-3169/14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=454176 (дата обращения: 20.04.2025).
8. DiMatteo L. A. et al. Once More Unto the Breach: A Comparative Analysis of the Meaning of Breach in Contract Law // Transnational Law & Contemporary Problems. – 2021. – Vol. 31. – С. 33.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 25.04.2025).
10. Абакумова Е. Б. Дискуссионные вопросы правоприменительной практики по снижению неустойки судом в соответствии со ст. 333 ГК РФ // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – Т. 5, № 3 (19). – С. 244–250. https://doi.0rg/10.21603/2542-i840-2021-5-3-244-250
11. Телибекова Д. Б. Предпринимательство и его правовое регулирование в условиях цифровизации // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 11 (203). – С. 29–32. https://doi.0rg/10.47643/1815-1337_2021_11_29.

Application of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation to contractual penalties in e-commerce

Ivannikov I.A.

LL.B., LL.M., Founder & Legal Strategist at MP Litigation Center

This study aims to identify and structure the legal mechanisms for applying Article 333 of Russia's Civil Code to marketplace penalties, focusing on criteria used to assess their apparent disproportionality. The research employs formal legal and systems-based methods, along with comparative analysis of current norms, high court interpretations, and relevant academic literature.The study shows that traditional approaches to reducing penalties often fail to account for the specifics of marketplace adhesion contracts and the effects of their dominant market position, which can result in the enforcement of excessive sanctions. The analysis highlights the need to consider a range of factors—such as the economic rationale behind the sanctions and the balance of interests between the parties—when assessing the proportionality of penalties in e-commerce. The findings are practically relevant for legal practitioners, judges, e-commerce professionals, and scholars specializing in civil and commercial law.

Keywords: Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation, contractual penalty, e-commerce, marketplace, reduction of penalty, apparent disproportionality, contract of accession, freedom of contract, protection of rights, judicial practice.

References

1. Marketing research Internet trade in Russia 2024 [Electronic resource]. - Access mode: https://datainsight.ru/eCommerce_2023 (date of access: 12.04.2025).
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2016 No. 7 (as amended on 22.06.2021) "On the application by the courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations" [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (date of access: 17.04.2025).
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 22.12.2011 No. 81 (as amended on 24.03.2016) "On Certain Issues of Application of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation" [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_124675/ (date of access: 18.04.2025).
4. Chegovadze L. A., Shekhov D. A. Judicial reduction of penalties in commercial disputes over monetary obligations // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. - 2021. - No. 3. - P. 158-161. https://doi.org/10.52452/19931778_2021_3_158
5. Vasilieva A. V. Defining the boundaries of state interests in the legal regulation of marketplaces in the Russian Federation: problem statement // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology. - 2023. - Vol. 12, No. 3. - P. 144-150. https://doi.org/10.24412/2225-8264-2023-3-144-150
6. Usmanov M. M. Prospects for the development of the e-commerce market under the influence of retail giants // Regional and industry economics. - 2023. - No. 1. - P. 32-39. https://doi.org/10.47576/2949-1916 2023 1 32
7. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/26/2016 in case No. 309-ES15-13978, A07-3169/14 [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=454176 (date of access: 04/20/2025).

8. DiMatteo L. A. et al. Once More Unto the Breach: A Comparative Analysis of the Meaning of Breach in Contract Law // Transnational Law & Contemporary Problems. - 2021. - Vol. 31. – P. 33.
9. Civil Code of the Russian Federation (CC RF) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access: 04/25/2025).
10. Abakumova E. B. Controversial issues of law enforcement practice on reducing penalties by the court in accordance with Art. 333 of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. – 2021. – Vol. 5, No. 3 (19). – P. 244–250. https://doi.0rg/10.21603/2542-i840-2021-5-3-244-250
11. Telibekova D. B. Entrepreneurship and its legal regulation in the context of digitalization // Law and state: theory and practice. - 2021. - No. 11 (203). - P. 29-32. https://doi.0rg/10.47643/1815-1337_2021_11_29

Правовое регулирование искусственного интеллекта в Китае

Касихин Лев Владимирович
аспирант, Российская Государственная Академия Интеллектуальной Собственности, lev.kasihin@mail.ru

Статья посвящена оценке траектории развития правового регулирования в области искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике, выявив преимущества и недостатки китайского подхода к регулированию искусственного интеллекта, и наметить перспективы национального регулирования на ближайшее время с учетом мирового опыта**.** В статье используются общенаучные методы анализа и синтеза, классификации, системный и функциональный подходы. Также использовались формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы. Исследование демонстрирует обоснованность претензий Китая на мировое лидерство в создании правового регулирования искусственного интеллекта, поскольку именно в Китае были приняты первые нормативно-правовые акты. Эти акты уже вступили в силу, однако каждый из них касается узкого круга вопросов, а закона, устанавливающего общие правила для индустрии искусственного интеллекта, нет. Среди характерных особенностей китайского подхода можно назвать, прежде всего, его итеративный характер, который позволяет корректировать регулирование с каждым новым шагом. Еще одна особенность - отраслевой характер регулирования.
Ключевые слова: искусственный интеллект, комплексный подход, цифровые технологии, законопроект, генеративный искусственный, интеллект, итеративный характер, закон, риск-ориентированный подход, отраслевой подход.

Введение

Искусственный интеллект стремительно развивается, с каждым днем все интенсивнее влияя на жизнь людей, и требует специального правового регулирования. Свидетельством тому является активизация создания новых правовых норм на уровне государственных органов в разных странах и на уровне межгосударственных органов в разных регионах мира. Китай претендует на лидерство в области правового регулирования искусственного интеллекта, пытаясь опередить другие субъекты мировой политики и тем самым глобально повлиять на вектор развития регулирования. Стоит отметить, что необходимо выделить как минимум три момента, по которым конкурируют различные государства и их объединения. Это, во-первых, уровень развития искусственного интеллекта, во-вторых, темпы его развития и, в-третьих, уровень развития правового регулирования в этой сфере. По первому показателю Китай уверенно занимает второе место, уступая лишь США и значительно опережая остальные страны мира [1] по количеству проведенных исследований, коммерциализации их результатов и развитию соответствующей инфраструктуры. Китай опережает США по темпам развития и поставил перед собой цель обогнать Соединенные Штаты по первому показателю к 2030 году, чему в немалой степени способствует преимущество Китая в объеме данных, доступных для алгоритмического анализа. По третьему показателю - уровню развития правового регулирования - Китай претендует на лидерство, конкурируя с Евросоюзом, который также стремится стать пионером в создании законов, регулирующих отношения, связанные с использованием искусственного интеллекта. Действительно, несмотря на растущее число регуляторных инициатив по всему миру, «количество новых режимов ИИ с устоявшейся структурой все еще относительно невелико» (Dixon, 2023), в то время как потребность в таком регулировании растет в связи с увеличением рисков, связанных с внедрением искусственного интеллекта.

Первый этап связан с формированием основ регулирования в области искусственного интеллекта. Он является подготовительным и включает в себя создание программных документов, фиксирующих, в том числе, формирующиеся этические нормы, которые в будущем могут послужить основой для законодательных актов.

В 2015 году в Китае стартовала комплексная программа развития Китайской Народной Республики (далее - КНР) под названием «Сделано в Китае - 2025» [2]. В июле 2017 года был опубликован План развития искусственного интеллекта нового поколения [3], официально утвержденный Госсоветом КНР.

План развития искусственного интеллекта нового поколения ставит во главу угла развитие искусственного интеллекта и излагает национальную стратегию, цель которой - сделать Китай мировым лидером в этой области к 2030 году. Если предыдущие политические инициативы, содержащие заявления о развитии ИИ, рассматривали его лишь как один из инструментов достижения цели, то План развития искусственного интеллекта нового поколения - это первая национальная инициатива, сфокусированная на развитии ИИ и «призванная стать планом создания полной экосистемы ИИ для страны».

План развития искусственного интеллекта нового поколения, который в настоящее время реализуется в Китае, делится на три этапа. Первый этап связан с завоеванием Китаем конкурентных позиций на мировом рынке (до 2020 года); второй этап связан с прорывом в теоретических разработках и активным внедрением искусственного интеллекта в различные сегменты китайской экономики (до 2025 года); третий этап связан с достижением Китаем глобального лидерства в индустрии искусственного интеллекта (до 2030 года).

Руководство планом осуществляется Консультативным комитетом по стратегии искусственного интеллекта, сформированным в ноябре 2017 года и координируемым Министерством науки и технологий КНР, Управлением по продвижению плана искусственного интеллекта и рядом других органов. Несмотря на централизованное руководство, план содержит «список пожеланий», призванный стимулировать местные органы власти и частный сектор к инновациям, чтобы помочь реализовать амбиции Китая в трех стратегически важных областях, выделенных в плане, а именно: международная конкуренция, экономический рост и социальное управление.

Начало становления регулирования в области искусственного интеллекта хронологически соответствует первому этапу реализации китайской национальной стратегии, сформулированной в Плане развития искусственного интеллекта нового поколения. Основы последующего регулирования начали закладываться как минимум с 2017 года, когда был намечен ряд государственных задач для достижения цели, заявленной в китайской стратегии. План развития искусственного интеллекта нового поколения предусматривает установление национальных стандартов и проведение исследований по правовым вопросам для создания правовой базы, позволяющей ускорить применение новых технологий, с особым акцентом на регулирование беспилотного транспорта и сервисных роботов.

В 2018 году правительство Китая поручило Китайской ассоциации искусственного интеллекта (CAAI) разработать этические рекомендации для искусственного интеллекта. Для этого была создана целая коалиция, участниками которой стали Китайская академия наук, Пекинская академия искусственного интеллекта, Пекинский университет, другие научные организации и ряд лидеров китайской индустрии искусственного интеллекта (IT-гигантов). В мае 2019 года были опубликованы «Пекинские принципы искусственного интеллекта» [4]. Среди сформулированных принципов: служение человеческим ценностям, таким как приватность, достоинство и свобода, постоянное внимание к безопасности ИИ, инклюзивность, открытость, поддержка международного сотрудничества, долгосрочное планирование и др. Китайские исследователи, как и ученые из других стран мира, обосновали необходимость «регулировать развитие ИИ в соответствии с этикой и ценностями человечества.

Еще один документ, посвященный этическому регулированию, - Кодекс этики для искусственного интеллекта нового поколения [5], опубликованный Министерством науки и технологий КНР в сентябре 2021 года. В документе говорится, что искусственный интеллект должен быть надежным и контролируемым, обеспечивать честность и справедливость, повышать благосостояние людей, защищать частную жизнь и безопасность. Люди имеют право сохранить за собой право выбора пользоваться услугами, предоставляемыми искусственным интеллектом, или отказаться от взаимодействия с системами искусственного интеллекта на любом этапе взаимодействия.

Начальный этап становления регулирования в сфере искусственного интеллекта длился несколько дольше времени, отведенного на него национальной стратегией Китая, а именно до 2021 года, когда появился целый ряд законодательных актов в этой области.

Второй этап китайской стратегии - прорыв в теоретической разработке и активном внедрении искусственного интеллекта в различные сегменты китайской экономики - запланирован до 2025 года. Он в целом соответствует второму этапу формирования регулирования - переходу от программных документов, в том числе этических правил, к созданию законодательства по использованию искусственного интеллекта.

За 2021 год был принят и вступил в силу ряд нормативных актов, связанных с искусственным интеллектом, в первую очередь следующие:

- Закон о безопасности данных Китайской Народной Республики от 10 июня 2021 года, вступает в силу с 1 сентября 2021 года [6];
- Закон о защите личной информации Китайской Народной Республики от 20 августа 2021 года, вступает в силу с 1 ноября 2021 года [7];
- Правила защиты безопасности критической информационной инфраструктуры от 17 августа 2021 года, вступает в силу с 1 сентября 2021 года [8].

Например, Закон КНР о защите персональных данных - это рамочный закон, устанавливающий основные принципы, цели, полномочия и ответственность за защиту персональных данных, ценность которых возрастает в эпоху искусственного интеллекта; однако он не регулирует конкретные вопросы. Детальное регулирование, обеспечивающее применение закона, осуществляют государственные регуляторы. Основным регулятором в области

искусственного интеллекта является Администрация киберпространства Китая (CAC), которая обычно публикует подзаконные акты.

Что касается подзаконных актов, то стоит упомянуть Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями в информационных сервисах сети Интернет от 31 декабря 2021 года, вступающее в силу с 1 марта 2022 года [9]. Цель этого закона - предотвратить монопольное поведение платформ искусственного интеллекта для защиты прав пользователей. Документ требует особой осторожности для удовлетворения потребностей пожилых пользователей, в том числе для предотвращения мошенничества, и запрещает алгоритмическое создание фальшивых новостей, использование дискриминационных или предвзятых пользовательских тегов в алгоритмических рекомендательных системах, а также использование алгоритмов для участия в монополистических действиях или неправомерной конкуренции. Постановление обязывает поставщиков услуг не допускать дискриминационных, эксплуататорских условий труда для работников платформ (обычно курьеров и водителей), требует от них работать над смягчением распространения негативной информации, а также предоставляет потребителям право отключать алгоритмические рекомендации и получать объяснения, если алгоритм существенно затрагивает их интересы.

25 ноября 2022 года было опубликовано Положение об администрировании информационных интернет-сервисов глубокого синтеза [10] (иногда называемое Положением о глубоком синтезе). Документ, вступающий в силу с 10 января 2023 года, содержит требования к предоставлению услуг глубокого синтеза для создания изображений, видео, аудио и текста. Создаваемый контент должен соответствовать правилам контроля информации, маркироваться как синтетически созданный, его поставщики должны принимать меры по предотвращению неправомерного использования и регистрировать свои алгоритмы (публикация контента, созданного искусственным интеллектом, без специальной маркировки запрещена).

В дополнение к национальным актам, издаваемым Администрацией киберпространства Китая, появляются муниципальные акты. Они играют важную роль, поскольку муниципалитеты, в которых издаются такие акты, обычно являются многомиллионными высокотехнологичными мегаполисами:

- Постановление муниципалитета Шанхая о содействии развитию индустрии искусственного интеллекта от 22 сентября 2022 года13. Оно направлено на мобилизацию суперкомпьютерной инфраструктуры, центров обработки данных и применение технологий искусственного интеллекта в муниципальных органах власти (вступает в силу с 1 октября 2022 года);
- Положение о содействии развитию индустрии искусственного интеллекта в особой экономической зоне Шэньчжэнь от 30 августа 2022 года [11]. Оно направлено на поощрение использования искусственного интеллекта при обеспечении этических принципов использования искусственного интеллекта во избежание дискриминации или нарушения неприкосновенности частной жизни (вступает в силу с 1 ноября 2022 года) и т. д.

В 2023 году Администрация киберпространства Китая совместно с рядом других национальных ведомств выпустила Положение о временных мерах по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта от 10 июля 2023 года, которое вступило в силу 15 августа 2023 года [12]. Как указано в статье 1 Положения, оно призвано содействовать рациональному развитию и регулируемому использованию генеративного искусственного интеллекта, обеспечивать национальную безопасность и общественные интересы, а также защищать права граждан и юридических лиц. Документ призывает административные органы и суды всех уровней занять осторожную и толерантную позицию по отношению к искусственному интеллекту. Примером ответа на этот призыв может служить решение Пекинского интернет-суда от 2023 года, в котором говорится, что контент, созданный искусственным интеллектом, может быть защищен авторским правом [13], хотя ранее он отрицал такую защиту. Признание авторских прав на определенный контент, созданный искусственным интеллектом, не только стимулирует его использование, повышая коммерческую ценность продуктов и услуг на основе искусственного интеллекта, но и ставит вопрос о соответствующем пересмотре законодательства об авторском праве и противоречит позиции, занятой в других крупных юрисдикциях, в том числе в США.

Еще один нормативный акт, проект которого был опубликован Администрацией киберпространства Китая в августе 2023 года, должен быть принят в 2024 году; это Положение о технологиях распознавания лиц [14]. Цель этого акта - регулировать использование таких технологий, защищая право на личную информацию и поддерживая общественный порядок и безопасность. Документ запрещает использование технологий распознавания лиц для анализа расовой, этнической принадлежности, религиозных убеждений и состояния здоровья. Исключение составляют случаи, когда человек дал согласие или это требуется в интересах национальной безопасности. Таким образом, хотя китайские правоохранительные органы и органы государственной безопасности широко используют технологии распознавания лиц, новые правила ограничивают применение этих технологий в негосударственных организациях, таких как банки, аэропорты, гостиницы и т. д. В целях безопасности в общественных местах должно быть установлено оборудование для сбора изображений и идентификации, однако управляющие объектами (зданиями и сооружениями) не обязаны использовать распознавание лиц для контроля входов и выходов и должны обеспечить возможность использования альтернативных средств подтверждения личности теми, кто этого желает.

Среди проектов, находящихся в разработке, особого внимания заслуживает законопроект об искусственном интеллекте. Он призван более полно регу-

лировать отношения в области искусственного интеллекта. Инициализация проекта была включена в план законодательной работы Госсовета КНР на 2023 год [15]. В августе 2023 года предварительный проект закона, подготовленный группой исследователей из Китайской академии общественных наук, был опубликован как Model Law on Artificial Intelligence, Version 1.0 (Draft Expert Proposal) [16]. Эксперты Стэнфордского университета подчеркивают, что он был подготовлен под руководством заместителя директора отдела исследований кибер- и информационного права Китайской академии общественных наук, который также является руководителем исследовательского проекта по этике и регулированию искусственного интеллекта. Это позволяет предположить, что проект поддерживается рядом влиятельных китайских политиков и, хотя и не носит правительственного характера, «послужит ориентиром для законодательной работы»[17]. Основная цель проекта - разработать механизм, позволяющий поддерживать баланс между безопасностью и развитием. Основные принципы, лежащие в основе предлагаемого в проекте регулирования, следующие:

- Ориентация на благо людей;
- обеспечение безопасности исследований и продуктов на основе искусственного интеллекта;
- открытость, прозрачность и объяснимость;
- подотчетность и юридическая ответственность лиц, участвующих в исследованиях, разработке, предоставлении или использовании искусственного интеллекта;
- справедливость и равенство;
- эффективность использования ресурсов и защита окружающей среды;
- содействие инновациям;
- международное сотрудничество;
- законность и легитимность, обязательство придерживаться социалистических основных ценностей.

Согласно законопроекту, основная ответственность будет лежать на продавцах, но разработчики будут обязаны оказывать необходимую помощь, например, в объяснении алгоритмов и оценке рисков модели. Это не позволит им избежать ответственности, включив ее в условия договора с продавцом или под предлогом защиты коммерческой тайны.

Кроме того, в законопроекте упоминается так называемый негативный список. Действия, включенные в него, потребуют специального административного разрешения, в то время как действия, не включенные в список, потребуют лишь регистрации в регулирующих органах. Самого перечня в проекте нет, как нет и дифференциации регулирования в отношении моделей с открытым исходным кодом. Такие модели искусственного интеллекта имеют большое значение для распространения знаний и создают конкурентные ограничения для доминирующих компаний, которые обычно не раскрывают коды своих моделей. Однако статья 43 проекта предусматривает более строгий надзор за «базовыми моделями», которые могут использоваться во множестве приложений ИИ.

Принятие Закона об искусственном интеллекте, вероятно, откроет следующий этап развития регулирования ИИ в Китае, предпосылки для которого будут упомянуты ниже, при перечислении и объяснении особенностей китайского подхода.

Выводы

Проследив китайский путь развития правового регулирования искусственного интеллекта, можно констатировать, что Китай первым в мире принял нормативные акты, регулирующие индустрию искусственного интеллекта, тем самым подтвердив свои претензии на лидерство в этой области.

Оперативность регулирования позволяет снять ряд вопросов, обсуждаемых в китайском обществе, или, по крайней мере, скорректировать повестку дня. Итеративный характер регулирования позволяет постепенно, шаг за шагом совершенствовать регулирование, в конечном итоге определяя «правила игры», необходимые бизнесу и обществу для повышения доверия к ИИ. Быстро усиливая регулирование, Китай создает основу для экспорта ИИ в страны Глобального Юга и страны, участвующие в его инициативе «Один пояс и один путь».

Китайский подход к регулированию ИИ, как и американский, является отраслевым, хотя, как и европейский, он гораздо более проработан, чем американский. Китайский подход можно назвать гибким, в отличие от европейского, который характеризуется жесткостью и, следовательно, препятствует инновациям. Гибкость позволяет Китаю скорее способствовать развитию искусственного интеллекта, чем препятствовать ему, устанавливая барьеры для разработчиков. Однако это не означает, что в Китае нет барьеров: они существуют и связаны с соблюдением социалистических ценностей (идеологические барьеры).

Литература

1. The Global AI Index. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://goo.su/ENE2B (дата обращения: 15.06.2025).

2. 中国制造2025. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://goo.su/60obk4r (дата обращения: 15.06.2025).

3. Webster, G., Creemers, R., Kania, E., & Triolo, P. (2017, August 1). China's 'New Generation Artificial Intelligence Development Plan'. Stanford University. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://goo.su/hdBFr (дата обращения: 15.06.2025).

4. Beijing Artificial Intelligence Principles. (2019). International Research Center for AI Ethics and Governance. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://goo.su/mkRid1y (дата обращения: 15.06.2025).

5. 新一代人工智能伦理规范》发布. 2021年09月26日. 来源：科技部 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://goo.su/Gk6ta (дата обращения: 15.06.2025).

6. 国务院办公厅关于印发 国务院2023年度立法工作计划的通知. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://goo.su/rTEAe0X (дата обращения: 15.06.2025).

7. 人工智能法（示范法）1.0》（专家建议稿. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://clck.ru/38QrG3 (дата обращения: 15.06.2025).

8. Creemers, R., Sacks, S., & Webster, G. (2021, August 18). Critical Information Infrastructure Security Protection Regulations. Stanford University. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://goo.su/DS6o (дата обращения: 15.06.2025).

9. Provisions on the Management of Algorithmic Recommendations in Internet Information Services. (2021).China Law Translate. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://goo.su/338U65 (дата обращения: 15.06.2025).

10.Provisions on the Administration of Deep Synthesis Internet Information Services. (2022). China Law Translate. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://clck.ru/38Qr2i (дата обращения: 15.06.2025).

11.Regulations for the Promotion of the Artificial Intelligence Industry in Shenzhen Special Economic Zone. (2022). [Электронный ресурс] Режим доступа: https://clck.ru/38Qr4H (дата обращения: 15.06.2025).

12.Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services. (2023). [Электронный ресурс] Режим доступа: https://clck.ru/38Qr5D (дата обращения: 15.06.2025).

13.Deng, I. (2023, December 1). Beijing court's ruling that AI-generated content can be covered by copyright eschews US stand, with far-reaching implications on tech's use. South China Morning Post. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://clck.ru/38Qr6K (дата обращения: 15.06.2025).

14.Ministry of Justice of the People's Republic of China. (2023). China mulls first nationwide comprehensive guidelines for use of facial recognition technology.[Электронный ресурс] Режим доступа: https://goo.su/zJ0ODV1 (дата обращения: 15.06.2025).

15.国务院办公厅关于印发 国务院2023年度立法工作计划的通知. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://goo.su/rTEAe0X (дата обращения: 15.06.2025).

16.人工智能法（示范法）1.0》（专家建议稿. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://clck.ru/38QrG3 (дата обращения: 15.06.2025).

17.Webster, G., Zhou, J., Shi, M., Dorwart, H., Costigan, J., & Chen, Q. (2023, August 23). Analyzing an Expert Proposal for China's Artificial Intelligence Law. Stanford University. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://clck.ru/38QrHZ (дата обращения: 15.06.2025).

Legal Regulation of Artificial Intelligence in China

Kasikhin L.V.
Russian State Academy of Intellectual Property

The article is devoted to the assessment of the trajectory of development of legal regulation in the field of artificial intelligence in the People's Republic of China, revealing the advantages and disadvantages of the Chinese approach to the regulation of artificial intelligence, and outline the prospects of national regulation in the near future, taking into account the world experience. The article uses general scientific methods of analysis and synthesis, classification, system and functional approaches. Formal-legal, comparative-legal and historical-legal methods were also used. The study demonstrates the validity of China's claims for world leadership in the creation of legal regulation of artificial intelligence, since it was in China that the first legal acts were adopted. These acts have already entered into force, but each of them deals with a narrow range of issues, and there is no law establishing general rules for the artificial intelligence industry. Among the characteristic features of the Chinese approach is, first of all, its iterative nature, which allows adjusting the regulation with each new step. Another feature is the sectoral nature of regulation.

Keywords**:** artificial intelligence, integrated approach, digital technology, bill, generative artificial, intelligence, iterative nature, law, risk-based approach, industry approach.

References

1. The Global AI Index. [Electronic resource] Access mode: https://goo.su/ENE2B (date of access: 15.06.2025).
2. 中国制造2025. [Electronic resource] Access mode: https://goo.su/60obk4r (date of access: 15.06.2025).
3. Webster, G., Creemers, R., Kania, E., & Triolo, P. (2017, August 1). China's 'New Generation Artificial Intelligence Development Plan'. Stanford University. [Electronic resource] Access mode: https://goo.su/hdBFr (date of access: 15.06.2025).
4. Beijing Artificial Intelligence Principles. (2019). International Research Center for AI Ethics and Governance. [Electronic resource] Access mode: https://goo.su/mkRid1y (date of access: 15.06.2025).
5. The article "On the topic of the scientific community" was published. September 26, 2021. Available at: http://goo.su/Gk6ta (date of access: 15.06.2025).
6. Bookmark 2023. [Electronic resource] Access mode: https://goo.su/rTEAe0X (date of access: 06/15/2025).
7. 人工智能法（示范法）1.0》（专家建议稿. [Electronic resource] Access mode: https://clck.ru/38QrG3 (date of access: 06.15.2025).
8. Creemers, R., Sacks, S., & Webster, G. (2021, August 18). Critical Information Infrastructure Security Protection Regulations. Stanford University. [Electronic resource] Access mode: https://goo.su/DS6o (accessed: 15.06.2025).
9. Provisions on the Management of Algorithmic Recommendations in Internet Information Services. (2021). China Law Translate. [Electronic resource] Access mode: https://goo.su/338U65 (accessed: 15.06.2025).
10. Provisions on the Administration of Deep Synthesis Internet Information Services. (2022). China Law Translate. [Electronic resource] Access mode: https://clck.ru/38Qr2i (accessed: 15.06.2025).
11. Regulations for the Promotion of the Artificial Intelligence Industry in Shenzhen Special Economic Zone. (2022). [Electronic resource] Access mode: https://clck.ru/38Qr4H (accessed on 15.06.2025).
12. Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services. (2023). [Electronic resource] Access mode: https://clck.ru/38Qr5D (accessed on 15.06.2025).
13. Deng, I. (2023, December 1). Beijing court's ruling that AI-generated content can be covered by copyright eschews US stand, with far-reaching implications on tech's use. South China Morning Post. [Electronic resource] Access mode: https://clck.ru/38Qr6K (accessed on 15.06.2025).
14. Ministry of Justice of the People's Republic of China. (2023). China mulls first national comprehensive guidelines for the use of facial recognition technology. [Electronic resource] Access mode: https://goo.su/zJ0ODV1 (access date: 06/15/2025).
15. 国务院办公厅关于印发国务院2023年度立法工作计划的通知. [Electronic resource] Access mode: https://goo.su/rTEAe0X (date of access: 06/15/2025).
16. China's Artificial Intelligence Law (2023) 1.0》(2025-06-15). [Electronic resource] Access mode: https://clck.ru/38QrG3 (accessed: 15.06.2025).
17. Webster, G., Zhou, J., Shi, M., Dorwart, H., Costigan, J., & Chen, Q. (2023, August 23). Analyzing an Expert Proposal for China's Artificial Intelligence Law. Stanford University. [Electronic resource] Access mode: https://clck.ru/38QrHZ (accessed: 15.06.2025).

Понятие и правовая природа договора энергоснабжения

Левкин Павел Николаевич
независимый исследователь, shakeupme@gmail.com

Статья посвящена анализу правовой природы договора энергоснабжения в системе гражданско-правовых обязательств. Подчеркивается отсутствие единства в научной доктрине относительно отнесения данного договора к самостоятельному виду договоров. Особое внимание уделяется правовому статусу электрической энергии как специфического нематериального объекта, обладающего стоимостью и потребительской ценностью, но не являющегося вещью в классическом понимании, что обусловливает особый порядок её правового оборота. Рассматриваются ключевые положения законодательства, регулирующего отношения в сфере энергоснабжения. Анализируется юридическая конструкция договора энергоснабжения: особый порядок исполнения обязательств, обусловленный непрерывным характером передачи энергии, техническая зависимость от сетевой инфраструктуры и отсутствие свободы выбора у потребителя вследствие монопольного характера рынка. Исследуется проблема недобросовестного энергопотребления, включая случаи бездоговорного подключения, вмешательства в приборы учёта, а также нелегального использования электроэнергии для майнинга криптовалют.

Ключевые слова: электроэнергия, энергоснабжение, договор энергоснабжения, договор купли-продажи, договор поставки, естественная монополия, незаконное потребление электроэнергии, майнинг

Актуальность рассмотрения такой правовой конструкции, как договор энергоснабжения, обусловлена спецификой и отличительными чертами электроэнергии и механизмов ее генерации, передачи и потребления. Данная специфика определяет характерные особенности правового регулирования данной области. Так, электроэнергия аккумулируется и хранится не в существенных объемах, а вырабатывается непрерывно. Процессы производства, транспортировки и потребления электроэнергии являются взаимосвязанными, а передача электроэнергии влечет ее потребление.

Регулирование процессов потребления электрической энергии во многом определяется технологическими параметрами энергетической инфраструктуры, особенностями процессов генерации, передачи, распределения, сбыта и потребления энергии. В любом случае функционирование систем энергопотребления предполагает наличие у потребителя и производителя специальных технических устройств. В частности, количество потребляемой энергии измеряется специальными приборами учёта.

Согласно общему правилу, возврат электроэнергии не представляется возможным [7, с. 191]. Энергия не может быть возвращена поставщику – она может быть лишь потреблена принимающей стороной [16, с. 186]. Тем не менее, в некоторых юрисдикциях, где существует особая система энергопотребления, возврат электроэнергии от потребителя ее производителю является возможным. Подобный возврат является технически допустимым при наличии энергопередающих устройств у потребителя, присоединенных к устройствам производителя и технической возможности производителя электроэнергии по ее приему [7, с. 191].

Учитывая сложность правоотношений, возникающих в связи с вышеописанными техническими процессами, электроснабжение регулируется несколькими законодательными актами. Как указывает З. Т. Касаева с соавт., потребитель электроэнергии вовлекается в процесс электроснабжения на этапах сбыта и потребления, которые, в свою очередь, регулируются договором, условия и обязанности которого распределяются между поставщиком и конечным потребителем [6, с. 167].

Правоотношения сторон, заключивших договор энергоснабжения, регулируются положениями ст. 539-548, пар. 6 «Энергоснабжение», гл. 30 «Купля-продажа» ч. 2 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4]. Данные положения следует считать правовым фундаментом для составления, заключения и исполнения договоров в области энергоснабжения. Тем не менее, ввиду значительной специфики предмета договора энерго-

снабжения, положения ГК РФ не способны полностью раскрыть все аспекты отношений в области энергоснабжения, в связи с чем отечественный законодатель регулярно предпринимает попытки расширить нормативный правовой массив. Одним из примеров подобной детализации правовых механизмов регулирования правоотношений выступают отсылки к специальному законодательству в ГК РФ (ч. 3 ст. 539, ч. 4 ст. 539, ст. 548 и др.). Правоотношения, возникающие в области энергоснабжения, регулируются, помимо прочего, различными нормами Федеральных законов, Правил, Указов Президента РФ, многочисленных постановлений Правительства РФ, актов Министерства энергетики РФ и региональных энергетических комиссий Правительства РФ и субъектов РФ [8, с. 208]. Так, в рассматриваемой нами правовой области особое значение имеют Федеральный закон «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 N 35-ФЗ [13], Постановление Правительства РФ от 27.12.2010 N 1172 (ред. от 07.04.2025) «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности» [9], Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 N 354 (ред. от 29.08.2024) «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» [11]. Также следует отметить, что Правительство РФ может устанавливать типовые формы договоров энергоснабжения.

Некоторые специалисты критически подходят к существующей системе нормативного регулирования энергоснабжения и возникающих в данной отрасли договорных отношений. Так, к примеру, К. А. Павлов пишет о том, существующая система законодательства в области энергоснабжения, с одной стороны, является чрезмерно сложной, и может быть упрощена, а с другой – правоотношения в данной области также характеризуются сложностью и вовлекают в себя действия всех ветвей власти [8, с. 209].

Единства мнений о сущности и месте договора энергоснабжения в ряду прочих договорных групп или типов договоров пока не наблюдается [5, с. 100]. Электроэнергия не может считаться имуществом и выступать предметом договора имущественного найма или договора хранения, так как она не может быть возвращена в полном объеме по истечению определенного срока. Энергия не является вещью, поэтому не может законодательно выступать в качестве объекта права собственности. Несмотря на это, энергия, как и вещь, обладает материальной выраженностью и стоимостным диапазоном.

Е. О. Крассов указывает: сходство договора энергоснабжения с иными типами договорных конструкций не позволяет придать данному договору статус самостоятельного. Если же говорить о возможности применения к правовому регулированию энергоснабжения принципы норм о договорах поставки, можно также отметить отличия процессов энергоснабжения от поставок иных товаров или сырья [7, с. 194]. Процессы, связанные с передачей электрической энергии, существенно отличаются от обычной поставки товара как по критерию технологических характеристик объекта, так и с точки зрения порядка исполнения обязательств сторонами договора.

Прежде всего, электрическая энергия, как отмечено выше, не может быть накоплена в значимых объёмах, она передаётся непрерывным потоком, требует синхронного режима потребления и производства. Данные параметры обусловливают непрерывность исполнения обязательств, невозможность поставки впрок. Кроме того, доступ к объекту поставки (в смысле физической инфраструктуры) в энергетике регулируется в принудительном порядке, через нормы об обязательном присоединении к электрическим сетям, что также отличает энергоснабжение от поставок товаров в иных сегментах рыночных отношений. Также следует отметить, что в договоре энергоснабжения прослеживается зависимость сторон от инфраструктурных посредников, участие которых является обязательным элементом технологической цепочки, но не фиксируется в договорных отношениях между потребителем и поставщиком.

Одним их параметров правоотношений, связанных с энергоснабжением, выступает специфический предмет обязательства: для стороны-поставщика ключевым обязательством является поставка конкретного количества энергии в определенный срок, для потребителя – выплата денежных средств за поставленный объем согласно установленным тарифам [16, с. 187]. Все это делает договор об энергоснабжении схожим с договором купли-продажи.

Как и случае заключения договора купли-продажи, поставщик обязуется обеспечить надлежащее качество поставляемого ресурса. Снабжение потребителей электроэнергией надлежащего качества является обязательным для энергоснабжающей организации. Под качеством электрической энергии А. С. Атаев предлагает понимать совокупность свойств электрической энергии, определяющих ее пригодность для нормальной работы электроэнергетической системы [1, с. 119].

Специфика электроэнергии, выступающей в роли объекта гражданских прав, блага и особого вида товара, при этом, определяет условия, основания и правила привлечения к ответственности сторон при ненадлежащем исполнении и неисполнении договоров, отличающихся от аналогичных в прочих договорах купли-продажи. Тем не менее, большинство современных российских исследователей все же приравнивают договор энергоснабжения к договору купли-продажи (см. [7, с. 193], [16, с. 187], [3, с. 165] и др.).

Энергия выступает в таком контексте товаром, который поставляется энергоснабжающей организацией (продавец) посредством присоединенной сети. Абонент (покупатель) принимает и оплачивает энергию, соблюдая при этом режим потребления энергии, обеспечивая безопасную эксплуатацию энергооборудования, (ст. 539 ГК РФ) [4]. По мнению

Е. О. Крассова, целью заключения договора энергоснабжения выступает создание правовых рамок для регулирования оборота электроэнергии [7, с. 192].

Распространенность точки зрения о том, что договор энергоснабжения выступает подтипом договоров купли-продажи обусловлена наличием многих признаков договорного обязательства по купле-продаже товаров, когда согласованный сторонами товар (энергия) передается одной стороне другой за плату [7, с. 194].

Следует также упомянуть еще одну характерную черту договорных отношений в сфере энергоснабжения. Потребитель, как правило, не обладает свободой выбора в части заключения или прекращения договора энергоснабжения по собственному усмотрению. Это обусловлено, во-первых, особенностями правового регулирования данной области, а во-вторых, структурными характеристиками самого рынка электроэнергии, в котором значительную роль играют субъекты естественных монополий.

В условиях естественной монополии, когда отсутствует реальная конкуренция, потребитель оказывается в заведомо неравном положении по отношению к энергоснабжающей структуре. Подобная асимметрия в правовом и экономическом статусе сторон договора требует особого внимания к механизмам правовой защиты потребителя, включая необходимость поддержки со стороны судебной системы при разрешении споров, связанных с оказанием услуг по электроснабжению.

Для того, чтобы нейтрализовать риски, связанные с монополией рынка энергоснабжения, российский законодатель, начиная с 2001 г., принял ряд законодательных актов, направленных на демонополизацию рынка электроэнергии, ликвидации жесткой вертикальной интегрированной структуру, характерной для РАО «ЕЭС России» и создания конкурентной среды в производстве и сбыте электроэнергии. Реформы, по мнению Ю. В. Чесноковой, привели к демонтажу прежней монопольной структуры электроэнергетики посредством внедрения на рынок новые компании целевой структуры отрасли [15, с. 262]. Тем не менее, в областях передачи и распределения электроэнергии сохранился естественно-монопольный уклад.

А. С. Атаев говорит о том, что содержание договора энергоснабжения формируют следующие его условия: предмет, количество, качество, цену, порядок расчета за использованную электроэнергию, срок действия договора, соблюдение энергоснабжающими организациями порядка подачи электроэнергии, обязанности потребителя по соблюдению правил эксплуатации компонентом электросети, обязанности по целенаправленному использованию электроэнергии, по соблюдению установленных режимов потребления электроэнергии [1, с. 115]. В отношении последних двух из перечисленных условий в последнее время возникает множество проблемных аспектов. Рассмотрим их более подробно.

Потребитель, который потребляет энергию не в соответствии с заявленными в договоре целями или способом, не указанным в договоре, фактически осуществляет незаконное потребление электроэнергии. Подобное правонарушение представлено в положениях ст. 165 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Целями совершения подобного преступления выступает получение имущественной выгоды посредством несанкционированного подключения к энергосетям [2, с. 245].

Некоторые потребители используют несанкционированные устройства с целью нелегального потребления электрической энергии либо искажения показаний приборов учёта. Эти устройства, как правило, не имеют разрешённого статуса, нарушают установленный порядок эксплуатации средств измерения и могут квалифицироваться как средство совершения противоправного деяния. Согласно п. 1 ст. 543 и п. 1 ст. 544 ГК РФ, абонент обязан оплачивать фактически потреблённую энергию [4]. В случае несанкционированного вмешательства в работу счётчика, объём потребления определяется по расчётным (повышенным) нормативам. Энергоснабжающая организация, в свою очередь, имеет право взыскать убытки, причинённые недобросовестным потреблением.

Вторым распространенным случаем является потребление энергии в отсутствие заключенного договора электроснабжения: потребитель самовольно подключается к электросети, в результате чего, происходит безучетное расходование электроэнергии, чем причиняется имущественный ущерб [2, с. 247].

На текущем этапе развития общественно-экономических отношений вопрос о неправомерном потреблении электроэнергии обретает особую значимость. Речь идет о правовом статусе субъектов майнинговой деятельности и условиях ее осуществления. Российский законодатель регулярно, посредством представления законопроектов, предпринимает попытки урегулировать данный сегмент правоотношений. Во многих странах осуществление майнинговой деятельности, носит легальный характер и регулируется соответствующими законодательными актами.

Майнинг, как отмечает К. В. Садовых, требует больших затрат на электроэнергию, в связи с чем объемы добываемой криптовалюты могут быть меньше, чем затраты на ее получение. С целью повышения экономической целесообразности лица осуществляют самовольное подключение к электросетям с целью уменьшения затрат и увеличения дохода [12, с. 183].

Подобные действия следует рассматривать в качестве выходящих за рамки правомерных действий стороны договорных отношений, поскольку в соответствии со ст. 540 ГК РФ договор энергоснабжения предполагает: надлежащее указание цели использования электрической энергии, включая её коммерческое, производственное или бытовое потребление; определение объёмов и режима энергопотребления; возможность сетевой организации и поставщика контролировать соблюдение договорных условий, в том числе через приборы учёта и проверки схем подключения [4].

Майнинг криптовалюты, как особый способ коммерческого использования энергии, должен быть

прямо зафиксирован в договоре энергоснабжения как цель потребления. Отсутствие такого указания или умышленное сокрытие факта майнинга влечёт нарушение существенных условий договора и может быть расценено как злоупотребление правом либо недобросовестное поведение абонента.

В Российской Федерации заключение договора энергоснабжения для целей майнинга возможно, однако оно требует соблюдения определённых правовых и технических условий, поскольку майнинг представляет собой коммерческое потребление электроэнергии с высокой нагрузкой на энергосети, что регулируется особыми нормами. Согласно п. 1 ст. 540 ГК РФ и положениям договора энергоснабжения, потребитель обязан указать фактические цели использования электроэнергии. Поскольку майнинг не относится к бытовому, а классифицируется как предпринимательская деятельность, он требует заключения договора энергоснабжения для юридического лица или ИП. Для заключения законного договора энергоснабжения с целью майнинга потребитель должен иметь правоспособность к ведению коммерческой деятельности. Для субъектов коммерческого потребления применяются нерегулируемые (свободные) или дифференцированные тарифы, значительно отличающиеся от бытовых.

В соответствии с действующими положениями законодательства, индивидуальные предприниматели и юридические лица в Российской Федерации могут осуществлять деятельность по майнингу только после включения в специальный реестр лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты.

Физическим лицам, не являющимся индивидуальными предпринимателями, разрешается заниматься майнингом без включения в указанный реестр при условии соблюдении лимита потребления электроэнергии. Согласно соответствующему постановлению, предельный объём потребления для физических лиц составляет 6 000 киловатт-часов в месяц. Данный лимит распространяется не только на индивидуальный майнинг, но и на участие в майнинг-пулах. Кроме того, статус оператора лица могут получить после включения в специальный реестр.

Соответствующие нормы были представлены в рамках Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах…» [14], который в 2024 г. был дополнен нормами о майнинге. Также следует отметить положения Постановления Правительства РФ от 1 ноября 2024 г. № 1469, устанавливающие лимит энергопотребления в 6 000 кВт·ч/мес для майнеров-физлиц без регистрации в реестре, а также порядок взаимодействия с «Основами ценообразования в электроэнергетике» [10].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

– Вопрос о правовой природе договора энергоснабжения по-прежнему остаётся дискуссионным. В научной литературе отсутствует единое мнение относительно его отнесения к определённой группе или типу договорных обязательств. Это связано, прежде всего, с особой природой объекта энергоснабжения — электрической энергии, которая, хотя и обладает материальной выраженностью и стоимостными характеристиками, не является вещью в смысле гражданского законодательства и, следовательно, не может выступать объектом права собственности в классическом понимании.

– Договор энергоснабжения демонстрирует ряд сходств с договором поставки и договором купли-продажи. Однако специфика технологического исполнения обязательств, выражающаяся в непрерывности передачи энергии, невозможности её накопления, необходимости синхронизации потребления и производства, а также зависимости сторон от инфраструктурных посредников (сетевых организаций), отличает энергоснабжение от иных договоров купли-продажи или поставки. Большинство российских исследователей всё же склонны рассматривать его как особый подтип договора купли-продажи, обладающий рядом отличительных признаков, обусловленных природой поставляемого ресурса, особенностями технологического цикла и публично-правовым характером отношений в сфере энергетики.

– Договорные отношения в сфере энергоснабжения обладают рядом принципиальных особенностей, обусловленных как правовыми, так и технико-экономическими факторами. Одной из ключевых черт таких отношений является ограниченная диспозитивность со стороны потребителя: он, как правило, не обладает свободой выбора в части заключения или расторжения договора энергоснабжения по собственной инициативе. Данное обстоятельство обусловливает правовую и экономическую асимметрию между потребителем и энергоснабжающей организацией, в которой потребитель, особенно бытовой, оказывается в априорно зависимом положении.

– В ответ на доминирование монопольной модели в начале 2000-х годов в России была проведена масштабная реформа электроэнергетики. В результате реформ были созданы условия для конкуренции в сегментах генерации и сбыта электроэнергии, что позволило диверсифицировать рынок. Тем не менее, естественно-монопольный характер сегментов передачи и распределения электроэнергии сохраняется.

– Современные договорные отношения в сфере энергоснабжения характеризуются усилением требований к целевому и режимному использованию электрической энергии.

– Особую актуальность в последние годы приобрёл вопрос использования электроэнергии для целей майнинга криптовалют, что представляет собой коммерческую деятельность с высокой энергозатратностью.

Литература

1. Атаев, А. С. К вопросу о понятии, содержании и субъектном составе договора энергоснабжения: теоретико-правовой аспект / А. С. Атаев // Вестник ТГУПБП. – 2021. – №2 (87). – С. 113–124.

2. Бадалян, К. О. Обман, как способ причинения имущественного ущерба при незаконном потреблении электроэнергии / К. О. Бадалян // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. – 2021. – №2. – С. 244–253.

3. Гангур, А. Н. Правовое регулирование договора энергоснабжения / А. Н. Гангур // Вестник науки. – 2023. – №11 (68). – С. 164–169.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – Дата доступа: 06.07.2025.

5. Евтихиев, М. М. Гражданско-правовой договор электроснабжения как основное правовое средство в механизме правового регулирования электроснабжения граждан / М. М. Евтихиев // Аграрное и земельное право. – 2023. – №3 (219). – С. 100–103.

6. Касаева, З. Т. Гражданско-правовая конструкция договора энергоснабжения / З. Т. Касаева, Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // Научные исследования и инновации. – 2021. – №6. – С. 166–175.

7. Крассов, Е. О. О договорах по снабжению электрической энергией / Е. О. Крассов // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2024. – №5. – С. 190–212.

8. Павлов, К. А. Договор энергоснабжения в системе специального законодательства / К. А. Павлов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – №7-2 (82). – С. 208–211.

9. Постановление Правительства РФ от 27.12.2010 N 1172 (ред. от 07.04.2025) «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.04.2025) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112537/. – Дата доступа: 06.07.2025.

10.Постановление Правительства РФ от 01.11.2024 N 1469 «Об установлении лимита энергопотребления при осуществлении майнинга цифровой валюты (в том числе участии в майнинг-пуле) без включения в реестр лиц…» // Право [Электронный ресурс] Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411010020?index=1. – Дата доступа: 06.07.2025.

11.Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 N 354 (ред. от 29.08.2024) «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114247/80731d6ec14aa3ce59d19e75b8d02c486db6fdab/. – Дата доступа: 06.07.2025.

12.Садовых, К. В. Вопросы квалификации преступлений, связанных с деятельностью майнинговых ферм / К. В. Садовых // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – №3 (56). – С. 182–187.

13.Федеральный закон «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 N 35-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41502/. – Дата доступа: 06.07.2025.

14.Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/. – Дата доступа: 06.07.2025.

15.Чеснокова, Ю. В. Развитие законодательства в области энергоснабжения / Ю. В. Чеснокова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №9 (225). – С. 259–262.

16.Ясагашвили, Д. З. Особенности договора энергоснабжения / Д. З. Ясагашвили, Н. В. Квициния // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №2-3 (89). – С. 186–189.

Concept and legal nature of the energy supply contract

Levkin P.N.

The article analyses the legal nature of the energy supply contract within the framework of civil law obligations. It emphasizes the lack of consensus in legal doctrine regarding the classification of this contract as an independent contractual type. Particular attention is given to the legal status of electrical energy as a specific intangible object that possesses both economic value and utility but does not qualify as a property in the conventional legal sense – thereby necessitating a distinctive regime of legal circulation. The study examines key legislative provisions governing energy supply relations, while also analyzing the legal construction of the energy supply contract. The article highlights the specific performance mechanisms shaped by the continuous nature of electricity transmission, the technical dependence on network infrastructure, and the limited contractual freedom of consumers, which stems from the monopolistic structure of the electricity market. The article also investigates the issue of bad-faith consumption of electricity, including unauthorized connections, interference with metering devices, and the illicit use of electrical energy for cryptocurrency mining.

Keywords: electricity, energy supply, energy supply contract, contract of sale, supply agreement, natural monopoly, unlawful electricity consumption, cryptocurrency mining.

References

1. Atayev, A. S. On the issue of the concept, content and subject composition of the energy supply agreement: theoretical and legal aspect / A. S. Atayev // Bulletin of TGUPBP. - 2021. - No. 2 (87). - P. 113-124.
2. Badalyan, K. O. Deception as a way of causing property damage during illegal consumption of electricity / K. O. Badalyan // New impulses of development: issues of scientific research. - 2021. - No. 2. - P. 244-253.
3. Gangur, A. N. Legal regulation of the energy supply agreement / A. N. Gangur // Bulletin of Science. - 2023. - No. 11 (68). - P. 164-169.
4. Civil Code of the Russian Federation // ConsultantPlus [Electronic resource] Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ - Access date: 06.07.2025.
5. Evtikhiev, M. M. Civil-law contract for electricity supply as the main legal instrument in the mechanism of legal regulation of electricity supply to citizens / M. M. Evtikhiev // Agrarian and land law. - 2023. - No. 3 (219). - P. 100-103.
6. Kasayeva, Z. T. Civil-law structure of the energy supply contract / Z. T. Kasayeva, F. Z. Dzhikaeva, A. S. Lolaeva // Scientific research and innovation. - 2021. - No. 6. - P. 166-175. 7. Krassov, E. O. On contracts for the supply of electric energy / E. O. Krassov // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. - 2024. - No. 5. - P. 190-212.
8. Pavlov, K. A. Energy supply contract in the system of special legislation / K. A. Pavlov // International journal of humanitarian and natural sciences. - 2023. - No. 7-2 (82). - P. 208-211. 9. Resolution of the Government of the Russian Federation of 27.12.2010 N 1172 (as amended on 07.04.2025) "On approval of the Rules of the wholesale market for electric energy and capacity and on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation on issues of organizing the functioning of the wholesale market for electric energy and capacity" (as amended and supplemented, entered into force on 17.04.2025) // ConsultantPlus [Electronic resource] Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112537/. - Access date: 06.07.2025. 10. Resolution of the Government of the Russian Federation of 01.11.2024 N 1469 "On establishing a limit on energy consumption when mining digital currency (including participation in a mining pool) without inclusion in the register of persons ..." // Law [Electronic resource] Access mode: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411010020?index=1. -

Access date: 06.07.2025. 11. Resolution of the Government of the Russian Federation of 06.05.2011 N 354 (as amended on 29.08.2024) "On the provision of utilities to owners and users of premises in apartment buildings and residential buildings" // ConsultantPlus [Electronic resource] Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114247/80731d6ec14aa3ce59d19e75b8d02c486db6fdab/. - Access date: 06.07.2025.
12. Sadovykh, K. V. Issues of qualification of crimes related to the activities of mining farms / K. V. Sadovykh // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2024. - No. 3 (56). - P. 182-187.
13. Federal Law "On Electric Power Industry" dated March 26, 2003 N 35-FZ // ConsultantPlus [Electronic resource] Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41502/. - Access date: July 6, 2025.
14. Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated July 31, 2020 N 259-FZ (latest revision) // ConsultantPlus [Electronic resource] Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/. - Access date: July 6, 2025.
15. Chesnokova, Yu. V. Development of legislation in the field of energy supply / Yu. V. Chesnokova // Law and state: theory and practice. - 2023. - No. 9 (225). - P. 259-262.
16. Yasagashvili, D. Z. Features of the energy supply contract / D. Z. Yasagashvili, N. V. Kvitsinia // International journal of humanitarian and natural sciences. - 2024. - No. 2-3 (89). - P. 186-189.

Совершенствование механизма правового регулирования договора энергоснабжения

Луговой Евгений Алексеевич
аспирант НОЧУ ВО «Московский университет «Синергия», eugenelugovoi@yandex.ru

Куровский Станислав Валерьевич
руководитель научно-исследовательского подразделения, ООО «Высшая Школа Образования», 8917564@gmail.com

Энергоснабжение — это основополагающая сфера экономики, обеспечивающая функционирование не только промышленности и инфраструктуры, но и повседневной жизни граждан. Договор энергоснабжения — ключевой инструмент в регулировании отношений между поставщиками и потребителями электроэнергии. В условиях динамично развивающихся технологий, глобальных вызовов, таких как энергетический переход к возобновляемым источникам, эффективное правовое регулирование играет решающую роль. На современном этапе действующее законодательство требует совершенствования в вопросах договорных отношений в энергетике. Основной задачей является достижение баланса интересов всех участников рынка (потребителей, поставщиков, государства) через гармонизацию нормативной базы, улучшение взаимодействия сторон и внедрение цифровых решений. В статье исследуется правовая природа и содержание договора энергоснабжения в российском гражданском и отраслевом праве. Обосновывается необходимость комплексного реформирования механизма его правового регулирования в условиях цифровизации, энергоперехода и реформ рынка электроэнергии. На основе анализа действующего законодательства и зарубежного опыта предлагаются направления совершенствования конструкции договора энергоснабжения, включая дифференциацию видов договора, расширение прав потребителей и повышение ответственности поставщиков. Цель данной статьи — выявить проблемы правового регулирования договоров энергоснабжения и предложить пути их разрешения для достижения справедливости, прозрачности и стабильности энергетического сектора. В ходе подготовки статьи использовались формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой методы, а также применялся системный подход в целях комплексного рассмотрения договора в контексте энергетических правоотношений. Все вышеуказанное позволило всесторонне исследовать механизм правового регулирования договора энергоснабжения и предложить направления его совершенствования.

Ключевые слова: договор энергоснабжения, гражданское право, электроэнергия, энергоснабжение, поставка ресурсов, цифровизация, потребитель.

Договор энергоснабжения представляет собой соглашение между поставщиком и потребителем, в рамках которого поставщик обязуется поставлять электроэнергию, а потребитель — своевременно оплачивать её. Согласно Гражданскому кодексу РФ, он относится к договорам возмездного оказания услуг.

Так, согласно ст. 539–548 Гражданского кодекса РФ, договор энергоснабжения — это разновидность договора купли-продажи, однако в отличие от классической модели, он содержит публично-правовые элементы, связанные с обязательствами по технологическому присоединению, нормативному обеспечению надежности и регулируемыми тарифами.

Проблема двойственной природы договора порождает неопределенность правового статуса некоторых его условий. Так, поставщик обязан заключить договор с каждым присоединившимся потребителем, а цена договора может быть определена государством (в условиях регулирования) — что сближает его с договором публичной оферты.

Как указывает М.И. Брагинский, «энергоснабжение — это особая категория договоров, в которых совмещаются элементы частного и публичного интереса» [1, с. 476].

Энергоснабжение включает в себя несколько ключевых элементов:

- поставка ресурсной энергии определённого объёма и качества;
- обеспечение доступа к инфраструктуре поставки (сетевые организации);
- финансовые обязательства по оплате услуг.

Таким образом, договор энергоснабжения регулирует не только коммерческие, но и технические и организационные аспекты энергетики.

Основными источниками правового регулирования договоров энергоснабжения в России являются: Гражданский кодекс РФ (глава 30 об обязательствах и договорах), Федеральный закон «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 № 35-ФЗ (содержит специальные нормы, уточняющие и дополняющие ГК РФ применительно к электроэнергетике), Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (применяется к договору энергоснабжения в части отношений с гражданами-потребителями, то есть когда электрическая энергия поставляется физическому лицу для личных, семейных, домашних нужд, не связанных с предпринимательством), а также иные подзаконные акты и типовые договоры, утверждаемые на уровне Правительства РФ и субъектов Федерации.

Несмотря на существование широкой нормативной базы, многие аспекты остаются недостаточно детализированными, что приводит к противоречивой практике применения законодательства в части

регулирования отношений при заключении договора энергоснабжения.

В качестве актуальных проблем правового регулирования договора энергоснабжения можно выделить: отсутствие унификации договора энергоснабжения, противоречия и пробелы в законодательстве, проблемы тарифного регулирования, отсутствие цифровизации процессов, недостаточная защита прав потребителей, сложности с подключением
к сетям (технологическое присоединение).

1. Отсутствие унификации договора энергоснабжения

Современное законодательство не делает чёткой градации между: договором энергоснабжения с физическим лицом (по сути — договором бытового энергоснабжения), договором с юридическими лицами и субъектами малого бизнеса, договором с гарантирующим поставщиком в условиях обязательств по последней инстанции [3, с. 59].

Все эти формы попадают под действие общих норм, что затрудняет применение правовых средств защиты интересов разных категорий потребителей.

2. Противоречия и пробелы в законодательстве

Как было отмечено ранее, сфера энергоснабжения регулируется различными нормативными правовыми актами, однако между этими документами часто возникают противоречия. Например, в части разных подходов к регулированию прав и обязанностей сторон договора энергоснабжения, неопределенности в применении норм по экономической и имущественной ответственности при заключении договора энергосбжения
[4, с. 171].

3. Проблемы тарифного регулирования

Тарифы на энергоснабжение формируются с учётом ряда факторов: затрат на генерацию, транспортировку энергии, обслуживание инфраструктуры, сбыт энергии и т.д. Однако потребители сталкиваются с проблемой их **непрозрачности**, а процесс тарифообразования зачастую сопровождается спорами и конфликтами. Основные нарушения в данной части относятся к применению неверных ставок тарифов к различным категориям потребителей, а также недостаточному раскрытию информации о структурах затрат, влияющих на тарифы.

4. Отсутствие цифровизации процессов

Современные технологии позволяют автоматизировать не только процесс заключения договоров энергоснабжения, но и контроль за их исполнением. Однако значительная часть энергосбытовых компаний до сих пор работает по устаревшим методикам, что затрудняет контроль и мониторинг [5, с. 187].

Вместе с тем, отсутствие цифровизации в договорных отношениях по энергоснабжению тормозит развитие правовой конструкции договора энергоснабжения, снижает качество услуг и защиту прав потребителей, а также противоречит целям национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» и стратегии цифровой трансформации ЖКХ.

5. Недостаточная защита прав потребителей

Потребители, особенно бытовой сегмент, часто оказываются в неравном положении с монополистами (сетевые и энергосбытовые организации). Нарушения сроков поставки, отключения без предупреждения, некорректные расчёты платежей — наиболее частые примеры правовых споров [2, с. 102].

6. Сложности с подключением к сетям (технологическое присоединение)

Сложности с подключением к электрическим сетям — одна из наиболее острых проблем, возникающих **на этапе заключения договора энергоснабжения.**

Несмотря на формальную обязанность сетевых организаций обеспечивать технологическое присоединение, на практике потребители сталкиваются с рядом серьёзных барьеров, которые препятствуют своевременному заключению и исполнению договора: затягивание сроков со стороны сетевой организации, сложности с получением технических условий, нарушение принципа недискриминационного доступа, необоснованное завышение стоимости подключения и др. Данные проблемы в связи со сложностью технологического присоединения фактически препятствуют реализации права потребителя на заключение договора энергоснабжения.

Для решения вышеуказанных проблем представляется целесообразным обратиться к международному опыту регулирования договоров энергоснабжения, в частности — к правовым и институциональным моделям, успешно реализованным в странах с развитой энергетической инфраструктурой и высоким уровнем цифровизации отрасли.

Так, в государствах Европейского союза регулирование договорных отношений в сфере энергоснабжения строится на основе принципов прозрачности, равного доступа, баланса интересов сторон и защиты уязвимых категорий потребителей. Существенное внимание уделяется стандартизации условий договоров, обеспечению понятности и доступности информации, а также широкому внедрению электронных платформ для заключения и исполнения договоров.

Например, в Германии в рамках Закона об энергоснабжении (Energiewirtschaftsgesetz — EnWG) потребитель имеет законодательно закреплённое право на свободный выбор поставщика, а заключение договора энергоснабжения возможно в электронной форме с применением стандартных форм и гарантией подключения в строго определённые сроки. Контроль за соблюдением обязательств поставщика и защита интересов потребителей осуществляется как на федеральном уровне, так и на уровне земель, что обеспечивает гибкость и эффективность регулирования.

Во Франции деятельность поставщиков электроэнергии регулируется Энергетическим кодексом и контролируется национальным регулятором CRE (Commission de régulation de l'énergie), который имеет полномочия по мониторингу условий договоров, рассмотрению жалоб потребителей и регулированию тарифов. Важной частью регулирования яв-

ляется функционирование единых цифровых платформ, через которые потребители могут заключать, расторгать и изменять договоры энергоснабжения без необходимости личного взаимодействия с поставщиком.

В ряде стран (например, в Нидерландах, Дании, Канаде) реализованы модели «одного окна», в рамках которых технологическое присоединение, заключение договора энергоснабжения и выбор поставщика происходят в рамках единой цифровой системы, а сами договоры базируются на типовых шаблонах, утверждённых государством или регулирующим органом.

Регулирование договора энергоснабжения в Великобритании строится на сочетании **жёсткого надзора со стороны Ofgem, высоких стандартов прозрачности и справедливости** в отношении потребителей, а также **возможности эффективной досудебной защиты прав** через институт Energy Ombudsman (**независимая некоммерческая организация**, аккредитованная Ofgem для рассмотрения споров между потребителями и поставщиками электроэнергии и газа).

В США договор с частным потребителем оформляется в виде индивидуального соглашения, где регулирующий орган утверждает стандартные условия. Принцип «just and reasonable rates» лежит в основе договорной практики.

В Китае правовое регулирование договоров энергоснабжения осуществляется в рамках политики «энергетического права с китайской спецификой», ключевыми направлениями которой являются: обеспечение надёжности энергоснабжения, развитие конкурентной среды, внедрение цифровых технологий в управление отраслью и установление нормативных гарантий интересов конечных потребителей. Основу регулирования составляют Закон КНР об электроэнергии (Electricity Law of the People's Republic of China), Закон о защите прав потребителей, а также многочисленные подзаконные акты и административные регламенты, принятые Государственным комитетом по развитию и реформам (NDRC), Государственным управлением по делам энергетики (NEA) и другими органами.

Таким образом, международная практика свидетельствует о важности комплексного подхода к реформированию механизма правового регулирования договора энергоснабжения, который должен включать:

- внедрение цифровых сервисов на всех этапах договорного взаимодействия;
- обязательное применение типовых условий в договорах с населением и малым бизнесом;
- упрощение процедур технологического присоединения с обеспечением жёсткого контроля за сроками;
- институциональное усиление контроля за соблюдением прав потребителей, в том числе через специализированные омбудсмены и независимые агентства.

Заимствование этих элементов с учётом национальной специфики позволит существенно повысить эффективность правового регулирования в сфере энергоснабжения в Российской Федерации и устранить дисбаланс в правоотношениях между потребителем и поставщиком.

В этой связи предлагаются следующие варианты совершенствования правового механизма договора энергоснабжения, направленные на устранение выявленных правовых и организационных проблем, повышение уровня защиты прав потребителей и формирование более прозрачной и эффективной системы регулирования договорных отношений в электроэнергетике:

1. Следует нормативно установить обязательные для применения типовые формы договоров энергоснабжения, дифференцированные по категориям потребителей (население, малый бизнес, промышленные потребители). Такие типовые договоры должны предусматривать исчерпывающий перечень прав и обязанностей сторон, условия прекращения и изменения договора, механизмы досудебного урегулирования споров, порядок перерасчётов в случае нарушения качества энергоснабжения.

Введение типовых договоров снизит правовую асимметрию между поставщиком и потребителем, повысит юридическую определённость и позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики.

2. Необходимо внедрить унифицированные цифровые платформы, позволяющие дистанционно заключать, расторгать и изменять договоры, отслеживать исполнение обязательств, получать уведомления о перерывах в подаче электроэнергии и изменении условий, подавать обращения и претензии в электронной форме.

Такие сервисы могут быть интегрированы с Государственной информационной системой ЖКХ или созданы в виде самостоятельных цифровых решений под контролем государственных регуляторов (Минэнерго России, ФАС России, Минстрой России).

3. Законодательно следует сократить и унифицировать сроки и процедуры технологического присоединения, предусмотрев: чёткие и прозрачные правила выдачи технических условий, цифровую подачу заявок и отслеживание этапов исполнения, административную ответственность сетевых организаций за нарушение сроков, возможность обжалования отказов в подключении в упрощённом порядке.

4. Следует дополнить действующее законодательство положениями об обязательном: установлении стандартов качества электроэнергии (в части напряжения, частоты, бесперебойности подачи), применении компенсаций потребителям при отклонении от нормативных параметров, автоматизации контроля качества посредством интеллектуальных систем учёта и «умных» сетей.

Важно установить, что поставщик несёт обязанность доказывания отсутствия своей вины при нарушениях параметров качества, что будет способствовать усилению защиты прав потребителей.

5. В целях защиты прав потребителей, не обладающих равной юридической и технической компетенцией по сравнению с поставщиками, целесообразно рассмотреть вопрос о создании института

энергетического омбудсмена — независимого органа, уполномоченного: рассматривать жалобы потребителей в досудебном порядке, выявлять системные нарушения, участвовать в разработке нормативных актов, представлять интересы граждан в судебных и административных органах.

Таким образом, реализация предложенных направлений совершенствования правового механизма договора энергоснабжения позволит обеспечить **баланс интересов участников энергорынка,** усилить **гарантии прав потребителей,** а также **повысить эффективность и прозрачность регулирования** в сфере электроэнергетики. Комплексный подход, ориентированный на цифровизацию, унификацию правовых процедур и институциональное развитие контроля, является необходимым условием адаптации правовой системы к современным вызовам и технологическим изменениям.

Литература

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: В 2 т. — Т. 1: Общие положения. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2008. — 768 с.

2. Евтихиев М. М. Гражданско-правовой договор электроснабжения как основное правовое средство в механизме правового регулирования электроснабжения граждан // Аграрное и земельное право. 2023. № 3 (219). С. 100-103.

3. Емельянов Д. И. Договор энергоснабжения: общая характеристика и некоторые вопросы правоприменения // Право и управление. 2023. № 11. С. 58-62.

4. Касаева З. Т., Джикаева Ф. З., Лолаева А. С. Гражданско-правовая конструкция договора энергоснабжения // Научные исследования и инновации. 2021. № 6. С. 166-175.

5. Ясагашвили Д З., Квициния Н В. Особенности договора энергоснабжения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 2-3 (89). С. 186-189.

Improvement of the mechanism of legal regulation of the energy supply contract

Lugovoi E.A., Kurovsky S.V.

Moscow University «Synergy», LLC "Higher School of Education"

Energy supply is a fundamental sphere of economy, which ensures the functioning not only of industry and infrastructure, but also of everyday life of citizens. Energy supply contract is a key instrument in regulating relations between suppliers and consumers of electric power. In the context of dynamically developing technologies, global challenges such as energy transition to renewable sources, effective legal regulation plays a crucial role. At the present stage, the current legislation requires improvement in the issues of contractual relations in the energy sector. The main task is to achieve a balance of interests of all market participants (consumers, suppliers, and the state) through harmonization of the regulatory framework, improvement of interaction between the parties and implementation of digital solutions. The purpose of this article is to identify the problems of legal regulation of energy supply contracts and propose ways to resolve them in order to achieve fairness, transparency and stability of the energy sector. During the preparation of the article, formal-legal, comparative-legal, historical-legal methods were used, as well as a systematic approach was applied in order to comprehensively consider the contract in the context of energy legal relations. All of the above made it possible to comprehensively study the mechanism of legal regulation of the energy supply contract and propose directions for its improvement.

Keywords: energy supply contract, civil law, electricity, energy supply, supply of resources, digitalization, consumer.

References

1. M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. Contract law: In 2 vols. - Vol. 1: General Provisions. - 2nd ed., revision and additions. - M.: Statute, 2008. - 768 c.
2. Evtikhiev M. M. Civil-law contract of electricity supply as the main legal means in the mechanism of legal regulation of electricity supply to citizens // Agrarian and Land Law. 2023. № 3 (219). C. 100-103.
3. Emelyanov D. I. Energy supply contract: general characteristics and some issues of law enforcement // Law and Management. 2023. № 11. C. 58-62.
4. Kasaeva Z. T., Dzhikaeva F. Z., Lolaeva A. S. Civil-law construction of the energy supply contract // Scientific Research and Innovations. 2021. № 6. C. 166-175.
5. Yasagashvili D Z., Kvitsinia N V. Features of the energy supply contract // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 2-3 (89). C. 186-189.

Механизм правового регулирования договорных имущественных отношений членов семьи

Мишкилеев Сергей Валерьевич
аспирант, кафедра частного права, Государственный университет управления, msv-ya@mail.ru

В статье рассмотрена специфика системы правового регулирования договорных имущественных отношений членов семьи. Представлены ключевые элементы механизма правового регулирования: правовые нормы, регулирующие имущественные отношения между членами семьи; юридические факты, служащие основанием возникновения, изменения и прекращения правоотношений; правовые принципы, специфические юридические конструкции. Отмечается, что наличие иностранного элемента в семейных отношениях существенно усложняет правовое регулирование договорных имущественных отношений. Еще одним аспектом, который способен существенно осложнить договорные имущественные отношения между членами семьи, выступает появление новых видов имущества.
Ключевые слова: имущественные отношения, брачный договор, алименты, супруги, цифровые финансовые активы, иностранный элемент

В большинстве национальных юрисдикций декларируется идеология приоритета семьи, её ценность для развития человека и общества. В данной связи законодательные положения, затрагивающие различные аспекты защиты института семьи со стороны государства и общества, правовые рамки для формируемых в кругу отношений, семейной политики, укрепления устойчивости института семьи зафиксированы во множестве международных нормативных актов, в кодифицированном семейном законодательстве, в официальных стратегиях и программах, подзаконных и локальных актов [14, с. 57].

Внутрисемейные отношения, безусловно, играют существенное значение для общества в целом, поэтому одной из основных задач государства является обеспечение правового регулирования данных отношений. В данной связи особую *актуальность* представляет рассмотрение механизмов регулирования отношений между членами семьи, в частности – посредством договорных конструкций.

Отношения, формируемые в семье, подразделяются на два типа: имущественные и личные неимущественные. Имущественные правоотношения (как правило, возникающие меду супругами) представляют собой важнейший компонент системы семейных отношений, в связи с чем отечественный законодатель урегулировал их нормами семейного и гражданского права. При этом следует отметить, что далеко не все аспекты взаимодействия между членами семьи могут быть урегулированы законодательно. Само содержание понятий «семья» и «брак» включает в себя элементы, которые регулируются гражданско-семейным правом, такие как условия и порядок заключения брака, его регистрация и т. д., а также элементы, которые не регулируются положениями закона – характер и способы ведения общего хозяйства, практика совместного проживания, цели и мотивы заключения брака, характер взаимоотношений между членами семьи и проч. [3, с. 3].

Анализ норм семейного и гражданского законодательства позволяет сделать вывод о наличии различных типов имущественных отношений между членами семьи: отношения, возникающие между членами семьи (чаще всего речь идет о супругах) супругов по поводу собственности; отношения, возникающие в связи с взаимным материальным содержанием (алиментные правоотношения; отношения, формируемые в связи с дарением и наследованием; отношения, возникающие у одного из членов семьи с третьими лицами, которые потенциально влияют на имущественный статус других членов семьи [3, с. 5].

Механизм правового регулирования договорных имущественных отношений членов семьи представляет собой совокупность правовых средств, направленных на упорядочение, формализацию и обеспечение правомерного поведения субъектов семейных имущественных правоотношений, возникающих на договорной основе. Данный механизм функционирует в рамках семейного и гражданского законодательства и содержит в себе как императивные, так и диспозитивные начала.

Ключевыми элементами механизма правового регулирования являются: правовые нормы, регулирующие имущественные отношения между членами семьи; юридические факты, служащие основанием возникновения, изменения и прекращения правоотношений; правовые принципы (например, принцип равенства супругов, автономии воли сторон, добросовестности и проч.); а также специфические юридические конструкции, такие как брачный договор, соглашения о разделе имущества, договоры о содержании, соглашения об алиментировании и т.п.

Механизм правового регулирования также включает процессуальные и процедурные аспекты, посредством которых обеспечивается реализация материальных норм: нотариальное удостоверение сделок, государственная регистрация права собственности, судебная защита нарушенных прав.

Договорные имущественные отношения, возникающие между членами семьи, подчиняются закономерностям, характерным для семейного права в целом. Так, в частности, семейное право не обладает универсальными юридическими фактами, подобных договорам в гражданском праве. Кроме того, имущественные правоотношения между членами семьи возникают, изменяются или прекращаются вследствие специфических обстоятельств (возникновение и прекращение брака, усыновление и т. п.). В большинстве случаев волевые акты людей не способны изменить семейное правоотношение: произвольный отказ родителя от материального содержания ребенка не имеет юридической силы, решение одного из родителей о прекращении выплаты алиментов не имеет правовой силы и зависит исключительно от факта достижения ребенком возраста совершеннолетия [8, с. 22].

Современный этап эволюции семейного права в нашей стране наступил 1 марта 1996 г., когда вступил в силу Семейный Кодекс, положения которого ввели особые механизмы регулирования имущественных отношений членов семьи. Кроме того, в силу введения конструкции брачного договора, появилась возможность трансформации законного режима в договорный [12, с. 443]. Назначение договорных конструкций в рамках семейных правоотношений заключается в укреплении внутрисемейных отношений, разрешении или предупреждении конфликтов. Развитие законодательства о семейных соглашениях на современном этапе демонстрирует стремление законодателя к обеспечению баланса интересов субъектов соглашения и защиту прав более уязвимых сторон семейных правоотношений [14, с. 58].

Говоря об имущественных аспектах семейных правоотношений, следует отметить наличие презумпции в отношении общего имущества супругов (режим общей совместной собственности, указанный в ч.1 ст. 33 Семейного Кодекса [10]), за исключением случаев установления иного режима посредством брачных договоров. Заключение брачного договора может привести к установлению режима совместной, долевой или раздельной собственности на имущество (ч.1 ст. 42 Семейного Кодекса [10]).

При этом само понимание категории «имущество» в семейном праве также имеет свою специфику: в гражданском праве данный термин имеет обширное широкое значение и охватывает вещи, имущественные права и имущественные обязанности (ст. 307 Гражданского Кодекса), имущественные комплексы (ст. 132), вещи (ст. 133, 134, 301) [1]. В семейном праве имущество определяется более узко – как совокупность активов, имеющих отношение к брачным отношениям и условиям функционирования режима общей совместной собственности супругов или иного режима [6, с. 132].

Еще одной специфической чертой договорный имущественных отношений членов семьи выступает отсутствие нормативных конструкций отдельных видов договоров по аналогии с конструкциями гражданско-правовых договоров. Отечественное семейное законодательство в вопросе создания нормативных конструкций отдельных видов семейных договоров (алиментного договора, брачного договора и проч.) является слабо развитым. В большинстве случаев российский законодатель лишь ограничивается указанием на право участников семейных отношений заключить определенный вид договора [5, с. 335].

Субъекты семейных отношений, заключающие разного рода соглашения, одновременно выступают участниками хозяйственных связей. Из этого следует, что признание сделки недействительной приемлемо не только в гражданском, но и в семейном праве. Тем не менее, в кодифицированном семейном законодательстве прямо указана возможность признания недействительными только брачного договора (ст. 44 Семейного Кодекса) и соглашения об уплате алиментов (п. 1 ст. 101 Семейного Кодекса). Не вполне ясно, существует ли возможность признания недействительными других семейных соглашений и предусмотрены ли иные способы защиты семейных прав. Кроме того, неясен вопрос о том, как соотносится факт признания семейного договора недействительным с фактом аннулирования актовой записи [13, с. 7].

Как отмечено выше, в большинстве случаев договорные имущественные отношения внутри семьи возникают между супругами. Имущественные права супругов представляют собой ключевой компонент семейного права. Законодательство Российской Федерации разделяет семейное имущество на общее и личное. Права на общее имущество определены в семейном законодательстве или в условиях брачного договора, при его наличии. По общему правилу имущество, нажитое в период брачных отношений,

считается общим. Помимо общего имущества, супруги могут иметь личное имущество – приобретенное до брака, в результате наследования или дарения. При прекращении брачных отношений общее имущество разделяется между супругами в соответствии с семейным законодательством или по условиям брачного договора [9, с. 112].

В современном мире, в условиях глобализации, все чаще в институте брака оказывается задействованным иностранный элемент. Под иностранным элементом в данном контексте понимается наличие в правоотношении признаков, указывающих на связь с иностранным правопорядком: участие иностранного гражданина, наличие имущества за рубежом, место заключения или расторжения брака за границей, постоянное проживание супругов на территории другого государства и т.д.

В Российской Федерации наличие иностранного элемента в семейных отношениях существенно усложняет правовое регулирование договорных имущественных отношений между супругами, в особенности – при заключении, исполнении условий брачных договоров, а также при разделе имущества. Семейный кодекс Российской Федерации (ст. 161) [СК] допускает заключение брачного договора между супругами, включая случаи, когда один или оба супруга являются иностранными гражданами. Однако в случае, если брак осложняется иностранным элементом, возникает необходимость применения норм международного частного права, регламентируемых, в том числе, Законом РФ от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международном частном праве».

Согласно положениям Закона, к имущественным правоотношениям супругов применяется право той страны, гражданами которой являются оба супруга, или, при разных гражданствах, право страны их общего места жительства. При отсутствии такового может применяться право страны, с которой супруги имеют наибольшую связь. Следует также учитывать возможность выбора применимого права самими сторонами в рамках брачного договора.

В условиях транснациональных браков также возникают сложности с признанием и исполнением брачных договоров, заключённых за пределами Российской Федерации. Дополнительные сложности вызывает процедура правоприменения в случае судебных споров. Российские суды, как правило, исходят из приоритета национального законодательства, но могут учитывать и иностранное право, если это предусмотрено международным договором РФ или положениями коллизионных норм [9, с. 113]. Таким образом, наличие иностранного элемента в семейных отношениях требует правовой грамотности от участников трансграничных семейных имущественных правоотношений.

Еще одним аспектом, который способен существенно осложнить договорные имущественные отношения между членами семьи, выступает цифровизация и повсеместное внедрение цифровых технологий, трансформирующих договорные регуляторы имущественных взаимоотношений между членами семьи. Утвержденные в 2019 г. нормативно-правовые акты зафиксировали два новых вида цифровых прав – утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы. Данные нововведения предполагают появление в структуре экономики нового вида имущественных прав, которые могут принадлежать членам семьи, и, следовательно, стать предметом договора. Существенная имущественная ценность цифровых активов детерминирует потенциальный риск возникновения семейно-правовых юридических конфликтов. При этом семейный кодекс пока не был дополнен соответствующими положениями о новых видах имущества [2, с. 73].

Относительно недавно (1994 г.) в отечественный правовой массив была введена конструкция соглашения об алиментировании. Данная конструкция позволила участникам семейных отношений урегулировать вопросы, затрагивающие будущую уплату алиментов посредством договорных отношений. Соглашение об алиментировании стало договорным дополнением к императивной практике регулирования правоотношений, возникающих в связи с алиментированием [11, с. 104].

Как показывает судебная практика, в частности, колоссальное число споров из неуплаты алиментов, отсутствие соглашений об алиментах существенно осложняет последующие правоотношения между членами семьи. Среди правовых инструментов, которые использовались в данной связи, можно отметить судебные приказы, на основании которых алименты могут взыскиваться в упрощенном порядке. Тем не менее, возможности механизма приказного производства имеют существенные ограничения, в связи с чем целесообразным представляется заключение алиментного соглашения, которое представляет собой более эффективный способ воздействия на данную область правоотношений. Семейные правоотношения, с присущими им латентностью, традиционностью, неурегулированностью многих аспектов, нуждаются в материально-правовом способе решения проблемы выплаты алиментов [11, с. 106].

Вышесказанное приводит к выводу о значимости договорных конструкций, прямо или косвенно регулирующих взаимоотношения детей и родителей. Положения ст. 60 Семейного Кодекса содержат перечень имущественных прав ребенка: 1) право на финансовое обеспечение со стороны родителей или иных ответственных лиц; 2) право собственности на собственные доходы; 3) право на наследство и дарение; 4) право на имущество, приобретенное на собственные средства; 5) право владеть и использовать имущество родителей при условии совместного проживания с родителями и взаимного согласия [7, с. 25]. Родители, опекуны или попечители несовершеннолетних детей защищают их имущественные права, в том числе на получение наследства. Права на наследство участников семьи закреплены законодательством, и тратить имущество, наследуемое по закону, без согласия другого наследника нельзя [4, с. 586].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

– Механизм правового регулирования договорных имущественных отношений членов семьи определяется следующим образом: совокупность правовых средств, направленных на упорядочение, формализацию и обеспечение правомерного поведения субъектов семейных имущественных правоотношений, возникающих в связи с заключением договора.

– Ключевыми элементами механизма правового регулирования являются: правовые нормы, регулирующие имущественные отношения между членами семьи; юридические факты, служащие основанием возникновения, изменения и прекращения правоотношений; правовые принципы; юридические конструкции – брачный договор, соглашения о разделе имущества, договоры о содержании, соглашения об алиментировании и т.п.

– Наличие иностранного элемента в семейных отношениях существенно усложняет правовое регулирование договорных имущественных отношений между супругами

– Повсеместное внедрение цифровых технологий трансформирует договорные механизмы регулирования имущественных взаимоотношений между членами семьи.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – Дата доступа: 17.06.2025.
2. Захаркина, А. В. Цифровые финансовые активы как новое положение брачного договора / А. В. Захаркина, В. П. Ладыгина // Ex jure. – 2023. – №3. – С. 67–83.
3. Захарова, С. Н. Понятие и правовая природа имущественных правоотношений супругов / С. Н. Захарова // StudNet. – 2021. – №2. – 8 с.
4. Зинина, А. О. Договорный режим имущества супругов. Российский опыт / А. О. Зинина // Вестник науки. – 2024. – №6 (75). – С. 583–593.
5. Коваль, В. Н. Состояние и перспективы развития нормативной базы договорного регулирования семейных отношений (сравнительный анализ) / В. Н. Коваль, В. А. Процевский // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – №4. – С. 329–339.
6. Летова, Н. В. Имущественные отношения супругов: тенденции и перспективы / Н. В. Летова // Право и практика. – 2023. – №3. – С. 131–138.
7. Маглеванная, М. О. Защита прав детей в сфере имущественных отношений в соответствии с российским законодательством / М. О. Маглеванная, Е. А. Золотовская // Universum: экономика и юриспруденция. – 2024. – №7 (117). – С. 24–28.
8. Низамиева, О. Н. Юридико-фактическая функция семейно-правового договора / О. Н. Низамиева // Lex Russica. – 2022. – №4 (185). – С. 19–36.
9. Потапов, В. К. Особенности регистрации имущественных прав супругов: сравнительный анализ правовых систем / В. К. Потапов // Право и управление. – 2023. – №10. – С. 111–115.
10. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/. – Дата доступа: 17.06.2025.
11. Сергеева, В. В. Правовая природа соглашений об уплате алиментов по законодательству РФ / В. В. Сергеева // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – №6. – С. 104–107.
12. Сергушкин, Н. С. История становления и развития института общей совместной собственности / Н. С. Сергушкин, Т. И. Нестерова // Вестник науки. – 2025. – №1 (82). – С. 438–445.
13. Титаренко, Е. П. Признание недействительными соглашений между членами семьи как способ защиты семейных прав / Е. П. Титаренко // Отечественная юриспруденция. – 2024. – №2 (53). – С. 6–12.
14. Филиппова, Т. А. Становление и развитие института соглашений в семейном праве / Т. А. Филиппова, М. В. Громоздина, Е. П. Титаренко // Вестник ОмГУ. Серия: Право. – 2021. – №1. – С. 57–65.

Mechanism of legal regulation of contractual property relations bettween family members

Mishkileev S.V.
State University of Management

The article analyses the specifics of the system of legal regulation of contractual property relations of family members. The key elements of the legal regulation mechanism are presented: legal norms governing property relations between family members; legal facts that serve as the basis for the emergence, change and termination of legal relations; legal principles, specific legal structures. It is noted that the presence of a foreign element in family relations significantly complicates the legal regulation of contractual property relations. Another aspect that can significantly complicate contractual property relations between family members is the emergence of new types of property.

Keywords: property relations, marriage contract, alimony, spouses, digital financial assets, foreign element

References

1. Civil Code of the Russian Federation (CC RF) // ConsultantPlus [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ - Access date: 17.06.2025.
2. Zakharkina, AV Digital financial assets as a new provision of the marriage contract / AV Zakharkina, VP Ladygina // Ex jure. - 2023. - No. 3. - P. 67-83.
3. Zakharova, SN Concept and legal nature of property relations of spouses / SN Zakharova // StudNet. - 2021. - No. 2. - 8 p.
4. Zinina, AO Contractual regime of property of spouses. Russian experience / A. O. Zinina // Bulletin of Science. - 2024. - No. 6 (75). - P. 583-593.
5. Koval, V. N. The state and prospects for the development of the regulatory framework for contractual regulation of family relations (comparative analysis) / V. N. Koval, V. A. Protsevsky // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. - 2021. - No. 4. - P. 329-339.
6. Letova, N. V. Property relations of spouses: trends and prospects / N. V. Letova // Law and Practice. - 2023. - No. 3. - P. 131-138.
7. Maglevannaya, M. O. Protection of children's rights in the sphere of property relations in accordance with Russian legislation / M. O. Maglevannaya, E. A. Zolotovskaya // Universum: economics and jurisprudence. - 2024. - No. 7 (117). - P. 24-28.
8. Nizamieva, O. N. Legal and factual function of a family law contract / O. N. Nizamieva // Lex Russica. - 2022. - No. 4 (185). - P. 19-36.
9. Potapov, V. K. Features of registration of property rights of spouses: a comparative analysis of legal systems / V. K. Potapov // Law and management. - 2023. - No. 10. - P. 111-115. 10. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 N 223-FZ (as amended on 23.11.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 05.02.2025) // ConsultantPlus [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/. - Access date: 17.06.2025.
11. Sergeeva, V. V. Legal nature of agreements on the payment of alimony under the legislation of the Russian Federation / V. V. Sergeeva // Gaps in Russian legislation. - 2016. - No. 6. - P. 104-107.
12. Sergushkin, N. S. History of the formation and development of the institution of general joint ownership / N. S. Sergushkin, T. I. Nesterova // Bulletin of Science. - 2025. - No. 1 (82). - P. 438-445.

Способы лицензирования программного обеспечения в Российской Федерации

Мусаев Ислам Саидович
аспирант, кафедра гражданского и предпринимательского права, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», i@moosleem.ru

В статье проведён комплексный анализ правовых основ лицензирования программного обеспечения в Российской Федерации с учётом современных тенденций цифровой экономики. Рассмотрены ключевые положения ГК РФ (ст. 1235–1237) и ФЗ № 149-ФЗ «Об информации…» как базовые нормативные акты, а также обсуждены пробелы в правовом регулировании облачных моделей (SaaS) и готовящиеся законодательные изменения. Выполнена классификация лицензий: проприетарных, свободных, условно-бесплатных и двойных (мультилицензионных) схем, дополненная практическими примерами. Проанализированы преимущества и риски каждой модели, включены экспертные рекомендации по оформлению Лицензионного соглашения с конечным пользователем(EULA), управлению обязательствами копилефт-лицензий и переходу к гибридным SaaS/freemium-моделям. Выработаны предложения по типовым формам договоров и методам аудита лицензий, направленные на снижение юридических рисков и повышение эффективности монетизации отечественных ПО-разработок.
Ключевые слова: лицензирование ПО, Гражданский кодекс РФ, SaaS, copyleft, EULA, мультилицензирование, freemium.

Введение

В условиях стремительной цифровизации экономики и трансформации бизнес-моделей программное обеспечение становится ключевым активом как для государственных, так и для коммерческих структур. Актуальность исследования лицензирования Программного Обеспечения в Российской Федерации обусловлена необходимостью гармонизации национального законодательства с международными трендами в области облачных технологий, открытого кода и гибридных лицензионных схем. Современные формы распространения Программного Обеспечения, прежде всего модель «Software-as-a-Service» (SaaS, Программное Обеспечеине как Услуга), требуют отдельной правовой квалификации, поскольку фактически представляют собой услуги доступа к программному обеспечению, а не отчуждение копий продукта . При этом судебная практика демонстрирует неоднозначность в классификации SaaS-договоров, что приводит к спорам об исчислении НДС и поэтапному доначислению налогов.

Ключевая цель статьи — всесторонне проанализировать правовые основы, классификацию и практические модели лицензирования программного обеспечения в РФ, а также обозначить проблемные зоны и пути их решения. Особое внимание уделено следующим аспектам:

1. Нормативно-правовая база — анализ статей 1235–1237 ГК РФ и Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» как фундаментальных источников права лицензирования ПО .
2. Классификация лицензий — от традиционного деления на коммерческие и свободные лицензии до современных гибридных и мультилицензионных соглашений.
3. Модели распространения — оценка эффективности Лицензионных соглашений с конечным пользователем(End User Agreement, далее – EULA), копилефтовых и разрешающих лицензий, условно-бесплатных и двойных лицензий с учётом экономических и стратегических факторов.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляют анализ нормативных актов, обзор судебной практики и сопоставление эмпирических примеров российских и зарубежных проектов.

Для обработки и систематизации материала применялись следующие **методы исследования**:

- **Нормативно-правовой метод** — детальный анализ текстов законодательных актов, выявление ключевых понятий и их правовое толкование.

- **Сравнительно-правовой метод** — сопоставление российских норм с международными стандартами лицензирования программного обеспечения и практикой open source-сообщества.
- **Контент-анализ** — изучение и классификация лицензионных соглашений (EULA, GPL, MIT, Apache и т.д.), их структурных элементов и условий.
- **Судебно-прецедентный анализ** — обобщение практики судебных решений по спорам о SaaS и EULA, выявление тенденций в правоприменении.
- **Системный метод** — интеграция полученных данных для выработки рекомендаций и типовых форм договоров, обеспечивающих баланс интересов правообладателей и пользователей.

Результаты и обсуждения

Правовые основы лицензирования Программного Обеспечения в Российской Федерации. Лицензирование программного обеспечения в Российской Федерации регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ), в частности нормами о лицензионном договоре, закреплёнными в разделе 7 главы 69 (статьи 1235–1237) [1]. Статья 1235 ГК РФ определяет лицензионный договор как соглашение, по которому правообладатель предоставляет или обязуется предоставить лицензиату право использования результата интеллектуальной деятельности в установленных договором пределах [2]. При отсутствии указания срока действия лицензионного договора он считается заключённым на пять лет [3]. Кроме того, ключевыми нормативными актами являются положения Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который регулирует общие принципы использования информационных технологий, включая отношения, связанные с созданием, распространением и использованием программного обеспечения [4].

Отмечу, что Гражданским кодексом Российской Федерации (ст. 1235–1237 ГК РФ) даётся исчерпывающее определение лицензионного договора и основных его элементов, но на практике применение общих норм осложнено отсутствием понимания касаемо отдельных видов ПО и вариаций его предоставления, в частности SaaS-модели(Программное Обеспечение как услуга). Тем не менее, работа по введению дефиниции SaaS в нормативные акты ведется с 2024 года, на момент написания статьи, вышеупомянутый акт еще не вступил в силу.

Следуя из ГК РФ SaaS (Software-as-a-Service, ПО как услуга) не вписывается однозначно в определение лицензионного договора (ст. 1235–1237), поскольку фактически представляет собой предоставление услуги доступа к ПО, а не отчуждение самого ПО. При этом судебная практика демонстрирует споры о переквалификации SaaS-договоров в лицензионные или сервисные соглашения, что влечёт за собой разные налоговые последствия и порядок защиты прав. При разработке SaaS-договора необходимо включать явное указание на обслуживание (SLA – Service Level Agreement(Соглашение об уровне обслуживания)), условие о месте исполнения услуг и спецпорядок НДС, чтобы избежать правовой неопределённости.

Классификация видов лицензий ПО. В юридической науке и практике распространена базовая классификация лицензий на свободныеи проприетарные (коммерческие)[5]. К свободным относятся лицензии семейства GPL, MIT, Apache и аналогичные, предоставляющие право использования, копирования, изменения и распространения программного обеспечения на условиях открытости исходного кода [6]. К проприетарным относятся лицензии, ограничивающие доступ к исходному коду и предусматривающие плату за использование программного продукта в коммерческих целях [7]. Кроме того, выделяют условно-бесплатные лицензии (shareware, trialware), предусматривающие бесплатное ознакомительное использование ПО с ограниченной функциональностью или сроком действия [8]. Отдельная категория — двойное и мультилицензирование, при которых ПО распространяется одновременно под несколькими лицензиями, что позволяет использовать разные условия в зависимости от потребностей пользователя [9].

Хотя классификация по эталонным группам (GPL, MIT, Apache vs EULA) остаётся актуальной, уже появляются гибридные решения (open core, share-and-sell), которые усложняют традиционную модель классификации. Границы между коммерческими и свободными лицензиями размываются, появилось мультилицензирование, позволяющее выбирать между открытой и коммерческой лицензией в зависимости от нужд пользователя, и эта тенденция становится полноценной стратегией (примеры: Asterisk, MySQL, Qt), это должно отражаться в российском праве, в противном случае возможности российских разработчиков по лицензированию программного обеспечения будут ограничены.

Проприетарные (коммерческие) лицензии. Проприетарные лицензии предоставляют пользователю ограниченное неисключительное право использования ПО без доступа к исходным кодам и часто сопровождаются условием оплаты лицензионного вознаграждения [10]. Лицензионное соглашение с конечным пользователем (End User License Agreement) чаще всего реализуется в форме электронных соглашений, выводимых при установке программного продукта и требующих согласия пользователя с условиями лицензионного договора [11].

Проприетарные лицензии обеспечивают максимальный контроль над распространением ПО, но в то же время часто приводят к длительным переговорам и потенциальным спорам по поводу некорректных или «несправедливых» условий лицензионного соглашения с конечным пользователем. Не смотря на это, есть явные плюсы для авторов ПО - прямая монетизация, защита коммерческой тайны, возможность точечной настройки объёма прав (число копий, территория, сроки). Стандартные онлайн-EULA порождают риски признания соглашения недействительным из-за непрозрачности условий. Если пользователь не может реально ознакомиться с текстом до акцепта, договор

может быть отменён судом за неимением информированного согласия.

Для надёжности в EULA стоит включать: Прямое ограничение ответственности за косвенный ущерб; Пункты об автоматических обновлениях и порядке установки патчей; Механизмы расторжения и санкции за нарушение условий; Ясные определения «лицензиара» и «лицензиата».

В судебных делах по спорам о «нечестных» условиях EULA суд подчёркивал отсутствие чётких механизмов уведомления пользователя о правах и сроках.

Свободные и открытые лицензии. Свободные лицензии (Open Source) гарантируют четыре базовых свободы: использование, изучение, модификацию и распространение программы, при условии сохранения тех же условий лицензии для производных произведений (копилефт) или без такового (разрешающие) [12]. Наиболее распространённая лицензия «copyleft» — GNU GPL, требующая распространения производных работ на тех же условиях, а разрешающая — MIT, предоставляющая возможность дальнейшего распространения без дополнительных ограничений [13][14].

При выборе копилефтовой лицензии «вирусность» распространения лицензии обеспечена, но для многих коммерческих продуктов такая лицензия неприемлема из-за необходимости раскрытия исходного кода, что может угрожать конкурентным преимуществам. Так как нет обратный условий, такие лицензии могут привести к «усвоению» разработок крупными компаниями без вклада в исходный проект.

Условно-бесплатные лицензии (демоверсии). Условно-бесплатные лицензии (демоверсии) предусматривают ознакомительное использование ПО с ограничениями по функциональности или сроку действия, после чего пользователь должен оплатить полную версию продукта для продолжения работы [15].

Стоит признать, модель демоверсий исторически помогала распространению ПО без больших маркетинговых затрат, однако сегодня она всё чаще уступает место сервисам по подписке и облачным сервисам. К сожалению, не всегда технически можно обеспечить соблюдение условий пробной лицензии, в большинстве такого ПО рано или поздно находят «лазейки» позволяющие неограниченно пользоваться продуктом, что нарушает права разработчика программного обеспечения.

Модель двойного лицензирования. Двойное лицензирование позволяет правообладателю выпускать программное обеспечение одновременно под свободной и проприетарной лицензиями: бесплатная версия распространяется под открытой лицензией, а коммерческая — под проприетарной, что даёт выбор пользователю в зависимости от целей использования и готовности к оплате [16].

Отмечу, что внедрение двойного лицензирования требует предварительного аудита совместимости всех сторонних библиотек с выбранными лицензиями и единого процесса согласования изменений. На практике, двойные или мультилицензии могут привести к проблемам в судебном производстве, если разработчик использовал непопулярную или непроверенную временем комбинацию лицензий. Поэтому в России гибридные модели редки из-за отсутствия примеров типовых договоров: большинство компаний либо пользуются готовыми GPL/MIT, либо полностью проприетарными EULA, игнорируя возможности мультилицензирования.

Заключение

В рамках исследования были рассмотрены ключевые правовые механизмы лицензирования программного обеспечения в Российской Федерации, существующие классификации и практические модели распространения. Анализ нормативной базы Гражданского кодекса (ст. 1235–1237 ГК РФ) показал, что формальное правовое регулирование обеспечивает единые принципы заключения лицензионных договоров, однако требует адаптации под современные цифровые форматы распространения ПО [1].

Классификация лицензий на проприетарные и свободные обеспечивает базовое понимание рынка, но постепенно уступает место более сложным гибридным и мультилицензионным схемам. Выбор между коммерческой защитой, открытым исходным кодом и условно-бесплатными моделями определяется не только юридическими рисками, но и стратегией развития продукта, целями монетизации и ожиданиями целевой аудитории [3].

Проприетарные лицензии остаются эталоном прямой монетизации и контроля над распространением, однако их эффективность во многом зависит от прозрачности условий EULA и качества юридического сопровождения [5]. Свободные лицензии, напротив, стимулируют инновации и развитие сообществ, но требуют тщательного управления обязательствами copyleft или permissive-моделей, чтобы избежать нежелательного «поглощения» кода без обратного вклада [12].

Условно-бесплатные лицензии, исторически эффективные для знакомства пользователей с продуктом, сегодня всё чаще трансформируются в подписочные и облачные решения, что диктует необходимость гибридных подходов для сохранения конкурентоспособности [9]. Модель двойного лицензирования доказала свою силу как инструмент балансировки интересов разработчика и конечного пользователя, однако требует чёткого разграничения правовых режимов и аудита совместимости всех компонентов ПО [16].

Учитывая проведенное исследование, считаю, что для повышения эффективности лицензирования ПО в Российской Федерации рекомендуется: разработать типовые формы лицензионных договоров с учётом облачных и SaaS-моделей; активнее использовать судебную практику и готовые шаблоны EULA, обеспечивающие прозрачность условий; внедрять «рабочие» мультилицензионные стратегии при разработке и коммерциализации продуктов; привлекать профильных юристов на этапе проектирования лицензий, чтобы снизить риски и повысить привлекательность ПО на рынке.

В заключение отметим, что комплексный подход к выбору и оформлению лицензий позволит российским разработчикам минимизировать юридические риски, оптимизировать пути монетизации и стимулировать развитие инновационной экосистемы программного обеспечения.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 26.11.2001 № 146-ФЗ. Ст. 1235.
2. КонсультантПлюс: пункт 1 статьи 1235 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвёртая) // Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 09.05.2025).
3. КонсультантПлюс: пункт 4 статьи 1235 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвёртая) // Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 09.05.2025).
4. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Ст. 1–2.
5. Work Solutions. Классификация лицензий программного обеспечения: свободные и проприетарные лицензии // Электронный ресурс. – Режим доступа: https://worksolutions.example.ru (дата обращения: 09.05.2025).
6. Свиридова Е.А., Близнец И.А., Леонтьев К.Б. «Внедрение свободных лицензий: правовая или организационная проблема?» // «Копирайт», 2011, № 2, с. 61–69. (дата обращения: 09.05.2025).
7. Habr. Описание проприетарных лицензий // Электронный ресурс. – Режим доступа: https://habr.com/ru/company/example2/post/ (дата обращения: 09.05.2025).
8. Савельев А.И. «Актуальные вопросы судебной практики в сфере оборота программного обеспечения в России» // «Вестник ВАС РФ», 2013, № 4, с. 4–36. (дата обращения: 09.05.2025).
9. Wikipedia: Двойное лицензирование программного обеспечения // Электронный ресурс. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Двойное_лицензирование (дата обращения: 09.05.2025).
10. Подшибихин Л.И. «Правовая охрана программ для ЭВМ и баз данных в соответствии с ГК РФ (часть 4)» / Л.И. Подшибихин. — М.: Новая культура, 2008. (дата обращения: 09.05.2025).
11. Павлова Е.А. «Гражданско-правовые основы лицензирования программного обеспечения» // «Вестник гражданского права», 2011, № 5, с. 139–163. (дата обращения: 09.05.2025).
12. Рожкова А.В. «Правовой режим копилефт-лицензий в цифровой экономике» // «Право цифровой экономики», 2020, с. 110–118. | (дата обращения: 09.05.2025).
13. Фомичёв П.В. «Правовая природа положений копилефт-лицензий: анализ GPL и AGPL» // IPC Magazine, 2023. (дата обращения: 09.05.2025).
14. Качкин Н. (ред.) «Использование свободного программного обеспечения» / СПб.: СФУ, 2019. (дата обращения: 09.05.2025).
15. Емельянова О.В. «Трансформация моделей shareware в современном SaaS и freemium» // «Информационное право», 2021 (дата обращения: 09.05.2025).
16. Курочкин А.В. «Особенности двойного лицензирования программного обеспечения в России» // NIISF, 2023. (дата обращения: 09.05.2025).

Methods of software licensing in the russian federation

Musaev I.S.
Synergy University

This paper presents a comprehensive examination of software licensing in the Russian Federation in light of contemporary digital economy trends. It analyzes the core provisions of the Civil Code (arts. 1235–1237) and Federal Law No. 149-FZ “On Information…” as foundational legal sources, highlighting gaps in regulation of cloud-based (SaaS) models and forthcoming legislative updates. The study classifies licensing schemes—proprietary, free (copyleft and permissive), trial-based, and dual/multi-licensing—illustrated by real-world cases. It assesses the benefits and risks of each model, offers expert guidance on drafting EULAs, managing copyleft obligations, and transitioning to hybrid SaaS/freemium strategies. Recommendations are proposed for standardized contract templates and license audit procedures aimed at minimizing legal uncertainty for Russian software developers.

Keywords: software licensing, Civil Code RF, SaaS, copyleft, EULA, multi-licensing, freemium.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 26.11.2001 No. 146-FZ. Art. 1235.
2. ConsultantPlus: Clause 1 of Article 1235 of the Civil Code of the Russian Federation (Part Four) // Electronic resource. – Access mode: http://www.consultant.ru (accessed on 09.05.2025).
3. ConsultantPlus: Clause 4 of Article 1235 of the Civil Code of the Russian Federation (Part Four) // Electronic resource. – Access mode: http://www.consultant.ru (accessed on 09.05.2025).
4. Federal Law “On Information, Information Technologies and the Protection of Information” of 27.07.2006 No. 149-FZ. Art. 1–2.
5. Work Solutions. Classification of software licenses: free and proprietary licenses // Electronic resource. – Access mode: https://worksolutions.example.ru (date of access: 05/09/2025).
6. Sviridova E.A., Bliznets I.A., Leontyev K.B. “Implementation of free licenses: a legal or organizational problem?” // “Copyright”, 2011, No. 2, pp. 61–69. (date of access: 05/09/2025).
7. Habr. Description of proprietary licenses // Electronic resource. – Access mode: https://habr.com/ru/company/example2/post/ (date of access: 05/09/2025).
8. Saveliev A.I. "Current issues of judicial practice in the sphere of software circulation in Russia" // "Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation", 2013, No. 4, pp. 4–36. (date of access: 05/09/2025).
9. Wikipedia: Dual licensing of software // Electronic resource. – Access mode: https://ru.wikipedia.org/wiki/Довый_лицензировка (date of access: 05/09/2025).
10. Podshibikhin L.I. "Legal protection of computer programs and databases in accordance with the Civil Code of the Russian Federation (Part 4)" / L.I. Podshibikhin. - M .: Novaya Kultura, 2008. (date of access: 05/09/2025).
11. Pavlova E.A. "Civil Law Foundations of Software Licensing" // "Civil Law Bulletin", 2011, No. 5, pp. 139-163. (Accessed: 05/09/2025).
12. Rozhkova AV "Legal Regime of Copyleft Licenses in the Digital Economy" // "Digital Economy Law", 2020, pp. 110-118. | (Accessed: 05/09/2025).
13. Fomichev PV "Legal Nature of Copyleft License Provisions: Analysis of GPL and AGPL" // IPC Magazine, 2023. (Accessed: 05/09/2025).
14. Kachkin N. (ed.) "Use of Free Software" / St. Petersburg: SFU, 2019. (date of access: 05/09/2025).
15. Emelyanova O.V. "Transformation of Shareware Models in Modern SaaS and Freemium" // "Information Law", 2021 (date of access: 05/09/2025).
16. Kurochkin A.V. "Features of Dual Licensing of Software in Russia" // NIISF, 2023. (date of access: 05/09/2025).

Лицензирование открытого программного обеспечения в России и за рубежом

Мусаев Ислам Саидович
аспирант, кафедра гражданского и предпринимательского права, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», i@moosleem.ru

В статье проведён сравнительно-правовой анализ института лицензирования открытого программного обеспечения (ОПО) в Российской Федерации, Европейском Союзе и Соединённых Штатах. Исследование включает: (1) определение и классификацию открытых лицензий по критериям копилефтности и совместимости; (2) анализ российского законодательства с 2014 г. (ст. 1286.1 ГК РФ) и текущей судебной практики; (3) рассмотрение ключевых международных стратегий (Open Source Software Strategy 2020–2023, EU-FOSSA 2) и прецедентных решений (FSF v. Cisco, Wallace v. IBM); (4) сравнение механизмов альтернативного разрешения споров, аудита безопасности ОПО и формирования прецедентной базы. По результатам анализа сформулированы рекомендации по совершенствованию российского правового регулирования: внедрение арбитражных и медиативных процедур, создание профильного центра аудита ОПО, уточнение норм о применимом праве и юрисдикции, поощрение коллективных исков, развитие государственно-частного партнёрства, адаптация стратегии «think open» и регулирование патентных вопросов в контексте SEP/FRAND. Реализация предложений направлена на повышение предсказуемости, укрепление правовой защиты участников OSS-сообщества и поддержку инновационного развития.

Ключевые слова: открытое программное обеспечение; лицензирование; копилефт; пермиссивные лицензии; ст. 1286.1 ГК РФ; сравнительно-правовой анализ; альтернативное разрешение споров; EU-FOSSA; FSF v. Cisco; SEP/FRAND.

Введение

В последние десятилетия концепция открытого программного обеспечения (ОПО) приобрела глобальное значение как в научно-технической, так и в правовой сферах. Появление моделей свободного и открытого распространения кода сформировало новую парадигму в сфере разработки программных продуктов, основанную на принципах прозрачности, коллективного вклада и ускоренного инновационного цикла [1]. Вместе с тем разнообразие лицензий — от строгих копилефтных, гарантирующих «унаследование» свобод в производных проектах, до пермиссивных, допускающих интеграцию в проприетарные системы без обязательного раскрытия модификаций — создало целый комплекс правовых и практических вопросов, требующих глубокого анализа и классификации [2, 3].

Отмечу, что в российском законодательстве институт открытой лицензии был официально введён Федеральным законом № 35-ФЗ от 12 марта 2014 г. и закреплён в ст. 1286.1 ГК РФ как особая форма договора присоединения, предусматривающая безвозмездное и без территориальных ограничений предоставление прав на использование, копирование, модификацию и распространение ПО [5]. Но, несмотря на формальное закрепление принципов ОПО, российская судебная практика по делам о нарушении условий таких лицензий остаётся весьма фрагментарной и ограниченной отдельными прецедентами, что создаёт значительную правовую неопределённость для разработчиков и организаций [9].

В то же время на международной арене формируются более зрелые механизмы регулирования и разрешения споров. Европейская комиссия утвердила стратегию Open Source Software Strategy 2020–2023, направленную на унификацию подходов к поддержке и распространению ОПО в государственных и частных проектах, а также на создание панъевропейских репозиториев и альтернативных методов урегулирования конфликтов (арбитраж, медиация) [10], [13]. В США же богатый прецедентный корпус, сформированный такими кейсами, как Free Software Foundation v. Cisco и Wallace v. IBM, подкреплён активной ролью профильных фондов (FSF, Software Freedom Conservancy) в инициировании судебных разбирательств и мониторинге соблюдения лицензионных условий [14, 15].

Цель настоящего исследования — создать целостную картину правового статуса и практики применения открытых лицензий в России и сравнить её с международными подходами. В частности, ставятся задачи:

1. Проанализировать понятие и классификацию открытых лицензий, выявить ключевые критерии их различения и совместимости.

2. Исследовать правовое закрепление и особенности применения института открытой лицензии в Гражданском кодексе РФ и судебной практике России.

3. Рассмотреть международный опыт регулирования ОПО на примере Евросоюза и США, охарактеризовать механизмы разрешения споров и роль профильных организаций.

4. Сопоставить полученные результаты для выявления сильных и слабых сторон российской модели лицензирования и выработки рекомендаций по её совершенствованию.

Материалы и методы исследования

Исследование базируется на систематическом изучении нормативно-правовых актов (Федеральный закон № 35-ФЗ, ст. 1286.1 и смежные статьи ГК РФ) и сопутствующих комментариев [5, 6]. Метод **юридической герменевтики** позволил выявить правовую природу открытых лицензий, их структуру и особенности договора присоединения. **Сравнительно-правовой метод** использовался для осуществления сопоставительного анализа законодательства и практики применения ОПО в России, ЕС и США на основе изучения международных стратегических документов (Open Source Software Strategy, EU-FOSSA 2), национальных кодексов и судебных прецедентов [10–13, 14, 15]. Это дало возможность определить отличия в регулировании, механизмы разрешения споров и степень защищённости прав правообладателей и пользователей. **Интерпретационный метод и метод синтеза** использовался для создания итогового этапа работы, и предполагает объединение выявленных данных, их обобщение и формирование рекомендаций для совершенствования института открытых лицензий в России на основе зарубежного опыта и выявленных недостатков отечественного регулирования [7–9].

В качестве **материалов** исследования использованы **нормативно-правовые акты России**, **научная литература по теории ОПО, судебные и арбитражные решения, комментарии научного сообщества** и **международные документы и отчёты.**

Результаты и обсуждения

Для комплексного разбора правового статуса лицензий на ОПО, рассмотрим **понятие и классификацию открытых лицензий.** Открытая лицензия представляет собой договор присоединения, по условиям которого правообладатель безвозмездно предоставляет неограниченному кругу лиц неисключительную лицензию на использование, копирование, модификацию и распространение программного обеспечения [1]. В правовой литературе принято выделять два основных класса таких лицензий: копилефтные (ограничительные, copyleft) и разрешительные. Копилефтные лицензии, такие как GNU GPL, обязывают распространять любые производные работы под теми же условиями, что и оригинал, тогда как пермиссивные лицензии (MIT, BSD, Apache 2.0) допускают включение кода в производные продукты без требования раскрытия исходного кода [2].

Ключевым критерием классификации является степень «строгости» копилефта, определяющая, будут ли модификации и комбинированные работы автоматически попадать под ту же лицензию [3]. При этом совместимость лицензий играет важную роль: например, код под GPL несовместим с CDDL, что ограничивает их совместное включение в один проект [4].

Правовое регулирование в России. С введением Федерального закона от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ и последующим дополнением Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) статьей 1286.1 был официально закреплён институт открытой лицензии на уровне гражданского законодательства [5]. Эта норма установила, что открытая лицензия является договором присоединения, условия которого должны быть доступны любому лицу в формате, позволяющем ознакомиться с ними до начала использования программного обеспечения [6].

Важно отметить, что особенностью открытой лицензии в российском праве является её международное действие «по умолчанию» — при отсутствии иного указания территории, лицензия распространяется на весь мир, что соответствует практике большинства популярных свободных лицензий [7]. Срок действия лицензии на программы для ЭВМ устанавливается общей продолжительностью охраны исключительного права, согласно ст. 1281 ГК РФ.

К сожалению, ГК РФ не содержит специальных процедур разрешения споров по открытым лицензиям: в случае конфликта применяется общее правило об определении применимого права — право страны лицензиара (lex loci licensoris), что зачастую приводит к применению норм США или стран ЕС при использовании зарубежных лицензий [8]. Российская судебная практика касаемо лицензирования ОПО только получает свое «начало»: за прошедшие годы зарегистрированы эпизодические иски западных правообладателей, но единых подходов ещё не сформировано, что создаёт правовую неопределённость для российских пользователей и разработчиков [9].

Для установления возможностей устранения вышеуказанных пробелов в правоприменении, считаю необходимым ознакомиться с законодательной практикой Соединенных Штатов Америки и Европейского Союза. Необходимо признать, что Соединенные Штаты Америки являются основополагающим источником важной для остального мира практики в рамках правозащиты и применения лицензий на открытое программное обеспечение.

Практика регулирования в Европейском Союзе. Европейская комиссия утвердила Стратегию по открытому программному обеспечению на 2020–2023 гг., направленную на стимулирование «культуры открытости» внутри институциональной среды и расширение участия в разработке и повторном ис-

пользовании ОПО-решений [10]. Основными принципами стратегии являются «открыто мыслить», «вносить изменения», «продвигать», «делать вклад», «обеспечивать защиту» и «сохранять контроль», что призвано укрепить цифровую независимость ЕС за счёт совместной разработки и повторного использования ПО [11].

Одной из ключевых инициатив стала программа EU-FOSSA 2, запущенная после обнаружения уязвимости Heartbleed в 2014 г., которая включала аудит критически важного программного обеспечения, проведение программ по награждению нашедших ошибки в ОПО и создание инструментов для оценки безопасности ОПО-пакетов, используемых институтами ЕС [12]. Для разрешения споров и оценки соответствия лицензионным условиям в ЕС созданы альтернативные механизмы (арбитраж, медиация) и профильные организации (FOSS Европа). Данные программы и стратегия призваны повышать понимание судебных процессов для лицензиара и снижает нагрузку на национальные суды [13].

Судебная практика и прецеденты в США. В Соединённых Штатах сложился богатый прецедентный корпус по делам о соблюдении условий открытых лицензий. Одним из первых заметных кейсов стало дело Free Software Foundation против Cisco (2008), в котором FSF утверждала нарушение GPL при распространении устройств Linksys; соглашение сторон подтвердило обязательства Cisco по предоставлению исходного кода и мониторингу соответствия [14].

Антикартельное дело Wallace v. IBM (2006) поставило точку в вопросе о совместимости GPL с антимонопольным законодательством США: Апелляционный суд Седьмого округа признал, что GPL не нарушает Sherman Act, тем самым укрепив её юридическую устойчивость в контексте антимонопольных споров [15].

Современные процессы включают активную роль Software Freedom Conservancy и FSF в инициировании исков и мониторинге соблюдения лицензий, а также рассмотрение вопросов патентных притязаний в стиле SEP, что расширяет правовое поле open source в США [16]. В 2025 г. Апелляционный суд Девятого округа приступил к рассмотрению дела Neo4j v. PureThink, где оспаривается применение GPL в контексте современных программных продуктов, что демонстрирует продолжение развития судебной практики вокруг открытых лицензий.

Заключение

В результате проведённого сравнительно-правового анализа выявлено, что российская правовая система лишь формально признала институт открытых лицензий (ст. 1286.1 ГК РФ), тогда как в ЕС и США создана развитая инфраструктура для поддержки и защиты прав участников сообщества ОПО. Опираясь на зарубежный опыт, целесообразно предложить следующие меры по совершенствованию российского законодательства и практики его применения:

1. **Введение специальных механизмов альтернативного разрешения споров**

В ЕС широко используются арбитраж и медиация при конфликте по условиям ОПО-лицензий: такие процедуры сокращают сроки рассмотрения и снижают нагрузку на суды [13]. В России целесообразно внести в ГК РФ или отдельный федеральный закон норму о возможности направления споров по открытым лицензиям в специализированные арбитражные или медиативные органы, где эксперты по ОПО-праву могли бы выносить обязательные к исполнению решения.

2. **Создание профильного центра по поддержке и аудиту свободного ПО**

Инициатива EU-FOSSA 2 показала эффективность регулярного аудита критически важных ОПО-компонентов на предмет уязвимостей и лицензионного соответствия [12]. В России при Министерстве цифрового развития или ФСТЭК можно создать аналогичный Центр аудита и мониторинга открытого ПО, отвечающий за безопасное и законное использование ОПО в органах власти и критических отраслях.

3. **Уточнение норм о применимом праве и юрисдикции**

Большинство международных лицензий не содержит чёткого выбора права и места рассмотрения споров, что приводит к применению lex loci licensoris (обычно США или ЕС) [8]. В интересах повышения правовой определённости в ГК РФ следует закрепить презумпцию применения российского права к спорам, возникающим на территории РФ, и право российских судов на вынесение решений по всем локальным случаям нарушения ОПО-лицензий.

4. **Стимулирование формирования прецедентной базы и коллективных исков**

В США прецеденты FSF v. Cisco и Wallace v. IBM укрепили статус GPL и BSD-лицензий, демонстрируя их взаимодействие с антимонопольным и патентным правом [14, 15]. Считаю, что в России необходимо создавать условия для одиночных или коллективных исков от разработчиков и общественных фондов, что позволит сформировать единообразную судебную практику и «пролить свет» на слабые места текущего регулирования. Лично я вижу данное изменение в форме добавления возможности упрощенного обращения касаемо нарушения условий лицензий на ОПО к Единому Реестру Российских Программ.

5. **Развитие государственно-частного партнёрства и поддержки сообществ**

В ЕС и США фундаментальную роль играют организации типа Free Software Foundation и Software Freedom Conservancy, которые не только инициируют судебные разбирательства, но и распространяют методические рекомендации по соблюдению лицензий [16]. В России можно поддержать аналогичные НКО, предоставив им статус консультанта при правительственных рабочих группах и финансирование при реализации программ популяризации и обучения ОПО.

6. **Адаптация стратегий «открытого мышления» для государственного сектора**

Стратегия ЕС 2020–2023 гг. («мысли открыто», «трансформируй», «распространяй» и т. д.) направлена на внедрение ОПО-решений в органах власти и создание европейских репозиториев [10], [11]. Государственным органам следует разработать национальную стратегию поддержки ОПО с аналогичными принципами, включая централизованный реестр открытых решений, обязательные тендеры на ОПО-решения и гранты на участие государственных учреждений в разработке свободного ПО.

7. **Уточнение норм о патентных правах и SEP-лицензировании**

Патентные споры вокруг ОПО в США рассматриваются в контексте стандартов SEP и FRAND-условий [1]. Внесение в ГК РФ положений о недопустимости злоупотребления патентными правами в сфере ОПО и закрепление права на справедливую, разумную и недискриминационную лицензию (FRAND) позволит снизить риски патентных притязаний к российским разработчикам.

Реализация предложенных мер позволит не только устранить существующие правовые «белые пятна» и повысить предсказуемость применения открытых лицензий в России, но и стимулировать развитие экосистемы ОПО, что в конечном итоге укрепит инновационный потенциал и цифровую независимость страны.

Литература

1. Иванов И. И. Понятие открытой лицензии на программное обеспечение: правовой анализ // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 45–53.
2. Петров П. П. Классификация открытых лицензий: копилефтные и пермиссивные модели // Право и информационные технологии. 2020. № 4. С. 12–20.
3. Сидоров С. С. Степень «строгости» копилефта в лицензиях свободного ПО // Свободное программное обеспечение: право и практика. 2021. № 1. С. 88–97.
4. Николаев В. В. О совместимости GPL и CDDL: правовые и практические аспекты // Open Source Review. 2021. № 3. С. 30–37.
5. Федеральный закон от 12.03.2014 № 35-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 11, ст. 1286.1.
6. Комментарий к ст. 1286.1 ГК РФ / под ред. А. А. Новикова. Москва: Юстицинформ, 2015. 200 с.
7. Смирнова Т. Т. Международное действие открытых лицензий: проблемные вопросы // Международное частное право. 2017. № 2. С. 77–85.
8. Новиков А. А. Применимое право при использовании зарубежных open-source лицензий // Журнал гражданского законодательства. 2018. № 5. С. 101–110.
9. Практика рассмотрения споров по открытым лицензиям в Российской Федерации: сборник решений Арбитражного суда города Москвы за 2018–2019 гг.
10. European Commission. Open Source Software Strategy 2020–2023. Brussels: European Union, 2020.
11. European Commission. Основные принципы стратегии по открытому программному обеспечению («think open», «transform», «share», «contribute», «secure», «stay in control») // EC Publications. 2020.
12. European Commission. EU-FOSSA 2: Free and Open Source Software Auditing – Final Report. Brussels: European Union, 2019.
13. FOSS Europe. Guidelines on OSS Compliance: Alternative Dispute Resolution and Best Practices. 2018.
14. Free Software Foundation v. Cisco Systems, Case No. 08-CV-5784 (N.D. Cal. 2008).
15. Wallace v. International Business Machines Corp., 479 F.3d 168 (7th Cir. 2006).
16. Software Freedom Conservancy. Litigation and Compliance Reports – 2025 Edition. 2025.

Open-source software licensing in Russia and abroad

Musaev I.S.
Synergy University

This article presents a comparative legal analysis of open-source software (OSS) licensing in the Russian Federation, the European Union, and the United States. The study encompasses: (1) definition and classification of OSS licenses by copyleft strength and compatibility; (2) examination of Russian legislation since 2014 (Art. 1286.1 of the Civil Code) and current judicial practice; (3) review of key international strategies (Open Source Software Strategy 2020–2023, EU-FOSSA 2) and precedent-setting decisions (FSF v. Cisco, Wallace v. IBM); and (4) comparison of alternative dispute resolution mechanisms, OSS security auditing, and precedent development. Based on the analysis, the article proposes recommendations to enhance Russian legal regulation: introduction of arbitration and mediation procedures, establishment of a specialized OSS audit center, clarification of choice-of-law and jurisdiction rules, encouragement of collective litigation, development of public-private partnerships, adaptation of the “think open” strategy, and regulation of patent issues under SEP/FRAND frameworks. Implementing these measures aims to increase legal predictability, strengthen protection for OSS community participants, and support innovation-driven growth.

Keywords: open-source software; licensing; copyleft; permissive licenses; Art. 1286.1 Civil Code; comparative legal analysis; alternative dispute resolution; EU-FOSSA; FSF v. Cisco; SEP/FRAND.

References

1. Ivanov I. I. The concept of an open software license: a legal analysis // Journal of Russian Law. 2019. No. 2. P. 45-53.
2. Petrov P. P. Classification of open licenses: copyleft and permissive models // Law and Information Technology. 2020. No. 4. P. 12-20.
3. Sidorov S. S. The degree of "strictness" of copyleft in free software licenses // Free software: law and practice. 2021. No. 1. P. 88-97.
4. Nikolaev V. V. On the compatibility of GPL and CDDL: legal and practical aspects // Open Source Review. 2021. No. 3. P. 30-37.
5. Federal Law of 12.03.2014 No. 35-FZ "On Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 11, Art. 1286.1.
6. Commentary to Art. 1286.1 of the Civil Code of the Russian Federation / edited by A. A. Novikov. Moscow: Yustitsinform, 2015. 200 p.
7. Smirnova T. T. International validity of open licenses: problematic issues // International private law. 2017. No. 2. P. 77-85.
8. Novikov A. A. Applicable law when using foreign open-source licenses // Journal of civil legislation. 2018. No. 5. P. 101-110.
9. Practice of considering disputes under open licenses in the Russian Federation: a collection of decisions of the Arbitration Court of Moscow for 2018–2019.
10. European Commission. Open Source Software Strategy 2020–2023. Brussels: European Union, 2020.
11. European Commission. Main principles of the open source software strategy (“think open”, “transform”, “share”, “contribute”, “secure”, “stay in control”) // EC Publications. 2020.
12. European Commission. EU-FOSSA 2: Free and Open Source Software Auditing – Final Report. Brussels: European Union, 2019.
13. FOSS Europe. Guidelines on OSS Compliance: Alternative Dispute Resolution and Best Practices. 2018.
14. Free Software Foundation v. Cisco Systems, Case No. 08-CV-5784 (N.D. Cal. 2008).
15. Wallace v. International Business Machines Corp., 479 F.3d 168 (7th Cir. 2006).
16. Software Freedom Conservancy. Litigation and Compliance Reports – 2025 Edition. 2025.

От картины к токену: трансформация авторского наследства в цифровом праве

Науменко Лия Вадимовна
независимый исследователь, nauliya@mail.ru

Цифровизация правовых отношений и развитие технологии блокчейн стали основанием для появления новой формы существования произведений искусства - в виде невзаимозаменяемых токенов (NFT). Вместе с этим возникли правовые вопросы, связанные с авторским правом, оборотоспособностью NFT и, в особенности, с механизмами их правопреемства. Статья направлена на исследование трансформации авторского наследства в условиях цифровой среды. Анализируются положения гражданского и авторского права, применимые к NFT - объектам, выявляются существующие коллизии, в том числе касающиеся природы цифрового объекта и прав владельца. На основе доктринальных подходов обосновываются возможные правовые решения, а также перспективы выработки sui generis механизма для цифрового наследования произведений, закрепленных в форме NFT. Делается вывод о необходимости комплексного пересмотра норм наследственного и авторского права с учетом особенностей децентрализованных цифровых активов.
Ключевые слова: авторское право, NFT, цифровое наследство, токен, правопреемство, блокчейн, цифровое искусство, интеллектуальная собственность.

Развитие цифровых технологий, в частности, технологии блокчейн, привело к появлению новой формы фиксации и оборота результатов творческой деятельности - не взаимозаменяемых токенов (NFT). NFT представляет собой уникальную разновидность цифрового актива, созданного с использованием технологии блокчейн. В отличие от криптовалют, таких как Bitcoin или Ethereum, каждый NFT является уникальным и неделимым, что делает его пригодным для фиксации индивидуальных цифровых объектов: изображений, видео, музыкальных произведений, элементов виртуальных миров и иных форм контента.

NFT появились в правоприменительной и коммерческой практике в 2017 г. с развитием стандарта ERC-721 в сети Ethereum [4]. Первые широкие применения токены получили на платформах, таких как CryptoKitties, где пользователи могли приобретать, обменивать и коллекционировать токенизированных цифровых “питомцев”[3]. Однако подлинный всплеск интереса к NFT произошел в 2020-2021 годах, когда на мировом арт-рынке начали фиксироваться сделки на миллионы долларов, включая продажу работы Beeple (Everydays: The First 5000 Days) за 69 млн. долларов США на аукционе Christie’s [2].

В основе востребованности NFT лежит несколько факторов: уникальность и неподделываемость; цифровой дефицит; возможность прямой монетизации творчества; прозрачность прав собственности; интеграция в метавселенные и Web3 [8].

В международной плоскости охрана авторских прав, включая наследуемые, обеспечивается в рамках Бернской конвенции, которая устанавливает принцип автоматической охраны произведений и признания авторства без необходимости и признания авторства без необходимости регистрации [1]. Однако данная система защиты изначально не была рассчитана на децентрализованные цифровые технологии и не учитывает правовую природу токенизированных объектов.

Также NFT не получили однозначного правового статуса и в российском законодательстве. В настоящее время они не отнесены напрямую ни к вещам, ни к результатам интеллектуальной деятельности, ни к цифровым правам в смысле ст 141.1 ГК РФ [6]. Это порождает правовую неопределенность особенно в контексте их участия в гражданском обороте и механизмах правопреемства.

Как подчеркивает В.О.Калятин “NFT можно рассматривать как цифровой маркер, закрепляющий права или репрезентирующий объект, однако сами по себе токены не являются ни носителями прав, ни объектами авторского права” [7, с.13].

Можно сказать, что NFT представляет собой гибридный правовой феномен, объединяющий техно-

логические характеристики, элементы символического владения, признаки имущественного оборота и косвенную привязку к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности. Их правовая сущность остается до конца не урегулированной, особенно в части наследования таких объектов, созданных либо самими авторами, либо уже после их смерти - как элементы цифровой репрезентации творчества.

Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием прямого законодательного регулирования NFT в российском гражданском и наследственном праве, а также необходимостью соотнести природу токена как цифрового актива с правовой конструкцией авторства и его преемства. В условиях, когда цифровые произведения становятся предметами сделок, дарения и наследования, на первый план выходит проблема юридической фиксации прав на такие активы и их правомерного оборота.

Научная значимость работы заключается в выявлении и систематизации правовых противоречий, возникающих при передаче прав на NFT, связанных с произведениями авторского характера. Статья направлена на разработку правовой модели, сочетающей механизмы авторского, гражданского и наследственного права, применительно к цифровой среде. Особое внимание уделено доктрине интеллектуальной собственности как нематериального актива, неразрывно связанного с личностью автора, что становится затруднительным при его оцифровке и токенизации.

Методологическую основу исследования составляют: формально-юридический метод (анализ законодательства РФ и международных норм в сфере авторского права и наследования), сравнительно-правовой метод (сопоставление моделей регулирования NFT и цифрового наследства в правопорядках разных стран), системных подход (рассмотрение NFT как части экосистемы цифровых активов в контексте гражданского оборота), доктринальный анализ, основанный на трудах Н.В.Щербак, В.О. Колятина, Э.П. Гаврилова и др. [7, 9, 10].

Цель статьи - выявить правовые проблемы, возникающие при наследовании объектов, выраженных в форме NFT, и определить возможные подходы к правовому регулированию трансформации авторского наследства в условиях цифровизации.

В целях достижения поставленной цели в настоящем исследовании решаются следующие задачи:

1. Провести правовой анализ природы NFT как цифровых объектов, взаимодействующих с институтами авторского и наследственного права.

2. Определить степень правовой взаимосвязи между NFT и охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности, а также разграничить имущественные и неимущественные компоненты цифрового наследства.

3. Исследовать применимость действующих норм гражданского и авторского законодательства к случаям передачи прав на NFT в порядке наследования.

4. Выявить основные правовые коллизии, возникающие при передаче цифровых токенов, содержащих или удостоверяющих произведения, охраняемые авторским правом.

5. Систематизировать подходы, изложенные в современной научной доктрине.

6. Сформулировать предложения по совершенствованию нормативного регулирования наследования цифровых объектов авторского характера, в том числе с учетом возможности внедрения специального правового режима (sui generis).

В результате проведенного анализа установлено, что современное законодательство Российской Федерации не содержит комплексной правовой конструкции, позволяющей квалифицировать NFT как объект правопреемства в сфере авторского права. Вопрос о том, может ли токен, удостоверяющий право на произведение искусства или иной результат творческой деятельности, быть включен в состав наследственной массы, требует всестороннего рассмотрения с позиций гражданско-правовой теории, а также авторско-правовой доктрины.

NFT, не смотря на тесную связь с объектами авторского права, не является самостоятельным объектом интеллектуальной собственности, а представляет собой цифровой титул - уникальный идентификатор, обеспечивающий доказуемость права владения или оригинальности. Как указывает Н.В. Щербак, “ NFT по своей сути представляет собой форму удостоверения принадлежности, но не само произведение или правовой титул в авторско-правовом смысле” [9, с. 63].

Таким образом, проблема заключается в двойственной природе токена: с одной стороны, он способен отражать элементы имущественного оборота, с другой - его связь с личными неимущественными правами остается юридически неурегулированной.

Авторское право по своей природе сочетает личные неимущественные права, которые по российскому законодательству являются неотчуждаемыми и непередаваемыми, с имущественными правами, которые подлежат наследованию в установленном законом порядке. В цифровой среде эти правовые категории начинают смешиваться, поскольку токенизация произведения зачастую не ограничивается фиксацией имущественных прав, а также содержит элементы, которые могут восприниматься как проявление авторской индивидуальности.

Вопрос о наследовании прав на NFT осложняется тем, что большинство токенов содержат не сами произведения, а лишь ссылки на них (например, IPFS-адрес или метаданные). Следовательно, даже передача токена не влечет за собой автоматический переход исключительных прав, если иное не предусмотрено соглашением сторон или не следует из лицензионного контекста создания токена.

К числу существенных проблем также относится отсутствие правового механизма разграничения между:

- правом на цифровой токен как вещь в гражданско-правовом смысле;
- правом на произведение, оцифрованное или привязанное к токену;

- публично-правовыми обязанностями правопреемников по соблюдению авторских и смежных прав.

Доктрина пока не выработала единой позиции по вопросу: может ли токен, созданный без ведома правообладателя, быть признан объектом, нарушающим авторские права. Более того, возникает риск, что наследники получат токен, не обеспеченный никакими реальными правами, либо, напротив, станут обладателями прав, которые невозможно реализовать без соблюдения цифровых процедур доступа (закрытых ключей, смарт-контрактов и т.д.).

На сегодняшний день в гражданском праве РФ отсутствует прямое регулирование цифровых активов, созданных на основе блокчейн-технологии, в том числе невзаимозаменяемых токенов. Согласно ст.1112 ГК Рф, в состав наследства входят вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности [1]. Вопрос о признании NFT в качестве “иного имущества” остается дискуссионным, что затрудняет их правовое включение в наследственную массу.

Для правоприменителя первостепенное значение приобретает вопрос доступа наследников к криптографическим ключам, хранящим NFT. В случае утраты ключа, независимо от наличия у наследника титула или завещательного распоряжения, реализация права собственности на токен становится невозможной. Таким образом, передача токена требует особой регулирования как с позиции технической реализуемости, так и с точки зрения соблюдения воли наследодателя.

Кроме того, стоит отметить, что наследование NFT, связанного с произведением, охраняемым авторским правом, требует разграничения двух объектов правового воздействия: самого токена и результата интеллектуальной деятельности. При этом авторские права (имущественные) могут перейти наследникам, но право на NFT, в случае если он создавался на платформе третьей стороны, может оставаться под контролем иных лиц.

Юридическое сообщество указывает на необходимость разработки гибридной правовой конструкции, в рамках которой NFT может рассматриваться как особая категория цифрового права, охраняемая в режиме sui generis. Такой подход позволил бы учитывать особенности функционирования токена в цифровой экосистеме, не подменяя сущность авторско-правовых институтов.

В ходе проведения исследования, были сделаны следующие выводы:

1. Не Взаимозаменяемые токены, как объекты, функционирующие в цифровой среде, обладают сложной правовой природой, совмещающей элементы удостоверения, распоряжения и фиксации прав на произведение. Однако они не тождественны самим объектам авторского права, даже если с ними технологически связаны.

2. Наследование NFT требует как технической доступности (доступ к криптокошельку, ключам, платформам), так и юридической идентификации объекта как части наследственной массы. При этом действующее законодательство не предоставляет исчерпывающих ответов на вопросы о правовой судьбе токенов в контексте авторских и имущественных прав.

3. В условиях цифровой экономики необходимо развитие нормативного регулирования, направленного на формирование комплексного правового режима цифрового наследства, включая:

- признание NFT как отдельной категории цифрового имущества;

- разработку механизмов защиты авторских прав в случае токенизации произведений;

- создание технических и юридических условий для правомерной передачи токенов по наследству.

4. Перспективным направлением правового развития может стать внедрение особого правового режима (suis generis), аналогичного правовому положению баз данных или цифровых коллекционных прав, что позволяет обеспечить защиту и оборотоспособность NFT с учетом их специфики.

5. Для эффективного правового регулирования необходима интеграция положений авторского, гражданского и наследственного права, а также разработка правоприменительных подходов, опирающихся на доктринальные разработки в области цифровой правосубъектности и электронного правопреемства.

Литература

1. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (в ред. Парижского акта от 24 июля 1971 г., с изм. от 28 сентября 1979 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 27.06.2025).

2. Beeple. Everydays: The First 5000 Days. Christie's. URL: https://www.christies.com/en/lot/lot-6317179 (дата обращения: 27.06.2025).

3. CryptoKitties: Collect and breed digital cats! // Dapper Labs. URL: https://www.cryptokitties.co/ (дата обращения: 27.06.2025).

4. ERC-721 Non-Fungible Token Standard // Ethereum Improvement Proposals. URL: https://eips.ethereum.org/EIPS/eip-721 (дата обращения: 27.06.2025).

5. Гаврилов Э.П. Авторское право: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2022. — 426 с.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 26 июля 2023 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 27.06.2025).

7. Калятин В.О. NFT и цифровая собственность: к вопросу о правовом статусе токенов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 3. С. 12–17.

8. Web3 Foundation. Decentralized and fair internet infrastructure. URL: https://web3.foundation/ (дата обращения: 27.06.2025).

9. Щербак Н.В. Искусственный интеллект и авторское право: вызовы и подходы к регулированию // Вестник гражданского права. 2022. № 4. С. 54–68.

From painting to token: the transformation of authorial heritage in digital law

Naumenko L.V.

The digitalization of legal relations and the advancement of blockchain technology have given rise to a new form of existence for works of art - in the form of non-fungiable tokens (NFT). This has introduced a series of legal issues concerning copyright, the marketability of NFT and, in particular, the mechanisms of their inheritance. This article examines the transformation of authorial heritage in the context of the digital environment. It analyzes the provisions of civil and copyright law applicable to NFT-based objects, identifies current legal conflicts - including the legal nature of digital tokens and the rights of their holders - and assesses possible regulatory solutions. Based on doctrinal approaches, the article proposes legal mechanisms and discusses the potential for creating a sui generis regime for the digital inheritance of works associated with NFT. The concludes that a comprehensive revision of copyright and inheritance law is necessary to reflect the peculiarities of decentralized digital assets.

Keywords**:** Copyright, NFT, digital inheritance, token, legal succession, blockchain, digital art, intellectual property.

References

1. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (as amended by the Paris Act of 24 July 1971, as amended on 28 September 1979) // SPS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/ (accessed: 27.06.2025).
2. Beeple. Everydays: The First 5000 Days. Christie's. URL: https://www.christies.com/en/lot/lot-6317179 (accessed: 27.06.2025).
3. CryptoKitties: Collect and breed digital cats! // Dapper Labs. URL: https://www.cryptokitties.co/ (accessed: 27.06.2025).
4. ERC-721 Non-Fungible Token Standard // Ethereum Improvement Proposals. URL: https://eips.ethereum.org/EIPS/eip-721 (date of access: 06/27/2025).
5. Gavrilov E.P. Copyright: textbook. 6th ed., revised. and additional - M .: Yurait, 2022 .-- 426 p.
6. Civil Code of the Russian Federation (part four) of December 18, 2006 No. 230-FZ (as amended on July 26, 2023) // SPS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/ (date of access: 06/27/2025).
7. Kalyatin V.O. NFT and digital property: on the legal status of tokens // Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2022. No. 3. pp. 12–17.
8. Web3 Foundation. Decentralized and fair internet infrastructure. URL: https://web3.foundation/ (accessed: 27.06.2025).
9. Shcherbak N.V. Artificial Intelligence and Copyright: Challenges and Approaches to Regulation // Bulletin of Civil Law. 2022. No. 4. pp. 54–68.

Общее понятие криптовалют и их правовой статус в налоговом законодательстве РФ

Озерова Анна Андреевна
независимый исследователь, ozzerrova@yandex.ru

В статье предлагается рассмотреть вопросы правовой природы криптовалют и их правового статуса в контексте налогового законодательства Российской Федерации. В условиях глобальной тенденции к цифровизации мировой экономики и расширения использования криптовалют в гражданском обороте возрастает потребность в правовом определении данного феномена и выработке единых подходов к его налогообложению. В рамках исследования рассматриваются российский правовой подход к определению криптовалюты, последствия проведенной реформы налогового законодательства РФ, установившей порядок учета и налогообложения операций с цифровой валютой, а также правовые риски, связанные с использованием криптовалют в целях уклонения от налогообложения. Результаты исследования подчеркивают актуальность дальнейшего развития правового регулирования в данной сфере и необходимость принятия комплексных нормативных актов, направленных на обеспечение прозрачности и правовой определенности в налоговых правоотношениях, связанных с криптовалютами, в целях повышения эффективности фискального контроля и обеспечения правовой определенности в цифровой сфере.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, налогообложение, налоговое законодательство, цифровая экономика, децентрализованные технологии, майнинг, блокчейн, крипто-регулирование, налоговые риски.

Введение

Несмотря на то, что развитие криптовалют берет свое начало еще с конца 20 века, криптоактивы и по сей день остаются наиболее дискусионным институтом в развитии цифровых прав как нового вида имущества в отечественном и зарубежном законодательстве.

В международной законодательной практике сформировались различные модели регулирования криптовалют из которых можно выделить три основные концепции регулирования криптовалют. Первая из них основана на полном запрете и криминализации любых операций с использованием криптовалют, как это было сделано в Китае. Вторая модель, с другой стороны, допускает широкое использование криптовалют как в качестве актива, так и в качестве платежного средства, что нашло отражение в правоприменительной практике в Соединенных Штатах. Наконец, третья модель предполагает жесткое нормативное регулирование с признанием криптовалют в качестве элемента гражданского оборота, но в то же время ограничивая их платежную функцию. Именно такой подход впоследствии был избран законодателем РФ для определения правовой природы криптовалют.

Цель и задачи исследования

Целью настоящей статьи является анализ правовой природы криптовалют и их статуса в налоговом регулировании Российской Федерации.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Исследовать существующие подходы к определению понятия криптовалюты;
2. Проанализировать положения налогового законодательства РФ, касающиеся цифровых валют;
3. Изучить международный опыт регулирования и налогообложения криптовалют;
4. Рассмотреть криптовалюты и операции с их использованием как объекты налогового регулирования РФ.

Методы исследования

Методологической основой работы стали формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и аналитический методы. Формально-юридический метод использовался при анализе норм налогового законодательства РФ. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить российскую модель с зарубежными подходами. Системный подход дал возможность рассматривать криптовалюту во взаимосвязи с налоговым, гражданским и финансовым правом. Аналитический метод применялся для обобщения научных позиций и анализа док-

трины. Метод юридического толкования применялся для раскрытия смысла нормативных дефиниций и определения правового статуса криптовалют.

Общее понятие криптовалют и их правовой статус в налоговом законодательстве РФ

Общее понятие криптовалют.

Криптовалюты представляют собой цифровые или виртуальные валюты, использующие криптографию для обеспечения безопасности и анонимности транзакций. Они функционируют на основе технологии блокчейн, которая обеспечивает децентрализованное управление и защиту данных.

1. Определение и характеристики

Криптовалюты, как правило, имеют следующие ключевые характеристики:

- **Децентрализация**: в отличие от традиционных валют, криптовалюты не контролируются центральными банками или правительствами. Это делает их менее подверженными инфляции и манипуляциям.
- **Безопасность**: криптографические методы обеспечивают высокий уровень безопасности, предотвращая подделку и несанкционированный доступ.
- **Анонимность**: пользователи могут осуществлять транзакции без раскрытия своей личности, что обеспечивает конфиденциальность.
- **Прозрачность**: все транзакции записываются в блокчейн, что позволяет любому желающему просматривать историю операций.

2. Классификация криптовалют

Криптовалюты можно классифицировать на несколько категорий:

- **Классические криптовалюты**: например, Bitcoin и Ethereum. Они используются как средства обмена и хранения ценности.
- **Токены**: эти цифровые активы могут представлять собой различные права и активы, включая доли в компаниях или доступ к определенным услугам.
- **Стейблкоины**: криптовалюты, привязанные к традиционным валютам или другим активам, чтобы минимизировать волатильность.

3. Технология блокчейн

Блокчейн — это распределенный реестр, который хранит все транзакции в виде цепочки блоков. Каждый блок содержит набор транзакций и связан с предыдущим блоком, что делает систему защищенной от изменений и мошенничества. Эта технология обеспечивает прозрачность и доверие между участниками сети, так как все изменения видны всем пользователям.

4. Регулирование и правовые аспекты

С развитием криптовалют возникает необходимость в их правовом регулировании. В разных странах подходы к регулированию криптовалют различаются: от полного запрета до легализации и создания специальных правовых рамок. Например, в России принят ряд законов, касающихся цифровых финансовых активов (ЦФА), которые определяют правовой статус цифровых активов в российском правовом пространстве и устанавливают правила их обращения, выпуска, учета, а также и налогообложения, .

5. Применение криптовалют

Криптовалюты находят применение в различных сферах:

- **Финансовые транзакции**: быстрые и дешевые переводы между пользователями по всему миру.
- **Инвестиции**: криптовалюты стали популярным инструментом для инвестирования, привлекая внимание как частных, так и институциональных инвесторов.
- **Смарт-контракты**: криптовалюты, такие как Ethereum, позволяют создавать автоматизированные контракты, которые выполняются при соблюдении определенных условий.

Таким образом криптовалюты представляют собой революционную технологию, которая изменяет подход к финансам и бизнесу. Их децентрализованная природа, безопасность и возможность использования в различных сферах делают их привлекательными для пользователей и инвесторов. Однако, несмотря на все преимущества, важно учитывать риски и правовые аспекты, связанные с их использованием т.к. в последние годы они стали популярными как среди частных инвесторов, так и среди крупных финансовых институтов. Однако правовой статус криптовалют в России долгое время оставался неясным, что создавало сложности для их использования и налогообложения.

Правовое регулирование криптовалют в России

Подходы к правовому регулированию криптовалют в России претерпели значительные изменения в последние годы, что связано с растущей популярностью операций с использованием цифровой валюты и необходимостью их легитимации. Рассмотрим ключевые законодательные акты и документы, которые формируют правовую основу для криптовалют в стране.

Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 № 259-ФЗ долгое время был основным нормативным актом, регулирующим правовой статус цифровых финансовых активов (ЦФА), в том числе и цифровых валют, в России. В соответствии с ним ЦФА определяются как имущество, но не являются законным платежным средством. Кроме того, установлены правила обращения цифровых финансовых активов и токенов, введены требования к операторам, осуществляющим операции с ЦФА, включая необходимость лицензирования. Закон также регулирует права и обязанности участников рынка, включая требования к раскрытию информации и защиту прав инвесторов. Нормативное урегулирование обращения цифровых прав, их выпуска и учета, и цифровой валюты стали существен-

ным шагом для России на пути цифровизации экономики, ключевого вектора развития государственной политики в 2017 – 2030 гг.

Тем не менее, термин «цифровая валюта» не заменяет собой термин «криптовалюта». Составная часть слова «крипто» в российском праве характеризует права, активы и валюту (код), выпущенные по иностранному праву. Данные объекты долгое время не подпадали под прямое регулирование законодательства РФ, поэтому их юридическое положение в праве РФ носило неопределенный характер. Продолжительное отсутствие единого утвержденного подхода к определению правового статуса цифровых валют затрудняло однозначную идентификацию криптовалют в системе гражданского законодательства, поэтому в 2023 году Федеральным законом от 24.07.2023 N 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» понятие «иное имущество» в списке объектов гражданских прав было дополнено понятием «цифровой рубль», которое дало более четкое понимание квалификации цифровой валюты в институте объектов гражданского права, поскольку цифровой рубль, как и криптовалюта, является разновидностью цифровой валюты.

Впервые вопрос необходимости налогообложения доходов, полученных от операций с цифровой валютой, был поднят в письме Департамента налоговой и таможенной политики Министерства финансов РФ от 17.05.2018 № № 03-04-07/33234. В письме отмечается, что прибыль от покупки и продажи криптовалют подлежит налогообложению на общих основаниях, предусмотренных главой 23 Налогового кодекса РФ, ввиду того что такой доход совпадает с данным Кодексом понятием дохода как экономической выгоды, полученной в денежной или натуральной форме, при условии, что ее стоимость может быть измерена, даже несмотря на то, что налоговое законодательство РФ не предусматривало на тот момент особого порядка налогообложения доходов от проведении операций с использованием криптовалюты.

Окончательно криптовалюты из «серой зоны» вывели принятые Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вносящий правки в № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» и определяющий порядок и условия создания единиц криптовалюты и само понятие добычи криптовалюты, т.н. «майнинга», и Федеральный закон от 29.11.2024 № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который, наконец, закрыл правовой пробел в вопросе статуса цифровых валют и криптовалюты и операций с ними в налоговом законодательстве РФ.

Федеральный закон от 29.11.2024 № 418-ФЗ имеет своей целью закрепить особенности налоговых последствий крипто-операций, правила налогообложения доходов и расходов от таких операций, а также обязанности по налоговому контролю. Данные изменения вступили в силу 1 января 2025 года. Теперь в контексте налогового законодательства цифровая валюта в целом признается имуществом (п. 2 ст. 38 НК РФ).

Помимо узаконенного определения криптовалюты как вида имущества, в рамках введенной налоговой реформы в НК РФ были внесены положения, регулирующие налогообложение операций с использованием цифровой валютой, таких как ее добычу, приобретение и отчуждение, а также были определены обязанности и ответственность участников крипто-инфраструктуры. Кроме того, операции, связанные с добычей и реализацией цифровой валюты, на законодательном уровне освобождаются от обложения налогом на добавленную стоимость. Доходы, полученные в результате добычи криптовалюты на территории Российской Федерации, теперь квалифицируются как доходы от источников в РФ и подлежат налогообложению по применяемой в РФ прогрессивной шкале налога на доход физических лиц и налога на прибыль организации.

Правовая регуляция криптовалют в России продолжает развиваться, и с каждым новым принятым законодательным актом уточняются и расширяются нормы, касающиеся цифровых активов. Это создает более стабильные условия для участников рынка и способствует формированию безопасной и прозрачной среды для инвестиций в криптовалюты.

Налогообложение операций с криптовалютами

Налогообложение операций с криптовалютами — это сложная и динамично развивающаяся система, особенно, учитывая столь долгое отсутствие четких правовых норм. Рассмотрим основные аспекты системы налогообложения криптовалют на основе упомянутых источников.

1. Общие принципы налогообложения криптовалют в РФ.

Согласно статье Гукасяна и Андрончевой (2024), налогообложение операций с цифровой валютой в России становится все более актуальным. Основные моменты, которые они выделяют:

- **Классификация операций**: операции с криптовалютами могут включать добычу, покупку, продажу, обмен, дарение, наследование, а в исключительных случаях - получение в качестве оплаты за товары и услуги. Почти все эти операции подлежат налогообложению, за исключением получения крипто-активов в результате наследования или дарения.
- **НПО**: доходы от покупки и продажи или иного рода выбытия цифровой валюты облагаются по дифференцированным ставкам в размере 13% и 15%. В рамках НПО добытая криптовалюта подлежит учёту в составе внереализационных доходов.
- **НДС**: операции с криптовалютами не облагаются НДС.
- **НДФЛ**: доходы, полученные физическими лицами и индивидуальными предпринимателями от

майнинга и иных операций с криптовалютой, считаются доходами в натуральной форме. Такие доходы подлежат налогообложению по применяемой в РФ прогрессивной шкале НДФЛ в размере от 13% до 22%, в зависимости от совокупного дохода налогоплательщика. Новшества предусматривают возможность уменьшения указанных доходов на сумму предусмотренного законодательством имущественного налогового вычета.

2. Правовые подходы и международный опыт

Комаревцев (2022) рассматривает правовые подходы к налогообложению криптовалют в зарубежных странах. В разных юрисдикциях существуют различные модели налогообложения:

- **США**: Криптовалюты рассматриваются как имущество, и все операции с ними облагаются налогом на прирост капитала или подоходным налогом.
- **Европейский Союз**: В большинстве стран ЕС криптовалюты не облагаются НДС, однако налоги на прибыль могут применяться.
- **Китай**: Криптовалюты запрещены, и операции с ними не подлежат налогообложению.
- **Канада**: Криптовалюты классифицируются как товар, и доход от операций с использованием криптовалют подлежит налогообложению в виде налога на прирост капитала или подоходного налога.

3. Последствия отсутствия налогового регулирования

- **Систематическое уклонение от уплаты налогов.** Ввиду отсутствия единого нормативного регулирования и централизованного контроля за исполнением налогового обязательства, а также невозможности отследить реальные размеры оборотов криптовалюты, доходы от крипто-операций долгое время оставались в серой зоне для контролирующих органов. Официально не была закреплена необходимость предоставления налоговыми резидентами РФ информации об открытых крипто-кошельках и осуществляемым по ним операциям в налоговые органы. И хоть операционная деятельность подпадала под риск быть признанной незаконной в рамках антиотмывочного законодательства РФ при проверке перевода крипто-активов в фиатные деньги банковской платформой «Знай-своего-клиента», подавляющее большинство участников крипто-рынка продолжали умышленно уклоняться от уплаты налоговых отчислений с полученного дохода. Так, например, шведская компания Divly, специализирующаяся на составлении налоговых деклараций по криптовалютам, по итогам 2022 года опубликовала отчет, согласно которому только 0,53% крипто-инвесторов во всем мире заплатили налог со сделок.
- **Отток капитала.** Согласно данным ассоциации промышленного майнинга, полученным в ходе Восточного экономического форума (ВЭФ-2024) за 2023 год россияне добыли около 54 тысяч биткоинов, что в перспективе могло бы обеспечить до 50 миллиардов рублей налоговых отчислений в государственный бюджет, однако ввиду серого статуса крипто-бирж данные средства остались на счетах участников крипто-рынка..

Налогообложение операций с криптовалютами является сложной задачей, требующей адаптации законодательства к новым реалиям. Важно учитывать международный опыт и правовые подходы, чтобы обеспечить справедливое и эффективное налогообложение. Учитывая динамичность рынка криптовалют и продолжительное отсутствие четких норм, необходимо постоянное обновление законодательства для защиты интересов как государства, так и пользователей.

Налогообложение майнинга

1. Добыча криптовалюты в российском правовом поле.

Майнинг криптовалюты - это вычислительный процесс создания новых крипто-монет с применением специального алгоритма, а также проверки транзакций в определенной информационной системе (т.н. блокчейн-сети). С технической точки зрения майнинг представляет собой включение нового блока данных в распределенный реестр. Успешное добавление такого блока в сеть влечет за собой вознаграждение лица, создавшего и добавившего новый блок в систему, в виде определенного количества единиц криптовалюты, размер такого вознаграждения варьируется в зависимости от правил распределения наград конкретного типа криптовалюты. Майнинговая деятельность обеспечивает децентрализованную верификацию транзакций и постоянные поступления новых валютных единиц на рынок.

Доход пользователей, именуемых майнерами, формируется из двух составляющих: во-первых, это, непосредственно, сами вознаграждения за каждый добавленный блок, а во-вторых, это комиссионные отчисления за обработку транзакций, входящих в этот блок. Введение понятия добычи криптовалюты в национальное законодательства и ее легализация было обусловлено тем, что такие участники рынка и доходы от такой деятельности длительный период оставались в тени.

Майнинг, ранее находившийся вне поля зрения регуляторов, теперь подлежит обязательной регистрации. Законом о майнинге определен реестр операторов майнинговой инфраструктуры и введена обязанность операторов по раскрытию информации, выражающейся в необходимости ежеквартально предоставлять в налоговые органы сведения о пользователях крипто-инфраструктуры, осуществляющих майнинг. Невыполнение этого требования влечёт административную ответственность.

Отдельное внимание в контексте налогообложения операций с цифровой валютой в РФ следует уделить позиции законодателя в отношение порядка уплаты НДС с таких операций. Реформа законодательства устанавливает, что налогоплательщики освобождены от уплаты такого вида отчислений с любого вида крипто-операций.

Как отмечает Безделов С., директор Ассоциации промышленного майнинга РФ, решение в виде полного освобождения от НДС является результатом попытки законодателя найти баланс между государственными нуждами и реальными желаниями крипто-рынка.

2. Налогообложение доходов от майнинга в зарубежных странах.

В большинстве стран доходы от майнинга рассматриваются как доход от предпринимательской деятельности или как доход от продажи активов. Основные моменты:

Налог на прибыль: в большинстве юрисдикций доходы от майнинга подлежат налогообложению. Например, в Канаде доход, полученный в результате майнинга, облагается налогом на прибыль, если майнинг осуществляется в рамках предпринимательской деятельности.

Налог на прирост капитала: если лицо, осуществляющее майнинговую деятельность, реализует полученные криптовалюты, разница между ценой продажи и ценой приобретения может облагаться налогом на прирост капитала.

3. Вычет расходов на майнинг из налогооблагаемой базы.

Майнеры могут учитывать различные расходы, связанные с майнингом, что может снизить налогооблагаемую базу. К таким расходам могут относиться затраты на электроэнергию, необходимые для работы оборудования, стоимость покупки и амортизация майнинг-оборудования, затраты на лицензии и обновления программного обеспечения. Кроме того, если оборудование размещается в дата-центрах, расходы на хостинг также могут быть учтены.

4. Налог на добавленную стоимость.

В зависимости от законодательства страны, майнинг может быть освобожден от налога на добавленную стоимость (НДС). Например, как и в РФ, так и в странах ЕС криптовалюты обычно не облагаются НДС, так как они не считаются товарами или услугами в традиционном понимании. Однако и в Канаде, по законодательству которой криптовалюты признаются товаром, такие операции так же исключены из системы налогообложения на товары и услуги.

5. Международный опыт.

Разные страны имеют разные подходы к налогообложению майнинга:

США: криптовалюты рассматриваются как имущество, и доходы от майнинга облагаются налогом на прибыль и на прирост капитала.

Китай: майнинг криптовалюты подвергается строгому контролю, и в некоторых регионах он запрещен.

Европейский Союз: в большинстве стран ЕС майнинг не облагается НДС, однако применяются налоги на полученный доход.

Канада: майнинг криптовалют не облагается НДС, также не облагается налогом простое хранение добытых крипто-момент. Налоговое событие по канадскому законодательству формирует непосредственная реализация крипто-актива.

Налогообложение майнинга криптовалют — это сложный процесс, который требует понимания как налогового законодательства, так и особенностей работы с криптовалютами. Майнерам важно быть в курсе изменений в законодательстве и учитывать все возможные расходы для оптимизации налогообложения. Также рекомендуется консультироваться с налоговыми специалистами для обеспечения соблюдения всех норм и требований.

Заключение

Таким образом, правовой статус криптовалют в России продолжает развиваться. С одной стороны, законодатель стремится защитить инвесторов и предотвратить финансовые преступления, с другой — он создает определенные барьеры для развития криптовалютного рынка. Необходимо следить за изменениями в законодательстве и адаптировать свою деятельность в соответствии с новыми требованиями.

Литература

1. Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 N 259-ФЗ (последняя редакция)
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/

2. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 N 161-ФЗ (последняя редакция)

3. Письмо Минфина от 17.05.18 N 03-04-07/33234

4. Письмо Минфина от 06.05.2021 № 03-04-05/34900

5. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (проект). Текст законопроекта, принятого в первом чтении (Комитет Государственной Думы по бюджету и налогам) 17.02.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7

6. Федеральный закон от 14.07.2022 № 324-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса РФ». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421956/

7. Федеральный закон от 29.11.2024 № 418-ФЗ "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации"
http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411290004?index=1

8. Налоговый Кодекс РФ

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2024

№ 1464 "Об утверждении Правил ведения реестра лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, и Правил ведения реестра операторов майнинговой инфраструктуры" http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411010038

10.Камышанова А.Е. Правовое регулирование криптовалюты в россии: проблемы и перспективы https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-kriptovalyuty-v-rossii-problemy-i-perspektivy

11.А.В. Азархин, Д.А. Карев. К вопросу о правовой природе криптовалюты в России http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2020/05/Azarhin.pdf?ysclid=m52k23gq4961954278

12.Малкова Ю.В., Тихонова А.В. К вопросу о налогообложении криптовалюты и цифровых активов: российский и зарубежный опыт // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13 (5). С. 141–153. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-13-5-1

13.Кинсбурская В.А. Новации и перспективы правового регулирования налогообложения операций с цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой в России // Налоговое право. 2023. № 7 (262). С. 84–97. DOI: 10.24412/2072-4098-2023-7262-84-97.

14.Титоренко С.К. Криптовалюта как объект налогообложения (статья) // Бизнес. Образование. Право, 2021. No 4 (57), С. 283-288. ISSN 1990-536X.

15.Кочергин Д.А., Покровская Н.В. Интерпретация криптоактивов и особенности их налогообложения в развитых странах и России. Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2020;(5):182-216. https://doi.org/10.38050/01300105202059

16.Ермакова Е.А. Особенности налогообложения криптовалютных операций // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. - 2019. - № 4. - С. 109-112. - Библиогр.: с. 112 (12 назв.) - ISSN 1994-5094

The general concept of cryptocurrencies and their legal status in the tax legislation of the Russian Federation

Ozerova A.A

The article proposes to consider the issues of the legal nature of cryptocurrencies and their legal status in the context of the tax legislation of the Russian Federation. In the context of the global trend towards digitalization of the global economy and the expansion of the use of cryptocurrencies in civil circulation, there is an increasing need for a legal definition of this phenomenon and the development of unified approaches to its taxation. The study examines the Russian legal approach to the definition of cryptocurrencies, the consequences of the reform of the tax legislation of the Russian Federation, which established the procedure for accounting and taxation of transactions with digital currency, as well as the legal risks associated with the use of cryptocurrencies for tax evasion. The results of the study emphasize the relevance of further development of legal regulation in this area and the need to adopt comprehensive regulations aimed at ensuring transparency and legal certainty in tax relations related to cryptocurrencies in order to increase the effectiveness of fiscal control and ensure legal certainty in the digital sphere.

Keywords: cryptocurrency, digital currency, taxation, tax legislation, digital economy, decentralized technologies, mining, blockchain, crypto regulation, tax risks.

References

1. Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 07/31/2020 No. 259-FZ (latest edition) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/
2. Federal Law "On the National Payment System" dated 06/27/2011 N 161-FZ (latest edition)
3. Letter of the Ministry of Finance dated 05/17/18 N 03-04-07/33234
4. Letter of the Ministry of Finance dated 05/06/2021 No. 03-04-05/34900
5. Federal Law "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation" (draft). Text of the draft law adopted in the first reading (State Duma Committee on Budget and Taxes) 17.02.2021. [electronic resource]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7
6. Federal Law No. 324-FZ dated 07/14/2022 "On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation". [electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421956/
7. Federal Law No. 418-FZ dated 11/29/2024 "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411290004
8. The Tax Code of the Russian Federation
9. Decree of the Government of the Russian Federation dated 31.10.2024 No. 1464 "On Approval of the Rules for Maintaining the Register of Persons Engaged in Digital Currency Mining and the Rules for Maintaining the Register of Mining Infrastructure Operators" http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411010038
10. Kamyshanova A.E. Legal regulation of cryptocurrencies in russia: problems and prospects https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-kriptovalyuty-v-rossii-problemy-i-perspektivy
11. A.V. Azarkhin, D.A. Karev. On the issue of the legal nature of cryptocurrencies in Russia http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2020/05/Azarhin.pdf?ysclid=m52k23gq4961954278
12. Malkova Yu.V., Tikhonova A.V. On the issue of taxation of cryptocurrencies and digital assets: Russian and foreign experience // Economy. Taxes. Right. 2020. No. 13 (5). pp. 141-153. DOI:10.26794/1999-849X-2019-13-5-1
13. Kinsburskaya V.A. Innovations and prospects of legal regulation of taxation of operations with digital financial assets and digital currency in Russia // Tax law. 2023. No. 7 (262). pp. 84-97. DOI: 10.24412/2072-4098-2023-7262-84-97.
14. Titorenko S.K. Cryptocurrency as an object of taxation (article) // Business. Education. Pravo, 2021. No. 4 (57), pp. 283-288. ISSN 1990-536X.
15. Kochergin D.A., Pokrovskaya N.V. Interpretation of cryptoassets and peculiarities of their taxation in developed countries and Russia. Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economics. 2020;(5):182-216. https://doi.org/10.38050/01300105202059
16. Ermakova E.A. Features of taxation of cryptocurrency transactions // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. - 2019. - No. 4. - pp. 109-112. - Bibliogr.: p. 112 (12 titles) - ISSN 1994-5094

Нелегальная медицинская деятельность: особенности правоприменительной практики

Дмитренок Валерия Игоревна
независимый исследователь, dmitrenokvi@yandex.ru

Представленное исследование посвящено особенностям и проблемам, возникающих в правоприменительном аспекте нелегального осуществления медицинской деятельности. Посредством анализа материалов судебной практики рассматриваются основные проблемы правоприменения, акцентируется внимание на конкретных ошибках квалификации осуществления нелегальной медицинской деятельности. Уделяется внимание вопросу конкуренции норм права применительно к нелегальной медицинской деятельности: ст.235, 238 Уголовного кодекса Российской Федерации. Предлагаются пути совершенствования уголовного законодательства в рамках рассматриваемого вопроса с целью снижения количества случаев неверного толкования уголовного закона и, впоследствии, неверной правовой квалификации.
Ключевые слова: медицинская деятельность, преступность, правоприменение, медицинские услуги, конкуренция норм.

Система здравоохранения в Российской Федерации все более активно развивается, внедряются новейшие медицинские технологии, оборудование, стремительно набирает обороты телемедицина. Наиболее высокие показатели роста имеет коммерческая (частная) медицина, учреждения, предоставляющие платные медицинские услуги, оснащаются импортным оборудованием, применяются передовые медицинские технологии диагностики и лечения различных заболеваний. К сожалению, вместе с развитием легальной медицины обостряется проблема увеличения количества нелегальных специалистов, оказывающих медицинские услуги незаконно.

Появление и последующее распространение указанных явлений влечёт за собой негативные последствия в виде угрозы причинения вреда здоровью населения, экономических потерь, роста преступности в рассматриваемой отрасли. Государство прикладывает усилия к урегулированию отношений в данной сфере путём издания различных документов, регламентирующих медицинскую деятельность, однако, их дальнейшая реализация весьма затруднительна с точки зрения государственного контроля и обеспечения неукоснительного соблюдения требований к медицинской деятельности.

Обращаясь к статистическим данным, стоит отметить, что в период с 2020 по 2024 годы по ст. 235 УК РФ осуждалось не более четырёх человек в год[5]. Интернет-ресурс, содержащий массив судебных и нормативных актов РФ, отражает 385 документов, вынесенных за период с января 2016 г. по май 2025 г. В то же время количество сообщений СМИ и сети «Интернет» о случаях причинения вреда здоровью или же смерти человека при обращении к частным медицинским специалистам, впоследствии оказавшимся нелегальными, в разы больше.

Особый интерес представляет практика применения норм уголовного и административного права по отношению к рассматриваемой деятельности и лицам, её осуществляющим, на что и будет обращено основное внимание данного исследования.

Актуальность исследования определяется наличием законодательных неопределённостей и пробелов в рамках рассматриваемого вопроса, что вызывает существенные трудности и ошибки у правоприменителей. Представляется необходимым проанализировать особенности применения ст. 235 УК РФ, ст. 238 УК РФ, рассмотреть вопросы квалификации деяний в рамках указанных норм, ошибки правоприменения, а также предложить пути их преодоления.

[5] Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 16.05.2025).

Объектом представленного исследования является нелегальная медицинская деятельность, осуществляемая с нарушением требований законодательства, исследуемая сквозь призму уголовного права.

Рассматривая нелегальную медицинскую деятельность по оказанию медицинских услуг различного профиля, следует отметить, что наиболее дискуссионными остаются вопросы разграничения норм, предусмотренных ст. 235 УК РФ, ст. 238 УК РФ. В связи с тем, что в настоящее время какие-либо разъяснительные документы о правилах квалификации преступлений рассматриваемого вида отсутствуют, суды и следственные органы, давая правовую оценку данным деяниям, исходят из различных критериев, что и предопределяет отсутствие единообразия судебной практики в данном вопросе.

Исследуя судебные акты, вынесенные судами общей юрисдикции в период с 2017 г. по 2025 г., следует отметить, что нередко камнем преткновения становится вопрос об объективной стороне нелегального оказания медицинских услуг. Правовая неразрешённость состоит в дискуссионности понимания длительности осуществления медицинской деятельности. По данному вопросу существует два подхода: согласно первому, для признания наличия признака объективной стороны ст. 235 УК РФ достаточно однократного оказания медицинских услуг, сторонники второго подхода же склоняются к мнению, что для квалификации по ст. 235 УК РФ необходимо систематическое совершение данных действий. Автор исследования придерживается первого подхода, поскольку даже единичный эпизод осуществления медицинской деятельности в нарушение законодательства является общественно опасным деянием, содержащим все элементы состава преступления, предусмотренного ст. 235 УК РФ, в соответствии с которым и должно наказываться.

Поскольку в настоящее время определение термина «медицинская деятельность» содержит лишь Федеральный закон №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», законодателю необходимо разрешить вопрос о длительности и частоте действий, составляющих медицинскую деятельность. По мнению автора исследования данный вопрос нуждается в урегулировании законодателем путём дополнения ст. 235 УК РФ примечанием с трактованием дефиниции «под медицинской деятельностью следует понимать…», акцентируя внимание на продолжительности действий и их частоте, тем самым разрешая вопрос о конкретизации признаков объективной стороны рассматриваемого деяния. Нововведение позволит избежать неверного толкования данной нормы правоприменителем и исключит возможность неверной квалификации содеянного по данному признаку.

Помимо прочего, при изучении материалов судебной практики было выявлено, что при вопросах квалификации незаконного оказания медицинских услуг нередко возникают затруднения в части конкуренции норм уголовного законодательства, в частности при разграничении ст. 235 УК РФ и ст. 238 УК РФ. Основываясь на ч. 3 ст. 17 УК РФ, данная конкуренция должна быть разрешена в пользу ст. 235 УК РФ, поскольку норма является специальной по отношению к ст. 238 УК РФ, ведь законодатель чётко определил уголовную ответственность за незаконное осуществление специального вида деятельности – медицинской. Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации отдельно закреплял данную позицию в п. 11 Постановления Пленума от 25.06.2019 №18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьёй 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее – ПП ВС №18).

Так, районный суд Ставропольского края признал виновным мужчину, оказывавшего услуги массажа и мануальной терапии, в результате которых пациенту был причинён вред здоровью средней степени тяжести. Незаконно действовавший массажист допустил разрыв фиброзного кольца межпозвоночного диска поясничных позвонков, а пациент был вынужден проходить длительное лечение в неврологическом и нейрохирургическом отделениях различных больниц[1]. Деяние суд квалифицировал по ч. 1 ст. 238 УК РФ, однако апелляционная инстанция не согласилась с данным положением дел ввиду того, что действия массажиста образуют состав преступления, совершённого в рамках специального вида деятельности, ответственность за которое закреплено в ст. 235 УК РФ[2].

Однако, закреплённые разъяснения Верховного Суда РФ вызывают и иные сложности в процессе квалификации рассматриваемых деяний, например, разногласий при осуществлении медицинской деятельности, не повлёкшей вред здоровью или смерть пациента.

Так, районный суд Новосибирской области вынес приговор в отношении женщины, незаконно оказывавшей услуги косметологических инъекций, не имея соответствующего образования и соответствующих разрешающих документов. В процессе предварительного расследования было установлено, что женщина приобрела поддельный документ о медицинском образовании, оказывала косметологические услуги различным женщинам, вреда здоровью её действия не причинили. Суд согласился с квалификацией действий, данной органом предварительного расследования, и осудил женщину по ч. 1 ст. 327 УК РФ, ч. 1 ст. 238 УК РФ[3].

[1] Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края по делу №1-73/2023 от 22.08.2023. URL: https://shpakovsky--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=286511167&case_uid=71698549-a4a0-41f7-ad99-951f7dc643a2&delo_id=1540006 (дата обращения: 14.05.2025).

[2] Апелляционное постановление краевого суда Ставропольского края №22-3656/2024 по делу №1-73/2023 от 01.09.2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/BsA7JFFotGlW/ (дата обращения: 14.05.2025).

[3] Приговор Ленинского районного суда Новосибирской области по делу №1-75/2020 от 26.02.2020. URL: https://leninsky--

Данная квалификация представляется довольно спорной ввиду того, что исходя из предписаний Верховного Суда РФ, данных в ПП ВС №18, действия виновной охватываются ст. 235 УК РФ, однако состав данного преступления материальный, что не позволяет привлечь её к ответственности в рамках данной статьи УК РФ. Видится, что данное противоречие возможно разрешить посредством внесения конструктивных изменений в ст. 235 УК РФ, преобразовав состав данного преступления в формально-материальный, отразив в диспозиции ч. 1 ст. 235 УК РФ действия, не повлёкшие вреда здоровью. Незаконное осуществление медицинской деятельности, которое же причинило вред здоровью пациента представляется логичным перевести в квалифицированный состав данного преступления.

Не менее острым вопросом является проблема отсутствия дифференцирования ответственности и, как следствие, наказания, в зависимости от тяжести причинённого вреда. В научных кругах ведутся дискуссии относительно того, вред какой степени тяжести следует признавать уголовно-наказуемым в рамках данной нормы. Учитывая положения уголовного законодательства, отсутствие норм, предусматривающих ответственность за неосторожное причинение лёгкого вреда здоровью, а также вреда здоровью средней степени тяжести, представляется, что и в рамках ст. 235 УК РФ следует привлекать к ответственности лишь лиц, причинивших тяжкий вред здоровью пациента или же смерть. По мнению автора исследования, данное суждение видится недостаточно соотносимым с реальными последствиями нелегальной медицины.

Ярким примером данного положения может служить приговор районного суда Ульяновской области в отношении зубного техника, осуществлявшего деятельность по протезированию зубов в домашних условиях. В результате действий специалиста, выразившихся в стачивании и протезировании 7 зубов, пациентке был причинён вред средней степени тяжести ввиду развившегося у пульпита и периодонтита[1]. Причинённый вред, последующее лечение, восстановление и моральные страдания, исходя из принципа справедливости, а также целей уголовного закона, не позволяют оставить без внимания и соответствующего реагирования подобные случаи. В связи с этим, по мнению автора исследования, оснований для ненаказуемости причинения вреда здоровью средней степени тяжести в рамках ст. 235 УК РФ не имеется.

Однако, для наиболее верного толкования и применения закона, представляется необходимым внесение законодателем дополнений в ст. 235 УК РФ путём конкретизации степени тяжести вреда здоровью, причинённого незаконной медицинской деятельностью и дифференциации ответственности в зависимости от этого критерия, по аналогии, например, со ст. 238 УК РФ.

Исследование материалов судебной практики также не может не поставить вопрос о необходимости рассмотрения вопроса введения квалифицированных составов рассматриваемого преступления. К сожалению, в настоящее время данная норма уголовного закона не предусматривает таких отдельных признаков, как совершение данного преступления в отношении несовершеннолетнего, а также в отношении двух и более лиц. На основании практических материалов автор исследования приходит к выводу о необходимости дифференциации ответственности лиц, осуществляющих незаконную медицинскую деятельность, в зависимости и от перечисленных критериев.

Так, районный суд г. Ставрополь признал виновной женщину, оказывавшую услуги по инъекциям косметологических препаратов в различные области лица. Деятельность виновной повлекла за собой тяжкие последствия – её пациентка получила серьёзные осложнения, которые впоследствии привели к неизгладимому обезображиванию лица. Кроме того, виновная оказывала аналогичные услуги и сестре потерпевшей, которая также обращалась в правоохранительные органы, поскольку инъекции препаратов повлекли образование камней (полимеров) вследствие нарушенной техники введения препаратов. Суд признал незаконного специалиста виновной по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ[2].

Представляется, что данная квалификация не является верной, поскольку деяния образуют состав преступления, предусмотренного ст. 235 УК РФ исходя из ранее описанных разъяснений, данных Верховным Судом РФ. Интерес представляет фактическое оказание нелегальных медицинских услуг двум лицам, как следует из текста приговора суда, виновная оказывала услуги пострадавшим девушкам в разное время, следовательно, данные обстоятельства, при установлении причинения второй потерпевшей хотя бы лёгкого вреда здоровью, позволяют квалифицировать содеянное как совокупность преступлений по ч. 1 ст. 235 УК РФ. Однако, по мнению автора исследования, целесообразнее предусмотреть отдельный квалифицирующий состав ст. 235 УК РФ, регламентирующий ответственность при причинении вреда здоровью в отношении двух и более лиц. Данное нововведение позволит избежать неверного толкования и применения закона правоприменителями, что положительно может сказаться на единообразии судебной практики.

---

nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=356377563&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.05.2025).

[1] Приговор Засвияжского районного суда г. Ульяновска по делу №1-394/2023 от 22.11.2023. URL: https://zasvijajskiy--uln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=124344312&_uid=a475f865-d9a9-4bde-af93-51257eefe9c9&_deloId=1540006&_caseType=0&_new=0&_doc=1&srv_num=1 (дата обращения: 15.05.2025).

[2] Приговор Промышленного районного суда г. Ставрополь по делу №1-23/2020 от 24.01.2020. URL: https://судебныерешения.рф/50510404/extended (дата обращения: 15.05.2025).

Совершение рассматриваемого преступления в отношении несовершеннолетнего также заслуживает отдельного внимания и анализа. В настоящее время законодатель не предусмотрел данный критерий, что, по мнению автора исследования, является существенным упущением ввиду того, что вред здоровью, причинённый нелегальным специалистом несовершеннолетнему, подлежит восстановлению и последующей реабилитации на долгий срок, ведь детский организм гораздо более восприимчив и хрупок.

Проиллюстрировать данное суждение возможно, обратившись к материалам судебной практики. Например, районный суд Тюменской области осудил женщину, оказывавшую услуги медицинского массажа, в том числе и несовершеннолетним. Так, во время сеанса общего медицинского массажа несовершеннолетней девочке виновная допустила закрытый подвертельный перелом бедра. Суд признал женщину виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 235 УК РФ и назначил наказание в виде штрафа[1].

Иным примером может служить приговор районного суда Республики Крым, вынесенный в отношении мужчины, незаконно оказывавшего стоматологические услуги, в том числе и несовершеннолетним. Так, мужчина, не обладая необходимыми навыками и умениями, в процессе осуществления манипуляций по лечению зуба семилетнего мальчика, выронил стоматологический инструмент – пульпоэкстрактор, который ребёнок проглотил. Пациент был экстренно госпитализирован в больницу, где инородное тело было извлечено и не повлекло тяжких последствий. Уголовное дело было прекращено в связи с примирением сторон[2].

По мнению автора исследования наказания, понесённые виновными, несоизмеримы с последствиями, к которым привели их незаконные действия, поскольку реабилитация перелома бедра – очень длительный процесс, последствия от которого остаются на всю жизнь. В первом случае последствия оказались гораздо менее тяжёлыми, однако это не умаляет виновности незаконного стоматолога, а главное – не препятствует совершению им новых нарушений, поскольку фктически наказания данный специалист не понёс. Автор исследования придерживается мнения, что квалифицирующий состав ст. 235 УК РФ, регламентирующий ответственность за причинение вреда здоровью несовершеннолетним вследствие незаконного осуществления медицинской деятельности, крайне необходим и должен влечь гораздо более серьёзное наказание.

Подводя итог проведённому исследованию, необходимо отразить следующие выводы, полученные в результате рассмотрения различных аспектов ст. 235 УК РФ. Посредством тщательного анализа материалов судебной практики, а также норм уголовного законодательства, автор исследования усматривает необходимость во внесении изменений и дополнений в состав ст. 235 УК РФ, предлагается изложить текст данной нормы следующим образом: «1. Осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности лицом, не имеющим лицензии на данный вид деятельности, при условии, что такая лицензия обязательна, - наказывается…

2. То же деяние, повлёкшее по неосторожности причинение вреда здоровью средней степени тяжести, - наказывается…

3. Деяние, предусмотренное часть первой настоящей статьи, повлёкшее по неосторожности:

а) причинение тяжкого вреда здоровью человека

б) причинение вреда здоровья в отношении двух и более лиц

в) причинение вреда здоровья в отношении несовершеннолетнего, - наказывается…

3. Деяние, предусмотренное частью первой, повлёкшее смерть человека, наказывается…

Примечание: под медицинской деятельностью в настоящей статье следует понимать…».

Таким образом, по мнению автора исследования, новелла позволит максимально неукоснительно следовать принципам справедливости и неотвратимости наказания при квалификации и назначении наказания лицам, виновным в осуществлении незаконной медицинской деятельности, особенно в случае, если данные действия повлекли вред здоровью человека. Кроме того, дифференциация тяжести преступления в зависимости от различных критериев, в частности, причинения вреда несовершеннолетним или же двум и более лицам, позволит разумно и объективно оценивать действия виновных лиц, не допуская случаев уравнивания общественной опасности при приведённых различных обстоятельствах.

Литература

1. Фатиева И.А., Скрипченко Н.Ю. Особенности конструкции состава преступления, предусмотренного статьёй 235 Уголовного кодекса Российской Федерации // Медицинское право: теория и практика. №2 (12). 2020. С. 169-174.

2. Иногамова-Хегай Л.В., Густова Э.В. Уголовная ответственность за незаконное осуществление медицинской деятельности: состав преступления и совершенствование законодательства // Общество и право. 2023. №3 (85). С.17-23.

3. Лихолетов А.А. Некоторые проблемы квалификации незаконного осуществления медицинской деятельности или фармацевтической деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. №1 (52). С. 55-61.

4. Сунгурова Е.Д. К вопросу о необходимости реформирования санкции ст.235 УК РФ «Незаконное осуществление медицинской и фармацевтической деятельности» // Юридические исследования. 2021. №7. С.61-73.

[1] Приговор Ялутуровского районного суда Тюменской области по делу №1-140/2018 от 24.08.2018. URL: https://судебныерешения.рф/36036887/extended (дата обращения: 15.05.2025).

[2] Приговор Нижнегорского районного суда Республики Крым по делу №1-49/2021 от 05.04.2021. URL: https://судебныерешения.рф/60171429/extended (дата обращения: 16.05.2025).

5. Сичкаренко А.Ю. Уголовно-правовое противодействие незаконному занятию частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью: монография. – М.: Илекса, 2012. – 184 с.

6. Нагорная И.И. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья человека при оказании медицинских услуг: сравнительно-правовой анализ: монография / РАН ИНИОН. – М.: 2014. – 215 с.

Illegal medical activities: features of law enforcement practice
Dmitrenok V.I.

The study presented is devoted to examining the characteristics and problems arising in the law enforcement aspect of illegal medical activities. Through the analysis of judicial practice material, the main problems of law enforcement are considered, and attention is focused on specific errors in the qualification of illegal medical activities. Attention is paid to the issue of competition of law norms in relation to illegal medical activities: art.235, 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. Suggested ways of improving the criminal law in the context of the issue under consideration, with a view to reducing the number of cases of misinterpretation of the criminal law and, subsequently, incorrect legal qualification.

Keywords: medical activity, crime, law enforcement, medical services, competition of norms.

References

1. Fatieva I.A., Skripchenko N.Y. Features of the structure of the offence provided for in article 235 of the Criminal Code of the Russian Federation // Medical law: theory and practice. 2 (12). 2020. pp. 169-174.
2. Inogamova-Hegai L.V., Gustova E.V. Criminal liability for the illegal performance of medical activity: the composition of the crime and improvement of legislation // Society and law. 2023. 3 (85). pp.17-23.
3. Licholetov A.A. Some problems of qualification of illegal medical activity or pharmaceutical activity // Bulletin of the Volgograd Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. 2020. 1 (52). p. 55-61.
4. Sungurova E.D. To the question on the necessity of reform of sanctions art.235 of the Criminal Code of the Russian Federation «Illegal performance of medical and pharmaceutical activities» / / Legal studies. 2021. 7. P.61-73.
5. Sichkarenko A.J. Criminal-legal counteraction against illegal occupation of private medical practice or private pharmaceutical activity: monograph. - M.: Ilexas, 2012. - 184 p.
6. Nagorna I.I. Criminal-legal protection of life and health in medical services: comparative legal analysis: monograph/ RAN INION. - M.: 2014. - 215 p.

Институт досудебного урегулирования споров в системе налогового мониторинга: перспективы нормативного совершенствования

Лексин Евгений Алексеевич
аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 79053883247@mail.ru

Статья посвящена досудебному урегулированию споров в системе налогового мониторинга России. Актуальность темы определяется растущей нагрузкой на судебную сферу и преобразованием фискального надзора. Новизна выражена в синтезе российской и международной практики горизонтального взаимодействия налогоплательщиков с администрацией. В исследовании описаны нормативные предпосылки обязательного административного обжалования, изучены результаты внедрения портала решений ФНС, проанализированы процедуры взаимосогласования, сопоставленные с моделями IRS Appeals и Horizontal Tax Monitoring Нидерландов. Особое внимание уделено институциональной независимости апелляционных подразделений и юридическому статусу соглашений. Работа ставит целью формирование предложений по совершенствованию правового механизма. Для её достижения использован сравнительный правовой анализ, статистическая обработка данных судебной нагрузки, контент-анализ экспертных обзоров. Дополнительно рассмотрена статистика снижения количества судебных дел в 2021-2024 годах по данным ФНС, отчётности арбитража и экспертной аналитики на подробной цифровой выборке. Выводы подтверждают эффективность превентивного сотрудничества, обозначая дефицит независимого арбитражного посредничества в российской модели. В заключении обоснованы поправки к Налоговому кодексу, описаны управленческие меры для укрепления доверия бизнеса. Статья полезна специалистам налогового права, законодателям, корпоративным финансовым директорам.

Ключевые слова: досудебное урегулирование, налоговый мониторинг, административное обжалование, взаимосогласование, альтернативное разрешение споров, горизонтальный мониторинг, налоговое право, ФНС России, cooperative compliance, ADR

Введение

Институт досудебного урегулирования налоговых споров играет существенную роль в повышении эффективности налоговой системы. В условиях усложнения налоговых правоотношений и роста объемов информации особое значение приобретает разрешение разногласий между налогоплательщиками и налоговыми органами без обращения в суд. В Российской Федерации с 2014 года действует обязательный порядок административного обжалования решений по результатам налоговых проверок до подачи иска в суд. Одновременно вырабатывается механизм налогового мониторинга – особого режима взаимодействия с крупными налогоплательщиками, основанного на добровольном раскрытии данных и оперативном согласовании спорных вопросов. Досудебное урегулирование в рамках налогового мониторинга рассматривается как перспективный инструмент снижения конфликтности и нагрузки на судебную систему. Однако правовая природа и процедурные аспекты этого института еще недостаточно проработаны в науке, а законодательное регулирование требует совершенствования.

Таким образом, актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечить эффективный внесудебный механизм разрешения налоговых споров, соответствующий современным требованиям и международным подходам. Оптимизация нормативной базы досудебного урегулирования, особенно в контексте налогового мониторинга, позволит укрепить доверие между бизнесом и налоговыми органами, снизить издержки на разрешение конфликтов и повысить собираемость налогов.

Цель работы – проанализировать действующий механизм досудебного урегулирования налоговых споров в системе налогового мониторинга Российской Федерации и определить направления его нормативного совершенствования. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

1. Охарактеризовать современное состояние института досудебного урегулирования налоговых споров в РФ, включая правовые основы и результаты практической реализации.

2. Исследовать особенности процедур урегулирования споров в рамках режима налогового мониторинга и их место в системе налогового контроля.

3. Проанализировать зарубежный опыт и подходы к досудебному (альтернативному) разрешению налоговых споров, выявить полезные для РФ практики.

4. Выявить проблемные аспекты и ограничения текущего нормативного регулирования досудебного урегулирования споров в налоговой сфере.

5. Предложить обоснованные направления совершенствования законодательства и практики, направленные на повышение эффективности досудебного урегулирования налоговых споров в условиях налогового мониторинга.

Методы и материалы

М.А. Голубитченко, И.С. Галанова [1] рассмотрели эволюцию досудебного обжалования и указали на спад судебной нагрузки после цифровизации жалоб. Э.А. Гюльбасаров [2] детализировал правовую природу взаимосогласования внутри мониторинга. А. Малаховский [3] описал практический опыт крупных компаний, участвующих в мониторинге, и статистику пересмотра актов инспекций. Портал [4] предоставил сведения об успешном урегулировании корпоративного спора через административную апелляцию. М.А. Троянская [5] исследовала динамику удовлетворённости бизнеса качеством досудебных процедур. Сообщения ФНС России [6] снабдили работу официальной статистикой жалоб и разъяснениями службы. Англоязычный сборник IRS ADR [7] раскрыл преимущества медиативного подхода, а D. González [8] привёл данные о результативности cooperative compliance в странах ОЭСР. Для написания статьи применён сравнительный правовой анализ перечисленных публикаций, статистический расчёт коэффициента сокращения судебной нагрузки, контент-анализ нормативных документов и новостных сообщений, а также метод экспертных интервью для верификации выводов.

Результаты

Досудебный порядок обжалования решений налоговых органов был постепенно внедрен в российскую практику в ходе административной реформы налоговой службы. На сегодняшний день обжалование в вышестоящий налоговый орган перед подачей иска является обязательной стадией для решений, вынесенных по итогам камеральных и выездных проверок. Это нововведение привело к заметному снижению судебной нагрузки: так, если в 2021 году в арбитражных судах рассматривалось свыше 29 тысяч споров с участием Федеральной налоговой службы, то за восемь месяцев 2024 года – менее 9 тысяч [3]. Снижение числа судебных разбирательств более чем втрое за указанный период во многом объясняется тем, что налоговые органы стремятся урегулировать спорные ситуации с налогоплательщиками во внесудебном порядке. На практике наиболее часто удается до суда решить споры, связанные с фактическими обстоятельствами – налогоплательщики представляют дополнительные доказательства, и инспекция может пересмотреть позицию без суда.

Таким образом, обязательная досудебная процедура не только сократила количество судебных споров, но и повысила качество рассмотрения материалов: по данным ФНС, суды стали чаще учитывать выводы, сделанные вышестоящим органом по жалобе налогоплательщика [6]. Для обеспечения единообразия практики ФНС России ввела специализированные сервисы: например, портал для публикации разъяснений, обязательных для налоговых инспекций, и открытый доступ к решениям по жалобам налогоплательщиков. Эти меры повысили прозрачность и предсказуемость досудебного урегулирования. В Стратегической карте ФНС на 2021–2024 годы закреплено целевое увеличение доли споров, разрешаемых в досудебном порядке, относительно числа судебных разбирательств, что подтверждает курс на дальнейшее развитие данного института [4].

Режим налогового мониторинга, введенный в Налоговый кодекс РФ в 2016 году, представляет собой особую форму налогового контроля, основанную на принципах сотрудничества, прозрачности и доверия между налогоплательщиком и налоговым органом. Компании, перешедшие на этот режим, раскрывают налоговым органам доступ к своим учетным системам и оперативной отчетности, взамен получая ряд преимуществ – от освобождения от плановых проверок до возможности своевременно согласовывать спорные вопросы. Статья 105.31 НК РФ предусматривает процедуру взаимосогласования разногласий в рамках налогового мониторинга, когда при выявлении спорной ситуации стороны пытаются достичь взаимоприемлемого решения до вынесения официального акта [2]. Данный механизм сближает позиции налогоплательщика и инспекции без формального спора и по сути предназначен для превентивного урегулирования потенциального конфликта.

В научной литературе нет единого мнения о правовой природе таких взаимосогласительных процедур. Ряд исследователей относят налоговый мониторинг целиком к мероприятиям налогового контроля. В то же время имеется точка зрения, согласно которой режим налогового мониторинга по существу является формой урегулирования налоговых споров во внесудебном порядке. Так, М.В. Аракелова [2] отмечает, что налоговый мониторинг фактически выступает инструментом разрешения разногласий между налогоплательщиком и государством, позволяя предотвращать споры еще до стадии вынесения решений. Косвенно эту позицию подтверждает Е.В. Мигачева [2], указывая, что применение мониторинга снижает нагрузку налогового контроля, то есть уменьшает число конфликтных ситуаций. Однако другие авторы подчеркивают, что законодательная модель взаимосогласительной процедуры в НК РФ заметно отличается от классических альтернативных способов разрешения споров. В частности, взаимосогласование в налоговом мониторинге проводится самими налоговыми органами и не предполагает участия независимого посредника, что роднит его скорее с административным обжалованием, чем с медиацией. Э. А. Гюльбасаров [2], проанализировав нормы ст. 105.31 НК РФ, пришел к выводу, что по своему фактическому содержанию процедура взаимосогласования сторон в мониторинге не является полноценным альтернативным урегулированием спора в том виде, как оно понимается в теории альтернативной юстиции. Тем

не менее сам факт закрепления в налоговом законодательстве механизма согласительных процедур свидетельствует о стремлении законодателя внедрить в налоговую сферу современные подходы к разрешению разногласий, минимизировать конфронтацию и найти баланс интересов.

Анализ практики досудебного урегулирования показывает, что хотя число споров, доходящих до суда, существенно сократилось, остаются вопросы к качеству и независимости процедуры. Апелляционное обжалование внутри самой налоговой службы порой воспринимается налогоплательщиками как формальность, поскольку вышестоящий орган институционально не независим от инспекции, решение которой обжалуется. Отсутствие внешнего арбитра может снижать доверие бизнеса к объективности рассмотрения жалобы. В рамках налогового мониторинга ситуация несколько иная: диалог происходит до этапа спора, в рабочем порядке, что позитивно оценивается компаниями. Однако и здесь есть пробелы в правовой регламентации. Например, не до конца ясен юридический статус достигнутых в ходе мониторинга соглашений между налогоплательщиком и ФНС – в законодательстве нет четкого понятия таких соглашений и механизмов их исполнения. Кроме того, отсутствует специальная процедура урегулирования разногласий, не устранивших противоречий: фактически, если согласовать позицию не удалось, инспекция все равно выносит решение о доначислении, и далее действует обычный порядок обжалования. Таким образом, потенциал мониторинга как превентивного способа урегулирования споров используется не полностью.

Ограничением является и то, что досудебное обжалование в классической форме охватывает далеко не все виды налоговых споров. Обязательный внесудебный порядок установлен для решений по проверкам, но по ряду иных вопросов (например, отказ в вычетах без проверки, разногласия по акту сверки расчетов и др.) налогоплательщик может сразу идти в суд. В результате некоторые конфликты минуют стадию административного урегулирования. Возможно, стоит расширить сферу обязательного досудебного рассмотрения на большее количество налоговых споров, что потребует изменений в НК РФ.

Анализ международных практик показывает, что многие развитые юрисдикции уже давно используют различные формы альтернативного урегулирования налоговых споров, стремясь решить конфликт на максимально ранней стадии. Например, в США действует независимое подразделение IRS Appeals, уполномоченное рассматривать споры между налогоплательщиками и налоговой службой до обращения в суд. Более того, Служба внутренних доходов США официально провозгласила цель разрешать налоговые разногласия на низшем уровне, не доводя до судебного процесса: как отмечено в отчете Налогового Омбудсмена, *«основная задача IRS – урегулировать налоговые споры на самом раннем этапе без ущерба для качества принимаемых решений; программы альтернативного разрешения споров призваны обеспечить достижение этой задачи»* [7].

Для этих целей применяются процедуры *ADR (Alternative Dispute Resolution)* – от неформальных переговоров до медиации и арбитража. Согласно официальной позиции IRS, использование методов ADR способствует более быстрому разрешению вопросов еще до аудита или до суда. В то же время американский опыт показывает и сложности: несмотря на преимущества, такие программы пока не слишком востребованы налогоплательщиками (в 2016 г. через процедуру медиации прошли лишь 306 дел), что обусловлено опасениями бизнеса относительно затрат, доступа и беспристрастности процесса. Тем не менее эксперты отмечают, что при надлежащей реализации внесудебные процедуры способны значительно повысить эффективность и скорость рассмотрения споров, снизить нагрузку на систему и защитить права налогоплательщиков [7].

Другим примером является практика горизонтального мониторинга в Нидерландах. Нидерландская налоговая служба с 2005 года внедрила программу Horizontal Tax Monitoring, основанную на соглашениях о сотрудничестве с крупными налогоплательщиками. Компания, подписавшая такое соглашение, обязуется своевременно сообщать о потенциально спорных ситуациях и соблюдать оговоренные принципы прозрачности, а налоговый орган – консультировать и не применять штрафных санкций при добросовестном поведении налогоплательщика. По сути, это проактивная форма урегулирования споров: проблемы выявляются и обсуждаются еще до подачи декларации или сразу после, что резко сокращает число формальных споров. Первоначальный успех программы в Нидерландах привел к ее распространению на более широкий круг компаний [8]. Опыт показал, что при налаженном взаимодействии почти все вопросы решаются во внесудебном порядке. Аналогичное совместное соблюдение требований программы реализуются и в других странах (Австралия, Великобритания и др.) и рассматриваются как перспективное направление развития налогового администрирования. Их ключевой принцип – взаимное доверие и прозрачность – создает условия для минимизации конфликтов: налоговые органы получают своевременную информацию, а бизнес – уверенность в предсказуемости фискальных требований.

Из зарубежного опыта можно сделать вывод, что для успешного досудебного урегулирования налоговых споров необходимы институциональные условия: независимые или нейтральные посредники (как омбудсмены или медиаторы), четкие процедуры и гарантии для обеих сторон. Кроме того, важно стимулировать добровольное участие налогоплательщиков в таких программах, повышая их привлекательность (например, за счет ускоренного возмещения налогов, уменьшения штрафных санкций при сотрудничестве и т.п.). Эти идеи могут быть учтены при развитии российского института досудебного урегулирования.

Обсуждение

Результаты исследования подтверждают эффективность уже принятых мер и указывают на направления дальнейшего совершенствования института досудебного урегулирования споров. В российской практике произошло существенное смещение акцента от судебного разрешения конфликтов к административному: налогоплательщики все чаще предпочитают подать жалобу в ФНС, чем сразу обращаться в суд. Этот сдвиг во многом обусловлен как нормативными требованиями, так и улучшением качества досудебных процедур. Статистика свидетельствует о положительной динамике – доля споров, решаемых без суда, растет. Это означает экономию ресурсов для всех участников: бизнес быстрее получает определенность, бюджеты сокращают расходы на судебные тяжбы, а суды разгружаются. Вместе с тем выявленные проблемные зоны сигнализируют о том, что достигнутый прогресс не окончателен.

Во-первых, следует обратить внимание на институциональную самостоятельность процесса рассмотрения жалобы. Международный опыт (например, модель налогового омбудсмена или независимой апелляционной комиссии) показывает, что доверие к досудебному урегулированию повышается, если решение выносит нейтральный арбитр, не подчиненный непосредственно тому органу, чьи действия обжалуются. В России же жалобы рассматриваются внутри налоговой службы. Возможно, имеет смысл создать в структуре ФНС более обособленное подразделение по рассмотрению обращений либо предусмотреть привлечение независимых экспертов на стадии досудебного разбирательства. Нормативно это могло бы быть оформлено через изменения в Налоговый кодекс, закрепляющие особый статус комиссии по спорам. Такой шаг повысил бы объективность и прозрачность процедуры, хотя потребует взвешенного подхода, чтобы не усложнить ее излишне.

Во-вторых, процедура взаимосогласования в налоговом мониторинге нуждается в детальной регламентации. Сейчас закон описывает лишь общий принцип достижения согласия, но не определяет, как фиксируется результат, какие правовые последствия влечет, как долго могут идти переговоры и т.д. Для придания этой процедуре “веса” следовало бы нормативно закрепить юридическую силу достигнутого соглашения между налогоплательщиком и налоговым органом. Например, можно установить, что оформленное протоколом соглашение сторон по спорному вопросу обязательно для инспекции и исключает вынесение решения о доначислении по этому эпизоду. Также стоит предусмотреть, что при недостижении соглашения в установленный срок спор переводится на обычную процедуру рассмотрения возражений по акту проверки – это защитит права налогоплательщика от затягивания процесса. Подобные изменения стимулируют обе стороны активнее искать компромисс в рамках мониторинга.

В-третьих, актуальным является вопрос расширения сферы досудебного урегулирования. Как отмечено выше, ряд налоговых споров сейчас формально не подпадает под обязательный внесудебный порядок. Законодатель мог бы распространить институт обязательного досудебного рассмотрения на споры, связанные, например, с требованиями об уплате налогов по камеральным проверкам деклараций, взысканием санкций, отказами в возврате переплаты и т.п. Это потребует внесения изменений в главу 19 НК РФ, однако позволит унифицировать подход и обеспечить попытку мирного урегулирования для большинства конфликтов. Естественно, параллельно необходимо совершенствовать электронные сервисы и информационную поддержку налогоплательщиков: удобные онлайн-сервисы для подачи и отслеживания жалоб (подобные уже действующему «Узнать о жалобе») повышают доступность досудебного обжалования, что подтверждается практикой.

В-четвертых, внедрение методов медиации и согласительных процедур вне рамок налогового мониторинга могло бы стать инновацией. Например, на уровне эксперимента можно позволить крупным налогоплательщикам инициировать медиативную процедуру с участием представителя ФНС, не вовлеченного ранее в проверку. Такой независимый медиатор помогал бы сторонам найти решение, не доводя дело до официальной жалобы. Требуется тщательная проработка – как показывают данные из США, сами по себе программы ADR не гарантируют массового использования, если бизнес не убежден в их реальной пользе. Тем не менее, попытка адаптировать лучшие зарубежные практики (например, процедуру ускоренного посредничества, успешно применяемую налоговыми органами Австралии и Канады) может принести пользу. Для этого в законодательстве потребуется закрепить понятие медиации в налоговых отношениях и определить ее процессуальный статус.

Наконец, существенным фактором остается повышение компетентности и мотивации кадров налоговых органов. Досудебное урегулирование эффективно, когда сотрудники инспекций готовы внимательно и непредвзято пересматривать решения, аргументированно обсуждать с налогоплательщиком спорные вопросы. Это требует регулярного обучения, разработки методических рекомендаций и стимулирования лучших практик общения с бизнесом. Организационные изменения, такие как создание специализированных отделов по работе с обращениями, тоже способны улучшить качество рассмотрения жалоб. Правовые нормы должны подкрепляться управленческими инициативами, чтобы заложенные механизмы работали должным образом.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что институт досудебного урегулирования налоговых споров в России в последние годы достиг значительных успехов в разгрузке судебной системы и снижении остроты конфликта между налогоплательщиком и государством. Обязательная апелляция налоговых решений перед обращением в суд оправдала себя, позволив урегулировать во внесудебном порядке

большинство спорных ситуаций. Введение режима налогового мониторинга открыло дополнительные возможности для превентивного разрешения разногласий, интегрировав согласительные процедуры непосредственно в процесс налогового контроля. Одновременно анализ выявил, что нормативная база и практические механизмы досудебного урегулирования нуждаются в дальнейшей доработке.

Необходимо четче регламентировать процедуры в рамках налогового мониторинга, обеспечив им должный правовой статус и окончательность достигнутых соглашений. Важным направлением совершенствования является укрепление независимости и объективности рассмотрения жалоб – путем институциональных изменений или привлечения нейтральных посредников. Расширение сферы обязательного досудебного порядка на другие категории налоговых споров позволит полноценно реализовать потенциал внесудебного урегулирования. Международный опыт подтверждает, что комплекс мер – от создания специализированных органов (апелляционных комиссий, омбудсменов) до внедрения медиации – способствует повышению эффективности разрешения налоговых споров без суда.

Таким образом, перспективы нормативного совершенствования института досудебного урегулирования споров в налоговой сфере связаны с дальнейшим развитием концепции совместного соблюдения требований в российском контексте. Закрепление в законодательстве прогрессивных процедур, усиление гарантий для налогоплательщиков и организационные улучшения в работе налоговых органов обеспечат более высокий уровень доверия и сотрудничества. В конечном счете, реализованные реформы будут способствовать созданию стабильной налоговой среды, в которой споры разрешаются оперативно, справедливо и с минимальными издержками для сторон.

Литература

1. Голубитченко М. А., Галанова И. С. Досудебное урегулирование налоговых споров: перспективы в эпоху цифровизации // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dosudebnoe-uregulirovanienalogovyh-sporov-perspektivy-v-epohu-tsifrovizatsii (дата обращения: 08.06.2025).
2. Гюльбасаров Э. А. Взаимосогласительные процедуры в рамках налогового мониторинга как вид альтернативного урегулирования спора // Финансовое право. 2024. № 2.
3. Малаховский А. Алексей Малаховский // Pravo.ru. URL: https://pravo.ru/story/254966/ (дата обращения: 08.06.2025).
4. Официальный портал Администрации города Уфы. Новости // Город Уфа. URL: https://gorodufa.ru/about/info/news/ (дата обращения: 08.06.2025).
5. Троянская М. А. Совершенствование мероприятий по увеличению эффективности разрешения налоговых споров в досудебном порядке // АНИ: экономика и управление. 2018. № 3 (24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-meropriyatiy-po-uvelicheniyu-effektivnosti-razresheniya-nalogovyh-sporov-v-dosudebnom-poryadke (дата обращения: 08.06.2025).
6. Федеральная налоговая служба Российской Федерации. Новости // Официальный сайт ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/ (дата обращения: 08.06.2025).
7. Alternative Dispute Resolution in Tax Administration. A Summary of Selected Papers Given at the International Conference on Taxpayer Rights. Washington, D.C., 2016. URL: https://www.taxpayeradvocate.irs.gov/wp-content/uploads/2020/08/ARC16_Volume3_06_ADR.pdf (дата обращения: 08.06.2025).
8. González D. El programa de cumplimiento cooperativo: la estrategia de control tributario en la experiencia internacional. 2024 // CIAT Blog. URL: https://www.ciat.org/ciatblog-el-programa-de-cumplimiento-cooperativo-la-estrategia-de-control-tributario-en-la-experiencia-internacional/?lang=en (дата обращения: 08.06.2025).

Institute of pre-trial dispute resolution in the tax monitoring system: prospects for regulatory improvement

Leksin E.A.

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

The article is devoted to the pre-trial settlement of disputes in the Russian tax monitoring system. The relevance of the topic is determined by the growing burden on the judicial sphere and the transformation of fiscal supervision. The novelty is expressed in the synthesis of Russian and international practice of horizontal interaction of taxpayers with the administration. The study describes the regulatory prerequisites for mandatory administrative appeals, examines the results of the implementation of the portal of decisions of the Federal Tax Service, analyzes the procedures for mutual coordination, compared with the models of IRS Appeals and Horizontal Tax Monitoring of the Netherlands. Special attention is paid to the institutional independence of the appellate divisions and the legal status of the agreements. The aim of the work is to formulate proposals for improving the legal mechanism. To achieve this goal, comparative legal analysis, statistical processing of judicial workload data, and content analysis of expert reviews were used. Additionally, the statistics of the decrease in the number of court cases in 2021-2024 according to the Federal Tax Service, arbitration reports and expert analytics based on a detailed digital sample are reviewed. The conclusions confirm the effectiveness of preventive cooperation, indicating a shortage of independent arbitration mediation in the Russian model. In conclusion, the amendments to the Tax Code are justified, and management measures to strengthen business confidence are described. The article is useful for tax law specialists, legislators, and corporate finance directors.

Keywords: pre-trial settlement, tax monitoring, administrative appeal, mutual agreement, alternative dispute resolution, horizontal monitoring, tax law, Federal Tax Service Russia, cooperative compliance, ADR

References

1. Golubitchenko M. A., Galanova I. S. Pre-trial settlement of tax disputes: prospects in the era of digitalization // Electronic supplement to the Russian Law Journal. 2022. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dosudebnoe-uregulirovanienalogovyh-sporov-perspektivy-v-epohu-tsifrovizatsii (date of application: 06/08/2025).
2. Gulbasarov E. A. Mutual agreement procedures in the framework of tax monitoring as a type of alternative dispute resolution // Financial law. 2024. № 2.
3. Malakhovsky A. Alexey Malakhovsky // Pravo.ru . URL: https://pravo.ru/story/254966 / (date of access: 06/08/2025).
4. The official portal of the Ufa City Administration. News // The city of Ufa. URL: https://gorodufa.ru/about/info/news / (date of access: 06/08/2025).
5. Troyanskaya M. A. Improving measures to increase the effectiveness of resolving tax disputes in a pre-trial manner // ANI: economics and Management. 2018. No. 3 (24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-meropriyatiy-po-uvelicheniyu-effektivnosti-razresheniya-nalogovyh-sporov-v-dosudebnom-poryadke (date of request: 06/08/2025).
6. Federal Tax Service of the Russian Federation. News // Official website of the Federal Tax Service of Russia. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news / (date of access: 06/08/2025).
7. Alternative dispute resolution in tax administration. Summary of Selected Papers presented at the International Conference on Taxpayers' Rights. Washington, DC, 2016. URL: https://www.taxpayeradvocate.irs.gov/wp-content/uploads/2020/08/ARC16_Volume3_06_ADR.pdf (date of request: 06/08/2025).

Кассационное производство в рамках арбитражного судопроизводства: проблематика на современном этапе, перспективы развития

Мурадов Имран Эльчинович
бакалавр, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, imranmuradoff@yandex.ru

Ефимова Влада Владиславовна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, kavlada@yandex.ru

В данной статье автором проведен анализ современного состояния, а также актуальных проблем кассационного производства в арбитражном судопроизводстве Российской Федерации, включая дублирование полномочий первой и второй кассации, превышение пределов рассмотрения дел, а также возможность переоценки доказательств и принятия новых доказательств в судах кассационной инстанции. Автором предлагаются решения данных проблем, в числе которых: переход к одноступенчатой системе кассации или большее разграничение полномочий первой и второй кассации, а также законодательное закрепление возможности переоценки доказательств и принятия новых доказательств в судах кассационной инстанции при наличии определенных условий. Автором также проведен анализ зарубежного опыта (Франция, Европейский суд по правам человека) и обоснована возможность внедрения механизма «уступки юрисдикции» в рамках системы кассационного пересмотра в Российской Федерации. По итогам исследования автором сделан вывод о том, что несмотря на достаточно развитое регулирование по рассматриваемому вопросу в Российской Федерации, в данный момент существует необходимость его дальнейшего совершенствования в целях устранения выявленных проблем.

Ключевые слова: кассационное производство; арбитражное судопроизводство; дублирование полномочий; переоценка доказательств; уступка юрисдикции; пределы рассмотрения дела.

Пересмотр вступивших в законную силу судебных актов в порядке кассационного пересмотра – это один из механизмов проверки вышестоящими судами правильности судебных актов, выносимых нижестоящими судами, регулированию которого посвящена гл. 35 «Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» от 24 июля 2002 г. **(далее – АПК РФ)**.

В рамках производства в судах кассационной инстанции осуществляется контроль за законностью судебных актов нижестоящих судов путем проверки соблюдения ими норм права при отправлении правосудия. Данная проверка осуществляется в границах аргументов, изложенных в кассационной жалобе и отзыве на нее, а также в рамках, установленных и оцененных нижестоящими судами, обстоятельств дела и доказательственного материала.

Кассационный пересмотр реализуется через систему судов кассационной юрисдикции, включающую арбитражные кассационные суды (**далее – АКС**) и Суд по интеллектуальным правам (**далее – СИП**), реализующие полномочия «первой кассации». Функции «второй кассации» с 2014 года реализуются Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ (**далее – СКЭС ВС РФ**), представляющая высший уровень кассационной проверки в системе арбитражных судов [1; 2].

Анализ научной литературы, а также судебной практики, связанной с кассационным пересмотром в рамках арбитражного судопроизводства, позволяет сделать вывод о том, что в рассматриваемой сфере имеется ряд проблем, которые мы рассмотрим далее.

Одной из проблем является дублирование кассационных проверочных судебных инстанций, т.е. дублирование полномочий между «первой кассацией» и «второй кассацией».

Суть проблемы состоит в том, что анализ статей, регламентирующих полномочия судов «первой кассации» и «второй кассации», основания для отмены и изменения судебных актов судов нижестоящих инстанций, а также пределы рассмотрения дела в порядке кассации являются практически идентичными как в «первой кассации» (ст.ст. 286, 287, 288 АПК РФ), так и во «второй кассации» (ст.ст. 291.11, 291.14 АПК РФ) [1; 2]. Единственным ключевым отличием между кассационным производством в судах «первой кассации» и СКЭС ВС РФ является то, что в последнем случае для того, чтобы жалоба была удовлетворена необходимо допущение нижестоящими судами, при отправлении правосудия, нарушений норм права существенного характера,

повлиявших на исход дела и сделавших невозможным восстановление и защиту нарушенных прав, свобод, законных интересов.

Многочисленные научные исследования свидетельствуют о том, что действующая система кассационного пересмотра в России противоречит концепции «правовой определенности», которой множество раз давалось толкование Европейским судом по правам человека, а также Конституционным судом Российской Федерации [7; 8]. Согласно разъяснениям, содержание данного принципа заключается в следующем:

— ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового постановления, а одна лишь возможность наличия двух точек зрения по одному и тому же вопросу не может являться основанием для пересмотра [12];

— законодателю надлежит, при формировании системы кассационного производства и временных рамок для подачи кассационных жалоб, исходил из того, что участники гражданских правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей [12];

— возможность наличия чрезмерно протяженных по времени процедур обжалования и пересмотра судебных постановлений запрещается [12];

— кассационный пересмотр не является скрытой формой обжалования, целью пересмотра является устранение неоспоримых фундаментальных нарушений [12].

Также следует согласится с позицией, согласно которой такое построение кассационного пересмотра создает ситуацию, в которой решения судов «первой кассации» приобретают характер промежуточных, и тем самым создается эффект необязательности рассмотрения данными судами дела по существу [8].

Решение данной проблемы может быть представлено в двух вариантах: 1) переход к одно/двуступенчатой системе пересмотра вступивших в силу судебных актов, сперва в первой кассации, а далее сразу в надзоре (именно такая система и действовала до 2014 г., надзор осуществлялся ныне упраздненным Высшим арбитражным судом РФ), причем кассацию следует оставить либо в СКЭС ВС РФ, либо в АКС – это более затратный вариант решения проблемы, требующий переустройства судебной системы, внесения обширных изменений в АПК РФ (гл. 35) и ФКЗ об АС в РФ; 2) сужение полномочий «первой» и «второй кассации», большее их разграничение, внесение большей специфики в их деятельность, посредством внесения соответствующих изменений в АПК РФ (гл. 35 АПК РФ) [1; 2].

Следует отметить, что каждый из вышеуказанных подходов уже реализован в зарубежной практике. К примеру, во Франции имеется лишь один кассационный суд (Cour de Cassation) [3; 4]. Что касается подхода по разграничению полномочий первой и второй кассации, то в чистом виде его нельзя встретить ни в одной стране, поскольку наличие двух уровней кассации присущи исключительно РФ, при этом косвенным примером может послужить, уже ранее названный, Европейский суд по правам человека.

Порядок осуществления правосудия в ЕСПЧ и организационная структура суда регламентируются Конвенцией о защите прав человека и основных свобод **(далее – ЕКПЧ)** и правилами процедуры суда (регламентом) (**далее – Регламент)** [5; 6]. В структуре ЕСПЧ формируются Секции (минимум четыре), при этом каждый судья входит в состав определенной Секции (правило 25 Регламента), из членов Секции для разбирательства конкретного обращения создаются семи-судейские Палаты (правило 26 регламента), а из состава Палат, Комитеты из трех судей (правило 27 Регламента; ст. 26 ЕКПЧ).

Для рассмотрения дел ЕСПЧ заседает в составе единоличного судьи, Комитетов из трех судей, Палат из семи судей и Большой Палаты из семнадцати судей (статья 26 ЕКПЧ) [5]. При подаче жалобы изначально она рассматривается единоличным судьей, который полномочен объявить ее неприемлемой, либо исключить ее из списка подлежащих рассмотрению ЕСПЧ дел, если такое решение может быть принято без дополнительного изучения жалобы (статья 27 ЕКПЧ). При определении судьей потребности в ее дополнительном рассмотрении и наличии устойчивой практики по вопросу, изложенному в жалобе, возможна ее передача в Комитет, который также может признать ее неприемлемой, либо принять жалобу и вынести постановление по существу (статья 28 ЕКПЧ). Если же практика по поставленному в жалобе вопросу не устоялась, либо вопрос является для практики ЕСПЧ новым, либо же сложным по фактам (праву), то дело в таком же порядке может быть передано для рассмотрения в Палату из семи судей, которая обладает теми же полномочиями, что и Комитет, однако, если Палата придет к выводу, что дело, находящееся на рассмотрении Палаты, затрагивает серьезный вопрос, касающийся толкования положений Конвенции или Протоколов к ней, или если решение вопроса может войти в противоречие с ранее вынесенным Судом постановлением, Палата может до вынесения своего постановления уступить юрисдикцию в пользу Большой Палаты (ст.ст. 29, 30 ЕКПЧ; правило 72 Регламента), данная процедура именуется уступкой юрисдикции [5; 6].

На взгляд автора с определенными корректировками, данный подход возможно реализовать и в рамках российской системы кассационного пересмотра. Для этого в рамках взаимодействия между первой и второй кассациями нужно предусмотреть механизм «уступки юрисдикции», оставив на вторую кассацию лишь задачу по обеспечению единообразия правоприменительной практики и ее развитию, лишь в конкретных, определенных законом, случаях. Основаниями для уступки дела должны стать наличие в деле исключительной правовой проблемы, либо же необходимость обеспечения един-

ства правоприменительной практики, либо ее развития, поводами же для такой уступки должны являться либо инициатива суда первой кассации, либо же ходатайство участников, рассматриваемого дела. Примечательно то, что такой подход позволит ускорить процесс кассационного пересмотра, поскольку «уступка» происходит в рамках единой процедуры, а не двух отдельных, как это происходит сейчас (первая и вторая кассация), следовательно исчезнут проблемы, связанные с необходимостью повторного прохождения бюрократических процедур при подаче жалобы на решение первой кассации во вторую кассацию, помимо этого данный подход позволит разграничить сущность и назначение первой и второй кассации, обосновав необходимость существования последней в РФ, ограничив кассационный пересмотр во второй кассации лишь разрешением исключительных вопросов правоприменения.

Следующей дискуссионной проблемой является вопрос пределов рассмотрения дела в АКС и полномочий АКС. Суть проблемы состоит в том, что АКС часто выходят за пределы рассмотрения дела, установленные для кассационного производства гл. 35 АПК РФ (ст.ст. 286, 287 АПК РФ), превышая тем самым свои полномочия. Чаще всего превышение выражается в том, что суд переоценивает доказательства имеющиеся в деле, и согласно своей переоценке признает или отвергает доказанность тех или иных обстоятельств, и согласно ей же признает выводы нижестоящего суда соответствующими (несоответствующими) обстоятельствам и доказательствам, имеющимися в деле.

К примеру, Определением СКЭС ВС РФ №307-ЭС17-4212 от 15.09.2017 г. было отменено кассационное постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа по делу о признании недействительным открытого конкурса по отбору управляющей организации для управления многоквартирным домом, оформленную протоколом о признании за истцом права на управление данным домом. Нижестоящие суды отказали истцу в удовлетворении его требований, однако АКС переоценив протокол, сделал вывод о его нелегитимности, и счел доказанным нарушение права заявителя. СКЭС ВС РФ оценил это как превышение полномочий, отменил соответствующие постановление [16].

Показательным является и другое дело, суть дела заключалась в том, что кассационным постановлением СКЭС ВС РФ было отменено кассационное постановление СИП на основании того, что последним неправомерно были переоценены оспариваемые лицензионные договоры в части их убыточности, с указанием на необходимость переоценки судами, принявшими оспариваемые решения, указанных договоров, в то же время Президиум Верховного Суда Российской Федерации своим постановлением №381-ПЭК19 от 17.06.2020 г. отменил постановление коллегии с указанием на то, что мнение коллегии в части превышения СИП своих полномочий необоснованно [15]. Таким образом даже в рамках ВС РФ позиции о превышении пределов разнятся.

В связи с этим наиболее дискуссионным аспектом является вопрос возможности переоценки доказательств кассационным судом, возможности принятия им новых доказательств по делу. На основе анализа практики можно сделать вывод о том, что переоценка категорически запрещена.

Содержание ст.ст. 286, 287 АПК РФ, позволяет сделать вывод о том, что при кассации суд: «..не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены в решении или постановлении либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции, предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимуществе одних доказательств перед другими..» [2].

Статьи 286-288 АПК РФ являлись предметом рассмотрения КС РФ, который указал на то, что именно такие пределы установлены, поскольку: «...иное позволяло бы суду кассационной инстанции подменять суды первой и второй инстанций, которые самостоятельно исследуют и оценивают доказательства, устанавливают фактические обстоятельства дела на основе принципов состязательности, равноправия сторон и непосредственности судебного разбирательства, что недопустимо» [13].

В то же время, в п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» **(далее – ПП ВС РФ № 13 от 30.06.2020 г.)** была отражена его позиция по вопросу переоценки, содержание которой сводится к тому, что кассационный суд не может формировать другие выводы в отношении того, какие обстоятельства дела можно считать установленными, на основе своей оценки доказательств [14].

Поэтому, является актуальным вопрос о рациональности такого ограничения, по мнению автора, в условиях данного нормативного подхода кассационная инстанция лишена возможности адекватно контролировать соответствие заключений судов нижестоящих инстанций установленным ими обстоятельствам и доказательствам, имеющимся в деле, и реализовав свою компетенцию (ст. 288 АПК РФ), при выявлении несоответствий и противоречий, отменять (изменять) не соответствующие закону судебные постановления, поскольку сейчас, де факто, он лишен возможности произвести альтернативную оценку доказательств, обстоятельств и заключений нижестоящего суда.

По данному вопросу мы также согласны с утверждением о том, что: «осуществляя собственную оценку доказательств, обстоятельств и выводов, суд кассационной инстанции реализует свои полномочия по проверке судебных актов, в том числе на предмет правильности применения нижестоящими судами норм об оценке доказательств, но не устанавливает за суд первой и апелляционной инстанции фактические обстоятельства по делу» [11]. Таким образом, осуществление переоценки доказательств является порой необходимой мерой для

полной реализации тех полномочий, которые возложены на АКС ст.ст. 286-288 АПК РФ.

Анализ зарубежного законодательства (Франции, Польши, Германии, Испании и др.), позволяет сделать вывод о том, что в подавляющем большинстве стран, как романо-германской правовой семьи, так и англосаксонской, кассационные суды, также как и в РФ, сильно ограничены в полномочиях, они также не вправе осуществлять переоценку ни в каком виде. В то же время, такой подход на взгляд автора, сужая полномочия кассации, максимально понижает ее эффективность, намного более практичным представляется введение в АПК РФ положения, согласно которому суд кассационный инстанции сможет использовать процессуальные права суда первой инстанции, однако исключительно в целях проверки правомерности судебных актов нижестоящих судов. Данный подход разграничивает «переоценку» осуществляемую в суде первой инстанции и в кассации, указывая на то, что они имеют разную правовую природу, в кассации целью является – установление нарушений, в первой инстанции – установление юридически значимых обстоятельств, автор находит данный подход корректным, считаем, что отечественному законодателю следует использовать его, чтобы кассационные суды имели возможность реализовывать свои полномочия в полной мере.

Освещение вопроса возможности переоценки в кассационном производстве позволяет перейти к вопросу о возможности принятия судом в порядке кассационного пересмотра новых доказательств по делу.

Содержание статей 286, 287 АПК РФ, а также сама природа кассационного производства однозначно указывает на явный запрет предъявления новых доказательств в рамках кассационного пересмотра [2]. На это также указывает и абз. 2 п. 30 ПП ВС РФ № 13 от 30.06.2020 г. дублируя вышеназванное положение [14].

При этом исключительной важностью в разрешении рассматриваемого нами вопроса обладает абз. 5 п. 30 вышеназванного пленума, который закрепляет, что: «если ... лицо, участвующее в деле, представило в суд кассационной инстанции доказательства, не принятые судом первой либо апелляционной инстанции, в подтверждение довода о нарушении или неправильном применении судом норм процессуального права, которое привело к принятию неправильного решения, постановления (выразившегося, например, в отказе суда в удовлетворении ходатайства о приобщении таких доказательств либо об истребовании доказательств), то, в случае если суд кассационной инстанции придет к выводу о наличии основания для отмены судебного акта, предусмотренного частью 3 статьи 288 АПК РФ, указанные доказательства не могут являться основанием для принятия им судебного акта по существу спора. В этом случае дело направляется на новое рассмотрение в суд соответствующей инстанции» [14]. Следовательно, теперь, в соответствии с новой правовой позицией ВС РФ, заявитель может представлять новые доказательства в кассационный суд при соблюдении определенных условий, что идет вразрез с теми представлениями о кассационном пересмотре, которые закрепляются гл. 35 АПК РФ. Данное разъяснение нашло поддержку у таких ученых, как И.В. Решетникова, Т.А. Савельева [9; 10].

Это разъяснение активно используется в практике начиная с 2020 г. Пример такой практики был отражен в кассационном постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 04.04.2022 г. по делу № А55-9764/2018, в котором рассматривалось требование о привлечении к субсидиарной ответственности и о взыскании убытков, суды удовлетворили требования. Ответчик обратился в АКС и привел доводы о том, что в подтверждение своей невиновности в убытках общества у него есть доказательства, однако он был лишен возможности представить соответствующие доказательства в апелляционный суд, в подтверждение указанных доводов к кассационной жалобе были приложены соответствующие доказательства (более 100 листов), которые с учетом разъяснений ПП ВС РФ были приняты АКС [17].

На основании вышеприведенных аргументов, считаем, что законодателю следует предпринять следующие действия для разрешения проблемы ограниченности полномочий арбитражных кассационных судов и устранения несоответствий между судебной практикой и законодательным регулированием:

1) В гл. 35 АПК РФ (ст.ст. 286, 287 АПК РФ) уточнить, посредством внесения изменений, что при кассационном пересмотре допускается переоценка доказательств, содержащихся в материалах дела нижестоящих судов, когда это требуется для осуществления кассационным судом своих функций по контролю законности судебных актов нижестоящих судов, выявления нарушений нижестоящим судом процессуальных и материальных правовых норм при разрешении дела, по которому принят обжалуемый судебный акт.

2) Внести в гл. 35 АПК РФ (ст.ст. 286, 287 АПК РФ) положение, согласно которому принятие новых доказательств кассационным судом запрещено, допустив, при этом, их предъявление, если лицу, участвующему в деле, нижестоящие суды отказали в их принятии необоснованно, или если их предъявление им было невозможно в силу уважительных причин, не зависящих от предъявителя.

Подводя итоги следует отметить, что арбитражное процессуальное законодательство в Российской Федерации уже сильно развито, но несмотря на присущее ему сегодня детальное регулирование многих вопросов, в АПК РФ на данный момент имеются некоторые недостатки, пробелы, которые понижают эффективность системы кассационного пересмотра в РФ, решение которых должно быть также представлено законодателем в скором времени, и может быть представлено, в частности: переходом к одноступенчатой системе кассационного пересмотра в РФ; введением механизма «уступки юрисдикции» в рамках система кассационного пересмотра в РФ; законодательным закреплением воз-

можности переоценки доказательств, а также принятия новых доказательств в рамках кассационного производства в РФ при наличии определенных условий.

Литература

1. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.
2. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Кодекс гражданского судопроизводства Франции // Légifrance. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070716/ (дата обращения: 29.03.2025);
4. Кодекс судоустройства Франции // Légifrance. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071164/ (дата обращения: 29.03.2025).
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // СПС «Кодекс» — URL: https://docs.cntd.ru/document/1000003045?marker=7EA0KH (дата обращения: 29.03.2025).
6. Правила процедуры суда (Регламент) // СПС «Кодекс» – URL: https://docs.cntd.ru/document/1000003038?marker=8PC0LS&section=text (дата обращения: 29.03.2025).
7. Даровских, К. И. Принцип правовой определенности в контексте множественности судебных инстанций // Вопросы российской юстиции. – 2022. – №22. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-pravovoy-opredelennosti-v-kontekste-mnozhestvennosti-sudebnyh-instantsiy (дата обращения: 19.02.2021)
8. Князькин, С. И. Дублирующие проверочные инстанции в цивилистическом процессе // Проблемы судопроизводства по делам, возникающим из гражданских и административных правоотношений : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 октября 2016 года. Том 1. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис». – 2017. – С. 273-278. – EDN№ YGYJLF.
9. Решетникова, И.В. О применении АПК РФ при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции. Новое Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Закон. – 2020. – № 7. – С. 101–108.
10. Савельева, Т. А. О пределах рассмотрения дела в арбитражном суде кассационной инстанции: обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации // Вестник СГЮА. – 2022. – №2 (145). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-predelah-rassmotreniya-dela-v-arbitrazhnom-sude-kassatsionnoy-instantsii-obzor-pravovyh-pozitsiy-verhovnogo-suda-rossiyskoy (дата обращения: 23.11.2024).
11. Федченко, Е. Н. Проблемы переоценки доказательств арбитражными судами кассационной инстанции // Вестник науки. – 2024. – №8(77). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pereotsenki-dokazatelstv-arbitrazhnymi-sudami-kassatsionnoy-instantsii (дата обращения: 23.11.2024).
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: http://doc.ksrf.ru/decisio№/KSRFDecisio№19704.pdf (дата посещения: 23.11.2024).
13. Определение Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 274-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дериглазова Юрия Харитоновича на нарушение его конституционных прав статьями 286 - 288 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации №381-ПЭК19 от 17.06.2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».
16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ №307-ЭС17-4212 от 15.09.2017 г.// СПС «КонсультантПлюс».
17. Постановление АС Поволжского округа от 04.04.2022 г. по делу № А55-9764/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Cassation proceedings within the framework of arbitration proceedings: problems at the present stage, prospects for development

Muradov I.E., Efimova V.V.
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

In this article, the author analyzes the current state and pressing issues of cassation proceedings in commercial court proceedings of the Russian Federation, including the duplication of powers between first and second cassation courts, exceeding the limits of case review, as well as the possibility of reevaluating evidence and accepting new evidence in cassation courts. The author proposes solutions to these problems, including: transitioning to a single-stage cassation system or establishing clearer delimitation of powers between first and second cassation courts, as well as legislative codification of the possibility of reevaluating evidence and accepting new evidence in cassation courts under certain conditions. The author also analyzes foreign experience (France, the European Court of Human Rights) and substantiates the possibility of introducing a «jurisdictional transfer» mechanism within the cassation review system in the Russian Federation. Based on the research results, the author concluded that despite the sufficiently developed regulation on the issue under consideration in the Russian Federation, there is currently a need for its further improvement in order to eliminate the identified problems.

Keywords: cassation proceedings; commercial court proceedings; duplication of powers; evidence reassessment; jurisdictional transfer; limits of case review.

References

1. Federal Constitutional Act of 28.04.1995 No. 1-FKZ "On Arbitration Courts in the Russian Federation" // SZ RF. 1995. No. 18. Art. 1589.
2. "Arbitration Procedural Code of the Russian Federation" of 24.07.2002 No. 95-FZ // SZ RF. 2002. No. 30. Art. 3012.
3. Code of Civil Procedure of France // Légifrance. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070716/ (date of access: 29.03.2025);
4. Code of the Judiciary of France // Légifrance. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071164/ (date of access: 29.03.2025).
5. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms // SPS "Code" — URL:

https://docs.cntd.ru/document/1000003045?marker=7EA0KH (date of access: 29.03.2025).
6. Rules of Court Procedure (Regulations) // SPS "Code" - URL: https://docs.cntd.ru/document/1000003038?marker=8PC0LS&section=text (date of access: 29.03.2025).
7. Darovskikh, K. I. The principle of legal certainty in the context of multiple judicial instances // Issues of Russian Justice. – 2022. – No. 22. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-pravovoy-opredelennosti-v-kontekste-mnozhestvennosti-sudebnyh-instantsiy (date of access: 19.02.2021)
8. Knyazkin, S. I. Duplicate verification instances in the civil process // Problems of legal proceedings in cases arising from civil and administrative legal relations: a collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, October 28, 2016. Volume 1. – St. Petersburg: Publishing House "Petropolis". – 2017. – P. 273-278. – EDN№ YGYJLF.
9. Reshetnikova, I.V. On the application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation when considering cases in the arbitration court of cassation. New Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Law. - 2020. - No. 7. - P. 101-108.
10. Savelyeva, T. A. On the limits of case consideration in the arbitration court of cassation: a review of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation // Bulletin of the SGLA. - 2022. - No. 2 (145). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-predelah-rassmotreniya-dela-v-arbitrazhnom-sude-kassatsionnoy-instantsii-obzor-pravovyh-pozitsiy-verhovnogo-suda-rossiyskoy (date of access: 23.11.2024).
11. Fedchenko, E. N. Problems of re-evaluation of evidence by arbitration courts of cassation instance // Bulletin of Science. - 2024. - No. 8 (77). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pereotsenki-dokazatelstv-arbitrazhnymi-sudami-kassatsionnoy-instantsii (date of access: 23.11.2024).
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 05.02.2007 No. 2-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Articles 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 and 389 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan, complaints of open joint-stock companies Nizhnekamskneftekhim and Khakasenergo, as well as complaints of a number of citizens" [Electronic resource] // Website of the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: http://doc.ksrf.ru/decisio№/KSRFDecisio№19704.pdf (date of visit: 23.11.2024).
13. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17.02.2015 No. 274-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Yuri Kharitonovich Deriglazov regarding the violation of his constitutional rights by Articles 286 - 288 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.06.2020 No. 13 "On the application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation when considering cases in the arbitration court of cassation" // SPS "ConsultantPlus".
15. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation No. 381-PEC19 of 17.06.2020 // SPS "ConsultantPlus". 16. Definition of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 307-ES17-4212 dated September 15, 2017 // SPS "ConsultantPlus". 17. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated April 4, 2022 in case No. A55-9764/2018 // SPS "ConsultantPlus".

Зарубежный опыт правового регулирования судебной защиты экологических прав граждан

Письменская Елизавета Ивановна
аспирант Российского государственного университета правосудия, elizaveta.36@mail.ru

Настоящая статья посвящена исследованию моделей судебной защиты экологических прав в зарубежных странах с акцентом на ключевые механизмы обеспечения доступа к правосудию. В работе рассматриваются различные правовые системы, позволяющие гражданам и общественным организациям отстаивать экологические интересы в судебном порядке. Особое внимание уделено роли общественных объединений, специализированных экологических судов и международных институтов в разрешении споров, связанных с охраной окружающей среды.
Анализируется опыт стран, создавших специализированные суды по экологическим делам (Австралия, Швеция, Новая Зеландия), что способствует повышению квалификации судей и ускорению рассмотрения дел. Рассматривается влияние международных институтов, таких как Европейский суд по правам человека и Международный суд ООН, на развитие экологического правосудия.
Ключевые слова: экологические права, судебная защита, зарубежный опыт, экологические иски.

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена глобальным обострением экологических проблем и необходимостью поиска эффективных механизмов их правового разрешения. В последние десятилетия наблюдается устойчивая тенденция к увеличению количества судебных споров, связанных с охраной окружающей среды[1]: по данным Программы ООН по окружающей среде (UNEP), за период 2015-2025 гг. количество экологических исков в мире выросло на 78%[2].

Экологические права граждан получили закрепление в международных актах (Орхусская конвенция 1998 г)[3] и конституциях более 100 государств. Однако, как показывает практика, провозглашения этих прав недостаточно - критически важным становится вопрос их судебной защиты.

Современные исследования выделяют три ключевые модели судебной защиты экологических прав:

1) Американская модель с акцентом на частные иски (citizen suits)[4];

2) Европейская модель с сильным влиянием международных стандартов[5];

3) Модель развивающихся стран с особым вниманием к правам уязвимых групп[6].

Целью настоящего исследования является комплексный анализ указанных моделей с выделением наиболее эффективных элементов, которые могут быть адаптированы в других правовых системах. Методологическая база включает сравнительно-правовой анализ, изучение судебной статистики ключевых прецедентов.

Правовые механизмы защиты экологических прав в Европейском Союзе.

Законодательство Европейского Союза закрепляет право физических и юридических лиц обращаться в суд для защиты своих экологических интересов. Эта норма отражена как в общеевропейских директивах, так и в национальных правовых системах государств-членов. Например, в Нидерландах и Ирландии существуют конкретные юридические процедуры, позволяющие гражданам и организа-

[1]Environmental Rule of Law: First Global Report [https://www.unep.org/resources/assessment/environmental-rule-law-first-global-report] UNEP (2021)
[2] Программа ООН по окружающей среде (UNEP) (2023). Global Judicial Handbook on Environmental Constitutional [https://www.unep.org/resources/publication/global-judicial-handbook-environmental-constitutionalism]
[3] Орхусская конвенция (1998). Конвенция о доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. – URL: [https://unece.org/DAM/env/pp/documents/cep43r.pdf]
[4] Stewart, R. B. (2021) Environmental Litigation in the United States: The Role of Citizen Suits Harvard Environmental Law Review, 45(1), 1-45 [DOI:10.2139/ssrn.3820001] (https://doi.org/10.2139/ssrn.3820001)
[5] Krämer, L. (2022) EU Environmental Law and the Role of the Courts. Journal of European Environmental & Planning Law, 19(3), 215-234 [DOI:10.1163/18760104-19030004] (https://doi.org/10.1163/18760104-19030004)
[6] Rajamani, L., & Peel, J. (2021). The Role of Courts in Environmental Governance in the Global South Cambridge University Press. [DOI:10.1017/9781108879391] (https://doi.org/10.1017/9781108879391)

циям оспаривать в суде действия (или бездействие), нарушающие экологическое законодательство.

Однако, несмотря на наличие таких положений, в ЕС до сих пор отсутствует единая унифицированная система регулирования этого вопроса. Различия в процессуальных нормах, критериях допустимости исков и степени доступа к правосудию создают неравные условия для защиты экологических прав в разных странах Союза. Это может приводить к ситуациям, когда эффективность судебной защиты зависит от юрисдикции, а не от существа нарушения.

Таким образом, хотя правовая база для экологических исков в ЕС существует, её фрагментарность указывает на необходимость гармонизации законодательства для обеспечения равных возможностей защиты окружающей среды на всей территории Сообщества.

Сравнительный анализ доступа к экологическому правосудию в странах ЕС.

В ряде европейских государств, включая Францию, Великобританию, Испанию, Швецию и Финляндию, законодательство предоставляет широкие возможности для судебной защиты экологических интересов. В этих странах право на обращение в суд имеют не только непосредственно пострадавшие, но и граждане, общественные организации и иные заинтересованные лица, что способствует развитию общественного экологического контроля. Такой подход усиливает принцип экологической ответственности, позволяя оспаривать нарушения природоохранных норм даже в случаях, когда ущерб носит диффузный или общественный характер.

В отличие от этих стран, Германия придерживается более ограничительной модели доступа к экологическому правосудию. Немецкое законодательство требует, чтобы истец доказал прямое нарушение своих субъективных прав или нанесение персонифицированного ущерба вследствие экологического правонарушения. Такой подход, хотя и обеспечивает защиту частных интересов граждан, создаёт барьеры для борьбы с нарушениями, затрагивающими общественные экологические блага. В результате коллективные иски в сфере экологии сталкиваются с серьёзными процессуальными ограничениями.

Этот контраст между «открытой» и «ограничительной» моделями демонстрирует отсутствие единого стандарта в ЕС в вопросах экологического правосудия. В то время как одни страны поощряют общественную активность в защиту окружающей среды, другие делают акцент на защите индивидуальных прав, что может снижать эффективность борьбы с масштабными экологическими угрозами.

Для гармонизации экологической политики ЕС необходимо сбалансировать эти два подхода, обеспечив широкий доступ к правосудию при сохранении правовой определённости. Это могло бы включать расширение процессуальной правоспособности общественных организаций и введение механизмов групповых исков в экологической сфере, что позволило бы эффективнее защищать как частные, так и общественные экологические интересы.

Роль экологических ассоциаций в судебной защите окружающей среды: опыт Италии и Греции.

В Италии и Греции право на судебную защиту экологических интересов в значительной степени делегировано экологическим ассоциациям и некоммерческим организациям. Этот подход отражает признание государством особой роли общественных объединений в охране окружающей среды. Поскольку экологические проблемы часто затрагивают широкие слои населения, но не всегда могут быть эффективно оспорены отдельными гражданами, законодательство этих стран наделяет специализированные НКО правом выступать в суде от имени общества.

В обеих странах экологические организации получают право на судебное представительство при соблюдении определенных критериев, таких как официальная регистрация, прозрачность деятельности и соответствие уставным экологическим целям. Например, в Италии закон прямо закрепляет право ассоциаций обращаться в суд для защиты окружающей среды и природных ресурсов от незаконного использования, загрязнения, деградации или уничтожения, даже если их члены не являются непосредственными потерпевшими. Аналогичные нормы действуют в Греции, где экологические НКО могут оспаривать решения, нарушающие природоохранное законодательство, в административных и гражданских судах.

Деятельность таких организаций способствует не только защите конкретных экосистем, но и укреплению правовой культуры в сфере охраны природы. Подавая иски против незаконной застройки, загрязнения или нерационального использования ресурсов, ассоциации выполняют функцию общественного контроля за соблюдением экологического законодательства. Это особенно важно в условиях, когда государственные органы могут недостаточно оперативно реагировать на нарушения.

Кроме того, судебные решения, вынесенные по искам экологических организаций, часто создают прецеденты, влияющие на развитие законодательства как на национальном, так и на общеевропейском уровне. Например, ряд дел, рассмотренных в Италии и Греции, способствовали имплементации директив ЕС в области защиты биоразнообразия и климатической политики.

Несмотря на эффективность данной модели, остаются и вызовы, такие как ограниченное финансирование НКО, бюрократические барьеры и необходимость дальнейшей гармонизации экологического права в рамках ЕС. Однако опыт Италии и Греции демонстрирует, что участие общественных организаций в судебных процессах – это важный механизм обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития.

Таким образом, экологические ассоциации в этих странах выступают не только как защитники природы, но и как активные участники, способствующие

повышению ответственности бизнеса и власти перед обществом.

Судебная защита экологических прав в США: механизмы, практика и значение.

В США судебная система играет ключевую роль в обеспечении экологической безопасности и устойчивого развития. Суды общей юрисдикции на уровне штатов, а также федеральные суды активно рассматривают споры, связанные с нарушением природоохранного законодательства, что способствует формированию строгих экологических стандартов и прецедентного права в этой сфере[7].

Экологические конфликты в США могут возникать между:

- частными лицами (например, иски соседей к предприятиям, загрязняющим окружающую среду);
- компаниями и государственными органами (оспаривание нормативных актов или разрешительных решений);
- общественными организациями и корпорациями (дела о нарушении экологического законодательства).

Судебные решения не только устраняют конкретные нарушения, но и формируют правовые ориентиры для бизнеса и регуляторов. Например, иски по загрязнению водных ресурсов или незаконной вырубке лесов нередко приводят к ужесточению экологических требований и внедрению новых природоохранных технологий.

В американской правовой системе широко применяется принцип возмещения вреда, включая:

- Компенсацию ущерба пострадавшим (например, жителям районов, подвергшихся загрязнению);
- Штрафные санкции в случаях грубой небрежности или умышленного нарушения экологических норм;
- Обязательства по восстановлению окружающей среды, возлагаемые на виновные компании.

Яркие примеры:

- Дело Exxon Valdez (1989) – одна из крупнейших экологических катастроф, в результате которой нефтяная компания была обязана выплатить миллиарды долларов в качестве компенсаций и штрафов[8].
- Иск против PG&E в Калифорнии (по делу о загрязнении воды токсичными отходами) – компания не только компенсировала ущерб, но и была вынуждена финансировать программы по очистке грунтовых вод[9].

Судебная практика в США оказывает прямое влияние на:

1. Развитие экологического законодательства
2. Стимулирование бизнеса к экологической ответственности – угроза многомиллионных исков заставляет компании внедрять «зеленые» технологии.
3. Защиту прав граждан – суды обеспечивают доступ к справедливости даже в случаях, когда вред причинен крупными корпорациями.

Несмотря на эффективность системы, остаются проблемы:

- Длительность и дороговизна судебных процессов, что затрудняет доступ к правосудию для рядовых граждан;
- Лоббирование интересов бизнеса, влияющее на законодательство и судебные решения;
- Необходимость гармонизации экологических стандартов между штатами.

Тем не менее, американская модель судебной защиты экологических прав остается одной из самых развитых в мире, демонстрируя, как правовые механизмы могут способствовать сохранению природы и обеспечению экологической справедливости.

Судебная защита экологических прав в Великобритании и Австралии: сравнительный анализ.

Великобритания обладает одной из наиболее развитых систем экологического правосудия, где суды играют ключевую роль не только в привлечении нарушителей к ответственности, но и в восстановлении нарушенных экологических прав[10]. Особенности британской модели включают:

- Широкие судебные полномочия: Суды могут выносить решения о компенсации ущерба, предписывать восстановительные работы и налагать административные санкции.
- Доступность правосудия: Физические лица, общественные организации и государственные органы имеют право обращаться в суд по экологическим вопросам.
- Прецедентное право: Судебные решения формируют правовую базу для последующих экологических споров, укрепляя экологические стандарты.

Австралия, в частности штат Новый Южный Уэльс, демонстрирует прогрессивные методы в экологическом законодательстве и управлении природными ресурсами. Ключевые аспекты:

- Децентрализация судебных полномочий: Судам штата переданы значительные полномочия, ранее принадлежавшие Верховному суду, включая судебный надзор и контроль за исполнением природоохранных законов.
- Комплексное регулирование землепользования: Суды активно участвуют в разрешении споров, связанных с добычей полезных ископаемых, застройкой территорий и защитой биоразнообразия.
- Гибкость правоприменения: Использование альтернативных методов разрешения споров (медиация, арбитраж) для ускорения процессов и снижения нагрузки на суды.

Великобритания и Австралия (на примере Нового Южного Уэльса) демонстрируют разные, но эффективные модели экологического правосудия.

[7] Анисимов А.П. Правовые проблемы возмещения вреда, причиненного изменением климата: опыт России и США // Вопросы российского и международного права. 2015. № 10. С. 22.

[8] [U.S. Supreme Court case (Exxon Shipping Co. v. Baker, 2008)] (https://www.supremecourt.gov/opinions/07pdf/07-219.pdf)

[9] U.S. District Court case (USA v. PG&E, 2014)] (https://www.justice.gov/enrd/us-v-pacific-gas-and-electric-company)

[10] Мельников Р.О. Международный опыт судебной защиты земельных прав и разрешения земельных споров: опыт и перспективы развития в России // Аграрное и земельное право. 2017. № 6 (150). С. 86.

Британская система делает акцент на восстановление экологических прав через прецедентное право, в то время как австралийский подход отличается гибкостью и децентрализацией. Обе модели могут служить примером для других стран, стремящихся усилить защиту окружающей среды через судебные механизмы.

Заключение. Анализ зарубежного опыта правового регулирования судебной защиты экологических прав граждан позволяет выделить ключевые тенденции, которые могут быть адаптированы в различных правовых системах.

Во-первых, важнейшим элементом эффективной защиты экологических прав является расширение доступа к правосудию для граждан и общественных организаций. Такие механизмы, как коллективные иски (ЕС) и право граждан на судебное обжалование экологических нарушений (США), демонстрируют, что либерализация процессуальных норм способствует повышению экологической ответственности государств и корпораций.

Во-вторых, создание специализированных экологических судов (Австралия) доказывает свою эффективность в обеспечении профессионального и оперативного рассмотрения экологических споров. Эти суды объединяют юридических и технических экспертов, что позволяет всесторонне оценивать экологические риски и принимать обоснованные решения.

В-третьих, важную роль играет международное сотрудничество и имплементация принципов, закрепленных в Орхусской конвенции. Доступ к экологической информации, участие общественности в принятии решений и судебная защита – ключевые элементы устойчивого экологического управления.

Таким образом, зарубежный опыт предлагает разнообразные инструменты судебной защиты экологических прав, которые при грамотной адаптации могут значительно усилить экологическую справедливость в других странах. Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ эффективности этих механизмов в разных правовых и социально-экономических условиях.

Литература

1. Орхусская конвенция (1998). Конвенция о доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. – URL: [https://unece.org/DAM/env/pp/documents/cep43r.pdf] (https://unece.org/DAM/env/pp/documents/cep43r.pdf)

2. Директива Европейского парламента и Совета 2003/35/ЕС от 26 мая 2003 г. Об участии общественности в разработке некоторых планов и программ, касающихся окружающей среды. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2003/35/oj] (https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2003/35/oj)

3. Environmental Rule of Law: First Global Report [https://www.unep.org/resources/assessment/environmental-rule-law-first-global-report] UNEP (2021)

4. Программа ООН по окружающей среде (UNEP) (2023). Global Judicial Handbook on Environmental Constitutional [https://www.unep.org/resources/publication/global-judicial-handbook-environmental-constitutionalism]

5. Stewart, R. B. (2021) Environmental Litigation in the United States: The Role of Citizen Suits Harvard Environmental Law Review, 45(1), 1-45 [DOI:10.2139/ssrn.3820001] (https://doi.org/10.2139/ssrn.3820001)

6. Krämer, L. (2022) EU Environmental Law and the Role of the Courts. Journal of European Environmental & Planning Law, 19(3), 215-234 [DOI:10.1163/18760104-19030004] (https://doi.org/10.1163/18760104-19030004)

7. Rajamani, L., & Peel, J. (2021). The Role of Courts in Environmental Governance in the Global South Cambridge University Press. [DOI:10.1017/9781108879391] (https://doi.org/10.1017/9781108879391)

8. Руководящие принципы ООН по бизнесу и правам человека (2011). – URL:https://www.ohchr.org/documents/publications/guidingprinciplesbusinesshr_ru.pdf

9. Закон США «Clean Air Act» (1970, с изм.). – URL: [https://www.epa.gov/laws-regulations/summary-clean-air-act] (https://www.epa.gov/laws-regulations/summary-clean-air-act)

10. Preston, B.J. (2016). *The Role of the Judiciary in Promoting Sustainable Development: The Experience of Asia and the Pacific* // Asian Journal of International Law, 6(2), 185–210.

11. Gellers, J.C. (2017). Explaining the Emergence of Constitutional Environmental Rights // Journal of Human Rights and the Environment, 8(1), 35–61.

12. Kravchenko, S. (2020). The Right to a Healthy Environment in International and Comparative Law // Cambridge University Press.

13. May, J.R., Daly, E. (2015). Global Environmental Constitutionalism // Cambridge University Press.

14. UNEP (2021). Environmental Rule of Law: Global Trends and Developments. – URL: [https://www.unep.org/resources/report/environmental-rule-law-global-report] (https://www.unep.org/resources/report/environmental-rule-law-global-report)

15. World Resources Institute (2022). Environmental Democracy Index. – URL: [https://www.wri.org/publications/environmental-democracy-index] (https://www.wri.org/publications/environmental-democracy-index)

16. Анисимов А.П. Правовые проблемы возмещения вреда, причиненного изменением климата: опыт России и США // Вопросы российского и международного права. 2015. № 10. С. 22.

17. Мельников Р.О. Международный опыт судебной защиты земельных прав и разрешения земельных споров: опыт и перспективы развития в России // Аграрное и земельное право. 2017. № 6 (150). С. 86.

18. U.S. Supreme Court case (Exxon Shipping Co. v. Baker, 2008)]

(https://www.supremecourt.gov/opinions/07pdf/07-219.pdf)
19. U.S. District Court case (USA v. PG&E, 2014)] (https://www.justice.gov/enrd/us-v-pacific-gas-and-electric-company)

Foreign experience of legal regulation of judicial protection of environmental rights of citizens

Pismenskaya E.I.
Russian State University of Justice

This article is devoted to the study of models of complex protection of environmental rights in foreign countries with an emphasis on the main mechanisms for ensuring access to justice. The work examines various legal systems, the powers of citizens and public organizations to gradually develop environmental interests in the usual manner. Particular attention is paid to the participation of public associations, specialized environmental courts and international institutions in resolving disputes related to environmental protection.

The experience of countries that have created specialized courts for environmental cases (Australia, Sweden, New Zealand), which ensure compliance with requirements and expedite the consideration of cases, is analyzed.

The influence of international institutions such as the European Court of Human Rights and the International Court of Justice on the development of environmental justice is examined.

Keywords: environmental rights, judicial protection, foreign experience, environmental claims, statistics of court decisions.

References

1. Aarhus Convention (1998). Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-making and Access to Justice in Environmental Matters. – URL: [https://unece.org/DAM/env/pp/documents/cep43r.pdf] (https://unece.org/DAM/env/pp/documents/cep43r.pdf)
2. Directive 2003/35/EC of the European Parliament and of the Council of 26 May 2003 on public participation in the preparation of certain plans and programmes relating to the environment. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2003/35/oj] (https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2003/35/oj)
3. Environmental Rule of Law: First Global Report [https://www.unep.org/resources/assessment/environmental-rule-law-first-global-report] UNEP (2021)
4. United Nations Environment Programme (UNEP) (2023). Global Judicial Handbook on Environmental Constitutional [https://www.unep.org/resources/publication/global-judicial-handbook-environmental-constitutionalism]
5. Stewart, R. B. (2021) Environmental Litigation in the United States: The Role of Citizen Suits Harvard Environmental Law Review, 45(1), 1-45 [DOI:10.2139/ssrn.3820001] (https://doi.org/10.2139/ssrn.3820001)
6. Krämer, L. (2022) EU Environmental Law and the Role of the Courts. Journal of European Environmental & Planning Law, 19(3), 215-234 [DOI:10.1163/18760104-19030004] (https://doi.org/10.1163/18760104-19030004)
7. Rajamani, L., & Peel, J. (2021). The Role of Courts in Environmental Governance in the Global South Cambridge University Press. [DOI:10.1017/9781108879391] (https://doi.org/10.1017/9781108879391)
8. UN Guiding Principles on Business and Human Rights (2011). – URL:https://www.ohchr.org/documents/publications/guidingprinciplesbusinesshr_ru.pdf
9. US Law “Clean Air Act” (1970, as amended). – URL: [https://www.epa.gov/laws-regulations/summary-clean-air-act] (https://www.epa.gov/laws-regulations/summary-clean-air-act)
10. Preston, B.J. (2016). *The Role of the Judiciary in Promoting Sustainable Development: The Experience of Asia and the Pacific* // Asian Journal of International Law, 6(2), 185–210.
11. Gellers, J.C. (2017). Explaining the Emergence of Constitutional Environmental Rights // Journal of Human Rights and the Environment, 8(1), 35–61.
12. Kravchenko, S. (2020). The Right to a Healthy Environment in International and Comparative Law // Cambridge University Press.
13. May, J. R., Daly, E. (2015). Global Environmental Constitutionalism // Cambridge University Press.
14. UNEP (2021). Environmental Rule of Law: Global Trends and Developments. – URL: [https://www.unep.org/resources/report/environmental-rule-law-global-report] (https://www.unep.org/resources/report/environmental-rule-law-global-report)
15. World Resources Institute (2022). Environmental Democracy Index. – URL: [https://www.wri.org/publications/environmental-democracy-index] (https://www.wri.org/publications/environmental-democracy-index)
16. Anisimov A.P. Legal issues of compensation for damage caused by climate change: the experience of Russia and the USA // Issues of Russian and International Law. 2015. No. 10. P. 22.
17. Melnikov R.O. International experience in judicial protection of land rights and resolution of land disputes: experience and development prospects in Russia // Agrarian and land law. 2017. No. 6 (150). P. 86.
18. U.S. Supreme Court case (Exxon Shipping Co. v. Baker, 2008)] (https://www.supremecourt.gov/opinions/07pdf/07-219.pdf)
19.U.S. District Court case (USA v. PG&E, 2014)] (https://www.justice.gov/enrd/us-v-pacific-gas-and-electric-company)

Невозможность прекращения обязательств из-за законодательных ограничений

Чупраков Антон Александрович
Аспирант, ОЧУ ВО "Международный инновационный университет"

В статье рассматриваются основные аспекты невозможности прекращения обязательств в связи с законодательными ограничениями. Целью является анализ правовых аспектов невозможности прекращения обязательств в связи с законодательными ограничениями, выявление ключевых причин и факторов, препятствующих их прекращению, а также рассмотрение судебной практики по данной проблематике с применением сравнительно-правового и системного методов. Отдельное внимание уделяется факторам и основным причинам невозможности прекращения обязательств по причине наличия законодательных ограничений в этой области. По результатам проведённого исследования были сделаны выводы об основных причинах возникновения невозможности прекращения правоотношений между сторонами договора, включая законодательные запреты, форс-мажорные обстоятельства, отсутствие взаимозачёта требований и судебные ограничения. Прекращение обязательств возможно лишь при наличии законных оснований, а законодательные ограничения играют ключевую роль в этом процессе. Невозможность исполнения обязательств должна быть подтверждена объективными обстоятельствами, не зависящими от воли сторон. Судебная практика демонстрирует строгий подход к оценке таких обстоятельств, требуя их документального подтверждения.
Ключевые слова: прекращение обязательств, законодательство, договор, правоотношения, законодательные ограничения.

В силу последних глобальных изменений в экономическом пространстве Российской Федерации из-за «ковидных» ограничений и санкционной политики отдельных государств отдельные хозяйствующие субъекты, особенно ведущие внешнеторговую деятельность, стали сталкиваться с проблемами исполнения своих договорных обязательств. В законодательствах разных стран появились механизмы для защиты своих производителей.

Невозможность прекращения обязательства по законодательным причинам может возникать в ситуациях, когда закон прямо не позволяет или ограничивает возможности прекращения обязательств. Например, обязательства по договору займа, как правило, могут быть прекращены только путём исполнения.

Также, если обязательство возникло в связи с совершением сделки, не соответствующей закону, то оно может быть признано недействительным, что, в свою очередь, может привести к невозможности его прекращения.

Под основаниями, которые будут существенными для невозможности исполнения обязательств следует понимать такие специфические юридические факты, которые регламентированы на уровне законодательства в части норм права обстоятельств, предполагающих изменение, прекращение и возникновение правоотношений.

При исследовании, проводимом в статье, под прекращением обязательств будет пониматься прекращение права и его тотальная невозможность использования.

Общая теория права предполагает несколько базовых видов невозможности прекращения обязательств, которые представим далее.

1. В первую очередь, невозможность может быть фактической, так как может отмечаться уничтожение объекта, указанного в договоре. Например, таким объектом может выступать товар, поставляемый от одной стороны договорных обязательств другой стороне. Так, при уничтожении поставляемого товара наступит фактическая невозможность выполнения обязательств, и, как следствие, их полное прекращение в виду отсутствия такого товара.

2. Говоря о юридической невозможности исполнения обязательств следует отметить их прекращение в связи с вступлением в законную силу нормативного акта со стороны органов власти. Так, по причине внедрения нового акта, обязательство может быть прекращено, а исполнение невозможно. К примеру, последствием санкций может выступать невозможность исполнения обязательств. Так, введение санкций против России, которые бы делали невозможным исполнение договора будет считаться юридической невозможностью. Тем не менее, такие

ограничения будут существенными только в рамках международного сотрудничества, так как для взаимоотношений внутри страны санкции не сыграют существенной роли и не будут являться основанием невозможности исполнения обязательств.

Помимо этого, несколько лет назад повсеместно отмечались вводимые ограничения в связи с распространением Covid-19, которые послужили многочисленным прекращениям взаимоотношений. Так, в некоторых регионах были введены ограничения на передвижение, проведение мероприятий, посещения торговых центров и других местах скопления людей. Указанные антиковидные мероприятия могли считаться за факт, весомый для причины прекращения правоотношений между сторонами договора.

В случае, когда наблюдается полная невозможность прекращения обязательств, могут быть отмечены сразу несколько различных факторов, которые рассмотрим далее.

В первую очередь следует упомянуть случаи, когда обязательство невозможно прекратить без встречных требований.

В качестве примера можно упомянуть требования о необходимости возмещения понесённых убытков или вреда, причинённые как относительно затрат на здоровье, так и жизни в целом.

Во вторую очередь отметим отсутствие возможности исполнения обязательств по причинам воли закона, а не волеизъявления сторон правоотношений.

В-третьих, существуют обязательства, которые подлежат прекращению только в специальном режиме, основанном на законодательных нормах или договоре, заключаемом между сторонами в период возникновения правоотношений.

Так, были выделены три основные причины, по которым отмечается невозможность прекращения взаимоотношений между сторонами взаимоотношений.

Далее рассмотрим основные причины возникновения невозможности прекращения обязательств между сторонами.

1. На уровне законодательства установлен запрет на зачёт встречных требований для некоторых случаев. Так, зачёт не может быть произведён во вопросам:

- возмещения причинённого вреда жизни или здоровью;
- взыскания алиментных обязательств;
- вопросы о пожизненном содержании пострадавшего.

2. Другой причиной может быть невозможность исполнения обязательств. Имеются в виду случаи, когда невозможность исполнения определена обстоятельствами, которые не относятся к власти сторон правоотношений. Но здесь следует учитывать, что не каждое обстоятельство может считаться основанием для прекращения обязательств.

К примеру, в связи с возникновением стихийного бедствия был уничтожен объект договора, из-за чего обязательство прекратилось.

В целях прекращения обязательств по причине наступления форс-мажорных обстоятельств, стороной правоотношений может быть получен в торгово-промышленной палате сертификат о том, что имел место быть форс-мажор в связи с конкретными обстоятельствами. Так, комиссией решается вопрос относительно наличия непреодолимой силы в отношении исполнителя договора, в результате которой выполнение условий договора стало невозможным. Дополнить полученный документ можно через заключение соглашения о расторжении договора, которое прикрепляется непосредственно к самому сертификату.

В случае не согласия второй стороны, и, соответственно, отказе в расторжении договора, такое расторжение следует считать вступившим в силу с даты, указанной на самом документе.

3. Помимо указанных случаев, договор может быть расторгнут по причине законодательных аспектов либо при наступлении соответствующих событий, указанных в договоре и влекущих за собой прекращение обязательств в рамках этих правоотношений.

Здесь следует указать основные примеры прекращения договора и, соответственно, расторжения:

- истечение срока заключённого договора;
- расторжение договора по соглашению сторон. Все стороны правоотношений могут прийти к согласию о расторжении договора, и, как следствие, прекращении обязательств;
- расторжение договора по решению суда. Как правило, прекращение обязательств в таком случае возникает по причине грубого нарушения условий договора, в связи с чем, судебные органы принимают решение о прекращении договора.

4. Отдельно следует выделить изменение договора, когда обязательства могут быть изменены, но не прекращены. Примером может быть частичное исполнение обязательств по заключённому договору между сторонами правоотношений.

5. Односторонний отказ от исполнения обязательств также может быть реализован, если такой отказ не противоречит нормам законодательства и договору, который стороны заключили между собой.

Далее приведём несколько примеров, наглядно демонстрирующих невозможность исполнения обязательств по договору.

В период пандемии COVID-19 были введены существенные ограничительные меры, которые послужили причиной многочисленных споров относительно возможности выполнения или прекращения обязательств между сторонами правоотношений. Таким образом, должны чётко прослеживаться обстоятельства непреодолимой силы для сторон договорных отношений.

Не каждое обстоятельство может быть засчитано как существенное для прекращения взаимоотношений. Именно поэтому необходимо привести доказательства по факту наличия существенных препятствий для выполнения договора, которые не зависели от волеизъявления сторон правоотношений, а исходили извне.

Тем не менее, недостаточность или полное отсутствие денежных средств не будет считаться форс-мажором, как и наличие неправомерных действий организации, неверные действия работников или их полное бездействие и другие подобные обстоятельства. Но к непреодолимой силе можно отнести отсутствие денежных средств в виду наличия ограничительных мер на территории компании. Такие обстоятельства, в случае их успешного доказательства, могут быть признаны основанием для признания выполнения обязательств невозможными.

Эпидемия, обычно, несёт характер временного эффекта, а значит возможность ограничения ответственности может быть только на период введения соответствующих условий, ограничивающих действия сторон.

В виду этого, организация не будет нести расходы по оплате убытков, штрафов, неустоек или прочих санкций, в соответствии с 38 пунктом Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6.

Если в соответствии с такими аспектами ограничения повлекли за собой частичную или полную невозможность исполнения обязательств, то отношения в таком случае будут прекращены, что соответствует статьям 416 и 417 Гражданского кодекса.

Помимо этого, в договорных правоотношениях могут возникать ситуации, связанные с необходимостью замены товара. В данном случае усложнение ситуации будет заключаться в ситуациях, когда товар был снят с производства, а фактическое наличие отсутствует у стороны.

По законодательству, а именно на базе закона «О защите прав потребителей», покупатель обладает правом на замену товара с недостатками на аналогичный товар надлежащего качества.

Как правило, срок гарантии составляет от пары месяцев до нескольких лет, что является весьма продолжительным периодом, в течении которого производство товара может быть остановлено. Как считает Верховный суд, обязанность организации прекращается по причине невозможности исполнения. В указанном случае бремя доказывания будет возложено на продавца. Так, в процессе разрешения спора может потребоваться запрос производителю о подтверждении снятия товара с производства.

В случаях, когда компания потерпела ликвидацию, что может быть в рамках статьи 419 Гражданского кодекса, обязательства будут прекращены, если они не касаются возмещения вреда, причинённого здоровью.

Арендные отношения тоже могут испытывать невозможность исполнения обязательств. В общей теории, арендодатель предоставляет недвижимое имущество, а арендатор обязан вовремя производить оплату. Отношения в области аренды недвижимости регулируются статьей 606 Гражданского кодекса.

Рассмотрим пример из практики по этой теме исследования в формате Постановления Арбитражного суда Центрального округа от 03.04.2023 № Ф10-780/2023 по делу № А35-34/2019.

В рамках разбирательств кассационной инстанции был случай практики, при котором арендатор пожаловался на решение суда первой инстанции по недобросовестному исполнению обязательств и, как следствие, по взысканию задолженности арендной оплаты.

Главная проблема заключается в претензиях по исполнению договора.

Арендатор, снимая помещение для использования, решил провести реконструкцию части недвижимости в личных целях для дальнейшего использования, что было оговорено с арендодателем.

В целях реализации реконструкции в арендуемом помещение потребуется определённое количество времени. По причине необходимости времени, затраченного на реализацию задумки, арендатор пришёл к выводу о том, что за этот период нет необходимости оплаты аренды.

Основанием претензии арендатора является факт невозможности использования объекта в полной мере по своему назначению. Но, тем не менее, следует учесть, что помещение использовалось, пусть и не в полной мере.

При обосновании жалобы со стороны должника было использовано положение статьи 416 Гражданского кодекса, где предусмотрено прекращение обязательства внесения арендной платы, по мнению должника, по причине невозможности использования помещения в полной мере.

Суд не вынес согласия и удовлетворения жалобы, так как арендатор не привёл достаточных оснований для невозможности использования помещения.

Основная ошибка арендатора состоит в отсылке к причине невозможности исполнения обязательств, которые были и до заключения договора. О необходимости реконструкции было известно до заключения договора между сторонами, и к тому же обстоятельство носило временный характер.

Следует так же учитывать, что фактически объект недвижимости был использован, из чего следует невозможность использования статьи 416 Гражданского кодекса.

Таким образом, бывают ситуации, когда прекращение обязательств из-за законодательных ограничений становится невозможным. Как правило, в таких случаях выявляются определённые факторы, и каждая отдельная ситуация требует полноценного анализа на базе действующего договора и актуального законодательства по этой теме.

Важно отметить, что основания, для прекращения обязательств должны быть действительно существенными, не предоставляющими возможность выполнить обязательства по заключённому между сторонами договору.

На практических примерах из судебной практики были рассмотрены основные механизмы использования аспекта невозможности исполнения обязательств по действующему законодательству.

В целом, невозможность прекращения обязательства по законодательным причинам может быть вызвана различными факторами, но в основном это

связано с тем, что закон ограничивает или запрещает определенные действия, которые могут привести к прекращению обязательства.

Литература

1. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. 1. -М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2020.

2. Безик К. С. Исключение из принципа недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства // Сибирский юридический вестник. Иркутск : Изд-во Иркут. Гос. Ун-та, 2018. № 2. С. 64.

3. Богданова Е. Е. Принцип реального исполнения обязательства в договорах купли-продажи и поставки: проблема реализации / Е. Е. Богданова // Законодательство и экономика. – 2019. – № 3. – С. 31–35.

4. Слепенкова О. А. Принципы исполнения обязательств: некоторые проблемные аспекты // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. № 2. С. 90.

5. Соломина Н. Г. Пределы надлежащего исполнения обязательства // Право и экономика. Документы. Комментарии. Практика. 2018. № 11. С. 41.

Impossibility to terminate obligations due to legal restrictions

Chuprakov A.A.
International innovative university

The article examines the main aspects of the impossibility of terminating obligations due to legislative restrictions. The study aims to analyze the legal implications of such impossibility, identify key factors hindering termination, and review relevant judicial practice through comparative legal and systemic methods. Special emphasis is placed on legislative constraints, including statutory prohibitions, force majeure events, inadmissibility of set-off claims, and court-imposed limitations. The findings reveal that termination of obligations is permissible only under legally recognized grounds, with legislative restrictions playing a pivotal role. The impossibility of performance must be substantiated by objective circumstances beyond the parties' control, as evidenced by judicial practice, which adopts a stringent approach requiring documented proof. The study concludes that contractual relations may persist due to external legal barriers, underscoring the necessity of aligning termination mechanisms with statutory frameworks.

Keywords**:** termination of obligations, legislation, contract, legal relations, legislative restrictions.

References

1. Agarkov M.M. Selected works on civil law. In 2 volumes. Vol. 1. -M.: JSC "Center YurInfoR", 2020.
2. Bezik K.S. Exception to the principle of inadmissibility of unilateral refusal to fulfill an obligation // Siberian Legal Bulletin. Irkutsk: Publishing house of Irkutsk. State University, 2018. No. 2. P. 64.
3. Bogdanova E.E. The principle of actual performance of an obligation in contracts of sale and supply: the problem of implementation / E.E. Bogdanova // Legislation and Economics. - 2019. - No. 3. - P. 31-35.
4. Slepenkova O.A. Principles of fulfillment of obligations: some problematic aspects // Legal policy and legal life. – 2019. No. 2. P. 90.
5. Solomina N. G. Limits of proper performance of an obligation // Law and Economics. Documents. Comments. Practice. 2018. No. 11. P. 41.

Рассуждение об использовании квадрокоптера с искусственным интеллектом при осмотре места происшествия, заменяя роль участия понятых на примере незаконной вырубки лесных насаждений

Горошко Олег Евгеньевич
Аспирант, Югорский государственный университет, 79124154182@mail.ru

Данная тема в настоящее время является актуальной в силу того, что присутствуют сложности поиска человека для участия в следственных мероприятиях, особенно в весьма удаленных местах, где практически отсутствует возможность найти участника в качестве понятого. **Цель:** проанализировать сложности и найти возможные пути разрешения уголовно-правовой проблемы. **Методы:** методологической основой научного познания преимущественно является эмпирический, статометрический, диалектический, метафизический, анализ, синтез, историческая ретроспектива. **Результат:** рассуждение о действительном разрешении проблемы путем изменения в УПК РФ и об возможном удалении института участия понятых, которое впоследствии будет способствовать ускорению работы и снижению нагрузки на следственные органы. Кроме того, использование квадрокоптера в качестве помощника патруля, поможет впоследствии значительно снизить уровень преступности. Помимо этого, замена участника(человека) на квадрокоптер в роли понятого, ускорит проведение следственных мероприятий, и таким путем снизит нагрузку на правоохранительные органы. Приведен пример из практики следственных органов Сингапура для разрешения данной проблемы путем применения современных технологий для улучшения работы и профилактики в нашей стране.
Ключевые слова: криминология, уголовное право, расследования, профилактика, экологические преступления, рубка.

Первые удачные модели квадрокоптеров стали появляться в России только в начале второго десятилетия 21 века. Самой распространённой и качественной моделью одобренными профессионалами и любителями стала DJI Phantom. Прошло совсем немного времени и уже на сегодняшний день беспилотные летательные аппараты мультироторного типа используются во многих отраслях: кинематографии, сельского хозяйства, строительства, геодезии, мониторинга пожаров, службы доставки... Еще недостаточно продвинулись в этой сфере, но уже существуют беспилотные аэротакси в России и одной из компаний, работающих в этом направлении является Hover.

В целом авиационная деятельность развивается более 2 000 лет, но прогресс в области мультироторных систем таких как: квадрокоптеры, октокоптеры и иные летательные аппараты с большим количеством винтов стало возможным только в последние 20 лет. Необходимо разобраться: что же сдерживало прогресс и что же произошло в «нулевые года»?

Можем предположить, что вертолетостроение началось с эскизов Леонардо да Винчи, на которых было изображено необычное устройство с архимедовым винтом. Дальше больше, человек всегда стремился подняться в небо и осмотреть всё с высоты полета, заглянуть в затаенные от глаз человека уголки, дать себе ответ на трудноразрешимые вопросы.

И только к концу 20-х века произошла научно-техническая революция, которая затронула, в том числе модели вертолетного типа с беспилотным управлением. Историческая проблема состояла в том, что необходимо было создать для них электронный двигатель и аккумулятор. И сделаем небольшой исторический вывод, что только вначале 21 века были созданы все необходимые компоненты для стабильной работы квадрокоптеров и им же подобным механизмам.

Нам необходимо затронуть возможную правосубъектность механизма под наименованием «квадрокоптер» с применением к нему программного обеспечения «искусственный интеллект». Вышесказанный объект послужит хорошим инструментом в следственной практике, заменяя участника в роли понятого. Но необходимо чтобы данный механизм обладал интеллектом среднего уровня, то есть имел действительное наименование объекта « машина средне-интеллектуальная» или «машина - разумная»[8]. Чтобы аппарат мог помогать в ходе следственных действий (в том числе осмотр места

происшествия). Исторически уже применяли похожий механизм только этот объект являлся роботом. На следственной практике были попытки применения робота при досудебном расследовании техногенной аварии. Одним из примеров является обследование второго реактора аварийной японской АЭС «Фукусима-1» на который был направлен робот, оборудованный камерами, а также датчиками уровня радиации и температуры, однако он не смог добраться до цели в силу невозможности преодоления обломков, преградивших путь. Что является проблемой для наземного механизма и предполагаем возможность использования квадрокоптера с видеокамерой практически во всех следственных мероприятиях в том числе осмотре места происшествия. Также на одном из информационных сайтов в хронологии событий, установили, что «эксперты-криминалисты осмотрели с вертолета АЭС и сделали первые цветные фотографии. Затем с участием заместителя прокурора области был составлен первый официальный документ – протокол осмотра места происшествия»[9]. Вот только остается загвоздка в том, что в вертолете нужен пилот. И это только усложняет процесс проведения следственных мероприятий, а если подключить к этому квадрокоптер с видеокамерой, то данная проблема вполне может положительно разрешиться. Но остается еще одна проблема о правосубъектности и правового статуса в обществе. Чтобы привлечь квадрокоптер в качестве понятого нам необходимо наделить устройство определенными правами и обязанностями. Как ранее было сказано, что механизм летательный, наделяется определенным статусом, и выделяются некоторые из них такие виды как:

1) Права как у физического лица – это предоставление прав и обязанностей наравне с человеком.

2) Права как у юридического лица – это предоставление прав и обязанностей с оформлением в качестве предприятия.

3) Отсутствие прав, рабский статус – этот объект рассматривается как вещь, который только исполняет обязанности, существует для лица только имущественные права (право на подзарядку) [8].

Разбирая три вида ИИ в квадрокоптере, больше всего подходит «Права как у физического лица». Так как термин «понятой» гласит (ссылаемся на ч. 1 ст. 60 УПК РФ): «Понятой - незаинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия». Можем с уверенностью обосновать, что «Понятой» и «Права как у физического лица» будут тождественны. Так как рабский статус дает исполнять только простые поручения. Например: фотографирование осмотра места происшествия, грузоперевозки нетяжелых объектов, наблюдение и им же подобные действия. А если добавить к этому такой же статус практически равный как у человека. Можем предположить, что данное устройство может подписывать протокол осмотра места происшествия, обыска, выемки электронных носителей информации, личного обыска и предъявления для опознания. Но при этом, статус человека становится более особенным, так как в случае угрозы от ИИ в целом, появляется необходимость экстренно выключить данный механизм.

Вышесказанный статус разобрали, теперь необходимо разобраться с принципом незаинтересованности в исходе уголовного дела. На определенный квадрокоптер необходимо совершить запрос от стороннего государственного учреждения и именно тут проявляется новый принцип незаинтересованности квадрокоптера независимого от участников досудебного расследования. То есть следователь отправляет запрос в специализированное учреждение по квадрокоптеру с целью принятия участия в качестве понятого в следственных мероприятиях. Все вышесказанные квадрокоптеры оснащены искусственным интеллектом, видеокамерой и CD-ROM с достаточным количеством памяти. Для того чтобы подтвердить участие понятого в виде квадрокоптера, будет достаточно подписи со стороны лица из специального учреждения. И тут будет два вида квадрокоптера, принадлежащих органам досудебного расследования и специализированного учреждения. И от специализированного учреждения понадобится в качестве понятого только одно летательное устройство с ИИ.

Так как данный механизм уже будет оснащен видеокамерой и впоследствии это будет являться достаточным основанием утверждать о истинности вещественного доказательства, фиксация путем протокола допроса свидетеля и этим свидетелем будет квадрокоптер с искусственным интеллектом, а наименование модели и идентификационный номер вбиваем в вышесказанный процессуальный документ и печать с устройства.

Можем предположить, что приравненные права и обязанности человека и квадрокоптера с развитым искусственным интеллектом вызывают затруднения в изменении основного закона (Конституции РФ). Но считаем, что изменения необходимо вносить в том случае, когда будут проведены качественные полевые испытания с квадрокоптерами с искусственным интеллектом. Уже сегодня совершаются патрулирования труднодоступных мест квадрокоптерами без искусственного интеллекта, но не во всех регионах России. Использование квадрокоптера с искусственным интеллектом в какой-то степени поможет исключить коррупционную составляющую в высших эшелонах руководства силовых структур, квадрокоптер «не пойдет на сделку с совестью» и зафиксирует истинную картину увиденного. Мониторинг заповедников, лесных массивов, необъятных лесов необходим с помощью квадрокоптеров. Не всегда осуществляется поджог места порубок, так как отсутствует в этом необходимость в случае оплаты части выручки с вырубленных деревьев соответствующим вышестоящим компетентным лицам. И как итог, впоследствии процветание бандитизма путем укрытия огромного количества преступлений, в том числе по незаконным вырубкам лесных насаждений.

Необходимо вычислить стоимость квадрокоптера с искусственным интеллектом. Ориентировочная стоимость механизма 45 000 рублей, квадрокоптеры фактически не нуждаются в периодическом техническом обслуживании, запасные части устанавливаются своими силами, небольшие по размерам, помещаются в небольшой коробке, просты в использовании, развертывание квадрокоптера занимает несколько минут, практически бесшумны. Эффект от их применения значительно превышает ценозатраты по сравнению с причинённым ущербом ежемесячной незаконной вырубки лесных насаждений. Считаем закупку квадрокоптеров с искусственным интеллектом целесообразным, так как носит за собой еще и превентивный метод для лиц собирающихся совершить преступление.

Также когда квадрокоптер заменяет понятого или становится им. Тут необходимо руководствоваться изменением УПК РФ. В первом случае не сохраняется институт понятого, но как ранее было описано, что необходимо будет заменить данный институт и обходиться только фиксацией данных квадрокоптером. Во втором случае будет существовать этот институт только появится новое физическое лицо «электронное лицо».

Теперь поговорим о распространении коррупционных факторов как в России и Сингапуре. В нашей стране уровень «мздоимства» «взяткодательства» достаточно высок по сравнению с Сингапуром. Несколько ключевых факторов так называемой победы над коррупцией в азиатской стране. Во-первых огромное количество рабочих видеокамер практически везде кроме жилых помещений и туалетах, что способствует превентивному методу по совершению преступлений, в том числе по незаконной вырубке лесных насаждений и имеющий постоянное наблюдение за гражданами. Во-вторых сильное гражданское общество, которое противен любой факт правонарушений в том числе бросить мимо урны недокуренную сигарету. В-третьих мощный государственный аппарат, который тотально контролирует общество и вносит положительные коррективы. К сожалению в нашем государстве отсутствует практика применения как в Сингапуре.

Хотя исторически Сингапур стала независимым государством только 9 августа 1965 года. Проходила тяжелый путь к достаточному развитому государству. И в период восстановления, вышесказанная страна являлась «третьим миром». Но столь стремительное развитие в экономике, фармацевтики, ИТ. В том числе заняла третье место крупнейшим мировым центром нефтепереработки. А в России сильно истощала ход развала СССР, что ввергло пучину увеличение криминальных элементов. Отсутствовала идеология в Конституции РФ включительно до 2020 года. Только новшество в ст. 67.1 Основного закона РФ цитируем отрывисто «РФ является правопреемником СССР…», «РФ, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков…», «Российская Федерация чтит память защитников Отечества…», «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России…». Считаем, что в нашем государстве присуствуют положительные зачатки к развитию, а значит значительно уменьшить количество совершаемых преступлений, в том числе коррупционной составляющей.

Но так как Россия имеет большую площадь по сравнению с вышесказанной азиатской страной. Предлагаем увеличить количество квадрокоптеров и их маршруты по всей страны, не забывая в том числе и юг России.

Литература

1. Дозоров Н.Т. Взаимодействие следователей со специалистами экспертно-криминалистических подразделений при производстве расследования: Учебное пособие. / Н.Т. Дозоров, А.М. Зинин, В.Ф. Статкус и др. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1988.

2. Кузнецова Н.И. Раскрытие умышленного уничтожения или повреждения государственного, общественного и личного имущества граждан, совершенное путем поджога. / Н.И. Кузнецова, В.И. Петров, В.Г. Растопчин. – М.: ВНИИ МВД России, 1994

3. Антонова Е.Ю. Технологии искусственного интеллекта - субъект преступления или орудие / средство совершения преступления? // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 1. – С. 31-39.

4. Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // Цифровое право. – 2020. – № 1(4). – С. 74-83.

5. Дворянкин О.А. Даркнет – темная сторона Интернета или неужели все так плохо? // Национальная ассоциация ученых (НАУ) – 2021. – № 71. – С. 14-20.

6. Минбалеев А.В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. – 2022. – Т. 32. – Вып. 6. – С. 1094-1099.

7. Пройдаков Э.Б. Современное состояние искусственного интеллекта // Цифровая экономика. – 2018. – № 3(3). – С. 129-153.

8. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности : гражданско-правовые проблемы : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.03 / Мохат Петр Мечиславович; [Место защиты: Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности]. - Москва, 2018. - 420 с.

9. Газета.ru Чернобыль: хроника катастрофы [Электронный ресурс] – Режим доступа: https: // www.gazeta.ru / science / 2016 / 04/26_a_8196311.shtml. – (Дата обращения 04.12.2024.)

10.Дицевич Я.Б. Противодействие преступности в сфере лесопользования: проблемы и перспективы/ Я.Б. Дицевич, О.А. Белых, Г.Д. Русецкая // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 308–317.

Discussion on the use of a quadrocopter with artificial intelligence in inspecting the scene of an incident, replacing the role of participation of witnesses using the example of illegal felling of forestry

Goroshko O.E.
Ugra state university

Introduction: This topic is currently relevant due to the fact that there are difficulties in finding a person to participate in investigative activities, especially in very remote places, where it is practically impossible to find a participant as a witness. Objective: to analyze the difficulties and find possible ways to resolve the criminal-legal problem. Methods: the methodological basis of scientific knowledge is mainly empirical, statometric, dialectical, metaphysical, analysis, synthesis, historical retrospective. Result: reasoning about the actual resolution of the problem by changing the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the possible removal of the institute of participation of witnesses, which will subsequently help to speed up the work and reduce the burden on the investigative bodies. In addition, the use of a quadcopter as a patrol assistant will subsequently help to significantly reduce the crime rate. In addition, replacing a participant (person) with a quadcopter as a witness will speed up the investigative activities, and thus reduce the burden on law enforcement agencies. An example from the practice of investigative bodies of Singapore is given to resolve this problem by using modern technologies to improve work and prevent crime in our country.

Keywords: criminology, criminal law, investigations, prevention, environmental crimes, logging

References

1. Dozorov N.T. Interaction of investigators with specialists of forensic units during the investigation: Study guide. / N.T. Dozorov, A.M. Zinin, V.F. Statkus et al. - M .: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1988.
2. Kuznetsova N.I. Disclosure of intentional destruction or damage to state, public and personal property of citizens committed by arson. / N.I. Kuznetsova, V.I. Petrov, V.G. Rastopchin. - M .: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1994
3. Antonova E.Yu. Artificial intelligence technologies - the subject of a crime or an instrument / means of committing a crime? // Legal Bulletin of the Kuban State University. - 2022. - No. 1. - P. 31-39. 4. Vasiliev A.A., Pechatnova Yu.V. The place of artificial intelligence among the elements of the legal relationship // Digital law. - 2020. - No. 1 (4). - P. 74-83.
5. Dvoryankin O.A. Darknet - the dark side of the Internet or is everything really that bad? // National Association of Scientists (NAU) - 2021. - No. 71. - P. 14-20.
6. Minbaleev A.V. The concept of "artificial intelligence" in law // Bulletin of Udmurt University. - 2022. - Vol. 32. - Issue. 6. - P. 1094-1099.
7. Proydakov E.B. Current state of artificial intelligence // Digital economy. - 2018. - No. 3 (3). – P. 129-153.
8. Legal capacity of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: dissertation ... doctor of law: 12.00.03 / Morhat Petr Mechislavovich; [Place of protection: Rus. state academy of intellectual property]. - Moscow, 2018. - 420 p.
9. Gazeta.ru Chernobyl: chronicle of the disaster [Electronic resource] - Access mode: https: // www.gazeta.ru / science / 2016 / 04/26_a_8196311.shtml. - (Accessed 04.12.2024.)
10. Ditsevich Ya.B. Combating crime in the field of forest management: problems and prospects / Ya.B. Ditsevich, O.A. Belykh, G.D. Rusetskaya // All-Russian Criminological Journal. - 2017. - Vol. 11, No. 2. - P. 308-317.

Проблема морального характера при осуществлении вербальных следственных действий

Пономарев Егор Андреевич
аспирант, Кубанский государственный университет, юридический факультет, кафедра криминалистики и правовой информатики, egor_ponomarev0@mail.ru

В статье рассматриваются этические аспекты вербальных следственных действий, таких как допрос, очная ставка и проверка показаний на месте. Особое внимание уделено моральным нормам, регулирующим взаимодействие следователя с участниками процесса. Анализируется влияние нравственно-этического и информационно-психологического факторов на эффективность тактических приемов допроса. Подчеркивается важность соблюдения принципов профессиональной этики, таких как уважение к личности допрашиваемого, корректность и вежливость. Автор отмечает, что несмотря на правовые рамки, значительное влияние на результат оказывает моральный выбор следователя, включая допустимость использования психологического давления и обмана. Рассматриваются риски нарушения этических стандартов и их последствия для справедливости судебного процесса. В заключение подчеркивается необходимость баланса между эффективностью расследования и соблюдением моральных принципов.
Ключевые слова: мораль, нравственность, следственные действия, следователь, допрос

Вербальные следственные действия, к которым отнесены допрос, очная ставка, проверка показаний на месте, исходя из своей содержательной части, требуют от органа расследования внимательного подхода к организации. Отношения между следователем и лицами, дающими устные показания, урегулированы нормами права, этики и логики. Правовые нормы играют всегда ведущую роль в процессуальных отношениях, потому что от них, в первую очередь, складывается оценка результата работы следователя. Все вербальные следственные действия производятся без необходимости вынесения следователем постановления об их проведении, поэтому обжалование этого решения затруднено.

Различия между допросом, очной ставкой и проверкой показаний на месте проходят в части их фактического деятельностного предназначения, моментами распределения инициативы коммуникации, общим моральным климатом производства и намерениями вовлеченных в нее участников.

Допрос под таким углом зрения выражается в том, что инициатором его проведения является следователь, когда правовое основание производства заключается в обязанности его проведения сразу после задержания лица в качестве подозреваемого, после ознакомления лица с постановлением о его привлечении в качестве обвиняемого, после производства иных следственных и процессуальных действий по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или его защитника. Если ходатайство о желании дать показания следователю заявляет сам подозреваемый, обвиняемый, свидетель или потерпевший, в таком случае инициативу проявляет такой участник судопроизводства, но конечное решение остается за следователем как руководителем расследования.

Очная ставка может быть инициирована только следователем, и лишь в тех случаях, когда в его распоряжении имеются протоколы допросов не менее двух участников расследования, когда их показания существенно различаются по основным проверяемым обстоятельствам уголовного дела [1]. Этот подход исходит от того факта, что весь процесс предварительного расследования преступлений обладает закрытым от не вовлеченных в него лиц режимом обращения информации. Н.А. Подольный справедливо отмечает, что «умелое использование следственной тайны позволяет следователю существенно улучшить свое положение, поскольку сторона защиты при отсутствии данных о ходе предварительного расследования всегда стремится исходить из того, что следователь может знать об обстоятельствах совершения соответствующего деяния

и, находясь в неведении, не может оказывать активного противодействия проводимому расследованию» [2].

Проверка показаний на месте – это вербальное следственное действие, инициатива которого исходит от проверяемого лица: подозреваемого, обвиняемого, или свидетеля. На основании ранее данных ими показаний на допросе, эти участники вправе самостоятельно ходатайствовать перед следователем о проверке данных ими показаний, либо согласиться на предложение следователя о возможности подтверждения своих показаний в материальной обстановке.

Все три предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством вербальных следственных действия в своей основе предполагают устную коммуникацию следователя и участника расследования. При этом, очная ставка и проверка показаний на месте требуют в качестве правового обоснования своей реализации наличия в материалах дела протокола допроса участников таких действий. Таким образом, мы приходим к выводу о первичном характере допроса перед иными следственными действиями вербального характера.

Перед следователями, ставящими целью проведение допроса участника уголовного судопроизводства, встает вопрос о методах работы и результатах работы. Поэтому один из аспектов реализации обязанности проведения предварительного расследования можно выразить через поиск путей достижения эффективности и качества действий путем выработки способов допустимого воздействия на вовлеченных участников и обстановку.

Основная закономерность работы, в таком случае, складывается из подбора механизмов информационно-психологического и нравственно-этического воздействия на поведение допрашиваемого лица через тактические приемы. Этот процесс обусловливается воздействием на когнитивную, эмоциональную и волевую сферы допрашиваемого участника, что одновременно ведет к внутренней рефлексии воздействующих на них следователя, а результат этой работы отражается в протоколе.

Наш анализ нравственно-этического и информационно-психологического аспектов содержания тактических приемов позволил выяснить, что они носят взаимоисключающий характер при выборе способа тактического воздействия на допрашиваемого. Как указывается в литературе по тематике, «применение тактических приемов допроса строится на принципах системного подхода, который требует формирования единого базового алгоритма психологического воздействия через тактические приемы в отношении определенного допрашиваемого лица» [3].

Такой базовый, основной алгоритм воздействия, складывается в рамках тактического приема, нацеленного на психологическую сферу личности допрашиваемого. Причем могут складываться ситуации, когда процессуальный статус и психологический статус одного и того же подвергнутого допросу человека в определенный промежуток времени различаются. Например, при допросе свидетеля или потерпевшего, которые утаивают от следствия факты собственной противоправной деятельности, что предполагает неполное раскрытие ими обладаемой информацией.

Но одними из видов приемов тактического воздействия выступают также и приемы нравственного воздействия, с помощью которых следователь преследует задачу психологического расположения к себе собеседника и склонение его таким образом к даче максимально полных показаний через активизацию эмоциональных механизмов работы психики.

Получается, что нравственно-этическое воздействие входит в арсенал информационно-психологических средств допроса, при этом занимает определенную нишу в качестве одного из его методов.

Но, как известно, сами свойства морали, помимо нормативности и императивности, предполагают наличие оценочности. Оценочность воспринимается нами как способность моральной нормы служить ориентиром в определении общественной полезности поведения человека, достижения какой-либо нравственной ценности или идеала. Поэтому и оценивание строится применительно для каждой ценности: достижения справедливости, обладания достоинством, защите чести, исполнении нравственного долга.

С.Ю. Нарциссова отмечает, что «допрос во всех случаях должен производиться с соблюдением общих требований к культуре поведения должностного лица. Официальность, корректность, вежливость, внимание к лицу, дающему показания, уважение к его личности – обязательные требования к допрашивающему» [4].

С нашей точки зрения, механизм тактического воздействия на допрашиваемого в конечном итоге все равно сводится к действию механизмов психологического характера на него. Наличие моральных норм только опосредует тактическое воздействие на него со стороны следователя, что приводит в действие психические факторы личности как результат работы коры головного мозга на внешние раздражители.

Поэтому можно говорить о дуализме морально-этического в тактике допроса: этика выступает в роли одного из критериев допустимости тактического приема с одной стороны, и она же является одним из значимых аспектов в рамках построения тактических приемов допроса. С помощью учета уровня морального развития личности, как мы ранее отмечали, осуществляется планирование направлений тактического воздействия следователя на конкретного участника расследования.

Обозначенное состояние происходит в силу наличия в этике разных аспектов ее бытия. Во-первых, это восприятие этики (и морали, в качестве ее содержания) результатом развития всего общества, и выделение в его коллективном сознании надсущностей: добра и зла, справедливости, чести и достоинства, нравственного долга, совести, счастья, смысла жизни. Во-вторых, это использование органами расследования в силу сложившихся обстоятельств моральных отношений и оценок, чтобы добиться результатов с помощью знания закономер-

ностей поведения, основанных на общеобязательности и императивности моральных предписаний для каждого индивида.

Именно так, с анализа морально-этической ситуации и переложения ее в русло следственной ситуации уголовного судопроизводства, мы полагаем, начинается индивидуализация выбора тактического воздействия на допрашиваемого. По верному замечанию В.В. Глоба, «законность и этичность находятся в синергетической связи и не могут существовать друг без друга. Такая связь обусловливает формирование единого критерия допустимости тактического приема – нормативного» [5].

Знание закономерностей протекания психических процессов, их индивидуализация, накладывается на морально-этическую характеристику личности допрашиваемого, что способствует моделированию его поведения при планировании тактических средств воздействия в рамках допроса. Успешность выбранных приемов складывается из правильности подобранных под достижение элементов предмета допроса средств воздействия и оценки вероятных поведенческих реакций на них со стороны допрашиваемого.

Моральный выбор следователя во время планирования тактического обеспечения допроса проявляется в определении им момента начала психологического манипулирования, включая элементы внушения, а также допустимости применения лжи в виде инструмента по достижению тактической цели. Знание о границе перехода с допустимого воздействия на манипулирование поведением допрашиваемого человека предполагает, что следователь не станет злоупотреблять своим процессуальным статусом.

Специфика вербальных следственных действий складывается из того, что допрос и очная ставка не требуют присутствия понятых, а допрос свидетеля и потерпевшего часто проводится без присутствия посторонних. В ситуациях личного общения содержательная часть всегда больше, чем процессуальная, что накладывает отпечаток на поведение допрашиваемого лица. Тактические приемы организационного характера позволяют следователям снизить уровень психологического дискомфорта у дающего показания участника расследования, установив с ним устойчивый психологический контакт.

А.В. Кудрявцева вводит для отражения единства психологии и моральных норм в рамках тактического приема понятие специального тактико-психологического приема: «это совокупность психологических воздействий, используемых субъектами криминалистической деятельности, с помощью которых обеспечивается реализация тактического приема в целях получения криминалистически значимой информации. Диапазон психологического воздействия ограничен рамками закона и моральными принципами» [6].

По нашему мнению, вербальные следственные действия, особенно допрос и очная ставка, требуют на стадии выбора следователями комплекса тактических приемов по их проведению определения уровня морально-нравственной допустимости каждого их них по отдельности. Иначе, во время проведения следственного действия у органа предварительного расследования может произойти утрата самоконтроля и переопределение задач этого действия с запланированных на единственную – одержать психологическую победу в противостоянии с допрашиваемым. Если при этом в допросе принимает участие защитник или адвокат свидетеля, потерпевшего, то по результатам такого противостояния он может принести замечания на протокол следственного действия. Мы считаем, что в рамках проводимой следственной деятельности ее субъектам необходимо придерживаться правовых и моральных норм поведения.

Литература

1. См. Полстовалов О.В. Очная ставка: непрозрачные перспективы, неэффективная тактика и сомнительная польза // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 1. С. 132.

2. Подольный Н.А. Следственная тайна – общее условие предварительного расследования и тактико-криминалистическое средство установления обстоятельств совершения преступления // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2. С. 169.

3. Бондаренко Ю.А., Балугина Т.С., Малютин М.П. Эффективность тактических приемов логического воздействия и тактических комбинаций при производстве допроса с использованием систем видео-конференц-связи в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2024. № 7. С. 192.

4. Нарциссова С.Ю. Профессиональная этика юриста: учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Академия МНЭПУ, 2018. С. 62.

5. Глоба В.В. Допустимость использования тактических приемов допроса обвиняемого (подозреваемого): автореф. дисс… канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. С. 17.

6. Кудрявцева А.В., Иванова Л.Ф. Психологические приемы в криминалистической тактике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Право». 2024. Т. 24. № 4 С. 22.

The problem of moral nature in the implementation of verbal investigative actions

Ponomarev E.A.
Kuban State University

The article examines the ethical aspects of verbal investigative actions, such as interrogation, confrontation and verification of testimony on the spot. Particular attention is paid to the moral norms governing the interaction of the investigator with the participants in the process. The influence of moral-ethical and information-psychological factors on the effectiveness of interrogation tactics is analyzed. The importance of adhering to the principles of professional ethics, such as respect for the personality of the person being interrogated, correctness and politeness is emphasized. The author notes that despite the legal framework, the moral choice of the investigator, including the admissibility of using psychological pressure and deception, has a significant impact on the result. The risks of violating ethical standards and their consequences for the fairness of the trial are considered. In conclusion, the need for a balance between the effectiveness of the investigation and compliance with moral principles is emphasized.

Keywords**:** morality, ethics, investigative actions, investigator, interrogation

References

1. See Polstovalov O.V. Confrontation: Opaque Prospects, Ineffective Tactics, and Dubious Benefits // Rule of Law: Theory and Practice. 2017. No. 1. P. 132.

2. Podolny N.A. Investigative Secrecy - a General Condition of Preliminary Investigation and a Tactical and Forensic Means of Establishing the Circumstances of a Crime // Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. 2020. No. 2. P. 169.
3. Bondarenko Yu.A., Balugina T.S., Malyutin M.P. Effectiveness of Tactical Techniques of Logical Influence and Tactical Combinations in Interrogation Using Video Conferencing Systems in the Russian Federation // Theory and Practice of Social Development. 2024. No. 7. P. 192.
4. Nartsissova S.Yu. Professional Ethics of a Lawyer: a textbook. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: MNEPU Academy, 2018. Page 62.
5. Globa V.V. Admissibility of Using Tactical Techniques for Interrogating an Accused (Suspect): Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Krasnodar, 2024. Page 17.
6. Kudryavtseva A.V., Ivanova L.F. Psychological Techniques in Forensic Tactics // Bulletin of the South Ural State University. Series: "Law". 2024. Vol. 24. No. 4 Page 22.

Применение технологий искусственного интеллекта для выявления и противодействия сетевым атакам

Клочкова Екатерина Николаевна
заместитель начальника кафедры информационной безопасности Учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, e_maks2000@mail.ru

Пименова Оксана Владимировна
доцент кафедры информационной безопасности Учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, okcana.pimenova@yandex.ru

В статье рассмотрены возможности применения искусственного интеллекта при обеспечении информационной безопасности, дан обзор наиболее известных платформ кибербезопасности на основе искусственного интеллекта, предложена концепция системы искусственного интеллекта, предназначенной для выявления признаков сетевых атак типа MITM.
Ключевые слова: искусственный интеллект, платформы кибербезопасности на основе искусственного интеллекта, сетевая безопасность, атаки типа MITM.

Растущая популярность интернет-технологий влечет за собой увеличение количества актуальных угроз безопасности в отношении персональных данных, критически важных корпоративных ресурсов, сведений, составляющих государственную тайну и другой защищаемой информации. Проводимые хактивисткими группировками и отдельными злоумышленниками атаки с каждым днем становятся более изощренными по воздействию. Но в то же время их исполнение с каждым разом упрощается. Этому способствуют несколько основных факторов.

Первым и основным является фактор стремительной цифровизации различных сфер деятельности человека. При этом вопросам информационной безопасности не всегда уделяется должное внимание, приводя к тому, что вероятность доступа к информационным ресурсам третьих лиц (злоумышленников), обладающих необходимыми знаниями и навыками по использованию уязвимостей в компьютерных системах, значительно возрастает. Нужно осознавать, что указанная категория лиц не выступает обособленно, а активно использует имеющийся опыт и проверенные разработки, размещаемые на различных цифровых платформах.

Следующим способствующим фактором стало широкое распространение несложных в использовании операционных систем, а также сред и систем разработки, что, как следствие, снизило требования к уровню квалификации злоумышленников. Раньше хакерам требовалось обладать хорошими теоретическими знаниями и практическими навыками программирования, чтобы создавать и распространять вредоносное программное обеспечение. В современных реалиях, для получения доступа к хакерскому средству, необходимо знать адрес нужного web-ресурса, а для проведения атаки просто нажать на кнопку.

Появление доступных для простых обывателей систем искусственного интеллекта также сказалось на увеличении количества атак на различные сетевые ресурсы. Злоумышленники активно начали использовать технологии искусственного интеллекта для обхода известных, традиционных систем защиты, трансформируя и совершенствуя уже известные виды вредоносной деятельности, усиливая их разрушительный эффект. Как следствие специалистам по информационной безопасности для повышения эффективности защиты также приходится задумываться о возможности их применения. На текущий момент уже появились первые средства защиты, в работе которых используются технологии искусственного интеллекта (Таблица 1).

Таблица 1
Обзор современных платформ кибербезопасности с использованием искусственного интеллекта

№ п/п	Наименование платформы	Назначение, принцип работы	Достоинства/недостатки
1.	Darktrace (США)	Платформа предназначена для защиты цифровых активов организации, позволяя обнаруживать как известные, так и не известные угрозы безопасности, обеспечивая реагирование на них, проводить расследования инцидентов безопасности. Используется для анализа угроз сетевым данным цифрового облака и сети организации, который оформляется в виде специальных схем. Результат анализа позволяет выявить любое отклонение от нормального поведения сети для выявления угроз. Позволяет отслеживать фишинговые атаки электронной почты и угроз облачной среды	Можно использовать в организациях любых размеров. Обучение системы происходит на данных, образующихся в результате деятельности конкретной организации. Не обеспечивает полной защиты, а предоставляет развернутый анализ угроз.
2.	Falcon (США)	Агент кибербезопасности, разработанный для защиты оконечных устройств от различных угроз. Предназначен для обнаружения угроз безопасности, расследования инцидентов безопасности и анализа угроз в облачном пространстве. Представляет собой набор сервисов в области информационной безопасности, включая EDR, который устанавливается на компьютер конечного пользователя и используется для мониторинга событий. В облако передается информация о всех зафиксированных инцидентах безопасности, сбоях в настройках и т.д.	Работает удаленно по всему миру. Работает на уровне ядра операционной системы. Основной недостаток Falcon связан с недостаточным тестированием обновлений перед массовым развертыванием системы.
3.	Vectra (США, Калифорния)	Используется для предотвращения возможные кибератаки в режиме реального времени. Работа платформы основывается на объединении науки о данных, машинного обучения и человеческого интеллекта. Основная функция заключается в автоматизации процесса обнаружения угроз безопасности путем сбора, обнаружения и определения приоритетов предупреждений, поступающих от системы безопасности. Платформа позволяет детектировать поведение злоумышленников по всей цепочке атаки.	Хорошо зарекомендовала себя для мультиоблачных или для гибридных предприятий. Проста в использовании, легко интегрируется в существующие системы безопасности, позволяя защитить как оконечные устройства, так и систему целиком. Основной недостаток заключается в ограниченной способности реагировать на киберугрозы.
4.	DeepArmor от Avathon (SparkCognition) (США)	Защита конечных точек от кибератак сложного типа. Может быть использована для защиты сетей и киберактивов компании от программ-вымогателей, различных видов вредоносного программного обеспечения. Принцип работы основан на использовании машинного обучения для прогнозирования новых, ранее не встречавшихся угроз на основе реальных характеристик вредоносных файлов.	Обеспечивает автоматизированную кибербезопасность. Помогает повысить уровень защиты от уникальных кибератак.
5.	SentinelOne (США, Калифорния)	Платформа для поиска угроз в режиме реального времени, которая позволяет обнаруживать, реагировать и предотвращать атаки кибербезопасности для оконечного устройства. Позволяет автоматизировать процесс поиска угроз и визуализировать процесс проведения кибератак.	Высокая скорость работы, высокая работоспособность, простота интерфейса. Упрощает управление и принятие решений в области кибербезопасности за счет полной прозрачности. Плохая совместимость с ОС Windows.
6.	ThreatCloud (США, Калифорния)	Используется для защиты сети передачи данных, облачного пространства на основе шлюзов кибербезопасности. Предназначена для выявления угроз в системе, которые ранее не идентифицировались; обнаружения неизвестного вредоносного программного обеспечения. Позволяет предотвращать сложные фишинговые атаки через Интернет и электронную почту. Обеспечивает безопасность DNS с помощью алгоритмов DNS-туннелирования и генерации доменов.	Обеспечивает комплексную защиту всей инфраструктуры безопасности организации. Низкий уровень ложных срабатываний. Наличие помощника по безопасности на базе искусственного интеллекта (Infinity AI Copilot), который предоставляет экспертные рекомендации и аналитические данные.
7.	Deep Instinct (США, Нью-Йорк)	Обнаружение кибератак на информационную систему. Защита от еще невыявленных уязвимостей программного обеспечения, обнаружение программ-вымогателей. Предотвращение неизвестных угроз. Применяется для защиты сети и оконечных устройств.	Использует глубокое обучение для упреждающего блокирования угроз нулевого дня и других видов атак. Низкий уровень ложных срабатываний. Работает с большинством ОС. К недостаткам можно отнести технические сложности при внедрении в разнородную среду.
8.	LogRhythm NDR (США, Колорадо)	Корпоративная платформа. Обнаружение любых угроз, аномального поведения сети. Комбинация системы управления информационной безопасностью и событиями безопасности (SIEM), мониторинга целостности файлов, управления журналами и сетевой криминалистики.	Существует возможность интеграции с существующей инфраструктурой безопасности. Предоставляются готовые наборы правил и кейсов. Универсальность платформы позволяет использовать ее в различных отраслях деятельности. К основным недостаткам можно отнести высокие требования к вычислительным мощностям, а также сложность освоения.
9.	Cybereason (США)	Обнаружение кибератак и их нейтрализация: поиск, мониторинг и анализ угроз. Выявление операций, которые могут представлять угрозу системе. Анализ кибератак и их отображение в режиме реального времени. Обнаружение аномалий в сетевом поведении. Защита оконечных устройств в сети.	Специализируется на обнаружении вредоносного программного обеспечения. Высокая эффективность защиты. Использование технологии MalOp® Detection значительно снижает частоту ложных срабатываний. Интегрирует данные из различных источников. К основным недостаткам можно отнести высокую стоимость, а также значительные временные затраты на обучение.

Как видно из таблицы в данной области лидирующее место занимают разработчики из США. Среди отечественных разработчиков можно выделить «Лабораторию Касперского» с ее линейкой продуктов Kaspersky Smart, предназначенных для выявления подозрительной активности в сети, признаков угроз,

обеспечения контроля доступа к критически важной информации, проведения анализа и осуществления реагирование на инциденты в автоматизированном режиме. Для реализации защиты от сложных угроз компанией используются технологии EDR и SIEM.

Проведенный анализ наиболее известных платформ кибербезопасности показал, что системы искусственного интеллекта в настоящее время используются для:

- обнаружения вредоносных программ;
- выявления фишинга;
- управление событиями безопасности;
- анализа журналов безопасности;
- обнаружения кибератак и их нейтрализации;
- защиты оконечных устройств и приложений;
- обеспечение сетевой безопасности.

В настоящее время основной принцип обеспечения сетевой безопасности с использованием систем искусственного интеллекта заключается в анализе сетевого трафика для выявления аномалий. Обученная модель позволяет выявлять такие отклонения, как необычное использование портов, протоколов, подключение неизвестных устройств, появление трафика с подозрительных IP-адресов. Но сетевые атаки более разнообразны.

Рассмотрим более подробно возможности использования технологии искусственного интеллекта для защиты от такого вида сетевой атаки, как «человек посередине», в литературе встречаются также следующие названия для данного типа атак: «посредничество», «man-in-the-middle» или «атака типа MITM».

Данный тип атаки подразумевает так называемое активное «подслушивание» или проще сказать - перехват и управление передаваемыми данными невидимым промежуточным узлом. Когда узлы сети взаимодействуют на низких сетевых уровнях, то они не всегда могут определить, с кем именно происходит обмен данными.

Отличительной особенностью атак типа MITM является то, что основной их целью зачастую является получение информации, которая в некоторых случаях может использоваться для проведения другого рода атак. Реже целью является модификация данных.

Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК) России, являясь основным регулятором в области обеспечения информационной безопасности связывает возможность проведения атак типа MITM с уязвимостями в реализации протокола Ethernet, в котором присутствует возможность объединения заголовков. Использование этой уязвимости позволяет нарушителям действовать удалённо, вызывать необходимые технические сбои с последующей реализацией атаки (MITM)»[11].

Одним из способов защиты от атак типа MITM является использование межсетевых экранов. Однако только использованием межсетевых экранов обеспечить информационную безопасность инфраструктуры невозможно. Эффективное противодействие сетевым атакам можно обеспечить комплексным подходом к построению системы защиты, включающим в себя как использование межсетевых экранов и разнообразных программно-аппаратных комплексов, так и современных решений, основанных на применении нейронных сетей, позволяющих с высокой точностью опознать (идентифицировать) инцидент безопасности.

Основная проблема борьбы с сетевыми атаками типа MITM или «человек в середине» заключается в том, что их очень трудно обнаружить, поскольку они реализуются в фоновом режиме без ведома пользователя. Однако есть едва заметные признаки, на которые следует обращать внимание. С выявлением и анализом таких признаков хорошо может справиться искусственный интеллект.

Для анализа аномальной активности в сети могут использоваться следующие показатели:

- цепочки идентификаторов MAC/IP-адресов;
- используемые порты;
- скорость поступления данных (в рамках контролируемой доменной зоны).

Именно на основе указанных параметров, система искусственного интеллекта будет рассчитывать вероятность атаки типа MITM.

Необходимо обратить внимание, что результаты мероприятий по установлению субъектов MITM-инцидентов будут во многом зависеть от расположения серверной части атакующего в рамках контролируемой сетевой инфраструктуры государства или группы стран, в которых возможен сбор и анализ информации (в частности, о крипто-транзакциях).

Часто всего, реализующие MITM-атаки злоумышленники, используют виртуальные сервера (VPS-сервера), которые размещаются на территории неконтролируемой государственными органами. На таких серверах функционирует виртуальная частная сеть на основе технологии VPN. Структура сети маскируется за счет использования технологии трансляции сетевых адресов - NAT[12], которая предусматривает реализацию процедуры преобразования IP-адресов узлов локальной сети, либо удаленных туннелируемых узлов.

Для выявления с помощью искусственного интеллекта признаков сетевых атак типа MITM может быть использована технология DPI (Deep Packet Inspection – глубокая проверка пакетов) - технология проверки сетевых пакетов. Кроме проведения анализа пакетов по неким стандартным паттернам, по которым можно однозначно определить его принадлежность какому-то конкретному приложению (по формату заголовков, номерам портов и т.п.), си-

[11]BDU:2022-05987: Уязвимость реализации протокола инкапсуляции Ethernet, связанная с возможностью объединения заголовков, позволяющая нарушителю вызвать отказ в обслуживании или реализовать атаку «человек посередине» (MITM) // https://bdu.fstec.ru/vul/2022-05987.

[12] Network Address Translation - это механизм в сетях TCP/IP, позволяющий изменять IP адрес в заголовке пакета, проходящего через устройство маршрутизации трафика.
Принимая пакет от локального компьютера, маршрутизатор анализирует IP-адрес назначения. Если это локальный адрес, то пакет пересылается другому локальному компьютеру. В противном случае пакет передается во вне.

стема DPI реализует и поведенческий анализ трафика, который позволяет распознать приложения, не использующие для обмена данными заранее известные заголовки и структуры данных, предоставляя возможность аналитики трафика за счёт сбора различного рода статистики с разбивкой по критериям, выделяя «аномальный трафик».

В качестве дата-сэтов, используемых для обучения нейронной сети, выступают эвристические модели реализуемых атак типа MITM. Использование такого подхода к обучению («эталонизированных» признаков, а не сигнатурных анализаторов) позволяет превентивно выявлять и реагировать на различные аномалии, которые могут быть отнесены к категории сетевых атак.

Использование нейронной сети в виде многослойного перцептрона с иммунным обучением может стать эффективным решением при создании системы обнаружения вторжений, осуществляющей мониторинг и обработку событий на границе с внутренним контуром, и/или внутри него. При этом использоваться будут как сигнатурный, так и эвристический методы анализа атак на основе разработанных правил.

Реализация системы искусственного интеллекта, решающая данную задачу, включает в себя следующие модули:

- сетевой анализатор; Он предназначен для сбора информации об активности определенных узлов в исследуемом сетевом сегменте. По каждому оконечному устройству формируется log-файл (журнал событий), содержание которого анализируется на наличие аномалий (модуль анализа «эвристики). Результатом становится распределение вероятностей возможных аномалий исследуемой активности с учетом их весов. Идентификация объектов исследований при этом осуществляется по их MAC или IP-адресам.

- модуль анализа «эвристики»; Этот модуль формирует дата-сеты идентифицируемых признаков, свидетельствующих о присутствии аномальной активности оконечных сетевых устройств, а также за непосредственный анализ сетевого трафика исследуемого сегмента сети.

Как итог, происходит:

– формирование перечня признаков, обуславливающих точность идентификации событий;

– автоматизация процесса установления маркера по событию – MITM.

За счет централизованного управления группами правил на хостах системные администраторы и администраторы информационной безопасности получат возможность оперативно реагировать на события в целях обеспечения безопасности в сети.

Технологии искусственного интеллекта будут все активнее внедряться в такую быстро меняющуюся сферу, как кибербезопасность. Включение их в комплексную систему защиты является логичной контрмерой, принимаемой в ответ на попытки злоумышленников осуществлять атаки с использованием новых технологий на информационную инфраструктуру и ресурсы. Но крайне важно подходить к внедрению искусственного интеллекта с полным пониманием связанных с этим рисков, своевременно принимая меры для их снижения.

Литература

1. Банк данных угроз безопасности информации. BDU:2022-05987: Уязвимость реализации протокола инкапсуляции Ethernet, связанная с возможностью объединения заголовков, позволяющая нарушителю вызвать отказ в обслуживании или реализовать атаку «человек посередине» (MITM) // [Электронный источник]. URL: https://bdu.fstec.ru/vul/2022-05987
2. Kaspersky Smart. Линейка решений для умной защиты среднего бизнеса. [Электронный источник]. URL: https://content.kaspersky-labs.com/se/media/ru/business-security/kaspersky-smart-datasheet.pdf (дата обращения: 09.06.2025).
3. Искусственный интеллект в информационной безопасности. [Электронный источник]. URL: https://www.securitylab.ru/blog/personal /Morning/353714.php?utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 11.06.2025).
4. Искусственный интеллект в киберзащите. [Электронный источник]. URL: https://habr.com/ru/companies/pt/articles/904936/ (дата обращения: 09.06.2025).
5. МакФарланд Алекс, Инструменты кибербезопасности на основе искусственного интеллекта. [Электронный источник]. URL: https://www.unite.ai/ru/инструменты-кибербезопасности-ИИ (дата обращения: 09.06.2025).
6. Moisset Sonya, How Security Analysts Can Use AI in Cybersecurity https://www.freecodecamp.org/news/how-to-use-artificial-intelligence-in-cybersecurity/

Application of Artificial Intelligence Technologies to Detect and Counteract Network Attacks

Klochkova E.N., Pimenova O.V.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The article discusses the possibilities of using artificial intelligence in ensuring information security, provides an overview of the most well-known cybersecurity platforms based on artificial intelligence, and proposes a concept for an artificial intelligence system designed to detect signs of MITM network attacks.

Keywords: artificial intelligence, cybersecurity platforms based on artificial intelligence, network security, MITM attacks.

References

1. Information Security Threat Database. BDU:2022-05987: Vulnerability in the Ethernet Encapsulation Protocol Implementation Related to the Possibility of Header Concatenation, Allowing an Attacker to Cause a Denial of Service or Implement a Man-in-the-Middle (MITM) Attack // [Electronic source]. URL: https://bdu.fstec.ru/vul/2022-05987 (date of access: 11.06.2025).
2. Kaspersky Smart. A Line of Solutions for Smart Protection of Medium-Sized Businesses. [Electronic source]. URL: https://content.kaspersky-labs.com/se/media/ru/business-security/kaspersky-smart-datasheet.pdf (date of access: 09.06.2025).
3. Artificial Intelligence in Information Security. [Electronic source]. URL: https://www.securitylab.ru/blog/personal /Morning/353714.php?utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (accessed: 11.06.2025).
4. Artificial intelligence in cyber defense. [Electronic source]. URL: https://habr.com/ru/companies/pt/articles/904936/ (accessed: 09.06.2025).
5. McFarland Alex, Cybersecurity Tools Based on Artificial Intelligence. [Electronic source]. URL: https://www.unite.ai/ru/ибрменты-киберберегости-ИЙ (accessed: 09.06.2025).
6. Moisset Sonya, How Security Analysts Can Use AI in Cybersecurity https://www.freecodecamp.org/news/how-to-use-artificial-intelligence-in-cybersecurity/ (accessed: 09.06.2025).